

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; О. Н. Чарыкова, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции,
издателя:

394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика» E-mail:
vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.А. БУНИНА

<i>Алейников О. Ю.</i> «ПОТАЁННЫЕ» СМЫСЛЫ В ЛИРИКЕ И. БУНИНА О МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ	5
<i>Бердникова О. А.</i> РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СЮЖЕТ И ЕГО МОДИФИКАЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА	8
<i>Бунин С. В.</i> ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В «СТЕПНОМ ТЕКСТЕ» ИВАНА БУНИНА.....	13
<i>Ренэ Герра И. А.</i> БУНИН И ЕГО ЗАРУБЕЖНОЕ ОКРУЖЕНИЕ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ. К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ИСХОДА	17
<i>Качков И. А.</i> СТИХОТВОРЕНИЕ И. А. БУНИНА «ИГРОКИ»: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	25
<i>Пращерук Н. В.</i> О ТИПЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И. А. БУНИНА	30
<i>Сатарова Л. Г., Гречушкина Н. В.</i> ЦИТАТА В СЮЖЕТЕ РАССКАЗА И. А. БУНИНА «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК».....	36

<i>Глушкова Т. С., Матиенко О. П.</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ	41
<i>Голицына Т. Н.</i> НЕВИДИМЫЙ, НО ВСЕПОГЛОЩАЮЩИЙ ГЕРОИЗМ: СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗА В КОНЕЦЕКОГО «ТАМАРА».....	44
<i>Демидович Т. В.</i> Г. Н. ВЛАДИМОВ: ПОСЛЕДНИЙ РОМАН О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	48
<i>Дьякова Л. Н., Стернин И. А.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕВАЛЬВАЦИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	53
<i>Дьяконова Е. А.</i> ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА	56
<i>Заварницына Н. М.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ И СОСТАВЛЯЮЩИХ ЭТОГО ФЕНОМЕНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.	58
<i>Колесникова Е. И.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ СЛОВА	63
<i>Кривенко Л. А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ МАЛОСЕМЕМНЫХ И ГИПЕРСЕМЕМНЫХ СУБСТАНТИВНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	65
<i>Лемяскина Н. А.</i> КОНЦЕПТ «СВОИ / ЧУЖИЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА.....	68
<i>Трахтенберг Л. А.</i> ТРАДИЦИИ РОМАНТИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА В ЛИРИКЕ Н. В. СТАНКЕВИЧА	70
<i>Хорошунова И. В.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ АТТРАКТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ ВОРОНЕЖСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ).....	74

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Богданова О. А., Соколов А. С.</i> РЕЛИГИОЗНЫЕ СМИ В СИТУАЦИИ КОНВЕРГЕНЦИИ: ИНСТРУМЕНТЫ МЕДИААНАЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПРАВОСЛАВНОГО МЕДИА «ФОМА» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	78
<i>Видная О. Е., Прохоров А. В.</i> МЕДИАСРЕДА ВУЗОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	84
<i>Городничева М. А.</i> ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. В. ГОГОЛЯ («АРАБЕСКИ»)	87
<i>Донских А. Г.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СИСТЕМЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ.....	92
<i>Клюев Ю. В., Зубко Д. В.</i> ПРОДВИЖЕНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ	96
<i>Копец А. В.</i> ПРЕССА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ 1941–1945 ГГ.....	102
<i>Крашенинникова М. А., Супиченко А. С.</i> ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАПРАКТИКЕ.....	104
<i>Кругликова О. С.</i> ОБРАЗ ПЕТРА I НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ.....	111
<i>Милославская З. А.</i> МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ И МЕДИАЭКОЛОГИЯ.....	116
<i>Миранова М. А.</i> НАВИГАЦИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ДЕЛОВЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ	119
<i>Неренц Д. В.</i> СПЕЦИФИКА ЖУРНАЛИСТИКИ ДАННЫХ В ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЯХ.....	123
<i>Панова Е. Ю.</i> СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАОБРАЗА РОССИИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	126
<i>Родионова Т. С.</i> О НЕКОТОРЫХ НОВОСТНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	131
<i>Тиян Д. Е.</i> ПЕРСОНАЛЬНОЕ ПРОВОЦИРОВАНИЕ В МЕДИЙНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ	135
<i>Трофимова И. А.</i> ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.....	139
<i>Тюрина Е. В.</i> РОЛЬ АВТОРА В РЕПОРТАЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ	143
<i>А. Г. Ханова</i> КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ СМИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1941–1945 ГГ.....	146
<i>Абдулрахман Хасан Абдул Рахман Ба Харон.</i> ЯЗЫК ЙЕМЕНСКИХ СЕТЕВЫХ СМИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА.....	151
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	154

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2020. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

150TH BIRTH ANNIVERSARY OF IVAN BUNIN

<i>Aleinikov O. U.</i> "HIDDEN" MEANINGS IN I. BUNIN'S LYRICS ABOUT THE MUSLIM EAST	5
<i>Berdnikova, O. A.</i> CHRISTMAS STORY AND ITS MODIFICATIONS IN I. A. BUNIN'S PROSE	8
<i>Bunin S. V.</i> ORNITHOLOGICAL IMAGES IN THE "STEPPE TEXT" OF IVAN BUNIN	13
<i>Guerra Rene.</i> I. A. BUNIN AND HIS FOREIGN ENVIRONMENT. TO THE 150TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTH. TO THE CENTURY OF THE GREAT EXODUS.....	17
<i>Kachkov I. A.</i> I. A. BUNIN'S POEM " THE PLAYERS": AN INTERMEDIATE ASPECT.....	25
<i>Prashcheruk N. V.</i> ON THE TYPE OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF I. A. BUNIN	30
<i>Satarova L. G., Grechushkina N. V.</i> QUOTE IN THE PLOT OF THE STORY BY I. A. BUNIN "CLEAN MONDAY»	36

<i>Glushkova T. S., Matiyenko O. P.</i> SPATIAL METAPHORS IN THE LANGUAGE OF ECONOMICS.....	41
<i>Golitsyna T. N.</i> INVISIBLE BUT ALL-CONSUMING HEROISM: SEMANTIC ORGANIZATION OF THE STORY OF VICTOR KONETSKII "TAMARA"	44
<i>Demidovich T. V. G. N.</i> VLADIMOV: THE LAST NOVEL ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR	48
<i>Dyakova L. N., Sternin I. A.</i> SEMANTIC WORD DEVALUATION IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	53
<i>Dyakonova E. A.</i> VISUAL IMAGE OF RUSSIA IN NATIVE RUSSIAN SPEAKERS' LANGUAGE CONSCIOUSNESS	56
<i>Zavarnitsina N. M.</i> THE FORMATION OF THE CONCEPT OF THEATRICALITY AND ELEMENTS OF THIS PHENOMENON IN RUSSIAN LITERATURE THE XX – BEGINNING OF XXI CENTURIES.....	58
<i>Kolesnikova E. I.</i> PSYCHOLINGUISTIC DESCRIPTION OF GENDER SPECIFICITY OF WORD SEMANTICS.....	63
<i>Krivenko L. A.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL PECULIARITIES OF POLYSEMY DEVELOPMENT OF RUSSIAN AND ENGLISH FEW-SEMEME AND HYPER-SEMEME SUBSTANTIVE LEXEMES.....	65
<i>Lemyaskina N. A.</i> THE CONCEPT OF "OWN/OTHERS" IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF YOUNGER STUDENTS..	68
<i>Trakhtenberg L. A.</i> TRADITIONS OF THE ROMANTIC LANDSCAPE IN N. V. STANKEVICH'S LYRICS.....	70
<i>Horoshunova I. V.</i> IMPLEMENTATION OF THE ATTRACTIVE FUNCTION OF UNITS OF DIFFERENT LEVELS IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE HEADLINES OF NEWS MEDIA TEXTS OF VORONEZH INTERNET MEDIA.....	74

JOURNALISM

<i>Bogdanova O. A., Sokolov A. S.</i> RELIGIOUS MEDIA IN A SITUATION OF CONVERGENCE: MEDIA ANALYSIS TOOLS AND FORMATION OF STRATEGIES FOR ORTHODOX MEDIA “THOMAS” IN SOCIAL NETWORKS	78
<i>Vidnaya O. E., Prokhorov A. V.</i> THE MEDIA ENVIRONMENT OF UNIVERSITIES IN THE TAMBOV REGION: THE IMPLEMENTATION OF INFORMATION POLICY	84
<i>Gorodnichev M. A.</i> GENRE ORIGINALITY OF N. V. GOGOL'S JOURNALISM (“ARABESQUES»).....	87
<i>Donskikh A. G.</i> LEGAL STATUS OF SOCIAL NETWORKS IN THE SYSTEM OF MEDIA COMMUNICATIONS	92
<i>Klyuev Yu. V., Zubko D. V.</i> PROMOTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF NETWORK COMMUNICATION	96
<i>Kapets A. V.</i> PRESS OF THE STAVROPOL TERRITORY 1941-1945	102
<i>Krashennikova M. A., Supichenko A. S.</i> VIRTUAL REALITY IN MODERN MEDIA PRACTICE.....	104
<i>Kruglikova O. S.</i> THE IMAGE OF PETER I ON THE PAGES OF THE MAGAZINE “SOVREMENNİK” IN THE ERA OF GREAT REFORMS	111
<i>Miloslavskaya Z. A.</i> MEDIA EDUCATION AND MEDIA ECOLOGY	116
<i>Mironova M. A.</i> NAVIGATION IN FOREIGN BUSINESS ONLINE PUBLICATIONS BY.....	119
<i>Nerentz D. V.</i> SPECIFICS OF DATA JOURNALISM IN BUSINESS PUBLICATIONS.....	123
<i>Panova E.</i> SPECIFICS OF REPRESENTATION OF THE MEDIA IMAGE OF RUSSIA IN THE US AND UK PRINT MEDIA	126
<i>Rodionova T. S.</i> SOME NEWS ABOUT THE TRENDS IN THE DOMESTIC ELECTRONIC MEDIA	131
<i>Tiyan D. E.</i> PERSONAL PROVOCATION IN MEDIA TELEVISION DISCOURSE	135
<i>Trofimova I. A.</i> LEGAL RESTRICTIONS ON CITIZEN JOURNALISM	139
<i>Tyurina E. V.</i> THE ROLE OF THE AUTHOR IN EDITORIAL PUBLICATIONS.....	143
<i>Khanova A. G.</i> COLLABORATIONIST MEDIA IN RUSSIAN 1941-1945	146
<i>Abdulrahman Hasan Abdul Rahman Ba Haron</i> THE LANGUAGE OF YEMENI ONLINE MEDIA IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE NATIONAL INTERNET SPACE	151
SUBMISSION GUIDELINES.....	154

УДК 821.161.1

ORCID ID: 0000-0001-5500-6918

«ПОТАЁННЫЕ» СМЫСЛЫ В ЛИРИКЕ И. БУНИНА О МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Аннотация: В статье анализируется специфика воплощения «восточных» мотивов в стихотворениях И. А. Бунина 1903–1916 годов. Выясняется роль «потаенных смыслов», восходящих к кораническим и апокрифическим образам, для формирования бунинского лирического сверхтекста о мусульманском Востоке.
Ключевые слова: И. Бунин, восточные мотивы, лирический текст.

Abstract: the article analyses the specificity of embodiment of “oriental motives” in Bunin’s lyrical works written in 1903–1916. We study the role of “covert senses” originating from Koranic and apocryphal images used by the author for the creation of lyrical supertext about Muslim East.

Keywords: I. Bunin, oriental motifs, lyrical text.

В обширном корпусе лирических произведений И. Бунина о мусульманском Востоке особое место занимает стихотворение «Завеса» (1912). Опубликовано через девять лет после его первой поездки на мусульманский Восток и через шесть лет после выхода цикла «Ислам», это произведение не просто дополняет прежде написанное поэтом о Священной книге мусульман, но и акцентирует внимание читателя на весьма значимой стороне её восприятия:

Так говорит Господь: «Когда, Мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов Моих,
Я разделяю вас завесою незримой,
Зане смешон врагам Мой сладкозвучный стих». И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я утаил. Никто Моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:
Он Сам нас разделит завесою Своей [2, 91].

Источником художественного переложения в стихотворении является «Аль-Бакара» — вторая (и важнейшая) в Коране сура, гласящая, что тайные смыслы истинного «прямого пути» не могут открыться «блуждающим во мраке» невеждам, сомневающимся, «празднословам», лицемерам и всем, кто относится без должного пиетета к этой «вечной книге»: «Бог наложил печать на их сердца и на их уши; их глаза закрыты повязкой» [3, 4]. Более точен перевод И. Ю. Крачковского: «Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а на взорах их — завеса. Для них — великое наказание» [4, 3].

Не исключено, что одной из причин, побудившей Бунина через шесть лет после выхода цикла «Ислам» развернуть в стихотворении «Завеса» мно-

гозначительную метафору, почерпнутую из Корана, была история опубликования и восприятия его лирики о мусульманском Востоке в отечественной периодике 1905–1906 годов. При первой публикации — по разным причинам — в произведениях поэта отсутствовали указания на переосмысленные источники — кстати, не всегда «канонические» (помимо отсылок к Священной книге мусульман, в заголовочных комплексах и в образном строе его произведений использовались апокрифические сказания, строки давно почивших на Востоке поэтов).

Стихотворение «За измену», например, печаталось без эпиграфа из Корана: «Вспомни тех, что покинули страну свою ради страха смерти». Стихотворение «Ковсера» (араб.: «Аль-Каусар» — «Обильный» — сура о чудесном райском источнике) неоднократно переиздавалось под названием «Мираж». Стихотворение «Ночь Аль-Кафра» (араб.: «Аль-Кадр» — «Ночь Предопределения» — сура о том, как с небес был ниспослан Коран) впервые появилось под названием «Млечная Река», здесь отсутствовал эпиграф из Священной книги: «В эту ночь ангелы сходят с неба. И до зари царит в эту ночь мир». Стихотворение «Чёрный камень Каабы» (Кааба — святилище мусульман в Мекке, в восточный угол которого вделан чёрный камень — «символ могущества Аллаха») впервые было напечатано с семантически редуцированным названием «Чёрный камень».

Позже, уже в 1914 году, как отмечает Т. М. Двинятина, один из строгих рецензентов «применил образ стихотворения «Завеса» ко всему творчеству» писателя, посчитав, что “между читателем и прозой г. Бунина, действительно, непроницаемая завеса, но та же завеса ... просвечивает ценным светом его поэтического сияния“» [6, 403].

Через сто лет после выхода цикла «Ислам» составители сборника о рецепции Корана русскими поэтами уточняют, что воплощённый в произведениях Бунина «синтез идей и образов Корана с живым восприятием исламского мира» [7, 115] «предопределил» несомненную «удачу его лирики» о Востоке.

Нельзя не согласиться с тем, что слова и строки, погрузившие читателя в Священную книгу мусульман, помогают увидеть в современности «тайные знаки» метафизического измерения жизни. Полуденный зной, лучи угасающего солнца или пролетевшая в ночном небе звезда у лирического героя Бунина вызывают ассоциации с образами мусульманской мифологии:

Путник, не бойся! В пустыне чудесного много.

Это не вихри, а джинны тревожат её,

Это архангел, слуга милосердного Бога,

В демонов ночи метнул золотое копьё [1, 268].

Зрение, обостряющее способность к восприятию чужой культуры, основанное на «особенно острой (чувственной) памяти» [8, 47], позволяет различать вечное и «тайное» в реальности, привычной для пустыни:

В шелках песков лишь сизые полыни

Растит Аллах для кочевых отар,

И небеса здесь несказанно сини,

И солнце в них — как адский огонь, Сакар.

И в знойный час, когда мираж зеркальный

Сольёт весь мир в один великий сон,

В безбрежный блеск, за грань земли печальной,

В сады Джиннат уносит душу он [1, 274].

Вместе с тем поэт верен идее всеединства.

В том же стихотворении перед читателем оживает «Река всех рек, лазурная Ковсерь», сулящая покой «всем племенам и странам» [1, 274]. Очень часто строки из Священной книги мусульман в лирике Бунина являются лишь отправным рубежом для поиска созвучий между кораническими образами и библейскими:

Ночь Аль-Кадра. По темным горным склонам

Еще спускаются, слоятся облака.

Пел муэzzин. Перед Великим Троном

Уже течёт, дымясь, Алмазная Река.

И Гавриил — неслышно и незримо —

Обходит спящий мир. Господь, благослови

Незримый путь святого пилигрима

И дай земле твоей ночь мира и любви! [2, 8–9].

Мотивы предопределённого свыше пути и ни-спосланной с небес тайны, объединяющей разные конфессии и культуры, — важнейшие в восточной лирике Бунина.

Особенно дорожит поэт тем, что сближает веры. В стихотворении «Источник звезды» (1908) воспроизведен «сирийский апокриф» о звезде, светившей волхвам «В ночь рождения Исы, / Святого, любимого Богом... [2, 65], и в чудесном источнике ставшей невидимой для всех, кроме самых достойных.

Древние камни, не подвластные пескам времени, похожи на «путеводные знаки» и на «чётки пилигрима»:

Бог для ночных паломников в Могребе

Зажёг огни — святые звезды Пса.

Привет тебе, сверкающая в небе

Алмазно-синяя роса!

Путь по пескам от Газы до Арима

Бог оживил приметам, как встарь.

Привет вам, камни — чётки пилигрима —

В пустыне ведшие Агарь! [2, 17].

Бунин внимателен к географическим реалиям, историческим ассоциациям и параллелям, соотносящим с современностью древние сказания и тексты. Поэта, несомненно, интересуют так называемые «знамения Корана», привлекают не расшифрованные истолкователями и книгоиздателями буквы, следующие во многих сурах за словами «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!»

Так, например, стихотворение «Тайна» (1905) появилось в печати с эпиграфом «Элиф. Лам. Мим» (в Коране эти буквы арабского алфавита определены как «указание», «знамения книги мудрой»).

Бунин был знаком с тем, что предлагалось в сложившихся к началу XX века комментариях к Священной книге мусульман, по известному свидетельству, прочитанной им от корки до корки [9, 226]. В изданиях, тиражировавших перевод К. Николаева, говорилось, что «во многих» сурах «Корана стоят в начале отдельные буквы, значение и смысл которых неизвестен» [3, 4]. Их также считают «иносказательными» [7, 120]. Сами же правоверные мусульмане часто считают ненужным обсуждать и (или) «разгадывать» их.

В стихотворении «Тайна» обыгрывается эта особенность восприятия загадочных «знаков». Не посвящённый в их смысл герой, увидев затейливую надпись, выбитую золотом на сирийском кинжале, пытается понять скрытую за арабской вязью «сокровенную тайну»:

«Во имя Бога и Пророка.

Прочти, слуга небес и рока,

Свой бранный клич: скажи, каким

Девизом твой клинок украшен?»

И он сказал: «Девиз мой страшен.

Он — тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».

«Элиф, Лам, Мим? Но эти знаки

Темны, как путь в загробном мраке:

Сокрыл их тайну Мохаммед...»

«Молчи, молчи! — сказал он строго, —

Нет в мире Бога, кроме Бога,

Сильнее тайны — силы нет» [1, 314].

Вопросы, заданные любопытным путником, на Востоке могут показаться праздной «пустой речью» [3, 452], поскольку эпиграф, сопровождающий стихотворение, указывает на Коран.

Напомню, что в Священной книге мусульман буквы «Элиф», «Лам», «Мим» впервые появляются во второй

суре и, уже узнаваемые, повторяются в двадцать девятой, тридцатой, тридцать первой, тридцать второй сурах, становясь знаками «испытания веры»: «Элиф. Лам. Мим. Думают ли люди, что их оставят в покое, если только они говорят: «Мы веруем»; и что их не приведут в искушение?» [3, 288]. Освящённые «вечной книгой», буквы предупреждают, что «знамения» доступны лишь тем, кто находится «на прямом пути» — все «слушающие» и «внимающие» [3, 296].

Очевидно, Бунин, внимательно читавший Коран, раньше многих истолкователей и переводчиков пришёл к пониманию, что таинственные арабские буквы могут служить особыми знаками, подчёркивающими «путеводительный» смысл «Священной книги». Поэтому «тайна тайн», о великой силе которой упоминает один из участников воссозданного в стихотворении спора, заключается не в значении самих букв арабского алфавита, а в их соотносённости с различными частями «ясного писания» (владелец кинжала проносит слова из суры «Открывающей»: «Нет в мире Бога, кроме Бога»), а надпись на клинке воспроизводит слова из второй суры, сообщающей, почему смысл «прямого пути» может открыться не всем. «Страшная тайна» букв, вызывающая у непосвящённых мысли о «пути в загробном мраке», вызвана незнанием (или поверхностным знанием) Корана...

В годы Первой мировой войны И. А. Бунин возвращается к своим впечатлениям от поездок на мусульманский Восток, пишет об увиденном и услышанном, словно не замечая противостояния великих держав, затронувшего и Турецкую империю, вовлечённую в боевые действия с Россией.

Рождённые прежде образы и строки наполняются оттенками новых значений: «путеводные знаки» — иносказательные и существующие в географическом и природном пространстве — в лирике Бунина о мусульманском Востоке уже не так очевидны, как прежде.

В стихотворении «Среди звезд» (1916), воображая себя путником, идущим за караваном по остывшей от дневного зноя пустыне, лирический герой не готов понять, что его ждёт впереди:

Настала ночь, остыл от звёзд песок.
Скользя в песке, я шёл за караваном,
И Млечный Путь, двоящийся поток,
Белел над ним светящимся туманом.

Внутреннее опустошение передаёт и следующий образный ряд:

Он ниспадал на сумрачный восток,
К иным звездам, к забытым райским странам...
Но важнее другие «тайные» смыслы. «Двоящийся» в небе Млечный путь
... дымчат был, прозрачен и высок.

Он пропадал в горах за Иорданом...

Путь к воображаемому Иордану, духовному пробуждению и возрождению лишь угадывается: «И верховой кивал, как неживой, / Осыпанной звездами головой» [2, 167].

В стихотворении «Феска» (1916, 1920) весьма выразительна «перемена настроений»:

Холодно, сыро, в тумане морской горизонт,
В бухте зелёной качаются голые мачты,
Липкая грязь на базаре,
Горы в свинцовом дыму... Но цветут, розовеют сады,
Мглистые, синие, сладостно дремлют долины...»

[2, 150].

После горьких прозрений, открытых и неразгаданных тайн именно таким виделся русскому поэту мусульманский Восток в 1920 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. / И. А. Бунин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014.
2. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2. / И. А. Бунин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014.
3. Коран Магомета, переведённый с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии М. Казимирским. С примечаниями и жизнеописанием Магомета / С франц. перевёл К. Николаев. — М., 1864.
4. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. Изд. 16-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2014.
5. Двинятина Т. М. Иван Бунин: жизнь и поэзия / Т. М. Двинятина // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — С. 5–91.
6. Двинятина Т. М. Примечания / Т. М. Двинятина // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — С. 343–492.
7. Взаимопроникновение культур: Коран в русской поэзии / [авт.-сост. Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко; отв. ред. М. П. Мчедлов]. — М.: Наука, 2006.
8. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. — М.: Художественная литература, 1967. Т. 9
9. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М.: Советский писатель, 2007.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. U., Associate Professor Chair of Russian literature
of the XX and XXI centuries, the theory of the literature and
humanities.
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СЮЖЕТ И ЕГО МОДИФИКАЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

О. А. Бердникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению своеобразия Рождественского сюжета в прозе И. А. Бунина. Прослежена динамика мотивов от ранних рассказов к произведениям 1910-х годов. Сделаны выводы о роли иронии в святочных рассказах, о соотношении традиционных сюжетных приемов и новых форм, об особенностях финалов.

Ключевые слова: И. А. Бунин, проза, рождественский сюжет, святочный рассказ, мотивы, модификации сюжета

Abstract: the article is devoted to identifying the originality of the Christmas plot in I. A. Bunin's stories. The dynamics of motives from early stories to works of the 1910s is traced. Conclusions are drawn about the role of irony in Christmastide stories, about the relationship between traditional plot and new forms, about the peculiarities of the finals.

Keywords: I. A. Bunin, prose, Christmas plot, Christmastide story, motives, plot modifications

Родившийся 150 лет назад в Воронеже И. А. Бунин, первый русский писатель, получивший в 1933 году Нобелевскую премию, своей жизнью и творчеством соединил два века русской литературы и несколько литературных эпох — «золотой век», Серебряный век и первую половину XX века. Писатель, впитавший мироощущение человека самой катастрофичной эпохи российской истории, глубоко связан с классической традицией, и при этом в высшей степени современен. Вынужденный, в силу исторических обстоятельств, половину «жизни земной» прожить на чужбине, Бунин и в эмиграции думал и писал о России, судьбе русского человека, а также трагизме бытия человека в мире. Возможно, в этом основная причина научного и читательского интереса к творческому наследию И. А. Бунина в наше время.

Вместе с тем исследовательский и читательский интерес к творчеству писателя в течение многих лет поддерживали труды отечественных и зарубежных ученых, подготовка и открытие музейных и библиотечных экспозиций и выставок, уже достаточно многочисленные экранизации его произведений. Один из новых способов популяризации творчества писателя — интеллектуальные игры для студентов и старшеклассников, в течение ряда лет проводимые на филологическом факультете Воронежского государственного университета.

Особенно значимы исследования последних лет, подготовленные и изданные в академических институтах — ИРЛИ и ИМЛИ РАН. В 2014 году в серии «Новая библиотека поэта» вышло академическое

издание двух томов его поэзии, над которым долгие годы трудились ученые ИРЛИ РАН [1]. В ИМЛИ РАН были подготовлены и изданы «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» в 2-х томах [2], составленная С. Н. Морозовым, а также вышедший в 2019 году сборник трудов «Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология)» под редакцией О. А. Коростелева и С. Н. Морозова [3].

Обширна сфера научных векторов изучения творчества И. А. Бунина в современной науке: источниковедение и текстология, пересечения его наследия с модернистскими тенденциями, ставятся вопросы о мотивных и жанровых особенностях его поэзии и прозы, исследуются культурные коды. Большое внимание уделяется проблемам поэтики в разных аспектах, по-прежнему ведутся дискуссии о мировоззренческих основах его творчества, о связях (и взаимовлияниях) с писателями-предшественниками и современниками.

Свой научный вектор имеет и воронежская школа буниноведения, сложившаяся на протяжении последних двадцати пяти лет и обратившаяся к исследованию метафизической проблематики и форм ее художественного воплощения в поэзии и прозе И. А. Бунина. Периодически издаваемые сборники научных трудов «Метафизика И. А. Бунина» (2008, 2011, 2014, 2018) сформированы на основе материалов ежегодных Творческих мастерских, а также международных и всероссийских научных конференций, регулярно проходивших на филологическом факультета ВГУ.

Цель данной статьи — исследование в русле исто-

рической поэтики Рождественского сюжета как проявления метафизической проблематики и особенностей сюжета святочного рассказа в прозе И. А. Бунина.

Особый статус И. А. Бунина в литературе своей эпохи точно определил Вл. Вейдле: «Как поэт он принадлежит девятнадцатому веку, но как прозаик он старший из писателей, открывающих в нашей литературе двадцатый век» [4, 431]. Писатель всегда стремился передать особенности национального и народного сознания, согласно которому все происходящее с человеком от рождения до смерти соотносилось с годовым богослужебным циклом. В православном календарном цикле жизнь человека регламентировалась постами и Праздниками. По утверждению А. Шмемана, «... христианство, восприняв человека во всей его полноте, во всех его нуждах и чаяниях, восприняло и праздник — это, может быть, самое человеческое в человеке...» [5, 56].

В прозе Бунина представлены разные виды праздничных рассказов, однако Пасхальные рассказы в количественном отношении заметно уступают Святочным (Рождественским). В целом ряде рассказов писателя события маркированы временем перед Рождеством или Святками — святыми днями от Рождества и до Крещения. Рождественский сюжет характеризуется вполне определенным мотивным комплексом и жанровыми приметами.

Термин «рождественский сюжет» (пасхальный сюжет) вполне устоялся в литературоведении [6] и обнаруживает себя в наличии соответствующих евангельских образов и мотивов в «праздничных рассказах». В аспекте исторической поэтики в Рождественском сюжете реализуется Рождественский архетип, который И. А. Есаулов определяет как «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения» [7, 12]

Бунин, стремящийся исследовать глубинные основы русской традиционной жизни, особенно остро воспринял те духовные сдвиги в сознании русского человека, которые приводили к выхолащиванию духовного смысла Рождества.

В рассказе «Вести с родины» (1893) Святочные дни вспоминаются герою в связи с известием о смерти друга детства Мишки Шмыренка «от голодного тифа». Именно в Святочные дни на вокзале произошло «чудо» встречи Волкова с крестьянином Мишкой, отправляющимся на заработки. В душе Волкова рождается искреннее сострадание, он оказывает другу посильную помощь, что вполне вписывается в канон Рождественского сюжета. Но пришедшее спустя два месяца известие о смерти Мишки является той жестокой реальностью, о которую разбиваются мечты молодого человека о работе на благо народа и общества. Упоминание Святков в сюжете этого рассказа играет роль одного из мотивов повествования.

В ранних произведениях Бунина интересуют вписанность человека в социальное бытие, отсюда трагизм судьбы героев почти всегда имеет социальную подоплеку. Впрочем, социальная проблематика еще со времен Диккенса входит в святочный рассказ как его жанровая примета.

В рассказе «Учитель» (1894) Рождество заявлено в его первой фразе: «Накануне сочельника учитель земской школы в Можаровке, Николай Николаевич Турбин, занимался очень неохотно» [8, 57]. Судьба сельского учителя, устроившего безобразную пьяную пляску на Праздновании Рождества в доме помещика Линтварева, обусловлена его одиночеством, бедностью его существования, тоской по дому. Почти сказочная атмосфера богатого помещичьего дома, ласковое отношение хозяев вызывает в нем желание стать «своим», быть понятым окружающими его культурными людьми. Рождество здесь является основой сюжета, причем писатель использует традиционный сюжетный ход — бедный герой приглашен на Рождественский вечер в богатый дом, но вместо примирения сословий и чувства единения доминируют мотивы презрения и социальной неприязни к человеку более низкого сословия. Неприличное поведение на Рождественском вечере уничтожило репутацию Турбина в деревне, и от стыда и отчаяния он пускается в пьяный загул.

Однако оценки деревенских жителей, звучащие в финале, разнонаправлены. «Пропал малый!» — «с сожалением» говорит Кондрат Семенович, и это констатация настоящего и прогноз будущего. «Сирота небось! — задумчиво произнес печник» [II, с. 88] — это объяснение причины его гибели. Вместе с тем отец Турбина, старый больной дьякон с деспотическим характером, неоднократно упоминается в повествовании, и герой, все простивший отцу, в Рождественские дни мечтает его повидать. Однако эта попытка спасения от судьбы не осуществляется. Сиротство и бездомность учителя, хотя и обусловлены социальными причинами (у него нет денег на поездку), приобретают уже экзистенциальные смыслы: Турбин не смог стать своим ни в деревне, ни в дворянской среде, ни в среде заводской интеллигенции.

В начальных строках праздник Рождества заявлен и в рассказе «Поле» (1895): «Темнеет, к ночи поднимается вьюга... Завтра Рождество, большой веселый праздник, и от этого еще грустнее кажутся непогожие сумерки, бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле поземки» [II, с. 89]. Однако и здесь уже в самых первых строках рассказа с рождественским сюжетом происходит разрушение жанровых канонов: так, образ сказочной рождественской метели у Бунина преобразуется в страшную вьюгу, пугающую двух стариков, так и не дождавшихся «чуда» приезда повара Судака и рождественских подарков. Вместе с тем тепло, покой и радость Рождества, хотя бы на короткое время, все-таки приходят в разрушаю-

щийся дом Якова Баскакова, скорее всего, это последнее Рождество в холодном, пустом, но родном доме. Рождественский сюжет позволяет Бунину усилить тему разоряющихся дворянских усадеб и разрушения традиционных установлений национальной жизни.

В 1900-е годы Бунин пишет единственный по настоящему светлый святочный рассказ со всеми его жанровыми и мотивными характеристиками — «Новый год» (1901). Именно 1901 год ознаменовался появлением первых шедевров Бунина, принесших ему всероссийскую известность: «Антоновские яблоки», «Сосны».

«Новый год» — уникальный для писателя рассказ, поскольку в нем описаны супруги, хотя и живущие «дурно», но именно в новогоднюю ночь очутившиеся в старом родном доме по пути в Петербург с юга и почувствовавшие, как они «нужны друг другу» [II, с. 223]. Происходит чудо — пусть временного — примирения супругов, попавших в сказочную атмосферу новогодней ночи. Они словно превращаются в детей, оказавшиеся в детской и проникнутые светлыми и добрыми чувствами, страхом перед темнотой, играми, чтением стихов А. С. Пушкина, детскими присказками, внезапно появившейся собакой, влюбленностью, красотой и тишиной ночного поля, пробежавшим лесным зверем. Но и в эту новогоднюю сказку вторгаются мысли героя (в рассказе повествование ведется от первого лица) о страхе перед будущим, о неизбежности возвращения в «мелкую» городскую суету, «о бессвязной и бессмысленной жизни».

В рассказах 1910-х годов заметно возрастает фиксированность событий жизни героев датами православного календаря. В более позднем творчестве Бунин видит причины духовного неблагополучия уже не в социальных, а в национально-психологических чертах русского человека.

На Святках произошли страшные события в рассказе «Ермил» (1912), зачин которого дан в сказочно-святочном духе: «В наших местах есть довольно большой лес, который зовут Островами. Вот что случилось в нем несколько лет тому назад, на Святках, когда караулил его некто Ермил, малорослый, коротконогий, морщинистый мужичишка» [III, с. 309]. Ермил убивает пришедшего к нему ряженого не столько от страха, сколько из желания убить, хотя писатель и мотивирует его поступок тяжелыми обстоятельствами крестьянской жизни. Но на первый план выходят иррациональные чувства, толкающие героя на преступление, причем именно в светлые святые дни. Отсюда пуантировка финальной фразы Ермила, помещенного на исправление в монастырь, но так и не раскаявшегося: «Дюжа я преступный», — говорит он с удовольствием» [III, с. 314].

Появление особого типа святочного рассказа в творчестве писателя со свойственной ему чуткостью и пронизательностью увидено Ю. Айхенвальдом, который пишет об «иронических святочных рас-

сказах». Такое определение критик дал «Святочному рассказу» — под этим заглавием появился 25 декабря 1914 года в газете «Русское слово» рассказ, позже переименованный Буниным и вошедший во все собрание сочинений под заголовком «Архивное дело». Ю. Айхенвальд отмечает в рассказах этого периода «язвительную иронию, писательскую желчность, печальную способность сарказма» [9, 193].

Уникальность этого рассказа заключается в том, что к святочному жанру он может быть отнесен по первоначальному заглавию и дате первой публикации, однако это святочный рассказ без Рождественского сюжета. Настоящее время в сюжете маркируется ноябрем, но некоторые сюжетные линии все-таки позволили писателю первоначально назвать рассказ, хотя бы и в ироническом плане, святочным. На уровне святочного чуда можно рассмотреть появление Фисуна, всю долгую службу просидевшего в подвале, на втором — господском — этаже губернской земской управы. Однако примирения представителей разных сословий не только не состоялось, но привело, в конечном итоге, к смерти героя.

Исследователи неоднократно указывали на прямые аллюзии к текстам русской классики — от «Шинели» Н. В. Гоголя до «Смерти чиновника» А. П. Чехова [10]. Однако Т. А. Никонова справедливо пишет о том, что это рассказ не о маленьком человеке, а «предчувствие «Окаянных дней», разрушительной силы либеральной лжи» [11, 163]. Бунин выбирает самый уничижительный сюжетный «ход»: два старика — блестящий «лев» Станкевич, только что говоривший о свободе и справедливости, и маленький глухой Фисун — сталкиваются в туалетной комнате, уравненные старческой немощью. И возмущение либерала Станкевича появлением Фисуна в господской уборной так напугало бедного архивариуса, что он умирает.

Позже, в «Окаянных днях», Бунин с гневом писал о либеральных деятелях, которым, «в сущности, было совершенно наплевать на народ... которого они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали, как не замечали лиц извозчиков, на которых ездили в какое-нибудь Вольно-Экономическое общество» [12, 101].

«Святочный рассказ» («Архивное дело») Ю. Айхенвальд противопоставляет рассказу «Святые» (1914) как более светлому и соответствующему жанру. Однако эти рассказы вполне сопоставимы по ироническому подтексту, который более скрыт в сюжете «Святых», что объяснимо его заглавием, по определению исключаящим иронию.

Святые дни в «Святых» угадываются по косвенным, но вполне узнаваемым признакам: «морозная ночь сверкала звездами», лес, «сказочно посеребренный луной», «горели праздничные лампы», обильный стол, множество гостей, танцы и музыка в гостиной, присутствие на праздничном вечере детей. Возникает вполне типичная и не раз описанная в про-

изведениях XIX века сценка из дворянской жизни: темная комната умершего хозяина, старый слуга — сказочник и / или хранитель старинных преданий, господские дети, тайком пробирающиеся в святочные вечера в запретные покои послушать чудесные истории. Именно присутствие детей, их вопросы и оценки смягчают бунинскую иронию, направленную не на житийные сюжеты, а на образ сказочника.

Так Арсенич гордится своим «слезным даром», «чувствительным сердцем», тем, что душа у него «не нонешнего века», ссылаясь при этом на валаамских старцев, которые не все этого дара «домогаются». Такая наивно-простодушная и вместе с тем чрезмерно завышенная самооценка уже вызывает ироническое отношение к герою рассказа. Это тем более очевидно, что в начале повествования дан разговор Арсенича с детьми, которых он уговаривает не говорить мамаше про «весь» выпитый графинчик водки и его слезы: «Это я не от этого-с... Сами извольте знать — не первый раз» [III, с. 478].

Вместе с тем для детей в «слезном даре» Арсенича, его простонародных рассказах, равно как в его «ужасном носовом платке», красном небритом лице, «дудке», таится элемент необычного, старинного, праздничного, почти чудесного, отсюда поэтизация повествования и образа Арсенича. Только Арсенич, хоть и на простонародный лад, но достаточно точно воспроизводит каноническое житие святых Вонифатия и Аглаиды, то есть наполняет святые вечера духовным смыслом.

Еще более возрастает иронический пафос Бунина в рассказе «Старуха» (1916), что во многом обусловлено временем его создания — событиями Первой мировой войны. Здесь, как и в рассказе «Святые», разделено пространство дома: гостиная — мир господский и кухня, где располагается старая кухарка. Но если в рассказах «Учитель», «Святые» в господских покоях все-таки праздник и веселье, то в «Старухе» господа скандалят, а старуха постоянно плачет — даже в Святочные дни.

Бунин усугубляет сюжетную коллизию «Святых», показывая трагическую несовместимость разных социальных пластов российской жизни в канун революции: мещанско-бытовой, народной и жизни культурной элиты. Так, у оборванного караульщика сыновья, «четыре молодых мужика», убиты на войне, а «в далекой столице шло истинно разливанное море веселия» [IV, с. 146]. Бунин с едким сарказмом рисует картины развлечений столичной элиты, причем синтаксически это оформлено в одном огромном предложении, начинаемом и завершаемом словом «плакала». Плач как лейтмотив повествования контрастирует с радостью святочных дней, этот плач есть экзистенциальное чувство скорби по падшему миру. Т. И. Скрипникова справедливо считает, что это самый моралистичный рассказ писателя — настолько наглядно явлено здесь ощущение подмены,

профанирования духовного смысла Рождества [13].

Особенностью Рождественского сюжета в бунинских святочных рассказах является новеллистический принцип построения сюжета, в основе которого необычное событие и неожиданный «острый» финал — «пуант» новеллы, содержащий явный или более скрытый моралистический вывод, выражающий авторскую позицию.

Светлая обстановка Рождества не способствует рождению в душах людей радости и любви — сюжет как бы сопротивляется жанровому канону, а чудо — непременный атрибут сюжета святочного рассказа — оборачивается нередко своей инфернальной противоположностью.

Отчужденность от духовного смысла Рождества в героях Бунина, представляющих разные сословия российского общества, есть точно угаданное писателем отчуждение от Бога, от сути Рождественского праздника как «самого человеческого в человеке».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин Иван. Стихотворения. В 2 т. / Сост. и примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательство «Вита Нова», 2014. (Серия «Новая библиотека поэта»).
2. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1 (1870–1910) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011; Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2017.
3. Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О. А. Коростылев, С. Н. Морозов. — М.: Литфакт, 2019 (Академический Бунин: вып. 1)
4. Вейдле В. В. На смерть Бунина / В. В. Вейдле // Иван Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 575–578.
5. Шмеман Александр, протопресвитер. Великий Пост / Александр Шмеман. — М.: Паломник, 2000.
6. См.: Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995; Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века / Х. Баран. — М.: Прогресс, 1993.
7. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — М.: Кругъ, 2004.
8. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 томах / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987–1988. Т. 2. В статье произведения писателя цитируются по этому изданию с указанием тома (римской) и страницы.
9. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — М.: Республика, 1994.
10. См. ряд статей об этом рассказе в сборнике: «Воронежский текст» русской культуры: страницы истории и современность. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. — Вып. 3.
11. Никонова Т. А. Рассказ «Архивное дело» в его отношениях с прецедентными текстами / Т. А. Никонова // «Воронежский текст» русской культуры: страницы

истории и современность. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015.— Вып. 3.— С. 158–163.

12. Бунин Иван. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Иван Бунин.— М.: Советский писатель, 1990.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: olberd@mail.ru

13. Скрипникова Т. И. И. А. Бунин — писатель-моралист (рассказ «Старуха») / Т. И. Скрипникова // Метафизика И. А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов.— Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018.— С. 150–160.

Voronezh State University

Berdnikova, O. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian literature XX–XXI centuries, theory of literature and Humanities

E-mail: olberd@mail.ru

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В «СТЕПНОМ ТЕКСТЕ» ИВАНА БУНИНА

С. В. Бунин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье изучаются символические значения образов птиц в поэтических произведениях И. А. Бунина в аспекте так называемого степного текста. Журавли, вороны, грачи и филины — наиболее частотные образы в стихотворениях разных лет. Образы птиц связаны у Бунина с мотивами пути, бездомности, исторического времени, смерти и архетипической памяти. В стихотворениях периода эмиграции символика меняется, и начинает доминировать мотив входа в чужой дом.

Ключевые слова: Бунин, степной текст, поэзия, образы птиц, мотивы и символы.

Abstract: the article studies the symbolic meanings of the images of birds in the poetic works of I. A. Bunin in the aspect of the so-called steppe text. Cranes, crows, rooks and owls are the most frequent images in poems of different years. Bunin's images of birds are associated with motives of the path, homelessness, historical time, death and archetypal memory. In the poems of the period of emigration, the symbolism changes, and the motive of entering a strange house begins to dominate.

Keywords: Bunin, steppe text, poetry, images of birds, motives and symbols.

Исследование локальных текстов русской литературы в наши дни является одним из перспективных и наиболее активно разрабатываемых направлений в отечественном литературоведении. Точкой отсчета в исследовании локальных текстов русской литературы стали труды ученых московско-тартуской семиотической школы, в первую очередь Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова. Именно В. Н. Топоров первым начинает анализировать петербургский текст и вводит само его определение в отечественную науку [1; 2]. Вслед за этим возникает понятие московского текста русской литературы. В дальнейшем представление о локальном тексте как о целостном единстве корпуса текстов, связанном с каким-либо городом, расширяется, переносится на регион либо историко-географическую зону. Такое рассмотрение дает возможность говорить уже о локальном сверткесте (одновременно может использоваться понятие регионального сверткеста) — будь то провинциальный либо усадебный сверткест.

Стремление современных исследователей к расширению предмета изучения локальных текстов и сверткестов привело к вводу понятий крымского текста [3], волжского текста [4], северного и сибирского сверткестов [5]. На Шешуковских чтениях 2015 года был поставлен вопрос о существовании «степного текста» русской литературы. Данный вопрос можно считать чрезвычайно важным и актуальным в силу присутствия степных образов во многих значимых текстах русской культуры.

Исследование локальных текстов неотделимо от исследований фундаментальной для русской лите-

ратуры категории пространства. И степь традиционно мыслилась как одно из наиболее важных русских пространств, наряду с полем, лесом и побережьем реки. Представления о степном пространстве основывались на образной системе восточных славян, для которых оно изначально было пространством чуждым.

В русском сознании степь в первую очередь воспринимается как начало враждебное: этому способствовало и укорененное в национальной исторической памяти ожидание из степи врагов — диких кочевников и язычников (татар), которые жгли и истребляли русские деревни и города и «творили мерзость во храме». Вместе с тем со степью связано представление о долгом и трудном пути, где человеку суждено мучиться, блуждать в поисках направления, дороги. Простор и ровность вызывали душевное беспокойство и тоску, но вместе с тем безграничность и равнинность степи рождали в человеке ощущение широты и силы, томление по воле, разгулу. В значительной степени это те, связанные с концептом «степь» универсальные смыслы, которые можно увидеть в творческом сознании разных писателей и поэтов [6, 95].

Ставя вопрос о «степном тексте» русской литературе, нельзя обойти вниманием творчество Ивана Алексеевича Бунина. Им было выписано множество вариантов разнообразных художественных пространств, географических, мифопоэтических и историко-культурных локусов и топосов. Пространство степи (наряду с пространством моря, океана, с которым оно порой смыкается по некоторым характеристикам) играло значительную роль на всех этапах творчества Бунина, а степные образы частотны как в поэтических, так и в прозаических его произведениях. Это позволяет отнести ряд произведений Бу-

нина к «степному тексту» русской литературы и рассмотреть их в этом контексте.

Степь Бунина крайне многогранна — в его произведениях, которые можно отнести к «степному тексту», ярко выделяются как астрономические и ольфакторные, так и растительные, зоологические и орнитологические образы. Попытка выделить и систематизировать некоторые из последних стала целью данной статьи.

Ключевая роль в исследовании орнитосемантики Ивана Бунина и соотнесении орнитологических образов в его творчестве с аналогичными образами у Льва Толстого принадлежит доценту Е. Ю. Полтавец. Так, она доказывает, что образы птиц в творчестве Бунина вообще, как правило, отсылают (через творчество Л. Н. Толстого) к притче, приведенной в Евангелии от Матфея. «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их» [7, электронный ресурс]. Образы птиц, являющиеся частотной метафорой человеческой души, связаны у Бунина с мотивами памяти, смерти и архетипической прапамяти [8].

В свете этого взаимосвязь в произведениях Бунина птиц и степного пространства представляется нам крайне тесной. Ведь именно степь, в отличие от, скажем, поля выступала в его творчестве как пространство, хранящее историческую память. Недаром основная эмоция, которую испытывает оказавшийся в степи герой ряда лирических произведений (а также прозаических произведений малой формы) — задумчивость. Однако герои Бунина обращают свои раздумья не в глубь своего сознания — их взгляд устремлен либо к горизонтали, либо к вертикали, они всегда взаимодействуют с пространством. Для героя несомненно, что степь заключает в себе некую тайну, и он прилагает усилия для ее разгадки.

Возможно, было бы излишним полностью исключать при рассмотрении данной темы личные ассоциации автора. Обратившись к дневниковой и мемуарной прозе как самого Бунина, так и близких к нему людей, мы обнаруживаем четкую ассоциацию «птица-память». Так, в воспоминаниях Веры Муромцевой-Буниной находим следующее упоминание: «Приятная езда в покойном тарантасе, сначала по уже накатанным проселочным дорогам, затем по мягкому большаку с заросшими муравой колеями, со старыми дуплистыми ветлами. На одной сидел черный ворон, и Ваня вспомнил, как мать ему говорила, что вороны живут по несколько сот лет, а отец тут сказал, что, может быть, этот ворон видел татарское нашествие: по этим местам шел Мамай» [10, 10: 288].

Нельзя не соотнести это воспоминание с фрагментом из романа «Жизнь Арсеньева», определяемого Буниным как «история моего современника» — молодого человека, объединенного с самим Буниным не только эпохой, но и пространством: «Большие дороги отживали свой век. Отживала и Чернавская. Ее

прежние колеи зарастали травой, старые ветлы, местами еще стоявшие справа и слева вдоль ее просторного и пустынного полотнища, вид имели одинокий и грустный. Помню одну особенно, ее дуплистый и разбитый грозой остов. На ней сидел, черной головней чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим мое воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил еще при татарах... В чем заключалось очарование того, что он сказал и что я почувствовал тогда? В ощущении России и того, что она моя родина? В ощущении связи с былым, далеким, общим, всегда расширяющим нашу душу, наше личное существование, напоминающим нашу причастность к этому общему?» [10, 5: 49].

Детское воспоминание, лежащее в основе этого эпизода, значительно трансформируется. В нем объединены несколько мотивов, характерных для «степного текста» русской литературы: степь как пространство пути, постоянного движения, и степь как пространство исторической памяти. Ворон, одна из самых мифологизированных русским сознанием птица, «вещая» птица-долгожитель, свидетель эпохи татарских набегов, безусловно, выступает как хранитель исторической памяти, через осознание этого образа герой осознает свое «кровное родство» с землей, на которой живет. Но есть признаки, позволяющие отождествить эту птицу и с мотивом пути, а вернее — скитания.

Так, появление птиц в большинстве лирических произведений Бунина, содержащих степные образы, соотносится не только с движениями души героя. Как было доказано ранее, «птицы небесные» у Бунина наследуют евангельскому изображению: «Они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их». Птицы, далекие от земных забот и земледельческого труда, могут выступать как вечные странники и кочевники, поэтому степь выглядит наиболее подходящим для них топосом. Среднерусская степь как пространство, связанное с детством Бунина, накладывается на степь из народного сознания, пространство вечного скитания. И птица в этих пространствах — образ, сравнимый по частоте с лошастью. В одном из первых, наиболее ранних стихотворений Бунина, которое можно с уверенностью отнести к его «степному тексту», возникают перелетные птицы, журавли, совершающие свой ежегодный путь.

С исчезновением как птичьих голосов, так, чаще всего, и самих птиц, сама степь на долгое время становится безжизненной и безмолвной. Летняя же степь почти всегда характеризуется обилием голосов птиц, в первую очередь, жаворонков. Так, еще одно раннее стихотворение Бунина, созданное в том же году, что и «В степи», открывается следующими строками:

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной [10, 2: 23].

Из леса, пространства закрытого, имеющего границы и воспринимающегося скорее как «свое», герой стремится на простор, в степь, характеризующуюся эпитетом «свободная», туда, где он может услышать птиц с куда большей вероятностью. Если в стихотворении «В степи» герой лишь пассивно сочувствует журавлям, не предпринимая движения, то здесь он сам уподобляется «птице небесной», скитаясь днями подряд, хотя и имея возможность вернуться. Так постепенно у Бунина выстраивается ассоциативный ряд: птица-движение души-память-путь. И пространством этого вечного пути выступает не лес и не город, а, в полном соответствии с национальной символикой, степь. И птицы для Бунина столь же неотделимы от этого пространства, как и звезды.

В ряду птиц как вольных и кочующих созданий особое место занимает ворон. Так трансформировалась в русском сознании история о роли ворона во время потопа — согласно книге Бытия, ворон возвращается в ковчег, не найдя сухого места, в основном же на ней народном предании — не возвращается вовсе, становится птицей-странником, питающейся падалью. Ворон традиционно изображался как посредник между небом, землей и миром подземным. Представая как вестник горя, он, тем не менее, величался по отчеству — Ворон Воронович.

Наиболее ярко связь ворона со степным пространством выражена, пожалуй, в стихотворении 1912-го года «Степь» — одном из центральных произведений в «степном тексте» Бунина. При первой публикации в книге «Иоанн Рыдалец» (1913 год) оно имело иное заглавие — «Степь Моздокская». Но позже автор изменил заголовок, убрав конкретизацию пространства, очевидно, чтобы подчеркнуть, что речь идет о русской степи в целом. Вопреки названию, развернутое описание степи как таковой здесь отсутствует, в центре находится как раз образ птицы:

Синий ворон от падали
Алый клюв поднимал и глядел.
А другие косились и прядали,
А кустарник шумел, шелестел [10, 2: 21]

Цветопись данного стихотворения требует отдельного комментария. Ключевой эпитет ворона, по видимому, обусловлен восприятием цвета в древний период, сохранившемся в некоторых диалектах русского языка до XX века. Долгое время синий не воспринимался как отдельный цвет, сближаясь с черным. Согласно этимологическому словарю Фасмера, слово «синий» происходит от др.-инд. *śūmās* «черный, темный», родственно лит. *šėmas*, *šėmas* «пепельного цвета, сероватый» и русскому «сивый» (эпитеты «сивый», «сизый» многократно встречаются в творчестве Бунина) [11, 624]. Появление фигуры ворона здесь, как и в более ранних стихотворениях, естественным образом вытекает из фольклорной традиции. Опираясь на архетипы, идущие из еще архаической глу-

бины, Бунин рисует образ птицы-посредника, имеющей связь с загробным миром. И действия ворона, который «собирает по косточкам дань» [10, 2: 21], закрепляют его в посреднической функции. Но есть здесь еще один мотив, расширяющий образ ворона и точно так же восходящий к русскому фольклору. Это впервые выделенная Е. Ю. Полтавец ритуально-воскресительная функция. Действительно, в ряде русских сказок именно ворон предстает как птица-воскреситель, приносящая герою (тело которого, отметим, находится в степи либо ином безлюдном пространстве) живую и мертвую воду.

Сходны художественные функции ворона (также отсылающие к русскому фольклору) и в другом стихотворении Бунина — «На распутье». Степь здесь выступает не столько пространством памяти и покоя, сколько пространством пути. Путь этот тяжел, долог и связан с выбором, грозящим страшными последствиями, однако и избежать этого выбора герой не может:

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.
Путь направо без коня оставит –
Побредешь один и сир, и наг, —
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных полях...» [10, 1: 71]

Среди этого пространства и возникает образ «ворона чернокрылого». Он точно так же выступает посланником и проводником. Он восседает на кресте в полусонном состоянии, в состоянии промежуточном, как бы на границе времен и миров. Эта птица подчеркнута молчалива и спокойна. Ворон не враждебен герою, в соответствии со своими символическими функциями, он может выступать ему советчиком, однако в конечном счете герою предстоит делать выбор самостоятельно. Угрожающе-равнодушный ряд могил, стоящих где-то «вдали», дополнительно усиливает связь ворона с загробным миром и его функцию посредника.

Отметим, что ворон имеет параллели среди других орнитологических образов у Бунина. Еще одна птица, во многом близкая к ворону — это грач. Недостаточная разработанность функций грача в славянской мифологии позволяет рассматривать его как еще один вариант образа ворона. При этом в образе грача, как перелетной птицы, еще более усилен мотив странствий, скитания. У Бунина же грач, несомненно, также связан со смертью. Наиболее показателен образ этой птицы в романе «Жизнь Арсеньева», аккумулирующем множество мотивов, характерных для «степных» произведений Бунина разных лет. Убийство юным героем грача — одно из первых пробуждений в герое темных инстинктов, которые сменяются осознанием им смерти и конечности жизни.

«Я кинулся в кабинет, схватил кинжал, выскочил в окно... Грач, когда я настиг его, вдруг замер, с ужасом в диком блестящем глазу откинулся в сторону, прижался к земле и, широко раскрыв и подняв клюв, ощерясь, зашипел, захрипел от злобы, решив драться со мной, видимо, не на живот, а на смерть... Убийство, впервые в жизни содеянное мною тогда, оказалось для меня целым событием, я несколько дней после того ходил сам не свой, втайне моля не только Бога, но и весь мир простить мне мой великий и подлый грех ради моих великих душевных мук. Но ведь я все-таки зарезал этого несчастного грача, отчаянно борющегося со мной, в кровь изодравшего мне руки, и зарезал с страшным удовольствием!» [10, 5: 29–30]

Итак, если грач — это мотив смерти и греха, то с вороном в «степном» тексте Бунина связаны в первую очередь мотивы памяти и времени.

Являясь преобладающей птицей в его «степном» тексте, ворон по некоторым характеристикам сближается с одной из немногих птиц, возникающих в произведениях, содержащих лесные образы. Это сова, филин, пугач (диалектное название птицы). Эту птицу объединяет с вороном мотив одиночества, отшельничества. Однако иное пространство навязывает сове иные качества. Если ворон Бунина — вечный странник и кочевник, то филин — птица явно локализованная, «домовитая», гнездящаяся в дупле, в соответствии со своими природными характеристикам. Пространство леса в гораздо большей степени может служить домом либо укрытием, чем ровная открытая степь. При этом, филин, как и грач, может выступать в качестве жертвы (стихотворение «Пугач», 1906 год), но жертвы также абсолютно бесполезной.

Однако же орнитологические образы (уже не выраженные ярко, а лишь намеченные, так же, как лишь намечены им образы степные, присутствующие теперь неявно) будут иметь в поэзии Бунина эмигрантских лет несколько иное значение. Давний, традиционно связываемый со степным пространством, мотив пути сливается с мотивами бездомности и отчужденности, вынужденного кочевого состояния, и птичьи образы определяются уже иной евангельской притчей.

Примером этого может служить стихотворение 1922 года «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...»:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.

Как горько было сердцу молодому,

Когда я уходил с отцовского двора,

Сказать прости родному дому! [10, 2: 122].

Так трансформируется мотив пути в рассматриваемых нами произведениях Бунина: долгое странствие заканчивается не возвращением (возвращение на данном этапе заведомо невозможно), а входом в чужой дом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. — СПб.: Искусство-СПб, 2003–616 с.
2. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров. — М.: Текст: семантика и структура, 1983. — с. 227–284
3. Люсьей А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсьей. — СПб.: Алетейя, 2003. — 314 с.
4. Кожина Т. Н. «Рек, озер краса, глава, царица»: Волга как прецедентный знак русской культуры / Т. Н. Кожина, Н. В. Лекомцева // Русский язык за рубежом. — 2002. — № 3. — С. 32–40.
5. Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное: сборник: [материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 9–11 октября 2013 года / сост., отв. ред.: Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков]. — Архангельск: ИД САФУ, 2014. — 385 с.
6. Бердникова О. А. «Наш путь степной»: Концептуальность образа степи в романе А. Платонова «Чевенгур» // Роман А. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия. — Воронеж: ВГУ, 2004. — С. 94–103.
7. Полтавец Е. Ю. Лев Толстой и Иван Бунин — «Птицы небесные» русской литературы (орнитосемантика: код и контекст) / Е. Ю. Полтавец // И. А. Бунин и его окружение: К 140-летию со дня рождения писателя / Общ-во любителей российской словесности, Ассоциация «Бунинское наследие»; Составители Т. Бонами, Т. Гордиенко, Л. Колобаева, И. Ревякина; Вступит. статья от сост-лей. — М.: Русский импульс, 2010. — С. 34–50. — Режим доступа: [<http://bunin-rgali.ru/index.php?view=articles&t=art3>]. — Дата обращения: 27.08.2018.
8. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. / Ю. Мальцев — Франкфурт-на-Майне — Москва: Посев. 1994. — 432 с.
9. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. / В. Н. Муромцева-Бунина — М.: Советский писатель, 1989. — 509 с.
10. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 т. / И. А. Бунин. — М.: Воскресенье, 2006.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — Т. 3 — М.: Прогресс, 1987. — 832 с.
12. Смоленцев А. Небесная составляющая русской литературы: (Несколько слов к вопросу о «бессюжетности»: Из работы «Иван Бунин: Гармония страдания») / А. Смоленцев // Русское эхо: Литературный альманах. Самара, 1999. — Вып. 9 — С. 49–57.

*Воронежский государственный университет
Бунин С. В., преподаватель ИМО ВГУ, соискатель кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: comrad.bunin@yandex.ru*

*Voronezh State University
Bunin S. V., lecturer at IMO Voronezh State University, applicant for the Department of Russian Literature of the XX — XXI centuries, Theory of Literature and Humanities, Faculty of Philology
E-mail: comrad.bunin@yandex.ru*

И. А. БУНИН И ЕГО ЗАРУБЕЖНОЕ ОКРУЖЕНИЕ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ. К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ИСХОДА

Ренэ Герра

Парижский университет

Поступила в редакцию 15 августа 2020 г.

Аннотация: в статье рассматриваются этапы восприятия отечественными и французскими исследователями творчества И. А. Бунина. Автор вспоминает свое знакомство с людьми из ближнего окружения Бунина: Г. В. Адамовичем, А. В. Бахрахом, В. В. Вейдле, Б. К. Зайцевым, Л. Ф. Зуровым, Г. Н. Кузнецовой, И. В. Одоевцевой, Е. Л. Таубер, З. А. Шаховской. Анализируется современный литературный процесс, связанный с отношением к творческому наследию Бунина.

Ключевые слова: И. А. Бунин, буниноведение, А. К. Бабореко, русская эмиграция, Франция, нобелевский лауреат.

Abstract: the article examines the stages of perception by domestic and French researchers of I. A. Bunin. The author recalls his acquaintance with people from Bunin's inner circle: G. V. Adamovich, A. V. Bakhrakh, V. V. Weidle, B. K. Zaitsev, L. F. Zurov, G. N. Kuznetsova, I. V. Odoevtseva, E. L. Tauber, Z. A. Shakhovskaya. The modern literary process associated with the attitude to Bunin's creative heritage is analyzed.

Keywords: I. A. Bunin, buninology, A. K. Baboreko, Russian emigration, France, Nobel laureate.

Иван Алексеевич ушел из жизни в изгнании, в Париже 8 ноября 1953 года. Он умер в год смерти Сталина. Стоит напомнить, что год его рождения совпал с годом рождения В. И. Ленина. Такая вот ирония судьбы! Культ большевистского вождя заслонил собой юбилей великого русского писателя, сделал невозможным его празднование в 1970 году. Так продолжалось долгие годы. Ведь И. А. Бунин был идейным врагом В. И. Ленина, его антиподом. Кроме ценителей настоящей литературы и профессиональных филологов, писателя в СССР мало кто знал.

С тех пор прошло много времени. В России произошли значительные перемены. Было бы интересно в связи с этим проследить, как этапы жизни и творчества И. А. Бунина воспринимались советской и постсоветской критикой, как и в каком направлении переоценивались его труды. По работам буниноведов этот процесс прослеживается четко и однозначно — начиная со статей А. Т. Твардовского и заканчивая обычной тогда практикой «пробивания» в печать с помощью классиков советской литературы тех или иных произведений, «сомнительных» с точки зрения официоза. Известно, что именитые и вознесенные властью писатели, как например А. Т. Твардовский и К. М. Симонов, способствовали своими предисловиями, короткими «благословениями» в несколько строк, а также «внутренними рецензиями» выходу из печати многих запрещенных книг. Меня всегда коробила подобная практика. Но все-таки я признаю полезность и эффективность таких «демаршей»

со стороны «генералов» советской литературы. Ведь благодаря им в СССР сначала вышел однотомник, потом «огоньковский» пятитомник, затем девятитомник сочинений И. А. Бунина с предисловием Александра Твардовского и комментариями А. Бабореко и О. Михайлова и, наконец, последнее, самое полное издание — восьмитомник, составленный А. Бабореко, в «Московском рабочем».

Приехав в СССР в октябре 1968 года в качестве стажера-аспиранта МГУ, я по просьбе Б. К. Зайцева встретился с А. К. Бабореко и О. Н. Михайловым.

Александр Кузьмич Бабореко был прекрасным буниноведом, человеком честным, но запуганным. И все-таки очень хорошо, что в конце жизни он успел написать книгу «Дороги и звоны», которую мне подарил в 1994 году. Не могу не привести фрагмент из этой его правдивой книги: «*Мы росли в мире, в котором столько творилось зла, и чтобы не сбиться с дороги наших отцов и дедов, заповедавших нам истины добра и справедливости, надо было устоять перед напором тех, кто, к несчастью для нашего поколения, нес в мир безбожие и примитив мышления материалистов, насаждал в обществе презрение к нормам добра и стремился уничтожить весь уклад жизни народа и его святыни*» (с. 18). Незадолго до чествования Бунина [1973 г.] Макашин ездил в Париж... Ездить в Париж ему — а до него Никулину — было так же просто, как в Москве в Союз писателей. Отношение к Бунину у Макашина состояло в том, что он в качестве члена редколлегии «Литературного наследия» наблюдал за изданием бунинского тома (том 84); всю редакционную работу выполнял А. Н. Ду-

бовиков. Макашин никогда ничего не писал о Бунине. Если же говорить совсем точно, то было у него одно сочинение: так называемая «внутренняя рецензия», — то есть не для публикации — на мою статью «Гимназические годы И. А. Бунина», написанную для «Известий отделения языка и литературы Академии Наук СССР». Статья — сообщение о найденных в Орловском областном архиве документах (ф. 534), открывших некоторые важные факты из биографии юного поэта; из этих документов выяснилось, когда он поступил в Елецкую гимназию, когда оставил учебу; в журнале успеваемости указаны отметки; есть сведения и о том, где Бунин жил в Ельце, — готовый комментарий к «Жизни Арсеньева»! Макашин статью «зарезал»: правоверный марксист-ленинист написал, что я ничего не говорю «об отношении Бунина к революционным демократам». А Бунину было, когда отец привез его в Елец в 1881 году сдавать вступительный экзамен, неполных одиннадцать лет!. Большой вред причинило русской культуре его хвалебное, абсолютно беспринципное предисловие к книге некоего В. В. Лаврова «Холодная осень» [1], за которую автора этой «Осени» казнить мало ввиду ее беспардонной лживости» [2, 170–171]. Я ценю и первую книгу А. К. Бабореко — «И. А. Бунин. Материалы для биографии» [3]; к сожалению, второе издание, дополненное [4], как ни странно, хуже по определенным причинам.

Принято считать, что о покойниках надо говорить хорошо или не говорить ничего, а вот Вольтер сказал, что о покойниках надо говорить правду.

О. Н. Михайлов долгие годы заведовал сектором литературы Русского зарубежья в ИМЛИ. В октябре 1986 г., уже во время перестройки, я его принимал у себя в Париже. Я понимаю, что советским литературоведам было очень непросто, приходилось приспособливаться, взвешивать каждое слово. Знаете, бросать камни легко, а собирать их намного труднее. Повторяю, дело чести исследователей — разобраться сегодня в том, что писали тогдашние литературоведы, что они преподносили читателю из произведений И. А. Бунина и с какими комментариями. Ведь они иногда даже переделывали произведения писателя, якобы для того, чтобы способствовать новой публикации. Скажу, что все эти ухищрения для меня абсолютно неприемлемы.

Не могу, в связи с этим, не процитировать две дарственные надписи О. Михайлова: «*Может быть, дорогой Ренэ, эта первая более или менее честная статья о Бунине — без экивоков и недомолвок. 4.03.1993 Париж*» [5]; «*Дорогому Ренэ Герра эту книгу, которая писалась до нашей революции, несет на себе следы застоя, но лежала в цензуре год и вышла только в Туле, — сердечно твой Олег Михайлов*» [6] и то, что он писал в 1997 году в своей статье о Бунине: «*Книга «Воспоминания» по резкости оценок не только в художественном, но и в политическом плане напоминала Бунина 1920-х («Окаянные дни», «Записная книжка»,*

«Инония и Китеж»). Написанная с исключительной силой и блеском, эта книга включает, наряду со светлыми страницами (портреты Л. Н. Толстого, Чехова, Рахманинова, Эртеля, Джером Джерома), очерки-памфлеты, исполненные язвительности и сарказма. До недавнего времени главы эти либо вообще не публиковались у нас («Горький», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель»), либо публиковались в усеченном, искажающем общий смысл виде («Третий Толстой», «Волошин», «Автобиографические заметки»)» [7, 90].

В год 150-летия со дня рождения И. А. Бунина прошло время окончательно подвести черту под различными о нем публикациями и без всяких околичностей обозначить его место в русской литературе и даже шире — в русской цивилизации. И. А. Бунин — один из тех редких писателей XX века, который дважды победоносно возвращался своим творчеством и книгами на родину.

Первое возвращение было во время хрущевской «оттепели». Я уже в 1968 году обратил внимание на то, что книги И. А. Бунина в московских букинистических магазинах почти не попадались. Безусловно, тогда существовал к нему огромный, неподдельный интерес. Потом, с разными приключениями, наконец, издали в 1973 году бунинский двухтомник в серии «Литературное наследство» [8], не включив в него статьи Б. К. Зайцева и Г. В. Адамовича. И это при том, что к ним официально обращался сам С. А. Макашин, член редколлегии «Литературного наследства», с просьбой написать воспоминания об Иване Алексеевиче. Они написали, но их тексты не были напечатаны, естественно, по идеологическим причинам. Это было бестактно и очень некрасиво, так как Адамович и Зайцев согласились писать бесплатно, я знаю, как они честно трудились, учитывая академический характер издания. К счастью, Г. В. Адамович успел при жизни напечатать свой текст в «Новом журнале» [9].

Второе триумфальное возвращение И. А. Бунина произошло в конце восьмидесятых годов. «Окаянные дни» [10] вышли в 1990 году не одним, а пятью изданиями — общим тиражом почти миллион экземпляров. Были напечатаны ранее запрещенные рассказы И. А. Бунина — «Под серпом и молотом», «Товарищ Дозорный», «Красный генерал» и его «Воспоминания». Вокруг его книг возник не просто интерес, точнее — ажиотаж: они выходили миллионными тиражами, что, как мне кажется, редкий случай в русской и вообще в мировой литературе. Это свидетельство того, насколько писатель был нужен России, какое воздействие на общественное сознание россиян оказывал его авторитет, я бы еще добавил — его взыскующая совесть. Книги И. А. Бунина, особенно «Окаянные дни», к сожалению, актуальны и по сей день. Я бы посоветовал каждому россиянину читать и перечитывать «Окаянные дни» и повторять как заклинание — «чур меня!».

Эта страшная книга наводит на разные мысли, не всегда веселые, особенно, что касается характера русского народа, мужицкой психологии и хитрости. Бунин нам показывает, что русский народ совсем не такой уж богоносец. Когда он выступал 16 февраля 1924 года в Париже с речью «Миссия русской эмиграции», он понимал, может быть, подсознательно, а потом чем дальше, тем с большей уверенностью, что уехал навсегда. Вот выдержки из этой исторической речи: *«Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее... Наша цель — твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас... Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было сказать: "Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приеет власть, низость и злодеяния ее захватчиков"... Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека... Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия... Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?...»* [11].

Человек умный и прозорливый, Бунин понимал, что наступившее лихолетье — надолго, потому что знал лучше, чем многие другие писатели, русский народ. Именно в Ельце, Бутырках, Озерках, Васильевском он получил этот заряд. Бунин подчеркивал и гордился тем, что знает русский народ изнутри, и это не было позой. Между тем кое-что от барчука в нем оставалось.

В связи с тем, что социально-политическая обстановка в России изменилась, а в характере экономической системы производства и распределения произошли коренные перемены, основанные на частной собственности, учитывая сегодняшнюю памятную дату, хочу сказать следующее. В России не очень любят говорить о том, что было тридцать лет назад. Понятно, что мало кому приятно вспоминать прежние прегрешения. Люди словно стесняются каких-то моментов своей биографии. Думаю, что в СССР в литературной сфере, особенно в критике и литературоведении, существовала круговая порука, потому что у многих «рыльце в пушку». И все-таки причина такой «забывчивости» более глубокая. Склад ума, мышления — вот что труднее всего изменить. Замечательно, что сейчас, и об этом нельзя забывать, каждый, кто хочет, может свободно читать Бунина. А когда я привозил в СССР экземпляры «Окаянных

дней», то в какой-то степени рисковал, а те, кому дарил эту книгу, рисковали еще больше: у них могли быть серьезные неприятности.

Впервые, лет шестьдесят назад, я увидел книги И. А. Бунина у моей учительницы русского языка Екатерины Леонидовны Таубер — на юге Франции, в Мужене, между Каннами и Грассом, недалеко от Наполеоновской дороги, по которой Иван Алексеевич часто ездил в Канны на автобусе. У нее был застекленный книжный шкаф, и в нем-то я впервые увидел книги И. А. Бунина (и Г. Н. Кузнецовой — тоже). Екатерина Леонидовна говорила, что это книги замечательного писателя и поэта — я это подчеркиваю, потому что часто забывают, что Бунин еще и удивительный поэт, читала мне его стихи. А сама она была акмеистка, ее кумирами были Блок и Ахматова. И что было знаменательно, так это то, что все это происходило «под сенью оливы» — так Е. Таубер озаглавила свою вторую книгу стихов [12]¹. И я тогда воспринимал все живо, мне это было так же близко, как и человеку, который живет в России в бунинских местах, читает «Жизнь Арсеньева» и ранние рассказы, связанные с этими местами. Со мной происходило то же самое: я вырос, как это ни парадоксально звучит, в бунинских местах. Юг Франции, который Бунин описывает, мне до боли знаком: это — мой край родной. Здесь соединились судьбы Бунина, Зайцева, Зурова, Кузнецовой, Таубер, других писателей-эмигрантов их круга (и моя собственная молодость — тоже).

В Грассе с лета 1923 года Бунин снимал сначала квартиру на вилле Мон-Флери, потом виллу «Бельведер», а во время войны — виллу «Жаннет». У Бунина бывали Шмелев, Зайцев, Алданов, Мережковский, Гиппиус, Ходасевич, Берберова, Степун, Рахманинов и многие другие. Мне кажется, Бунин был своеобразным магнитом, многие с ним хотели встречаться, общаться. Лазурный берег притягивал к себе представителей русской культуры с давних пор. Эта традиция пошла от Гоголя, Тютчева, Чехова. А Чехов — один из кумиров и Бунина, и Зайцева: они в конце жизни написали о нем книги [13].

Моя учительница Е. Таубер была автором пяти сборников стихов и при этом оставалась очень скромным человеком. Она встречалась с Буниным уже после войны в Жуан-ле-Пен, в русском пансионе Ле Фурнэль. Бунин в своем дневнике дал высокую оценку ее творчеству. Не случайно стихи Екатерины Леонидовны душевно близки, родственны стихам Галины Кузнецовой, музы И. А. Бунина. Вот красноречивая дарственная надпись на книге «Грасский дневник»: *«Родственной душе — милой Екатерине Леонидовне сердечно — Галина Кузнецова. Август 1972. Мюнхен»* [14].

¹ Экземпляр с дарственной надписью: «Галине Николаевне Кузнецовой, автору "Оливкового сада" с дружеским приветом от автора».

Уже после смерти Бунина Вера Николаевна писала Е. Л. Таубер, что высылает книгу Ивана Алексеевича «Митина любовь», вышедшую в нью-йоркском издательстве имени Чехова, но, к сожалению, ей придется надписывать экземпляр вместо него. Именно в этом контексте и состоялась «моя встреча» с великим писателем-эмигрантом. Хочу отметить, что она произошла тогда, когда мало кто из западных славистов интересовался Буниным: не только в советской России, но и на Западе, ему мешал ярлык белогвардейца. Я об этом уже не раз говорил и писал. Он был во главе «Белой библиотеки», «не принял и не понял Великую Октябрьскую революцию», он «не остался со своим народом», ушел в эмиграцию. Убежден, что отсутствие интереса к Бунину со стороны французских славистов имело под собой ту же самую основу.

Как ни странно, даже Нобелевская премия, присужденная Бунину в 1933 году, не изменила существовавшее положение. Она не очень ему помогла, хотя он был первым из русских писателей, удостоенным Нобелевской премии по литературе. Тем не менее, благодаря ей во Франции Бунин стали переводить. Но это длилось недолго: как ни странно, у него книг на французском языке было не так уж много, даже гораздо меньше, чем у другого писателя-эмигранта А. Ремизова. Тогда самое престижное издательство «Галлимар» выпустило несколько переводных книг, но каких? «Деревня» [15], «Господин из Сан-Франциско» [16] — сами понимаете, с каким уклоном эти произведения: якобы критика царской России. Ни «Солнечного удара», ни рассказов из сборника «Темные аллеи!» И это была общая участь писателей первой волны послеоктябрьской эмиграции: их почти не переводили. Например, у Бориса Зайцева за 50 лет жизни в эмиграции вышли на французском языке всего лишь две книги: «Анна» и «Золотой узор» [17].

Письма И. А. Бунина своему литературному агенту М. А. Гофману открывают малоизвестные страницы биографии писателя, связанные с изданием его книг на французском, английском и немецком языках. В данном случае нас интересует только все то, что относится к французскому изданию его «Воспоминаний» [18], которые вышли 14 декабря 1950 года в Париже в издательстве Кальман-Леви (Calmann-Lévy). Из писем мы узнаем, что «Воспоминания» предлагались также издательствам «Галлимар», «Плон», но контракт был подписан все-таки с Кальман-Леви. По этим письмам видно, что еще до появления русского издания [19] был заключен договор с французским издателем. Французский вариант книги вызвал нарекания Бунина: «Вообще издательство С-Л по наглости беспримерное: какое, например, имели они право по-своему устанавливать порядок моих статей? Почему книга начинается с “Чехова”?» [20, 22]. Из «Воспоминаний» Нобелевского лауреата были исключены несколько глав («Его Высочество», «Се-

меновы и Бунины», «Эртель», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель») ... А в другом письме Гофману читаем: «Я хотел Вам сказать, что в английском и американском изданиях расположение статей, составляющих книгу моих «Воспоминаний», должно быть такое, как в русском издании, а не то безобразие, которое позволил себе сделать С. Lévy» [21, 22].

Можно также задать себе вопрос: почему «Окаянные дни» появились во французском переводе [22] только в конце восьмидесятых годов, после их публикации в Москве [23]? Потому что эта книга, как ни странно, была на Западе неактуальна, неприятна и как бы «несозвучна эпохе», ибо почти все французские издательства были с определенным левым уклоном. Так что для «Окаянных дней» не нашлось ни издательства, ни переводчика: почти все французские переводчики, работавшие, например, на «Галлимар», были коммунистами или их попутчиками, — разве они могли позволить себе переводить такую книгу? И только благодаря перестройке в СССР «Окаянные дни» вышли наконец-то во Франции. Ради справедливости надо отметить, что за последние годы появились новые книги Бунина на французском языке, но они вышли в свет только потому, что в постсоветской России его стали печатать большими тиражами. То же самое относится и к книгам Бориса Зайцева, Алексея Ремизова и Гайто Газданова. Первый однотомник И. Шмелева [24], которого французские слависты считали реакционером, чуть ли не фашистом, вышел в Москве тиражом в один миллион экземпляров.

Интересно, что уже в наше время французские слависты-коммунисты стали без всякого зазрения совести писать предисловия и послесловия к произведениям Бунина и других писателей-эмигрантов. Когда эти люди взялись за написание статей о тех, кого они упорно замалчивали, им было уже под семьдесят лет. Вопрос к этим авторам (говорю не для полемики, а исключительно ради того, чтобы понять логику их действий): почему они раньше, до распада Советского Союза, не писали о Бунине и других писателях-эмигрантах? За пять лет дружбы и сотрудничества с Б. К. Зайцевым я ни одного французского слависта у него не встречал. Где они были? Они занимались своей карьерой, понимая, что общение с теми или другими из последних представителей литературы зарубежной России может им навредить. Теперь же те самые, которые часто ездили в командировку в СССР, но никогда не писали и не говорили о том, что во Франции в изгнании жили Бунин, Шмелев, Зайцев, Ремизов, Георгий Иванов, Одетцев, Адамович, Ходасевич, Берберова, Анненков и другие, вдруг стали активно интересоваться писателями-эмигрантами.

Очередной юбилей дает возможность напомнить, что И. А. Бунин был первым из первых писателей зарубежной России. Присуждение Нобелевской

премии было воспринято в эмигрантской среде как признание не только его личных заслуг, но и всей русской литературы в изгнании, как победа всей эмиграции. Эта награда вызвала огромное воодушевление в русском рассеянии, простиравшемся тогда едва ли не по всем континентам — достаточно перелистать русскоязычную прессу 1933–1934 годов... Здесь не могу не процитировать то, что написал Марк Алданов в ноябре 1933 года: «Торжество знаменитого русского писателя есть торжество всей эмигрантской литературы. Так мы всё это и приняли. Так это приняли и старшие из нас, имена которых не раз назывались в связи с Нобелевской премией. Это делает им большую честь» [25, 3]. Бесспорно, все товарищи по перу, как любил говорить Б. К. Зайцев, это осознавали. И первым из первых Бунин был не только потому, что получил Нобелевскую премию, но потому, что собственной жизнью доказал свою непримиримость к коммунистической диктатуре, и потому еще, что свои литературные шедевры создал в эмиграции. Важно знать и не забывать, что долгое время в России не полагалось писать, что И. Бунин, Д. Мережковский, Б. Зайцев, А. Ремизов, И. Шмелев, К. Бальмонт, Г. Иванов, В. Ходасевич создали свои лучшие книги в изгнании. Это противоречило тезису, будто бы нельзя творить, будучи оторванным от родной почвы, и долгие годы в советской России по этому поводу высказывались определенно. Чтобы не быть голословным, не могу не процитировать то, что писал доктор филологических наук Ю. А. Андреев в своей вступительной статье к «Избранному» А. М. Ремизова: «Отрыв от отечества сказан сугубо отрицательно на всех без исключения писателях-эмигрантах. Для Алексея Ремизова отрыв от России был чреват творческим бесплодием» [26, 32]. Комментарии излишни! Теперь, наконец, в постсоветской России все соглашались, что лучшее у И. А. Бунина — «Митина любовь», «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева», «Лица», «Освобождение Толстого», «Темные аллеи», «Воспоминания», а ведь все это написано во Франции. Бунин, как и другие писатели-эмигранты, доказал, насколько они были сильны — и не только духом. Писать по-русски, как он писал, в отрыве от родины, действительно живя в другом мире, в другой языковой стихии, писать все лучше и лучше, несмотря на возраст, на трудные материальные, психологические и моральные условия — поистине настоящий подвиг. И каждый из писателей-эмигрантов, в меру своих сил, его совершил.

Из близкого круга друзей Бунина я волею судеб знал и даже дружил со многими, среди них: Б. К. Зайцев, Г. В. Адамович, В. В. Вейдле, Г. Н. Кузнецова, Л. Ф. Зуров, А. В. Бахрах, С. М. Лифарь, Я. М. Седых, В. А. Могилевский, Ю. К. Терапиано, И. В. Одоевцева, З. А. Шаховская, Е. Л. Таубер, С. Ю. Прегель, Т. Д. Логинова-Муравьева, Н. Н. Оболенский, А. Е. Величковский...

Сколько интересного и любопытного они мне рассказывали о И. А. Бунине! Конечно, все они хранили благодарную память о нем, прекрасно понимая, что им выпала редкая удача и великое счастье входить в окружение последнего русского классика.

Но, говоря об этих взаимоотношениях, нельзя забывать, что воспоминания того или другого из современников создавались пятнадцать или двадцать лет спустя после кончины Бунина, когда время сделало свое дело и страсти, конфликты уже улеглись. Прежде всего, хочется вспомнить рассказы Б. К. Зайцева, который в конце жизни часто вспоминал Ивана Алексеевича, переживал их разрыв, случившийся в январе 1948 года из-за исключения из эмигрантского Союза писателей тех, кто взял советский паспорт, поверив указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1946 г. о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи. Однако Зайцев не чувствовал за собой вины, полагая, что он и Бунин оба были виноваты и что поневоле были вовлечены в эту распрю из-за сталинского указа. Ему было тяжело об этом вспоминать. Борис Константинович говорил, что за месяц до смерти Ивана Алексеевича послал ему письмо, чтобы помириться. Бунин так и не ответил, потому что уже ответить не мог. Но Зайцев очень переживал, так как с большим уважением относился к Бунину. Он понимал первенствующее положение Бунина в русской зарубежной литературе: с этим никто не спорил, даже представители младшего поколения. Это было ясно, я думаю, даже для Мережковского, Гиппиус² [27], Ремизова, Шмелева, Набокова, Газданова, не говоря о Ходасевиче, Адамовиче, Шаршуне, Терапиано, Одоевцевой, Шаховской.

Борис Константинович любил вспоминать про близость Бунина к народу, несмотря на его барственность. За последние десять лет жизни он немало написал о Бунине, о своих встречах и взаимоотношениях. Гордился тем, что был с ним «на ты». Именно на литературном вечере в его квартире в Москве (в доме на углу Гранатного переулка и улицы Спиридоновка) 4 ноября 1906 года Иван Алексеевич после чтений познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, верной и преданной спутницей всей

² Вот что писала Зинаида Гиппиус Вере Николаевне Буниной 9 ноября 1932 г. за год до присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии по литературе: «Если же, как это вероятно, получит Ив. Ал., мы испытываем громадную за него и за вас радость, и даже без примеси чисто человеческой зависти... Но пусть Ив. Ал. в со-радости нашей не сомневается, уж помимо всего прочего — даже по разуму: собственно надежд Д. С. [Мережковский] все равно не имел, а какому русскому не радостно и не гордо, что его соотечественник оценен по достоинству?». Темира Пахмусс. Из архива Мережковских: письма З. Н. Гиппиус к И. А. Бунину.

его жизни [28, 170]. Вот что он писал в своей чуть ли не последней статье: *«Все же, в начале эмиграции в особенности, интерес к восточным пришельцам был у культурной и не крайне левой части французской литературы и интеллигенции. Наиболее ярко выступило это в присуждении Нобелевской премии русскому, Бунину, в 1933 году. Был и советский кандидат, Горький, с именем всемирным, чего у Бунина не было. Но Шведская Академия предпочла бесподданного эмигранта. В эмиграции русской это присуждение встречено было восторженно. Как бы "последние да будут первыми"»* [29, 4].

Борис Константинович как-то мне сказал: «Вам надо обязательно встретиться с Галиной Николаевной Кузнецовой». Он к ней относился с большим уважением, очень ценил, с высокой похвалой отзывался о ее книге «Грасский дневник». Б. К. Зайцев написал для меня рекомендательное письмо: *«Дорогая Галина, записку эту передаст Вам мой знакомый (хорошо знакомый) Ренэ Юлианович Герра, французского происхождения, будущий профессор Русской Литературы. Он интересуется Буниным, будет писать о нем — не откажите рассказать ему о Грассе, о жизни там и т.п. Он хороший француз, пишу наспех, будьте здоровы, целую ручку. Ваш Бор. Зайцев 24.VI.70»*. В июле 1970 года я специально поехал в Мюнхен, чтобы познакомиться с музой Ивана Бунина. В дневнике Веры Николаевны Буниной можно прочитать в записи от 13 октября 1929 года великодушные, благородные и мудрые слова: *«Я не имею права мешать Яну любить, кого он хочет, раз любовь его имеет источник в Боге. Пусть любит Галину... — только бы от этой любви было ему сладостно на душе»* [30, 210].

К тому же в Мюнхене мне хотелось встретиться с писателями Г. Газдановым и В. Варшавским. Там мне очень помогла писательница Ирина Евгеньевна Сабурова, у которой я остановился в пригороде Мюнхена. Галина Николаевна меня очень любезно, даже трогательно приняла. Ей было явно приятно, во-первых, потому, что я был от Бориса Константиновича, а это была хорошая, солидная рекомендация, а во-вторых, что я француз: ведь она все-таки переводила «Волчицу» Франсуа Мориака [31], которая вышла с предисловием Бунина. Она, безусловно, любила Францию и особенно Грас и Лазурный берег, потому что ее лучшие годы были связаны, несмотря ни на что, с этими незабываемыми местами. Несколько часов подряд мы беседовали за чашкой чая. И естественно, все было вокруг Бунина, но она сама меня тоже интересовала как представительница младшего поколения писателей-эмигрантов. О чем она еще говорила? О том, как они с Маргаритой Августовной Степун, переехав в Нью-Йорк, с 1949 года помогали Бунину. Говорила не потому, что хотела похвастаться этим, нет, просто желала показать, что не было полного разрыва с Буниным, что

они оставались друзьями³ [32], и она ему помогала в издательских и финансовых делах. Они с Маргой были связующими звеньями с издательством имени Чехова в Нью-Йорке, когда готовились к печати книги Бунина «Жизнь Арсеньева», «Весной, в Иудее», «Митина любовь», «Солнечный удар» и др., а также во взаимоотношениях Бунина с австрийскими и немецкими издательствами. И естественно, при всех наших беседах присутствовала от начала до конца Маргарита Августовна, которая меня также очень тепло и дружелюбно приняла. Если бы она наложила на встречу вето или ввела ее в официальное русло, не возникли бы между нами доверительные отношения и не было бы той искренности, с которой общались со мной Галина Николаевна и Маргарита Августовна.

Трогательны надписи Веры Николаевны на своей книге «Жизнь Бунина. 1870–1906» Галине Николаевне: *«Настоящее чудо: книга вышла ко дню его рождения! В ней много тяжелого, много страданий, печали, но все же эти годы прекрасны — среди нашей прелестной поэтической природы, в наших городах, в общении со своим народом, в творческом напряжении, словом, дома! Дорогой Гале дружески и сердечно. Автор. Париж 23.10.1958»* и Маргарите Августовне: *«Дорогой Марге, мою "мозаичную" книгу на строгий суд. Дружески и душевно Вера Бунина. Париж 23.10.1958»* [28]. В архиве Галины Николаевны на одной из книг [33] сохранилась надпись Ивана Алексеевича уже после их разрыва, и там видно, что он хочет, чтобы она сохранила о нем добрую память⁴.

Многие писатели посылали Бунину свои книги в надежде, что он напишет отзыв или рецензию. Например, Нина Берберова мечтала, чтобы Иван Алексеевич высказался хотя бы в письме о ее новой книге, о чем свидетельствует ее дарственная надпись: *«Дорогой Иван Алексеевич, пожалуйста, исполните мою просьбу: прочтите эту книгу и скажите мне что-нибудь о ней. Н. Берберова, Longchêne 27.VI.1938»* [34]. А вот надпись В. Ходасевича на книге о Пушкине [35], подаренной Бунину, весьма лаконична: *«Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину от автора. 1937, апр.»*. Зато весьма красноречиво то, что он писал Галине Кузнецовой: *«Поклонитесь Ивану Алексеевичу. Он меня знать не хочет, а я его хочу знать очень, п. ч. "Арсеньев" чудесно хорош, до чертиков. Ваш В. Ходасевич. 16.06.1933»*⁵ и пять месяцев спустя — в своей

³ Дарственная надпись Галины Кузнецовой И. А. Бунину на своей книге стихов «Оливковый сад»: «До смертной сени будем помнить мы / Страны великолепной, как Эллада, / Пологие и синие холмы... С благодарной любовью и памятью моему дорогому. Ноябрь 1937 г. Париж».

⁴ Инскрипт автора: «Из книг Г. Н. Кузнецовой. Ив. Бунин 29.IX.50. Париж».

⁵ Настоящая книга В. Ф. Ходасевича отпечатана в ознаменование столетия кончины А. С. Пушкина в феврале

статье о Бунине: «Члены Нобелевского комитета присудили лавры гонимому страннику, почти беззащитному и почти бесправному...» [36].

Я близко знал блестящего литературного и художественного критика Владимира Васильевича Вейдле, преданного почитателя и соратника поэта В. Ходасевича, о котором написал первую монографию [37]⁶. Не могу не процитировать дарственную надпись Ходасевича на своей книге о Пушкине: «Дорогому Владимиру Васильевичу от любящего его В. Х. 1937, 28 марта». Я являюсь душеприказчиком и наследником В. В. Вейдле. В моем архиве хранится часть писем Бунина к нему, другие находятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. И по этим письмам видно, что Бунин очень ценил мнение Вейдле и каждый раз просил его написать рецензию на свои новые книги: это о многом говорит. Совершенно справедливо Г. П. Струве писал: «Из многого, что было сказано зарубежной критикой о Бунине, всего ближе к сути дела то, что писал о нем В. В. Вейдле...» [38, 2]. Я знал и Георгия Викторовича Адамовича, с которым не раз встречался и в Париже, и в Ницце. Я не случайно назвал Вейдле и Адамовича. Оба они любезно согласились раз в месяц приходиться ко мне, чтобы я записывал на магнитофон их воспоминания о литературной жизни русского Парижа — о журналах «Современные записки», «Числа», о блистательном русском Монпарнасе, «Зеленой лампе», «Воскресеньях» у Мережковских и, конечно, о Бунине. Приходили они, зная, что мне это приятно, что их рассказы я сохраняю.

В заключение хочу сказать: у первой волны эмиграции своя история — сопротивление, отступление, бегство, хождение по мукам, встреча с чужбиной, осмысление прошлого и осознание миссии: *быть не в изгнании — а в послании*. Феномен первой русской эмиграции уникален, так как ей нет аналогов в мировой истории; лучшее оправдание этой волны — ее культурное наследие. Нельзя забывать: все то, что создали в трудных материальных и психологических условиях русские эмигранты — поэты, писатели, философы, богословы, художники, композиторы... — в Советском Союзе семьдесят лет находилось под запретом. Об их подвиге было принято либо умалчивать, либо его хулить, либо чернить. Все

1937 г. в типографии Шпеер и Шмидт в Берлине в количестве пятисот экземпляров, из которых 50 экземпляров с подписью автора в продажу не поступают. Экземпляр № 40.

⁶ Отпечатано 100 нумерованных экз. В моем книжном собрании хранятся: экз. № 10 с дарственной надписью: «Милому Рене Юлиановичу Герра старенькую эту книжечку надписывает старый его друг — автор. 5.IV.75»; экз. № 43: «Дорогому Рене Юлиановичу Герра от преданного ему автора. 5.II.77»; экз. № 69: «Рене Юлиановичу Герра с дружеским чувством от автора. В. В. Париж, 8.IV.79».

советские энциклопедии были наполнены чувством отторжения, ненависти к белоэмигрантам, а сама эта тема, по причинам, не требующим объяснений, была десятилетиями наглухо закрыта. Книги писателей-эмигрантов находились в СССР под семью замками в спецхранах. Сколько было разоблачителей и хулителей Русского Рассеяния, которое по праву можно назвать Зарубежной Россией, ибо оно сумело сбросить и приумножить достояние дореволюционной культуры. Униженные, изгнанные из большевистской России, объявленные ее врагами, белые эмигранты сохранили до конца любовь к Родине и веру в ее возрождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров Валентин. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953) / Валентин Лавров. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 383 с.
2. Бабореко А. К. Дороги и звоны / А. К. Бабореко. — М.: Московский рабочий, 1993. — 211 с.
3. Бабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917) / А. К. Бабореко. — М.: Художественная литература, 1967. — 303 с.
4. Бабореко А. К. . И. А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917. Издание второе / А. К. Бабореко. — М.: Художественная литература, 1983. — 351 с.
5. Михайлов Олег. Иван Бунин. Окаянные дни / Олег Михайлов. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 335 с.
6. Михайлов Олег. И. А. Бунин. Жизнь и творчество / Олег Михайлов. — Тула: Приокское книжное издательство, 1987. — 319 с.
7. Михайлов Олег. Бунин Иван Алексеевич / Олег Михайлов // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Писатели Русского Зарубежья. — РОС-СПЭН, 1997. — 511 с.,
8. Литературное наследие. Том восемьдесят четвертый в двух книгах. Иван Бунин. Книга первая. М.: Наука, 1973. — 696 с. / Книга вторая. 551 с.
9. Адамович Г. Бунин. Воспоминания / Г. Адамович // Новый Журнал № 105, Нью-Йорк, декабрь 1971. — С. 115–137.
10. Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. — 175 с., тираж 400 000 экз.; Бунин И. Окаянные дни. Под серпом и молотом / Сост. Р. Тименчик. — Рига: Изд. ЦК КП Латвии, 1990, 237 с., тираж 100 000 экз.; Бунин Иван. Окаянные дни. Вступ. ст. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. — 414 с., тираж 100 000 экз.; Бунин И. Лишь слову жизнь дана... Сост., вступ. ст., примеч. и имен. указ О. Н. Михайлова. — М.: Советская Россия, 1990. — 368 с., тираж 50 000 экз.; Бунин Иван. Окаянные дни. Сост. предисл. О. Михайлова. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 335 с., тираж 200 000 экз.; Бунин И. А. Окаянные дни. Предисл. О. Михайлова, примеч. С. Крыжицкого. Тула: Приокское книжное издательство, 1992. — 319 с., тираж 75 000 экз.
11. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции / И. А. Бунин // Окаянные дни. Вступ. ст. А. К. Бабореко. — М.: Советский писатель, 1990.

12. Таубер Е. Под сенью оливы / Е. Таубер.— Париж, 1948. Экземпляр с дарственной надписью: «Галине Николаевне Кузнецовой, автору "Оливкового сада" с дружеским приветом от автора».
13. Зайцев Борис. Чехов. Литературная биография / Борис Зайцев.— Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954–260 с. / И. А. Бунин. О Чехове. Незаконченная рукопись. Предисловие М. А. Алданова.— Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955.— 412 с.
14. Кузнецова Галина. Грасский дневник / Галина Кузнецова.— Вашингтон: Изд. В. Камкин, 1967.— 315 с.
15. Ivan Bounine Prix Nobel 1933. Le Village. 10e édition nrf. Gallimard, Paris, — 1934.— 292 с.
16. Ivan Bounine Prix Nobel 1933. Le monsieur de San Francisco. 10e édition nrf. Gallimard, Paris, 1934.— 342 с.
17. Boris Zaitzev. Anna. Ed. Saint-Michel, Paris, 1931.— 279 с. (Les Maîtres étrangers) / Boris Zaitsev. La guirlande dorée. Hachette, Paris, 1933.— 286 с. (Collection Les meilleurs romans étrangers).
18. Ivan Bounine. Prix Nobel. Mémoires. Traduit du russe par Hélène Bayan. Calmann-Lévy, éditeurs.— Paris, 1950.— 178 с.
19. Бунин И. А. Воспоминания / И. А. Бунин.— Париж: Книгоиздательство Возрождение — La Renaissance, 1950.— 272 с.
20. Бунинские материалы из архива М. А. Гофмана. Письмо декабрь 1950 или январь 1951. Филологические записки. Вып. 20.— Воронеж, 2003. С. 22.
21. Бунинские материалы из архива М. А. Гофмана. Письмо от 25 января 1951. Филологические записки. Вып. 20.— Воронеж, 2003.— С. 22.
22. Inan Bounine. Jours maudits. L'Age d'Homme.— Lausanne, 1988.— 179 с.
23. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 томах / И. А. Бунин.— Т. 6. / Окаянные дни. Фрагменты.— М.: Художественная литература, 1988.
24. Шмелев И. С. Избранное / И. С. Шмелев.— М.: Изд. Правда, 1989.
25. Алданов М. А. Выбор Шведской Академии. И. А. Бунин / М. А. Алданов // Иллюстрированная Россия № 48 (446).— Париж.— 25 ноября 1933.— С. 3.
26. Ремизов А. М. Избранное / Ремизов А. М.— Сост., подготовка текста, вступит. статья и коммент. Ю. А. Андреева.— М.: Художественная литература, 1978. (510 с.).— С. 32.
27. Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. XXII (4), Paris, octobre-décembre.— 1981.
28. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина 1870–1906 / В. Н. Муромцева-Бунина.— Париж, 1958.— 171 с.
29. Зайцев Борис. Изгнание. Русская литература в эмиграции / Борис Зайцев // Сборник статей под ред. Н. П. Полторацкого.— Питтсбург, 1972.— 409 с.
30. Устами Буниных. Дневники. Том II. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.— С. 210.
31. Мориак Франсуа. Волчица (Genitrix) / Франсуа Мориак / Перевод Г. Н. Кузнецовой с предисловием Ив. А. Бунина. Париж: Русские записки, 1938–117 с.
32. Кузнецова Г. Оливковый сад / Г. Кузнецова.— Париж: Современные записки, 1937.— 80 с.
33. Бунин И. А. Воспоминания / И. А. Бунин.— Париж: Возрождение, 1950.— 272 с.
34. Берберова Н. Без заката. Роман / Н. Берберова.— Париж: Дом книги, 1938,— 162 с.
35. Ходасевич В. Ф. О Пушкине / В. Ф. Ходасевич.— Берлин: Петрополис, 1937.— 193 с.
36. Ходасевич Вл. О Бунине / Вл. Ходасевич.— Париж: Возрождение, 16 ноября 1933.
37. Вейдле В. Поэзия Ходасевича / В. Вейдле.— Париж, 1928.— 64 с.
38. Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Глеб Струве.— Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956.— 408 с.

Парижский университет

Герра Ренэ, доктор филологических наук, литературовед, президент-основатель Общества по сохранению русского культурного наследия во Франции

E-mail: rene.guerra0422@orange.fr

University of Paris

Guerra Rene, Doctor of Philology from the, literary critic, founding president of the Society for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France.

E-mail: rene.guerra0422@orange.fr

СТИХОТВОРЕНИЕ И. А. БУНИНА «ИГРОКИ»: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. А. Качков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 25 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье стихотворение И. А. Бунина «Игроки» исследуется в интермедиальном аспекте. Выявляется связь стихотворения с кинематографом начала XX века, системно анализируются приемы, с помощью которых И. А. Бунин достигает эффекта присутствия в тексте визуальных и аудиальных составляющих. С опорой на зарубежные исследования интермедиальности предлагается трактовка стихотворения как творческого эксперимента, цель которого — стирание привычных границ между литературой и кинематографом.

Ключевые слова: И. А. Бунин, стихотворение «Игроки», интермедиальность, каналы коммуникации, кинематограф начала XX века, частичная репродукция.

Abstract: the article examines I. A. Bunin's poem "The Players" in an intermedial aspect. The author reveals the connection of the poem with the cinema of the early 20th century, systematically analyzes the techniques by which I. A. Bunin achieves the effect of the presence of visual and audial components in the text. Based on foreign studies of intermediality, the author offers an interpretation of the poem as a creative experiment, the purpose of which is to erase the usual boundaries between literature and cinema.

Keywords: I. A. Bunin, poem "Players", Intermediality, communication channels, cinematography of the early 20th century, partial reproduction.

С появлением кинематографа у человека в распоряжении оказался еще один медиум — коммуникативный канал, передающий динамически изменяющуюся визуальную, вербальную, а затем, спустя время, и аудиальную информацию. И человек с энтузиазмом принялся изучать этот новый медиум: его язык, его инструментарий и границы возможностей.

Советский киновед С. С. Гинзбург писал: «В 1916 году в России было продано не менее ста пятидесяти миллионов билетов в кинотеатры. Из этого следует, что в среднем на каждую прочитанную книгу приходилось пять-шесть посещений кинематографа, а на каждый проданный билет <...> — десять-двенадцать проданных кинематографических билетов. Можно, таким образом, утверждать, что в дореволюционной России, во всяком случае в годы Первой мировой войны, кино в деле удовлетворения эстетических запросов населения играло большую роль, чем театр и даже литература» [4, 8–9].

С каждым годом кинематограф совершенствовался технически, увеличивался хронометраж фильмов, появлялись первые «звезды кино» (вспомним Веру Холодную и Витольда Полонского), театральные режиссеры пробовали себя на новом поприще (в 1915 г. Всеволод Мейерхольд снял «Портрет Дориана Грея»), а на экранах все чаще появлялись произведения, уже тогда ставшие классикой — «Анна Каренина» (1914), «Война и мир» (1915), «Дворянское гнездо» (1915)

и другие. Экранизации литературных произведений были удобной отправной точкой для первых киноопытов, и получилось так, что именно литература во многом определила облик кинематографа начала XX века. Однако нельзя забывать и про обратное влияние: опыт кино воздействовал и на саму литературу.

На исследовании такого двустороннего взаимодействия в западной традиции основана теория ремедиации. Ее суть заключается в том, что медиа не появляются на пустом месте и не исчезают бесследно, они все время взаимодействуют и перенимают приемы друг у друга. Как писали создатели этой теории Дж. Болтер и Р. Грусин, «медиа среда в нашей культуре никогда не может действовать изолированно, потому что она должна вступать в отношения уважения и соперничества с другими медиа» (перевод наш. — И. К.) [12, 65].

Для продуктивного исследования таких взаимодействий литературоведение может применять актуальный сегодня интермедиальный анализ. Мы попробуем продемонстрировать его возможности на материале стихотворения И. А. Бунина «Игроки».

Это стихотворение было написано в 1916 году, и по признанию самого Бунина, создавалось под влиянием А. С. Пушкина [2, 612]. Однако источником этого влияния могли стать не только литературные произведения классика: 2 мая (19 апреля по старому стилю) того же года вышел полнометражный художественный фильм «Пиковая дама» режиссера Якова Протазанова. Мы допускаем, что Бунин был знаком

с этой экранизацией. Заметим также, что вопрос о связи творчества Бунина с кинематографом в литературоведении уже поднимался, но касался, во-первых, более поздних произведений, а во-вторых — прозы (см. работы А. В. Разиной [7], Р. М. Янгирова [11], Н. В. Пращерук [5]). Мы же предлагаем обратить внимание на поэтическое наследие Бунина и взглянуть на него в интермедийном аспекте.

Для начала определимся с терминологией. При интермедийном анализе мы будем говорить не столько о взаимодействии искусств, сколько о взаимодействии разных медиа — то есть каналов коммуникации [9, 39]. Интермедийностью мы называем формально-содержательную составляющую художественного произведения, связанную с авторской стратегией адаптировать и транслировать семиотические коды других медиа. Поскольку общепринятого определения интермедийности в науке до сих пор нет, мы предлагаем именно такой вариант. Он содержит очень важное для нашего исследования понятие — адаптация. Как писал Оге Ханзен-Лёве (создатель термина «интермедийность»), «основная проблема систематического представления интерсемиотического соотношения между словесным и живописным или музыкальным текстом состоит в том, что для живописного или музыкального языка невозможно установить столь отчетливую единицу, какую лексема... представляет собой в вербальном языке» [10, 47]. Именно поэтому мы вынуждены говорить только об адаптации языка других медиа. В нашем случае речь пойдет об адаптации киноязыка силами художественного текста.

Важно помнить, что интермедийность неразрывно связана с социальным, историческим, технологическим контекстами [14, 17], поэтому в своем анализе мы должны учитывать состояние кинематографа именно на 1916 год. Дело в том, что кино по своей природе гетеромедийно [13], оно содержит в себе разные типы медиа и потому способно к репрезентации как минимум трех каналов передачи информации — визуального, аудиального и вербального. Однако в 1916 году кино еще оставалось черно-белым, немым и содержащим множество текстовых вставок, заменяющих реплики актеров. Это значит, что у фильмов того времени практически полностью устраняется аудиальный канал (хотя некоторые картины все-таки сопровождалась исполнением живой музыки прямо в зале кинотеатра), ослабляется визуальный за счет исключительно черно-белого изображения, но при этом усиливается вербальный — с помощью прямых текстовых включений.

Кроме того, необходимо учитывать и собственно бунинский контекст, без которого мы не сможем дать объяснения результатам своих наблюдений и связать их с авторской стратегией. Нам важно установить сознательность использования автором тех или иных приемов и механизмов.

Теоретики интермедийности считают, что художественный текст также может обладать разными каналами передачи информации. И. Раевски, немецкий литературовед, доказывает, что писатель способен вызывать у читателя визуальные и аудиальные впечатления, имитируя приемы других медиа. Она называет этот механизм *as if* — «как если бы» [15, 55]. То есть писатель может создать иллюзию монтажа кадров и смены планов, «как если бы» он был режиссером или оператором. Он может вызвать иллюзию изображения и звука, используя экфрасис и аллитерации — или применить механизм частичной репродукции, о котором будет сказано немного позже. Писатель располагает множеством инструментов, которые помогают ему стирать границы между разными по своей природе медиа.

Теперь рассмотрим, какими инструментами пользуется Бунин. Его стихотворение «Игроки» описывает ситуацию игры в штосс, которая происходит прямо во время бала. Герой по фамилии Стоцкий проигрывает генералу, а тот, увлеченный игрой, совсем не замечает, с какими чувствами его жена смотрит на Стоцкого. Затем герои разъезжаются, и генерал все еще остается в полной уверенности, что «нет Стоцкому удачи ниоткуда» [2, 333]. Это вся фабула. Она достаточно простая и короткая, но все-таки она присутствует в стихотворении, что нельзя не отметить. И хотя при интермедийном анализе нас в гораздо большей степени будет интересовать форма произведения, уже в содержании можно найти обоснование выбора тех или иных приемов.

Как и в случае с кино, выделим у этого стихотворения три медиаканала.

Обратившись к аудиальному каналу, мы заметим, что, хотя местом действия является бал, мы слышим не музыку, а только шум. Бал «гремит» в банкетной, раздаётся «топот пар и гром мазурок бальных» [2, 332]. И даже когда герои покидают бал и едут домой, ощущение шума не пропадает — «Визжат, стучат в ухабах подреза, / Возок скрипит...» [2, 332]. То есть стихотворение действительно звучит, но при этом нарушает читательские ожидания.

Дополняется такой диссонанс еще одним приемом. В теории интермедийности его называют тематизацией — то есть отсылками к другим медиа без использования их особенностей [16, 5]. В стихотворении говорится о том, что на балу слышен «гром мазурок» — тематизируется мазурка. Отсылка к ней уже сама по себе создает определенный музыкальный образ, хорошо знакомый людям XIX — начала XX веков. Как известно, мазурка — это и музыка, и танец. Темп мазурки достаточно быстрый, размер обычно $\frac{3}{4}$ с акцентами на второй или даже третьей доле такта. Это очень узнаваемый вальсовый размер, иллюзию которого можно было создать довольно просто — подбрав, например, соответствующий стихотворный размер — дактиль, амфибрахий или анапест. Одна-

ко в стихотворении «Игроки» Бунин выбирает ямб, чем полностью сбивает ритм мазурки.

Результат парадоксальный — в то время как многие поэты (особенно символисты) пытались передать своими стихами музыкальные впечатления, Бунин оставляет в своем стихотворении только шум, устраняет ритмические ассоциации, которые могли бы помочь читателю «услышать» мазурку, и дополнительно сбивает плавность переходов между строками регулярным анжамбеманом — несовпадением границы стихотворных строк с границей синтагмы.

«Овальный стол огромный. Вдоль по залу
Проходят дамы, слуги — на столе
Огни свечей, горящих в хрустале,
Колеблются. Но скупое внемлет балу,
Гремящему в банкетной, и речам
Мелькающих по залу милых дам
Круг игроков. Все курят. Беглым светом
Блестят огни по жирным эполетам»
[2, 332].

Еще одним примером звуковых аномалий становится характеристика Москвы — она «глуха» [2, 332], что можно трактовать по-разному. Однако, как нам кажется, глухота в значении неспособности воспринимать звук может в таком контексте стать

своеобразной доминантой смысла. И дело не только в слухе — речь о неспособности воспринимать окружающий мир адекватно вообще. Это проявляется как на смысловом уровне стихотворения (генерал не слышит, что скрывается за словами Стоцкого), так и на уровне исторического контекста. Идет 1916 год — продолжается Первая мировая война, приближается революция. И ощущение грядущей катастрофы исторического масштаба пророчески отражается в творчестве Бунина — в его прозе появляются мотивы преступления без наказания (рассказ «Петлистые уши»), его поэзия наполняется тревогой и мрачными красками. А Блок уже в самом начале 1918 года выразит известную мысль о том, что необходимо слушать и слышать музыку революции: «Дело художника, *обязанность* художника — видеть то, *что* задумано, слушать ту музыку, которой гремит “разорванный ветром воздух”» [1, 12]. Но Бунину слышалась только какофония, хаос звуков — и потому, в отличие от Блока, он даже не пытался принять тех перемен, которые этот хаос в себе нес.

Теперь рассмотрим визуальный канал. Бунин, обладая по-настоящему живописным даром (см. об этом работу Н. В. Пращерук [6]), в этот раз использует всего два вида оттенков — светлые и темные. Прочитываем все цветовые словоупотребления:

Светлые	Темные
<p>Огни свечей, горящих в хрустале; Беглым светом / Блестят огни по жирным эполетам; Зал, белый весь; Сидит она, спокойна и бледна; И длится светлый бал; И мелкие блистают купола; Лоск костяной на лбу его высокою.</p>	<p>Под люстрой <i>тьень</i>; И звездной зимней <i>ночи синева</i>; Взор устремив на <i>тусклый сумрак</i> зала; И чувствует он <i>тьму</i> ее зрачков; Скользит под <i>красновато-черным</i> коком; В <i>темной</i> колымаге; Москва <i>темна</i>; Глядит в окно — там, в <i>синей тьме</i> морозной, / Кудрявится деревьев <i>серых мгла</i>; Меж <i>золотисто-смуглых</i> / больших колонн.</p>

Заметим, что даже появление других цветов — например, красного или синего — обязательно сопровождается отнесением их к категориям светлого или темного. И здесь, как нам кажется, особенно сильно ощущается влияние черно-белого кино. Дело в том, что любой фильм того времени очень тонко играл оттенками и тонами — актеры использовали значительно больше грима, чем в театре, специально для контраста высветляя кожу («Лоск костяной на лбу его высокою»), но выделяя темным губы и глаза. При этом было не так важно, какого цвета объект в реальности — красный, синий или зеленый — на ленте он все равно будет темным. Не важна разница и между блеском золота и огнем свечи — они просто останутся светлыми. Важен лишь оттенок. Но тогда встает другой вопрос: что могут означать эти оттенки в художественной системе Бунина? Разобраться помогут слова Ю. Тынянова о черно-белом кино: «... окраска

вытесняет одно из главных стиливых средств — смесу разных *освещений* одноцветного материала. <...> “Бедность” кино — на самом деле его конструктивный принцип» [8, 327]. Исследователь настаивает, что устранение красок позволяет расставлять акценты не на предметах или материалах, а на смыслах [8, 329].

В стихотворении Бунина «белый» зал погружен в «сумрак», и даже люстра вместо света дает тень. А после бала и игры — муж с женой едут в «темной колымаге» по «темной» Москве. Темное в стихотворении явно преобладает над светлым. Но даже светлое связано либо с бледностью (то есть утратой своего цвета), либо «блистанием» мелких куполов и «беглым» светом огня — светом непостоянным, прерывающимся. Единственной светлой константой остается «светлый бал» — но это выражение в общем мраке воспринимается иронично.

Москва лишается красок, погружается во мрак, из-за чего к характеристике «глухая» можно добавить еще одну — слепая. По-своему слепнут и герои, доверяясь только своим чувствам: «И чувствует он тьму ее зрачков» [2, 332]. Однако даже чувства их подводят, как в случае с беззаботным генералом. Интересно, что к образу «темной» Москвы Бунин вернется снова в другом стихотворении, впервые опубликованном в 1916 году в газете «Киевская мысль» (№ 358, 25 декабря) с названием «Пост». Затем, уже в 1919 году, Бунин переписет его, создаст второй вариант стихотворения под другим названием — «Москва» («Темень. Холод. Предрассветный...»). Из этого варианта, усиливая его трагическое звучание, Бунин уберет почти все краски — кроме «точек желтых глаз» (этим он создаст жуткий демонический образ). Останутся лишь «темень», «черная» скатерть, «тусклые» ризы алтарей и «мрачный» город [3, 170–171].

Далее хотелось бы отметить, что автор лишает стихотворение не только ярких красок, но и убирает лишние декорации. Мы можем условно разделить стихотворение на три сцены: первая — зал, где идет игра; вторая — тот же зал, но после окончания игры и вообще бала; третья — ночная Москва.

В первой сцене читатель «видит» только овальный стол, большие колонны, люстру, полуоткрытые окна и ряд портретов между ними. За столом сидят игроки, у окна стоит женщина. Все это — одна мизансцена, ее можно снять с одного ракурса камеры. Вторая сцена отличается только сменой участников — зал пуст, появляются лишь слуги с подносами. Третья сцена — зима, деревья, ночь, генерала с женой везут в санях. Здесь снова можно провести аналогию с кинематографом начала века, в котором еще не было динамичных смен ракурса. Статика преобладала над динамикой, из-за чего фильмы того времени в гораздо большей степени напоминали театральные постановки, нежели сейчас.

Создать узнаваемый образ и при этом избежать лишних деталей и описаний автору помогает механизм, названный исследователями интермедийности «частичной репродукцией». Его хорошо описал немецкий литературовед В. Вольф [16, 5]. Суть механизма сводится к тому, что для получения визуального или аудиального образа другого произведения читателю хватает упоминания всего одной детали, благодаря которой это произведение и можно распознать. Например, достаточно поместить в текст одну строчку известной песни — и читатель легко восстановит в памяти всю песню целиком, включая и текст, и аккомпанемент. То же самое и с живописью — по одной уникальной детали можно воссоздать весь образ.

Теперь сравним это с тем, как Бунин дает описания портретов:

«... вон Павла плоский лик,
Вон шелк и груди важной Катерины,
Вон Александра узкие лосины...»
[2, 332].

Больше никаких описаний нет — но они и не требуются. Мы и так сможем их узнать. Сначала идет портрет Павла I, написанный Степаном Щукиным — там император предстает с ярко выделяющимся плоским лбом. Затем портрет Екатерины II — здесь идентифицировать портрет уже сложнее, поскольку существует множество известных портретов императрицы. Однако можно предположить, что речь идет о работе Федора Рокотова — она более распространена, чем, например, картина Ивана Саблукова, которая тоже подходит под описание. С Александром I проблем не возникает — Бунин явно говорит о портрете кисти Франсуа Жерара.

Частичная репродукция позволяет Бунину свести описания портретов к минимуму, сохранив при этом высокую точность визуализации этих образов — другими словами, автор «заставляет» читателя представить не абстрактные портреты правителей, а вполне определенные работы конкретных художников.

Третий медиаканал — вербальный. И здесь мы тоже можем отметить любопытное явление. В стихотворении представлен всего один короткий диалог и три отдельные реплики, одна из которых не совсем типична:

«Пред ужином, в час ночи, генерала
Жена домой увозит: “Я устала”»
[2, 332].

Поскольку в кинематографе начала века визуальный канал явно преобладает над аудиальным и вербальным, то складывается ситуация, при которой не действие служит ремаркой к реплике (как, например, в театральной пьесе), а наоборот — мы воспринимаем в первую очередь действие, а речь героев становится дополнительным пояснением, мотивировкой. Эту мысль мы можем поддержать словами Ю. Тынянова: «...кино пользуется словами только либо как мотивировкой для связи кадров, либо как элементом, играющим роль лишь по отношению к кадру, контрастирующую или иллюстрирующую...» [8, 328] И именно это мы наблюдаем в стихотворении — сначала мы видим действие героев, а потом получаем вербальную мотивировку-иллюстрацию.

Получается, что слова героев в художественном мире этого стихотворения не играют никакой роли — они второстепенны. И действительно, короткий диалог Стоцкого и генерала оканчивается ничем, потому что генерал не понимает сути слов собеседника. На вопрос князя «А Стоцкий где? Что с ним?» [2, 332] никто не дает ответа, а финальная реплика генерала ответ и вовсе не предполагает, поскольку становится

частью его внутреннего монолога: «Да, вот чудо! Нет Стоцкому удачи ниоткуда!» [2, 333]. Коммуникация между героями нарушена, и мы можем лишь предполагать, не является ли это следствием глухоты и слепоты, о которых мы говорили ранее.

Таким образом, мы хотели показать, что интермедиаальный анализ может дать литературоведению новый взгляд на классику. Мы видим, что стихотворение «Игроки» — это эксперимент, попытка сыграть по правилам кинематографа на литературном поле, перешагнуть границы литературы, чтобы обогатить ее новым инструментарием. Это возможность для автора творить, «как если бы» у него не было рамок привычной художественной формы. Этот отказ от рамок позволил Бунину в необычной манере показать окружающую реальность. Используя приемы кино, он изображает мир, состоящий из шума и черно-белых красок, и человека — глухого и почти слепого к происходящему вокруг него.

Мы убеждены, что дальнейшие исследования в этой области приведут к значительным результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / А. А. Блок / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. — М.; Л.: Гослитиздат, 1962. — Т. 6: Проза (1918–1921). — 556 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. / И. А. Бунин / ред. кол. Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Сост., подгот. текста и коммент. А. Бабореко. — М.: Худож. лит., 1987. — Т. 1: Стихотворения, 1888–1952; Переводы. — 687 с.
3. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / И. А. Бунин / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. Двинягиной. — СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Вита Нова, 2014. — Т. 2. — 544 с.
4. Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России / С. С. Гинзбург. — М.: Аграф, 2007. — 490 с.
5. Пращерук Н. В. Миниатюры И. А. Бунина 1920-х годов: символическое возвращение на Родину / Н. В. Пращерук // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 38–42.
6. Пращерук Н. В. О даре И. А. Бунина живописать словом / Н. В. Пращерук // Проблемы литературного образования: материалы науч.-практ. конф. Ч. 1. — Екатеринбург, 2002. — С. 380–384.
7. Разина А. В. Кинематографичность — как стилиевая особенность творческого почерка Ивана Бунина / А. В. Разина // И. А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. — М.: Наследие, 1995. — С. 258–267.
8. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 574 с.
9. Хамина А. А. Теория интермедиаальности в контексте современной гуманитарной науки / А. А. Хамина, Н. Н. Зильберман // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 38–45.
10. Ханзен-Лёве О. А. Интермедиаальность в русской культуре: От символизма к авангарду / О. А. Ханзен-Лёве / пер. с нем. Б. М. Скуратова, Е. Ю. Смотрицкого; ред. Д. Крафт, Р. Михайлов, И. Чубаров. — М.: РГГУ, 2016. — 450 с.
11. Янгиров Р. «Страсть к обозрению мира»: И. Бунин и кинематограф / Р. Янгиров // Русская мысль. — 1999. — 28 окт. — 3 нояб. (№ 4290) — С. 12–13.
12. Bolter J. D. Remediation — Understanding new media / J. D. Bolter, R. Grusin. — Cambridge: MIT Press, 2000. — 295 с.
13. Bruhn J. The Intermediality of Narrative Literature / J. Bruhn. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/305849211_The_Intermediality_of_Narrative_Literature (дата обращения: 21.01.20)
14. Müller J. U. Intermediality and Media Historiography in the Digital Era / J. U. Müller // Acta Univ. Sapientiae, Film and Media Studies. — 2010. — Vol. 2. — P. 15–38.
15. Rajewsky I. Intermediary, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality / I. Rajewsky // Intermedialities. — 2005. — Vol. 6. — P. 43–64.
16. Wolf W. (Inter)mediality and the Study of Literature / W. Wolf // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. — 2011. — Vol. 13. — P. 1–9. — Режим доступа: <https://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/2/> (дата обращения: 10.03.20).

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Качков И. А., аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: ilyakachkov@mail.ru

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Kachkov I. A., postgraduate student of the department of Russian and foreign literature

E-mail: ilyakachkov@mail.ru

О ТИПЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И. А. БУНИНА

Н. В. Пращерук

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 25 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье — с опорой на прозаическое творчество — системно и в функциональном аспекте исследуется тип художественного сознания И. А. Бунина. Показывается, что по охвату изображенного, спектру и способу освоения литературных и религиозно-философских традиций — это тип универсалистский и артистический, по принципу развертывания / выстраивания художественных миров — феноменологический, по онтологии и аксиологии — христианский.

Ключевые слова: Бунин, тип художественного сознания, универсалистский, артистизм, феномен, феноменологический, христианский.

Abstract: the article contains a systematic analysis of Bunin's creative vision based on his prosaic works. It is shown that in terms of covering the depicted things, their spectrum, and ways of absorption of literary, religious and philosophical traditions it is a universal artistic type, in terms of creating the artistic world — phenomenological type, in terms of anthology and axiology — christian type.

Keywords: Bunin, type of creative vision, universalist, artistism, phenomena, phenomenological, christian.

Ранее, анализируя вершинные прозаические произведения И. А. Бунина, мы определяли тип его художественного сознания как *феноменологический*, содержательно обосновывая это понятие целой системой аргументов [17, 14–27]. Нельзя сказать, что сейчас — при современном состоянии буниноведения — термин утратил свою актуальность, однако очевидно, что он нуждается в уточнении и дополнении. Это связано с необходимостью скорректировать, углубить наше понимание того, каким является бунинский *тип художественного сознания*, взятый системно и в функциональном аспекте, определяющий законы выстраивания произведений писателя, практику его письма.

Бунин — художник и человек — по его собственному лирическому признанию, был «обречен познать тоску всех стран и всех времен», и это его редкое качество всеотзывчивости прямо связано с тем, что по охвату изображенного, по спектру освоения культурных, литературных и религиозно-философских традиций он представляет тип художественного сознания *универсалистский*, способный синтезировать в своем творчестве различные ценностные и эстетические смыслы. Пытаясь постичь сущность бунинской метафизики, ученые исследовали в его мире буддистскую и шире — восточную религиозно-философскую составляющую, которая в ряде случаев трактовалась в качестве определяющего мировоззренческого вектора [15; 25], «ветхозаветное ядро» [9], романтические и шеллинггианские аллюзии, связи с европейской и русской философией XX века, более органичную для русского художника христианскую

/ православную духовную традицию [1; 2; 10; 11; 18; 19; 20], мифопоэтику, базирующуюся на общекультурном символизме [17], и др. В такой разноголосице подходов определяющим становился тот, который напрямую обусловлен субъективным мировоззренческим выбором исследователя, если только изначально не учитывалась специфика художественного сознания Бунина именно по широте / спектру освоения им опыта самых разных его предшественников.

Насколько чуток Бунин был к «чужим» открытиям в понимании мира и человека, можно судить по многим и многим его произведениям. В «Тени птицы», например, он осваивает многоликий и многовекторный Восток — языческий, исламский, библейский — ветхозаветный и новозаветный: повествователь — alter ego автора — помнит «отблеск закатившегося Солнца Греции», думает «словами Корана», слышит «ветхозаветный скрип» колес, ощущает живое присутствие Христа в местах, отмеченных его земным пребыванием, а сквозной «солнечный сюжет» книги выстраивает, опираясь на общекультурную символику: солнце — символ жизни и духовной активности, знак света истины; Христос как истинное Солнце; искажающий истину свет луны и др. В «Братьях» и «Снах Чанга» нам явлен буддистский Восток, а в «Жизни Арсеньева» — в постижении тайны жизни главным героем и его «вхождении» в эту тайну — зримо и незримо присутствует русская и европейская философская традиция XX века. Особенно дорогие, запомнившиеся моменты таких «вхождений» специально обозначены, выделены в тексте. Вот лишь немногие из них: «Может быть, и впрямь все вздор, но ведь этот вздор моя жизнь, и зачем же я чувствую ее данной вовсе не для вздора

и не для того, чтобы все бесследно проходило, исчезало?» (6, 89); «...и все что-то думал о человеческой жизни, о том, что все проходит и повторяется <...> но за всеми этими думами и чувствами все время неотступно чувствовал брата» (6, 91–92); «Пели зяблики, желтела нежно и весело опушившаяся акация, сладко и больно умилял душу запах земли, молодой травы... И во всем была смерть, смерть, смерть, смешанная с вечной, милой и бесцельной жизнью!» (6, 105); «...все-таки что же такое моя жизнь в этом непонятном, вечном и огромном мире..? И видел, что жизнь (моя и всякая) есть смена дней и ночей, дел и отдыха, встреч и бесед, удовольствий и неприятностей... есть беспорядочное накопление впечатлений, картин и образов... есть непрестанное, ни на единый миг нас не оставляющее течения несвязных чувств и мыслей, беспорядочных воспоминаний о прошлом и смутных гаданий о будущем, а еще — нечто такое, в чем как будто и заключается некая суть ее, некий смысл и цель, что-то главное, чего уж никак нельзя уловить и выразить... “...Вы, как говорится в оракулах, слишком вдалеке простираетесь...” И впрямь: втайне я весь простирался в нее. Зачем? Может быть, именно за этим смыслом?» (6, 152–153); «Ужасна жизнь! Но точно ли “ужасна”? Может, она что-то совершенно другое, чем “ужас”?» (6, 233); «Снова сев за стол, я томился убожеством жизни и ее, при всей ее обыденности, пронзительной сложностью» (6, 238); «Жизнь и должна быть восхищением...» (6, 261). Авторская интенция, как бы «схваченная» этими отдельными высказываниями-воплощениями, напитана во многом идеями философии жизни. Сравните, например, приведенную здесь большую цитату из бунинского текста (6, 151–152) с рассуждением А. Бергсона: «Замысел жизни, единое движение, пробегающее по линиям, связывающее их между собою и дающее им смысл, ускользает от нас» [24, 336]. Жизнь не знает различия материи и духа (6, 91–92), совмещает полюсы бытия (жизнь — смерть, земное — небесное (6, 105)), воплощает, несет в себе творческую динамику этого бытия (6, 238, 261). Жизнь можно «улавливать», постигать, вероятно, только с помощью «простираний» — интуиции, все новых «проживаний», а отнюдь не с помощью рациональных, логических операций (6, 153).

Бесспорно, что Бунину, в отличие от Горького и Андреева, испытавших особенно сильное влияние ницшевского варианта философии жизни, более близки идеи той линии, которая представлена именами А. Бергсона (концепция интуитивного постижения жизни, разработка проблемы времени), В. Дильтея (герменевтическая направленность, обращенность к сфере исторического опыта, духовной культуры), отчасти, С. Кьеркегора (тема широты сознания как формы экзистенции, отношение к смерти как к конститутивному элементу самой жизни — сравните его высказывание: «Мышление к смерти уплотня-

ет, концентрирует жизнь»). Эта линия затем блестяще продолжена европейской и русской философией XX в. Книга обнаруживает «ситуации встречи» Бунина и Гуссерля, Хайдеггера, Флоренского, Н. Лосского с его работой «Обоснование интуитивизма», Н. Бердяева, Г. Шпета и др. Другими словами, Бунин-художник осваивает не только религиозно-философские традиции прошлого, но и очень чуток к современному пониманию человека и мира [17, 86–89].

Говоря о широте и объемности задействованного им опыта других и опыта прошлого, мы должны учитывать и особый способ освоения этого опыта — а именно, — *артистический*. Этот способ помогает Бунину, например, в «Тени птицы» — при такой плотности введенного в текст книги «чужого» содержания — сохранить легкость и свободу, особую органику повествования и описаний, избежать перегруженности сведениями и фактами из истории и мифологии или цитатами. Сознательная ориентация писателя на «чужое слово» выбирает форму изящной непреднамеренности, счастливой «случайности» невзначай явившегося откровения. Такой эффект как раз и достигается благодаря редкому артистизму художника, способности, которой он был наделен в большей степени, чем кто-либо другой (в этом он, пожалуй, сродни только Пушкину), чувствовать и понимать «чужое» как «свое»: «думаю я словами Корана...»; «вспоминаю я восклицание Давида...» и т.п. Г. Кузнецова приводит в своем дневнике такое очень характерное для Бунина признание: «Я ведь чуть побывал, нюхнул — сейчас дух страны, народа — почуял. Вот я взглянул на Бессарабию — вот и “Песня о гоце”. Вот и там все правильно, и слова, и тон, и лад» [12, 205–206]. Способность к перевоплощению рождает в тексте феномен «расширяющегося» сознания: повествователь, не утрачивая личностной определенности, удивительно пластичен по отношению к различным культурам и религиям, он органично ощущает себя в роли эллина и мусульманина, ветхозаветного человека и христианина. (Чуть позднее Бунин откроет для себя и в себе буддизм).

В «Тени птицы» есть поразительные страницы, свидетельствующие о возможностях индивидуального человеческого сознания в «проживании» и возвращении настоящему прошлому всего человечества. Авторская интенция вполне очевидна: небытию противостоит реальность вечно пребывающего и каждый ряд воссоздаваемого заново пространства культуры. «Вот я стою и касаюсь камней, может быть, самых древних из тех, что вытесали люди! С тех пор, как их клали в такое же знойное утро, как и нынче, тысячи раз изменялось лицо земли. Только через двадцать веков после этого родился Моисей. Через сорок — пришел из берегов Тивериадского моря Иисус... Но исчезают века, тысячелетия, — и вот братски соединяется моя рука с сизой рукой аравийского пленника, клавшего эти камни...» (3, 355) — это

один из многих примеров конкретно обозначенной и художественно запечатленной ситуации именно «артистического» «выхода из истории», приобщения к бесконечности. Возвращение прошлого «вечному настоящему» сопряжено с «умножением» и собственной жизни героя «на много тысяч лет».

Благодаря артистическому вживанию в прошедшее, оно (прошедшее) не восстанавливается из последовательно добавляемых один к другому эпизодов, а «является», возвращается как бы отдельными воплощениями, обязательно при условии сопряжения с личным экзистенциальным опытом повествователя и в его «живом присутствии». По существу, весь текст «Тени птицы» есть серия «явлений» и «возвращений», блистательно завершенная в финальном рассказе образом «возвращения» Христа: «Тишина, солнце, блеск воды. Сухо, жарко, радостно. И вот Он, с раскрытой головою, в белой одежде, идет по берегу, мимо таких же рыбаков, как наши гребцы... Симон и Петр, “оставив лодку и отца своего, тотчас последовали за Ним”...» (3, 410). Артистический дар Бунина органично дополняется и даром живописания. М. Мамардашвили называл это качество стиля, правда, применительно к Марселю Прусту, «пластическим выплескиванием фундаментальных вещей» [14, 123].

Между тем формула М. Мамардашвили может быть обращена не только к природе стиля Бунина, она непосредственно связана с принципом развертывания его художественных миров, ибо «пластическое выплескивание фундаментальных вещей» — это, другими словами, и есть «являющиеся сущности» — *феномены* в их неклассическом понимании, т.е., «себя-в себе самом-показывающие» (Хайдеггер). Бунин одним из первых художников и очень лично ощутил недостаточность представлений о противопоставленности субъекта и мира, гениально угадал поворот в культурном сознании XX в., который связан с преодолением многих аксиом классической философии. Мир и человек для него образуют единство (*das Eins* по Хайдеггеру), субъект и объект неразрывны. Уже в конце века он формулирует в одном из писем свое «феноменологическое кредо»: «Мир — зеркало, отражающее то, что смотрит в него» [13, 112], а в ранних рассказах «примеряет» позицию отношения к жизни как к «сознанию, пущенному в материю» [24, 339]. Природный и материальный мир для Бунина непосредственно являет смысл и «прозрачен» для духовного / символического содержания. Такое мироощущение «питает» многие образы-впечатления повествователя и героев в произведениях 1890–1900-х гг.: «...думаю о чем-то неясном, что сливается с дрожащим сумраком вагона и незаметно убаюкивает» (2, 223); «И в запахе росистых трав, и в одиноком звоне колокольчика, в звездах и в небе было уже новое чувство — томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградимой потере...» (2, 243); «Я

кого-то любила, и любовь моя была во всем: в холоде и в аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой утренней звезде...» (2, 266).

Однако бунинский феноменологизм ранних прозаических вещей еще нуждается в кристаллизации, стилиевой оформленности, он «живет» в тексте пока на уровне мотива, догадки, спонтанных интуитивных вспышек. Можно сказать, что именно цикл «Тень птицы» стал для Бунина художественно воплощенным «феноменологическим» самоопределением. Бунин использует мотив *яркого*, последовательно проводя его через весь текст и сообщая ему функцию образной и смысловой доминанты. Яркость — знак соединенности «я» и «не-я», поскольку связан как с «качеством» окружающей реальности, так и со спецификой ее восприятия, отношения к ней. Видеть мир во всей яркости его проявлений — значит быть «настроенным» на него, открытым ему и не «обремененным» грузом предшествующих, «опосредующих», стирающих свежесть восприятия впечатлений: «яркой бирюзой сквозит вода»; «ярко зеленеют деревья» (3, 325); «яркая густая синева неба» (3, 326); «яркая лента неба льется» (3, 337); «было ярко» (3, 342); «яркая синь утреннего неба» (3, 346); «белые яркие стены» (3, 346); «ярко-зеленое дерево» (3, 353); «пирамида... восходит до ярких небес» (3, 355); «пустыня... ярко подчеркивает сине-лиловое небо...» (3, 355); «...небо над базаром ярче...» (3, 360); «яркое небо» (3, 370); «ярко-пунцовая герань»; «... глянул Джебель-Кемэзэ весь в ярких серебряных лентах...» (3, 398); «изумительно-яркое поле неба» (3, 399); «ярко млела синь неба» (3, 405). Подобную функцию выполняет в «Суходоле» мотив *темного*, так же соединивший в себе «качество» жизни суходольцев, образ их мира и состояние души и духа, при котором «сны порою сильнее всякой яви». *Феноменологический* дар Бунина-художника с максимальной полнотой проявился и в его главной книге — «Жизни Арсеньева». Именно там, в одном из эпизодов, когда Арсеньев и Лика ведут разговор о поэзии Фета, Бунин словами своего героя очень четко и определенно формулирует свою позицию: «Нет никакой отдельной от нас природы... каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни» (6, 214). В соответствии с этой установкой и создается в книге пространство жизни Алексея Арсеньева, в котором преодолевается власть исторического времени, прошлое переживается как всегда пребывающее с нами настоящее, а напряженная телесность, предметность, вещественность жизненного мира персонажей прорастает символическими смыслами. Конкретность проживаемых здесь и сейчас эпизодов прошедшего, явленных даром живописания Бунина и организованных им по принципу «рядоположенности картин», соседствует с разветвленной системой образов, с помощью которых создается сложный мифопоэтический подтекст книги.

Вместе с тем, несмотря на широкое обращение к общекультурному символизму, именно в «Жизни Арсеньева», может быть, в большей степени, чем в других произведениях, Бунин обозначает духовные константы своего мира.

Речь пойдет о христианском / православном векторе бунинской религиозности. Вопрос для буниноведения не новый, но до сих пор остающийся дискуссионным. Если обобщить точки зрения ученых, то можно сказать следующее. Ряд исследователей [1; 2; 6; 10; 11; 18; 19; 20 и др.] полагают, что бунинское творчество в основе своей христианское по духу, по антропологии и аксиологии. Другие, напротив, считают, следуя за резкой концепцией И. Ильина [8], бунинский мир и бунинского человека «додуховными», отказывают художнику в близости к православию [5]. Автор известной монографии Ю. Мальцев вообще говорит о том, что Бунин, так и не преодолев своего сложного отношения к христианству, «в старости... выработал нечто вроде собственной религии, в которой Богом было человеческое Я...» [13, 34]. Такой вывод воспринимается как весьма проблематичный и бездоказательный. В некоторых работах звучат суждения о внеконфессиональной религиозности писателя. В них очевидно желание исследователей примирить художественно-философские поиски Бунина, связанные с восточными религиозными системами, в частности с буддизмом, и устремленность писателя к духовным корням. Есть даже радикальные попытки вписать Бунина с его творчеством сугубо и безоговорочно в буддизм [15; 25].

Нам же представляется закономерным обратиться к главной книге Бунина, не только ставшей вершиной его мастерства как художника слова, но и сокровенно связанной именно с духовным миром писателя. И это обусловлено не только автобиографическим характером «Жизни Арсеньева», но и особой жанровой и повествовательной природой книги, обеспеченной особым авторским статусом. Лучше других сущность бунинского новаторства выразил К. Зайцев в своей монографии: «Это не художественная автобиография, в которой переплетается вымысел и правда, а именно опыт метафизического перевоплощения в самого себя, опыт воплощения в творческом слове этого метафизического перевоплощения» [6, 223, орфография сохранена]. Другими словами, как будто предвзято многие и многие исследования памятицентризма (память/прапамять и проч.) в этом произведении, К. Зайцев стремился акцентировать другое — а именно то, что за памятью — глубиннее, больше и, если можно так сказать, онтологичнее памяти. «Опыт метафизического перевоплощения в самого себя, опыт воплощения в творческом слове этого метафизического перевоплощения» означает, по существу, дерзновенную попытку Бунина, опираясь на собственное видение художника, добраться «до оснований, до корней, до сердцевины» собственного «я», жизни этого

«я» и, возможно, распространить этот опыт на жизнь человеческую вообще. Т. е. память, которая «не спорит со временем, а властвует над ним» [21, 5], — это только слой содержательного палимпсеста книги. Следуя за художником, мы словно снимаем этот слой и погружаемся в духовные глубины, именно в духовные основания человеческого бытия. Нам явлен опыт вхождения в реальность духовного, соединяющий земное и небесное, явлен художественным словом высочайшего качества. Вся сила и новизна явленного связана еще и с особым качеством изображенного / увиденного / воссозданного земного мира в его потрясающей, вероятно, так никем и не превзойденной щедро-роскошной вещественности, завораживающей нас и как будто уводящей от устремлений духа. Плен очарования земным, думаю, знаком каждому читателю Бунина и «Жизни Арсеньева» в частности. Логично вспомнить бунинского оппонента: «Тут “земляная карамазовская сила”, как отец Паисий намеренно выразился, — земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли дух Божий вверху этой силы — и того не знаю» [4, 14, 201]. Другими словами, насколько герой и автор остаются привязанными к земному, живут ли на разрыве земного с небесным, мечутся между ними или все же обретают понимание того, что христианство есть «спасение жизни» [7, 1, 265], а не от жизни? Получается, что сверхзадача книги не в освобождении от времени или не только в освобождении от времени, а в духовных странствиях, опирающихся на возможности уникальной бунинской памяти и устремленных к постижению духовного строя Арсеньева. Не случайно сам художник оставил в дневниках такую запись: «Весь день за письм. столом — переписывал итинерарий своей жизни и заметки к продолжению „Арсеньева“» [23, 119]. В данном случае, «итинерарий жизни» — метафора, отсылающая к жанру паломничества и одновременно проясняющая авторскую установку именно на «метафизическое перевоплощение» в книге, на стремление к святыням.

Динамика духовных состояний героя достаточно подробно проанализирована нами ранее [19], поэтому остановимся лишь на самом показательном. В первой книге обозначены подступы к вхождению в мир православия, но определяющим становится острое переживание онтологического разрыва между тварным миром и Богом. И, пожалуй, только в завершающей главе, как будто совершенно не связанной с церковной проблематикой, намечаются пути преодоления этого разрыва. Подросток Арсеньев догадывается о том, что жизнь земная иллюзорна, похожа на скоропреходящий сон: «Светлый лес струился, трепетал, с дремотным лепетом и шорохом убежал куда-то... (...) И я закрывал глаза и смутно чувствовал: все сон, непонятный сон! И город, который где-то там, за далекими полями, и в котором мне быть не миновать, и мое будущее в нем, и мое прошлое

в Каменке, и этот светлый предосенний день, уже склоняющийся к вечеру, и я сам, мои мысли, мечты, чувства — все сон! ... (6, 54–55). Автор духовной прозы Е. Р. Домбровская, глубоко связанная со святоотеческой традицией, отмечает в своих комментариях духовную (богословскую) прозорливость / точность этой главы. Догадки Арсеньева о земной жизни-сне подтверждаются святоотеческим наследием. «Правда, по учению Церкви, — замечает Е. Р. Домбровская далее, — человек-то в ней (т.е. в жизни. — Н. П.) должен бодрствовать, а как это делать, учит Евангелие. И антиномично вторит „Апостол“ — „искупующе время, яко дние лукави суть“ (Еф. 5:16). Дни и время — лукавы, обманны, потому что жизнь — сон... эта главка, верная в глубинной сути своей, в предначинательной постановке вопроса (своего рода духовный пролог ко второй части), становится ступенькой в жизнь. А какой она будет, жизнь Алеши? — ответ на вопрос о духовном бодрствовании, — главный вопрос всякой жизни» (личный архив, 17.02.2019). Именно этот ключевой вопрос, тонко уловленный современным автором в интуициях Арсеньева, помогает связать эту главу, а также всё ей предшествующее с кульминационным эпизодом во второй книге. Имеется в виду описание вечерней службы и участия в ней подростка Арсеньева. Герой захвачен переживанием всеобщей со всеми ее участниками, со всеми атрибутами и навсегда запавшими в душу подробностями. Очевидно, что Арсеньеву хорошо известен «состав» всеобщего бдения, он следует канону, поскольку, по его признанию, «все это стало как бы частью» его души, «и она, теперь уже заранее угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, с вящей родственной готовностью» (6, 75). Мотив родного, соединенный с мотивом тишины, тихого света, является определяющим для этой сцены. Личным чувством причастности к происходящему в церкви окрашены многие и многие образы, приходящие из памяти. Можно сказать, что душе, подготовленной к открытию, высшая реальность открывается сама. Поэтому закрывающиеся и открывающиеся во время службы царские врата воспринимаются как знамение «то нашего отторжения от потерянного нами рая, то нового лицезрения его», «дивные свечильничные молитвы» выражают «скорбное сознание нашей земной слабости» и надежду на грядущее спасение. Стихиры «Свете тихий» со словами «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...» рожают «видение какого-то мистического Заката», а «тот таинственный и печальный миг, когда опять воцаряется глубокая тишина во всей церкви, опять тушат свечи» переживается как «погружение в темную ветхозаветную ночь». Автор не случайно выбирает из церковных служб всеобщее бдение, а не литургию. Именно эта служба требовала от православных особого усердия, совершалась в течение целой ночи до рассвета и предполагала «духовное

рвение». Исторически она была связана с заповедью, данной Христом апостолам: «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» [16, 576–577]. Так акцентируется едва намеченная поначалу тема сна и бодрствования, уже напрямую выведенная в собственно церковный, религиозный, духовный план. Стоит специально упомянуть и тот факт, что воссозданная памятью героя служба проходит в Церкви в честь Праздника Воздвижения Креста Господня, «в церковке Воздвиженья». Смысл и символика праздника Воздвижения связаны с событием обретения Креста Господня, которое произошло, согласно церковному преданию, в 326 году в Иерусалиме около горы Голгофы — места Распятия Иисуса Христа. «Крест — глава нашего спасения; Крест — причина бесчисленных благ. Через него мы, бывшие прежде бесславными и отверженными Богом, теперь приняты в число сынов; через него мы уже не остаемся в заблуждении, но познали истину; через него мы, прежде поклонявшиеся деревьям и камням, теперь познали Спасителя всех; через него мы, бывшие рабами греха, приведены в свободу праведности, через него земля, наконец, сделалась небом» [22, 200]. Столь личное описание Всеобщего бдения именно в «церковке Воздвиженья», вероятно, тоже можно трактовать как свидетельство обретения героем Креста, хотя бы на время соединившего небо и землю («земля, наконец, сделалась небом»), преодолевающего онтологический разрыв в его мироощущении. Очень важная веха в жизни Арсеньева. Это еще и интуиция обретения личного креста — собственного пути. Именно так можно трактовать и один из финальных эпизодов книги: «Увидев церковный двор, вошел в него, вошел в церковь... Там было тепло и грустно-празднично от блеска свечей, жарко горевших целыми пучками на высоких подсвечниках вокруг налота, на налое лежал медный крест... перед ним стояли священнослужители и умиленно-горестно пели: „Кресту твоему поклоняемся, владыко...“» (6, 245–246)). Семантическая и образная объемность этого эпизода такова, что в нем может быть акцентировано даже противоположное: герой как будто покидает церковь, однако покидает — совершившим выбор, с твердым осознанием принятого решения. И решение его можно трактовать не только в проблематике выбора пути творческого человека, но и в аспекте духовном — принятия человеком собственных крестов. А это очень важный итог «опыта метафизического перевоплощения в самого себя», свидетельствующий о стяжании героем духовного «самостоянья». Такова реальность художественного текста / мира главной книги писателя, во многом проясняющая специфику религиозного опыта автора и позволяющая утверждать, что по онтологии и аксиологии Бунин представляет *христианский / православный* тип художественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: Творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции / О. А. Бердникова. — Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.
2. Бердникова О. А. Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И. А. Бунина / О. А. Бердникова // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — Вып. 9. — С. 315–327.
3. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Худ. лит., 1965–1967. Ссылки на это издание с указанием тома, страницы даются в тексте статьи.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука, 1976.
5. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. / М. М. Дунаев. — М.: Христианская литература, 1996–2000.
6. Зайцев К. И. А. Бунин. Жизнь и творчество / К. Зайцев. — Берлин: Парабола, 1934. — 268 с.
7. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. / В. В. Зеньковский. — Л.: ЭГО, 1991.
8. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин — Ремизов — Шмелев // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Русская книга, 1996. — Т. 6. — Кн. 2.
9. Карпенко Г. Ю. Творчество И. А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков / Г. Ю. Карпенко. — Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1998. — 113 с.
10. Ковалева Т. Н. Путь по воле Бога в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / Т. Н. Ковалева // Проблемы исторической поэтики. — 2017. — Вып. 15. — № 2. — С. 127–140.
11. Кошемчук Т. А. Русская литература в православном контексте / Т. А. Кошемчук. — СПб.: Наука, 2009. — 280 с.
12. Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Г. Н. Кузнецова. — М.: Московский рабочий, 1995. — 410 с.
13. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953 / Ю. Мальцев. — Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994. — 432 с.
14. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути) / М. Мамардашвили. — М.: Ad Marginem, 1995. — 548 с.
15. Марullo Т. Г. Если ты встретишь Будду. Заметки о прозе И. А. Бунина / Т. Г. Марullo. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 252 с.
16. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. (репринт. изд.). — М., 1992.
17. Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства / Н. В. Пращерук. — Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1999. — 254 с.
18. Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен: уч.-метод. пособие / Н. В. Пращерук. — 2-е изд. стер. — М.: Флинта, 2016. — 232 с.
19. Пращерук Н. В. Духовное измерение жизни человека: репутация Бунина-художника и реальность текста / Н. В. Пращерук // Филологический класс. — 2019. — № 2 (56). — С. 73–77.
20. Пронин А. А. Судьба цитат из христианских источников в книге И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» / А. А. Пронин // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. — С. 505–514.
21. Скабалланович М. Н. Воздвижение Честного и Живоворящего Креста Господня / М. Н. Скабалланович. — Киев, 2004.
22. Степун Ф. Иван Бунин / Ф. Степун // Бунин И. А. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Московский рабочий, 1994. — С. 3–34.
23. Устами Буниных. Т. 3. / И. Бунин, В. Бунина. — Франкфурт-на-Майне, 1982.
24. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. — М.: Республика, 1995. — 526 с.
25. Marullo T. G. "If You see the Buddha". Studies of Ivan Bunin / T. G. Marullo. — Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1998. — 208 с.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Пращерук Н. В., доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: pnv1108@gmail.com

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Prashcheruk N. V., Professor, Doctor of Philology, Department of Russian and foreign literature.

E-mail: pnv1108@gmail.com

ЦИТАТА В СЮЖЕТЕ РАССКАЗА И. А. БУНИНА «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

Л. Г. Сатарова, Н. В. Гречушкина

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 7 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается идейно-смысловая роль цитат в развитии сюжета рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник», утверждается, что загадочный выбор героини помогает уяснить образы Платона Каратаева, Петра и Февронии, а также великопостная молитва святого Ефрема Сирина, которая определяет духовную доминанту повествования. В плане поставленной проблемы рассказ «Чистый понедельник» соотносится с дневником И. А. Бунина «Окаянные дни».

Ключевые слова: сюжет, цитата, И. А. Бунин, Л. Н. Толстой, святой Ефрем Сирин, обитель, покаяние, служение, целомудрие, милосердие.

Abstract: the article examines the ideological and semantic role of quotations in the development of the plot of I. A. Bunin's story "Clean Monday". It is argued that the mysterious choice of the heroine helps to understand the images of Platon Karataev, Peter and Fevronia, as well as the great prayer of St. Ephraim the Syrian, which determines the spiritual dominant of the story. In terms of the problem, the story "Clean Monday" correlates with the diary of I. A. Bunin "Cursed days".

Keywords: plot, quote, I. A. Bunin, L. N. Tolstoy, Saint Ephraim the Syrian, monastery, repentance, service, chastity, charity.

Общеизвестно, что в своем цикле «Темные аллеи», где все рассказы посвящены разрешению вопроса: «Кто же знает, что такое любовь», — И. А. Бунин широко использует цитирование из разных источников, которое создает музыкальную основу повествования. Само название цикла представляет собой цитату. По этой проблеме в буниноведении существует немало исследований. Однако смысл цитат, задающих тональность звучанию бунинской прозы, далеко не исчерпывается только стилистическим аспектом. Очень часто именно квинтэссенция содержания, идеи, художественной концепции рассказа раскрывается в том подборе цитат, которые участвуют в развитии сюжета. Действительно, невозможно дать целостный анализ самого рассказа «Темные аллеи», где ключевой, на наш взгляд, является фраза — цитата из библейской книги Иова, судьба которого соотносится с жизнью героя: « Все проходит, мой друг, — забормотал он. — Любовь, молодость — все, все. История пошлая, обыкновенная. С годами все проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протекшей будешь вспоминать?» [1,7].

Судьба рассказчика-повествователя уподобляется пепелищу Иова, у которого все отнял Бог, но без его смирения, покаяния и той глубокой благодарности Творцу, которая неизменна и в радости, и в страдании. Герой не приносит плода покаяния, социальные барьеры оказываются выше метафизики любви, которая является основой бытия.

О забвении этой основы или сокровенном понимании ее написано большинство рассказов писателя. «Балладу» невозможно понять без цитируемой в ней Псалтыри, в рассказах «Руся», «Поздний час» звучат латинские изречения, в «Тане» — народная песня, «В Париже» — французские пословицы и поговорки, в «Генрихе» — «одна старинная книга». Стихи русских поэтов — представителей дворянской культуры — пронизывают весь цикл («Холодная осень» и многие другие).

В данной статье хотелось бы более детально остановиться на роли цитат в таком бесспорном шедевре цикла «Темные аллеи», как «Чистый понедельник». Особый колорит этого рассказа достигается развитием мотива загадочности, тайны, окутывающей поведение и окончательный выбор героини. Слова-доминанты «зачем-то», «почему-то» постепенно превращаются в рефрен, движущий и скрепляющий сюжет. Первая таинственная деталь интерьера, где живет «она», — портрет босого Л. Н. Толстого, который «зачем-то» висел над диваном. Оказывается, что это вовсе не случайная деталь, поскольку первая же цитата, исходящая из уст героини, это именно текст Л. Н. Толстого, фрагмент из «Войны и мира».

Герой восклицает:

«— Да, все-таки это не любовь, не любовь...

Она ровно отозвалась из темноты:

— Может быть. Кто же знает, что такое любовь?

— Я, я знаю! — воскликнул я. — И буду ждать, когда и вы узнаете, что такое любовь, счастье!

— Счастье, счастье... «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету».

— Это что?

— Это так Платон Каратаев говорил Пьеру.

Я махнул рукой:

— Ах, Бог с ней, с этой восточной мудростью!»

[1, 201]

На наш взгляд, этот фрагмент чрезвычайно важен для понимания авторской позиции и идеи в «Чистом понедельнике». И. А. Бунин боготворил Л. Н. Толстого-художника. Ему были близки те типы народных праведников и правдоискателей-интеллигентов, которыми так богата его проза. Если мы обратимся к контексту «Войны и мира», который окружает данную цитату, мы обнаружим смыслы, коррелирующие с духовными запросами главной героини «Чистого понедельника».

Платон Каратаев рассказывает Пьеру о том, как он попал в солдаты. Крестьяне в царской России жили совсем неплохо: «Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, и наш дом, слава Тебе Богу!» [2, 51] Но лукавый искушает Платона: за воровство чужого леса его отдадут в солдаты. Показательно само отношение христиан к этой беде: «— думал горе, а радость! Брату бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-пят ребят,— а у меня, гляди, одна солдатка осталась» [2, 51].

Когда Платон вернулся домой, он увидел мир и благоденствие большой крестьянской семьи, которую он спас (по Божьей воле!) от разорения. Вся родня под иконами кланяется Платону, принесшему жертву за всех. И герой испытывает духовную радость несмотря на все тяготы солдатчины: «А мы всё судим: то нехорошо, то неладно» [2, 51]. Именно в этом контексте звучит вывод: «Наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету» [2, 51].

Человеческие представления о счастье, земные, суетные и эгоистические, не совпадают с Божьим замыслом о человеке. И это дано почувствовать героине «Чистого понедельника», которая напряженно ищет ответа на вопрос: в чем ее призвание, в какой плоскости лежит ее предназначение. Ведь неслучайно герой упоминает еще одну характерную деталь: она не только прочитала те книги, которые он привозил, но и «все что-то думала, все как будто во что-то мысленно вникала» [1, 199].

В романе Л. Н. Толстого Пьер как герой-правдоискатель почувствовал глубокую христианскую идею, извлеченную из истории простого мужика. Земные радости и страдания только тогда имеют смысл и значение, когда они не замыкаются на самих себя, а соотносятся с вечностью: «не нашим умом, а Божьим судом». Пьер «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе» [2, 52].

Герой «Чистого понедельника», к сожалению, предстает человеком эвдемонической культуры, для которого счастье — это исполнение желаний. Между ним и героиней постепенно возникает некая полоса отчуждения или непонимания, имеющая принципиальное значение. Ведь после цитаты из Л. Н. Толстого звучит реплика, говорящая о его равнодушии к внутреннему миру любимой девушки, он наслаждается, как язычник, ее внешней прелестью, яркостью, необычностью броской красоты: «Ах, Бог с ней, с этой восточной мудростью!» Возникает парадоксальная ситуация: восточная красота девушки («индийская, персидская»), имеет под собой и восточное (православное) обоснование, мудрость и целомудрие, которую герой даже не пытается понять или объяснить. Ему нужно обладание. А что дальше, после окончательной близости, когда уже нечего будет желать? Героиня понимает, что они все больше и больше расходятся духовно, хотя плотская страсть усиливается. Так возникает в рассказе тема ухода от мира, которая объясняет, почему портрет босого Л. Н. Толстого висел в комнате героини. Цитата и деталь интерьера сплетаются в одну идею, которая движет сюжет к развязке. Вектор ухода Л. Н. Толстого был монастырь, Оптиная пустынь. В конце жизни он еще раз ощутил призрачность того, что называется земными сокровищами. Его окружение во многом не дало ему возможность умереть воцерковленным христианином. И героиня, на наш взгляд, а вслед за ней и автор, стремятся избежать подобного финала.

Центральное место в плане цитирования занимают в рассказе начальные строки великопостной молитвы святого Ефрема Сирина: «Господи, Владыко живота моего...» В ней с потрясающей духовной глубиной представлена пропасть между горним и дольным миром, между небом и землей, между временным и вечным. Два типа самосознания, две культурологические традиции сталкиваются в конфликте, который может быть разрешен только через православное понимание пути спасения. В первом прощении говорится об отрицании тех «благ», которые так высоко ценятся в падшем мире: праздности, празднословия, уныния (саможаления) и любоначалия. Заметим, что проблема своеволия, которая приведет мир к Апокалипсису,— одна из самых трагических в человеческой истории.

Почему эти смыслы так напряженно вибрируют в рассказе И. А. Бунина? Очевидно, потому, что «он» и «она» пока существуют в горизонтальной плоскости бытия, они как будто созданы для бесконечного «праздника» жизни:

«Мы оба были богаты, здоровы, молоды и настолько хороши собой, что в ресторанах, на концертах нас провожали взглядами» [1, 199].

Праздная жизнь, праздные разговоры, уныние от неисполненного желания, стремление утвердить

свою волю как единственно возможную и правильную — вот приметы той среды, в которой вращаются герои. Но создан ли человек Творцом только для того, чтобы есть и пить? Как говорит героиня: «Не понимаю, как это не надоест людям всю жизнь, каждый день обедать и ужинать...» [1, 199].

Подробный разбор молитвы святого Ефрема Сирина необходим для понимания рассказа И. А. Бунина еще и потому, что само его название связано с началом Великого Поста — чистым понедельником. Это центральный образ произведения, который определяется вторым прошением молитвы: «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему».

У некоторых критиков понятие «целомудрия», которое подразумевается в подтексте рассказа И. А. Бунина, вызывает либо недоумение, либо иронию. И это понятно: «падение» героини происходит именно в чистый понедельник. Однако зададимся вопросом: а разве страстные поцелуи и объятия до венчания — не нарушение целомудрия? Героиня И. А. Бунина еще даже не послушница, она только «мечтает» о монастыре, грезит им, она такая же грешница, как и подавляющее большинство людей. В этом эпизоде нам видится зерно замысла И. А. Бунина: он показывает не какую-то исключительную судьбу, его героиня, конечно же, не Феврония, но в ее душе мерцает огонек святости как жизненного идеала, поэтому духовную жажду в этом образе русской женщины отрицать невозможно. На наш взгляд, И. А. Бунину удалось передать самый «нерв» возможного перерождения души, когда все земные наслаждения не только изведаны, но и отринуты как суетные и потому мучительные.

Отсюда актуализируется и заключительная часть великопостной молитвы: «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь. Боже, очисти мя, грешного» (12 раз).

Так определяется путь героини, ее смысл жизни: очищение страданием.

Некоторые исследователи, например М. М. Дунаев и его сторонники, упрекают героиню в эгоизме, в том, что она отказывается в браке нести тяготы семейной жизни. Это наблюдение проецируется и на другие рассказы. На наш взгляд, подобный подход упрощает художественную концепцию цикла «Темные аллеи». И в этом плане хотелось бы обратиться к следующей цитате из «Чистого понедельника». Накануне «ухода» героиня приоткрывает свой внутренний мир, свою душу герою:

«— Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до тех пор перечитываю, что особенно нравится, пока наизусть не заучу! «Был в русской земле город, названьем Муром, в нем же самодержествовал благоверный князь, именем Павел. И вселил к жене его диавол летучего змея на блуд. И сей змей являлся ей в естестве человеческого, зело прекрасном...»

— Я шутя сделал страшные глаза:

— Ой, какой ужас!

Она, не слушая, продолжала:

— Так испытывал ее Бог. «Когда же пришло время ее благодной кончины, умолили Бога сей князь и княгиня преставиться им в один день. И стоворились быть погребенными в едином гробу. И велели вытесать в едином камне два гробных ложа. И облеклись, такожде единовременно, в монашеское одеяние...»

И опять моя рассеянность сменилась удивлением и даже тревогой: что это с ней нынче?» [1, 205–206].

Брак Петра и Февронии считается идеалом в христианском супружестве. Однако героиня и, думается, это тоже неслучайно, цитирует летопись с ошибкой, что приводит иногда исследователей к недостаточно корректным выводам: ее пытаются отождествлять с Февронией. Но святая Феврония бесом в «зело прекрасном» облике не искушалась. Брат Павла Петр берет на себя ответственность расправы со змеем, искушающим его сноху. И когда он побеждает его, преисполняется гордыни. Чтобы смирить воина Христова, Господь посылает ему следующее испытание: кровь змея покрыла тело князя язвами, которые исцелить может только дева-простолюдника. Мудрая девица Феврония берется за врачевание с условием, что князь на ней женится. Князь вначале обманывает ее, но потом смиряется, и таким образом истинно православная супруга Петра исцеляет мужа не только телесно, но и духовно. Отсюда и финал их брачной жизни: иночество.

Героиня «Чистого понедельника» приоткрывает перед своим возлюбленным подобный путь жизни — жития как на земле, так и спасение в вечности. Но трагическое расхождение двух несовместимых типов культурного домостроительства: сотериологического и эвдемонического — достигает пика своего конфликта: герой не может подняться до духовного уровня любимого человека. Поэтому перед разрывом звучит еще раз цитата из «Повести»:

«— Конечно, красив. Качалов правду сказал... “Змей в естестве человеческом, зело прекрасном...”» [1, 207].

А. Н. Ужанков в статье «Древнерусская словесность в мировом контексте» подводит следующий итог анализа «Повести о житии святых Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма: «Любовь Февронии к одержимому недугом князю — это жертвенная любовь, любовь к ближнему своему, ради его спасения. Это любовь, которая, по словам апостола Павла, долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, сорадуется истине, всего надеется, все переносит. Любовь, которая никогда не перестает! (1 Кор 13, 13)» [3, 67–68].

Героиня «Чистого понедельника» только вступает на путь обретения этой любви. Ни «он», ни «она» не готовы повторить подвиг Петра и Февронии.

Но как перспектива, данный путь для них не закрыт. В этом — оптимизм рассказа. В финале они вновь встречаются уже в Марфо-Мариинской обители, после чего герой как бы в задумчивости, «тихо» покидает монастырь.

Чтобы понять более основательно данную развязку, необходимо обратиться к исторической справке. Тема допетровской Руси — один из центральных мотивов повествования. Во время царствования последнего императора в стране культивировался истинно русский стиль, не поврежденный позднейшими западными веяниями. Это сказывалось прежде всего на стилистике новых возводимых храмов. Марфо-Мариинская обитель — удачный образец такого подражания стилю Древней Руси. В обители был особый устав: ее настоятельница, великая княгиня Елизавета Феодоровна предполагала возродить в монастыре древний институт диаконисс. В современной Православной церкви он утрачен, однако в древности, в первые века христианства, этот орден существовал, женщины в нем занимались катехизацией и благотворительностью. Эта идея в церковной среде была встречена неоднозначно, но Елизавета Феодоровна продолжала трудиться над составлением устава, обсуждая свой проект со старцами и духовными авторитетами. В результате был создан монастырь с сочетанием благотворительной и медицинской работы. В. В. Розанов определил его как «великое начинание в Москве». Сестры (крестовые) в этой обители не были монахинями в общепринятом смысле дореволюционной традиции. Они были безбрачны, потому что задачи обители требовали полной, абсолютной самоотдачи в служении ближним. Безбрачие не являлось каким-то пожизненным обетом, в «сестры» вступали на определенный срок: на год, три, шесть и далее. Это происходило без пострига.

Духовник обители протоиерей Митрофан Серебрянский так писал об этом в своем «Пояснительном слове...»: «Люди, решавшиеся всецело посвятить себя Богу, шли исстари двумя путями: монашеским и диаконским или диаконисским. Разница была в том, что монашество спасается и спасает более подвигом внутреннего преображения человека посредством молитвы, самоуглубления и созерцания. Оно этим подвигом так облагораживает человека, таким делает его чистым, что обновляет и других, которые, приходя к этой духовной сокровищнице, обильное черпают из нее необходимое себе руководство.

Диакониссы служили также Богу, но спасали ближних и души свои более деятельной любовью, трудом милосердия для бедного, падшего, темного и скорбного человека, однако непременно ради Христа, во Имя Его» [4, 123].

Героиня «Чистого понедельника» могла бы уйти в любой другой монастырь (Новодевичий, «глухой», вологодский, вятский), но она выбирает путь деятельной любви, путь, определенный древней, до-

петровской Русью, дух которой и возрождала Великая княгиня — будущая новомученица. Именно этот путь деятельного милосердия, служения ближнему был особенно дорог И. А. Бунину как альтернатива революции. Дух жертвенной любви как первооснова древнего христианства, давшего огромное количество мучеников за веру, заложивших семя исторической Церкви, воплощен в финале рассказа. Св. великомученица преп. княгиня Елизавета возглавляет крестный ход, символизирующий очередную Голгофу, на этот раз — русскую. Вслед за ней идет и героиня «Чистого понедельника», увидевшая свое призвание в искупительной жертве за грехи России.

Сюжет рассказа И. А. Бунина «держится» на еще одном очень важном стержневом моменте — самоцитировании. В этом плане дневник «Окаянные дни» может быть расценен не только как исторический документ, но и исповедь автора, имеющая ряд принципиальных переключек с «Чистым понедельником». Отметим некоторые из них.

В «Окаянных днях» и «Чистом понедельнике» присутствует тема Московского Кремля как национальной святыни. Героиня снимает квартиру с видом на Кремль, на Страстной седмице она посещала Чудов монастырь: «Ах, как было хорошо! Везде лужи, воздух уж мягкий, на душе как-то нежно, грустно и все время это чувство родины, ее старины...» [1, 205]. Это высказывание представляет собой скрытую цитату из «Окаянных дней». И. А. Бунин узнает, что большевики минируют Кремль, хотят взорвать его до прихода немцев. «Я как раз смотрел в это время на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор — до чего все родное, кровное и только теперь как следует почувствованное, понятное!» [5, 23]

Когда героиня рассказывает о погребении на старообрядческом кладбище, она произносит знаменательные слова: «красота и ужас». И это высказывание тоже является цитатой из дневника: «А в соборе венчали, пел женский хор. Вошел и, как всегда за последнее время, эта церковная красота, этот остров «старого» мира в море грязи, подлости и низости «нового» тронули необыкновенно» [5, 68].

Тема единства Кремля, Церкви и Русской истории формулируется И. А. Буниным в цитате из Ивана Аксакова: «Не прошла еще древняя Русь!» [5, 113]. Но ведь эта идея и является главным сюжетным стержнем «Чистого понедельника», где все симпатии автора отданы образу загадочной русской красавицы, делающей совершенно осознанно выбор крестоношения как единственно спасительного пути в призрачном мире земного существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х томах / И. А. Бунин. — М.: Правда, 1988. — Т. IV. — 558 с.

2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 томах / Л. Н. Толстой. — М.: Правда, 1984. — Т. VI. — 365 с.

3. Ужанков А. Н. Древнерусская словесность в мировом контексте / А. Н. Ужанков // Русская словесность в мировом культурно-историческом контексте. — М.: Индрик, 2017. — 487 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского

Гречушкина Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, доцент кафедры философии, социологии и теологии

E-mail: natgrech@yandex.ru

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

E-mail: natgrech@yandex.ru

4. Миллер Л. П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна / Л. П. Миллер. — М.: Столица, 1994. — 240 с.

5. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. — М.: Советский писатель, 1999. — 175 с.

Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyanshansky University

Grechushkina N. V., candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian language and literature, associate Professor of the Department of philosophy, sociology and theology

E-mail: natgrech@yandex.ru

Satarova L. G., doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature

E-mail: natgrech@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ

Т. С. Глушкова, О. П. Матиенко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 27 августа 2020 г.

Аннотация: статья посвящена вопросам образования и функционирования экономических метафор. На материале лексикографических источников и текстов СМИ были выявлены термины-метафоры модели «пространство», репрезентирующие представления о реалиях современной российской экономики. Рассмотрены метафоры пространственной ориентации «верх — низ» с ключевыми лексемами «дно», «потолок», «пик».

Ключевые слова: экономика, термины-метафоры, метафорическая модель, пространство.

Abstract: the article is devoted to the formation and functioning of economic metaphors. On the basis of lexicographic sources and media texts, the terms-metaphors of the "space" model were identified, representing ideas about the realities of the modern Russian economy. The metaphors of the spatial orientation "up — down" with the key lexemes "bottom", "ceiling", "peak" are considered.

Keywords: economy, metaphor terms, metaphorical model, space, economic discourse, media discourse.

Метафоризация, являясь одним из когнитивных механизмов освоения действительности и формирования модели мира, может быть использована при изучении различных фрагментов языковой картины мира. В центре нашего исследования — фрагмент, отражающий сферу экономики.

Значимость экономики в жизни общества определяется рядом факторов: существование общества невозможно без производства материальных благ; отношения собственности определяют социально-классовую структуру общества; экономические отношения влияют на политическую и духовную жизнь общества и др. Постулируя связь общества и экономики, исследователи уделяют особое внимание вопросам, связанным с влиянием экономической жизни на развитие общества, формированием представлений об экономическом сознании, его воздействии на экономическую жизнь [1, 239]. Анализ механизмов создания метафорических номинаций в языке экономики способствует более глубокому изучению представлений социума об экономической жизни, а также дает возможность моделировать определенные смыслы и транслировать их массовой аудитории.

Целью исследования является анализ механизмов образования и функционирования терминов метафорической модели «пространство» в языке экономики.

Под термином «язык экономики», вслед за О. А. Зябловой, будем понимать язык для специальных целей, сформированный на основе системы общенационального языка, отражающий совокупность структур знания соответствующей предметной области (эко-

номики) и репрезентирующий главную лингвистическую составляющую языка для специальных целей — его терминологическую лексику [2, 5].

Экономическая терминология используется в речи не только специалистов, но и широких слоев населения, поскольку в условиях экономической нестабильности и возникновения новых экономических реалий возрастает интерес к вопросам экономики в обществе. В результате преобразований, произошедших в российской экономике, многие термины вышли за пределы узкопрофессионального употребления [3]. Данный факт обусловил выбор материала исследования, который включает, наряду с дефинициями терминологического словаря по экономике [4], публикации экономической тематики в СМИ, представленные в газетном корпусе Национального корпуса русского языка [5].

Пространство является фундаментальным понятием человеческого мышления, отображающим множественный характер существования мира, его неоднородность. Теории пространства и времени в гуманитарных науках касаются фундаментальных измерений человеческого мира и выражают их в специфических нестрогих параметрах, таких как «верх» и «низ», «центр» и «окраина», «поверхность» и «глубина», «удаленность» и «близость», «старость» и «молодость», «опережение» и «отставание», которые фиксируются уже на уровне обыденного сознания [6, 8].

В словаре экономических терминов [4] представлен ряд метафорических номинаций, связанных с понятием «пространство»: валютная зона, экономико-правовое пространство, вертикальная маркетинговая система, горизонтальная интеграция,

расширение **границ** рынка, руководители **высшего звена**, руководители **низового** звена, производственная **сфера**, **сектор** экономики, **глубина** рынка, **проблемы** рынка и др. В данных метафорических контекстах отражаются представления, связанные с ориентацией в пространстве и делением его на фрагменты. Таким образом, пространство может определенным образом члениваться, включая в свой состав *зоны, вертикали, горизонталы, сферы, секторы* и т.п.

Рассмотрим наиболее употребительные метафоры модели «пространство» в экономических текстах. Частотность данных метафор обусловлена спецификой рассматриваемой области применения метафорических обозначений. Нестабильность российской экономики: спад производства в некоторых отраслях, колебания на финансовом рынке, санкции и т.п. — находят отражение в метафорах *роста-падения, движения по вертикали* — с вытекающими отсюда символами этого движения — *пик, рост, падение, дно* и т.д.

В словаре экономических терминов представлены следующие термины-метафоры «дна»: **дно, дно второе, дно двойное, дно каменное** [4]. В основе данных метафор лежат семы «уровень», «низ», «опускаться, падать», входящие в семантическую структуру слова *дно* и отражающие движение цен, актуальное для анализа экономических реалий.

Лексема *дно* широко используется в метафорических контекстах в СМИ как средство оценки ситуации, сложившейся в российской экономике. Ср. контексты: *Похоже, Россия прошла-таки дно кризиса. Однако экономика страны пребывает в рецессии... и в первую очередь на дно ее тянет неконкурентоспособная промышленность. Таким образом, рубль будет падать, пытаясь нащупать дно...* [5].

Ситуация в экономике России, характеризующаяся стагнацией, падением цен на энергоресурсы, санкциями, ослаблением внутреннего рынка, растущим недовольством в обществе, обозначена метафорой «дно». С одной стороны, в данных контекстах происходит актуализация оценочного компонента лексемы *дно*, связанного с представлениями о «падении», «нижней части», «низом». В то же время употребление данной лексемы в качестве обозначения негативных процессов российской экономики привносит в ее семантику дополнительные смыслы. Так, например, с помощью метафоры создается ирония: *Новый доклад ЦБ опять посвящен поиску дна. Экономика, скорее всего, продолжит нащупывать дно в ближайшие месяцы, — отмечает ЦБ в своем самом свежем прогнозе* [5]. Ирония вносит в текст отрицательную оценку действий Центрального банка РФ: вместо ожидаемых решений, которые будут способствовать росту российской экономики, опять «поиски и 'нащупывание' дна».

Образность метафоры усиливается сочетанием в одном контексте различных метафорических моделей: с одной стороны, метафора мо-

дели «пространство» — *дно*, с другой стороны, метафора антропоморфической модели «экономика — человек» — *экономика нащупывает дно*. Глагол «нащупывать»/«щупать» обозначает действия, производимые, как правило, человеком [7]. Оттенок сарказма присущ утверждениям о том, что у российской экономики «нет дна», следовательно, нет предела процессу падения: *Я оптимизма не разделяю и считаю, что мы не просто не достигли дна, а дно, на самом деле, у нашей экономики, у нашего рубля, к сожалению, нет* [8]. Таким образом, метафора *дно* не только репрезентирует события экономики, но и дает им отрицательную оценку. В текстах СМИ проявляется именно оценочность, не свойственная терминологическому употреблению.

В метафорических контекстах достаточно часто используется лексема *потолок*, в семантике которой есть компоненты, связанные с представлениями о «высоте» и «пределе» [7]. В словаре экономических терминов зафиксированы понятия *потолок* и *потолок цен* [4]. Сферой-источником данных метафор будет представление о помещении как пространстве внутри здания. В семантической структуре слова «потолок» есть стилистически маркированное (разговорное) переносное значение: «Предел, предельная степень чего-л.» [7]. В текстах СМИ метафоры с ключевым словом *потолок*, как правило, используются в контекстах, отражающих верхний уровень цен, доходов, роста экономики, добычи нефти и др.: *потолок цен, потолок зарплат, потолок расходов, потолок доходов, потолок стоимости, потолок роста ВВП России, потолок роста российской экономики* и др. [5].

Для обозначения наивысшего состояния в развитии экономических процессов используется слово *пик* в его переносном значении: «наивысшая точка в развитии чего-н., кратковременный резкий подъем в какой-н. деятельности» [7]: *пик инфляции, пик выплат, пик экономического подъема, пик расходов, пик продаж, ценовой пик барреля Brent, пик кризиса, пик подорожания доллара и евро, пик падения* и др. [5]. Согласно Финансовому словарю проекта «Финансы»: «пик — фаза экономического цикла; период в экономике страны, в течение которого реальный выпуск продукции достигает своего максимального значения; резкий выброс цены вверх или вниз и возвращение к начальному значению» [9]. Метафорические контексты со словом *пик* достаточно часто номинируют негативные явления российской экономики, связанные с падением экономики, рубля, благосостояния россиян и т.п.: *В России предрекли пик падения экономики в III квартале. Следовательно, пик падения доходов россиян придется на предстоящую осень. Пик бедности в стране должен прийти на 2018 год... В то же время 21 процент респондентов считает, что пик кризиса в стране приходится на нынешние дни* [5]. В данных примерах метафора

лик имеет отрицательные коннотации. Однако наиболее частотными оказались употребления метафор *потолок* и *ник* с нейтральной оценочностью.

Итак, традиционные для осмысления разнообразных сфер человеческой жизни пространственные метафоры в языке экономики, с одной стороны, выполняют традиционную для терминологии функцию образного объяснения сложных экономических процессов. С другой — в языке СМИ они «играют» по-новому, вытесняя номинативную функцию оценочной, что обусловлено и задачами публицистики, и потребностями массовой коммуникации просто и ярко объяснять сложные экономические реалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелешко О. П. Уровневая концепция дифференциации сфер жизни в анализе общественного бытия / О. П. Мелешко, К. Ю. Преображенская // Пробелы в российском законодательстве. № 1, 2017. — С. 239–241.
2. Зяблова О. А. Принципы исследования языка для специальных целей: На примере языка экономики: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / О. А. Зяблова. — Ин-т языкознания РАН. — Москва, 2005. — 40 с.
3. Нечай Ю. П. Формирование экономической терминологии в лексической системе современного русского

языка / Ю. П. Нечай, Т. С. Кондратьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, (4), 2014. — С. 58–64.

4. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь / 2-е изд., испр. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1998. — 476 с. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/ (Дата обращения: 25.04.2020).
5. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
6. Касавин И. Т. Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология & Философия науки. — Т. XVIII. — № 4. — 2008. — С. 5–15.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Slovari.ru — Режим доступа: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (дата обращения: 25.04.2020).
8. Жуковский В. У российской экономики нет дна / В. Жуковский. — Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2015/07/31/vlasti_ne_gotovy_adekvatno_otvetit_na_sistemnyj_krizis_rossijskoj_ekonomiki1/ (дата обращения: 29.04.2020).
9. Финансовый словарь проекта «Финам» [сайт]. — Режим доступа: <https://www.finam.ru/Dictionary/WordF021E3/?page=42> (дата обращения: 22.08.2020).

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

*Глушкова Т. С., кандидат филологических наук, доцент
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: dis555gts@mail.ru*

*Матиенко О. П., соискатель кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
E-mail: matienko_o@mail.ru*

*Dostoevsky Omsk State University
Glushkova T. S., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of theoretical and applied linguistics
E-mail: dis555gts@mail.ru*

*Matiyenko O. P., Applicant of the Department of theoretical
and applied linguistics
E-mail: matienko_o@mail.ru*

НЕВИДИМЫЙ, НО ВСЕПОГЛОЩАЮЩИЙ ГЕРОИЗМ: СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗА В. КОНЕЦКОГО «ТАМАРА»

Т. Н. Голицына

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2020 г.

Аннотация: данная статья посвящена анализу смысловой структуры рассказа В. Конецкого «Тамара». В смысловой организации текста выделяются два семантических центра: город и люди. Автор рассказа видит героизм в каждой детали военного существования людей и города.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Конецкий, Ленинград, блокада, Тамара, смысловая организация.

Abstract: this article is devoted to the analysis of the semantic structure of V. Konetsky's story "Tamara". In the semantic organization of the text, two semantic centers are distinguished: City and People. The author sees heroism in every detail of the military existence of people and the city.

Keywords: World War II, Konetskiy, Leningrad, blockade, Tamara, semantic organization.

Виктор Викторович Конецкий (1929–2002) — выдающийся русский советский писатель, художник, киносценарист, офицер морского флота, капитан дальнего плавания — родился и жил в Ленинграде, мальчиком пережил блокаду, и это трагическое событие нашло отражение во многих его произведениях: «Если бы немцы тогда вошли в город, я, пацан двенадцати лет, кусался бы и рвал их зубами. Так и Родину можно отдать — человека пожалеть. Только уж какой это будет человек?» [3, 104]

В центре внимания Виктора Конецкого — подлинный интерес к душевной жизни человека, смыслу его существования. Лирический характер его произведений, проявившийся в воспроизведении мыслей и переживаний героя и повествователя, сближает его прозу с оригинальным течением русской литературы 1950-х — 1960-х гг., получившим определение «лирическая проза».

Тема Великой Отечественной войны — одна из главных, а может быть, и самая главная тема русской советской литературы второй половины XX века. «И если мы сегодня знаем о том, что такое фашизм, если мы, не видевшие его в лицо, представляем это лицо, то это сделала литература о войне» [2, 14].

Литература Великой Отечественной войны является объектом изучения в работах многих современных ученых. Её анализу посвящены многочисленные статьи и монографии, среди которых значительное место занимают главы учебного пособия «Русская литература XX века», написанные Т. А. Никоновой: «Человек и война в литературе 1940-х годов» [5, 8–24], «Долгая была война: особенности освоения темы войны в 1960–1970-х годах» [6, 20–211].

Несомненный интерес представляют статьи В. М. Акаткина «Глаголы войны» [1, 87–108], В. Г. Тимофеевой «Война и человек на войне в метареалистической поэме Д. Л. Андреева «Ленинградский апокалипсис» [7, 136–146] и многие другие исследования, опубликованные в сборнике научных трудов «Тема войны в литературе XX века».

В своем рассказе о войне В. Конецкий пишет о том, как война проверяет человека: «Проверка человека на деле, в сложных ситуациях — это мотив, пронизывающий творчество Конецкого; он пробуждает сочувствие читателя скорее постановкой вопросов, чем их разрешением» [4, 24]

Фактуальная информация рассказа Виктора Конецкого «Тамара» связана с безмерно тяжелым временем войны. Автор предельно лаконично сообщает о жизни главной героини рассказа. Они с мамой бежали из Киева, по пути мать девочки погибла. Время действия — блокадный Ленинград 1942 года. Тамаре пятнадцать лет, она живет у родственницы, которая ей не рада.

В принципе автор очень мало рассказывает о героине. В фокусе его внимания оказываются последние месяцы её жизни в блокадном Ленинграде.

Трагическая панорама нынешней жизни Тамары противопоставлена нейтрально-информативному фону картины её прошлой жизни. «Главной успокаивающей мыслью у Тамары была мысль о том, что ей не надо ходить в школу и что она может забыть о своем высоком росте, из-за чего мальчишки раньше смеялись над ней» [3, 4], а воспоминания героини о несъеденных завтраках на перемене и выброшенном бутерброде с маслом говорят о том, что она ещё очень юная, она подросток, со свойственными подросткам особенностями восприятия событий

внешнего мира. Тем самым автор как бы несколько снижает образ героини рассказа, которая в ходе дальнейшего повествования всеми своими поступками опровергает свою наивность и слабость.

В смысловой организации текста рассказа можно выделить два семантических центра: город и люди. Город замерзающий и погибающий. Трагическое состояние Ленинграда представлено словесным рядом: мороз, замерзший, холод, иней, синее лицо, сугробы, оцепенелость, снежная пыль, заиндевевшие деревья. «Город медленно выползал из тьмы, но не просыпался, потому что и не спал. Город и днем и ночью хранил в себе оцепенелость. Простор площади наполнился сугробами. Между ними извивалась очередь в булочную. С крыши курилась снежная пыль. И все это было беззвучно, как будто город стоял на дне мертвого моря. Густо заиндевевшие деревья, разрушенные здания, мосты, набережные, очередь в булочную — все это было затоплено студеным морем» [3, 5–6].

На наш взгляд, ключевым словом, характеризующим состояние города, является лексема «оцепенелость». Это слово — дериват прилагательного оцепенелый — пришедший в состояние неподвижности под влиянием какого-либо сильного ощущения, переживания. Используя эту номинацию, автор рисует образ Ленинграда разрушенного, страшного, находящегося почти в потустороннем состоянии, но еще живого, замершего в ожидании. Семантику оцепенелости города подчеркивает ряд речевых средств, фиксирующих цветовые образы городского пейзажа: фиолетовое небо, фиолетовые морозы, мороз синий-синий. Так автор воссоздает чувственное восприятие пространства. С помощью несколько раз повторяющегося имени «фиолетовый», удвоенного прилагательного «синий» он стремится запечатлеть время суток (фиолетовое небо бывает на рассвете, а синий снег — ранним утром). Но самое главное для автора — это стремление донести до читателя, что рассвет — это еще и самое холодное время зимних суток. И этот темно-лиловый цвет неба подчеркивает жуткую картину скованного морозом, засыпанного снегом неподвижного города. Окруженный врагом, обезлюдивший, он кажется мертвым, но только кажется, так как внутренне он живет, он сопротивляется и готовится стать победителем.

Второй семантический центр рассказа — люди. Главная героиня — девочка Тамара. Она одинока в чужом городе. Главным событием в ее жизни является стояние в очереди в булочную за хлебом. Автор очень медленно, как будто близкой камерой, показывает, как героиня движется от двери булочной по улице к прилавку и от прилавка снова на улицу. И этот кинематографический прием создает ощущение движения бесконечно усталого голодного человека.

Восприятие реальности представлено автором с позиции наблюдателя. Наблюдателем выступает героиня рассказа. Девочка как бы со стороны наблю-

дает за окружающим. В фокусе ее внимания оказываются канал, аптека, вывеска, тумба. Восприятие девочки ослаблено, туманно: «Тамара понимала, что слабеет и может умереть скоро, но не пугалась этого, потому что не успела повзрослеть от несчастий» [3, 7].

Ужасна судьба мальчика-ремесленника, потерявшего хлебные карточки. Теперь он обречен на голод и смерть. Примечательно описание его внешности, автор сравнивает его со спящей птицей с полужакрытыми глазами. Он был одет в рваный форменный ватник, его шея была замотана полотенцем. Полотенце вместо шарфа — много говорящая деталь. Мальчик одинок, заброшен, обречен. Обезумевший ремесленник отнимает у Тамары хлеб. Люди бьют его, но это не является проявлением жестокости. Он наказан справедливо — отнять хлеб у другого в блокадном Ленинграде значит убить его.

Однорукий фотограф спасает Тамару и делит с ней, незнакомой девочкой, студень, приготовленный из столярного клея. С помощью фотографа Тамара становится почтальоном. И с этого момента повествования начинается своеобразное «хождение» героини, ее путь в самом высоком значении этого слова. Ибо разносить письма в борющемся со смертью городе — это подвиг. Психическое и физическое состояние Тамары автор показывает весьма своеобразно, с помощью количественных показателей: «В двадцать втором доме пять лестниц по семь этажей. Тридцать пять этажей! Целый небоскреб!» [3, 21] «Это была самая бесконечная лестница. Семнадцать ступенек. Двадцать девять ступенек» [1, 21]. Эти сухие числа в тексте приобретают высший, экзистенциальный смысл, служат знаками невероятной силы духа героини, преодоления себя.

Работа почтальона предоставляет Тамаре возможность встречаться с разными людьми. Так, в квартире № 8 она знакомится с пожилыми супругами, которым она принесла письмо с фронта от старшего сына. Старики окружают Тамару заботой и участием. Символично, что глава семьи, засыпающий от голода и почти не двигающийся человек, читает трактат Платона «Пир»: «Это книга о любви, — говорит он девочке. — Платон утверждает, что самое ценное на свете не вещи и символы их, а связи между всеми вещами мира. Всю жизнь он искал главную связь. И сказал, что нашел ее в любви» [3, 15].

В двадцать второй квартире Тамара пытается спасти женщину, которая, теряя последние силы, принимает её за Ангела: «Иногда она замирала, пристально глядя на Тамару, называла ее Ангелом. Она называла ее ангелом не так, как говорят, когда хотят тепло обратиться к человеку. А как бы произносилось это слово с большой буквы, с глубоким, священным почтением» [3, 18]. Эта женщина принимает Тамару за Ангела потому, что она ощущает себя уже не здесь, не на земле. И подсознательно она делает вывод о том, что так помогать, спасать, сопережи-

вать может не человек, а высшее существо.

Невозможно переоценить роль деталей в тексте рассказа. Один из фрагментов текста посвящен описанию очереди за хлебом. Это обыденное бытовое событие представлено автором как действие, как некое таинство. По Конечкому, очередь за хлебом в блокадном Ленинграде — это ритуал, почти сакральный по смыслу, очередь за хлебом в Ленинграде 1942 года, на наш взгляд, можно приравнять к стоянию в храме на молитве: «Между сугробами извивалась очередь в булочную. С крыш курилась снежная пыль, и все это было беззвучно. А вокруг было, как в храме» [3, 5–6].

Особое место в повествовании автор отводит размышлениям Тамары, стоящей в очереди. Девочка, страдающая от мороза и голода, мечтает о добавке, который она получит к пайку. Добавок — это придача, то, что дается сверх меры. Лексема «добавок» стилистически маркирована, употребляется как просторечная. На наш взгляд, это просторечие становится трагическим знаком и в этом контексте приобретает высокий смысл. «Добавок, если он будет маленьким, я съем. Прижму его языком и буду держать» [3, 4]. «Добавок» можно интерпретировать в этом смысле как Манну Небесную для изнуренного голодом и страданиями человека.

Духовный смысл этого слова подчеркивает и синтаксическая конструкция «если он будет маленьким», которая сигнализирует этическое условие: Тамара делает свой нравственный выбор — она позволит себе съесть добавок, если он маленький. Это условие свидетельствует о том, что у героини достаточно силы воли, чтобы остановиться на грани проступка.

Образ добавка получает дальнейшую детализацию в высказываниях: «Прижму его языком и буду держать. Из него пойдет сок. В нем много сока, особенно в корке, хотя она и твердая» [3, 4–5]. В воображении Тамара рисует картину эмоционального и чувственного наслаждения, она уже ощущает вкус этого кусочка. Мысленно она планирует, как это будет происходить, при этом используются глагольные словоформы будущего времени прижму, буду держать, пойдет, обозначающие действия, осуществление которых проблематично. Поедание маленького кусочка хлеба поражает точностью самонаблюдения героини. В описании становится значимой каждая словесная деталь: язык, зубы, корка, которая источает сок. Потрясает констатация ощущений девочки — «довесок» становится средством нравственной характеристики героини.

В одном из эпизодов рассказа умирающая женщина просит «кипяточку», причем это слово автор повторяет в тексте три раза: «Кипяточку-у-у!» — крик выполз из окна лестницы и поплыл между стен тесного двора к солнечному небу». «Кипяточку!» — раздалось опять. — «Кипяточку!» — шепотом закричала женщина, медленно поднимая над головой руки

[3, 17–18]. Кипяток в тексте рассказа — это не просто вскипевшая горячая вода. Это символ спасения, символ надежды. Для умирающей горячая вода — это живая вода, мечта о будущем.

В рассказе Виктора Конечкого нет изображения боев, атак, обстрелов. Нет ни лозунгов, ни громких речей и призывов. Рассказ написан жестко, реалистично, документально. Но «всевидящее око» автора видит героизм во всем, в каждой детали. В блокадном Ленинграде девочке уйти из дома, чтобы никого не обременять, — героизм, поделиться с незнакомым человеком едой (даже столярным клеем) — героизм, а разносить письма в осажденном городе, пытаться спасти умирающего человека — подвиг. Наконец, читать Платона, находясь в пограничном состоянии между жизнью и смертью, и думать о всеобщей любви — это тоже героизм.

Символичны в рассказе и сама миссия Тамары как письмонощицы, и те письма, которые она приносит людям. Письмо родителям, читающим Платона, их сын написал с фронта два месяца назад, и неизвестно, где он сейчас и что с ним. Возможно, его уже нет в живых. Второе письмо умирающей женщине ее внук написал еще до того, как началась война. Все эти послания ирреальны, они из другого, может быть, уже не существующего мира. Но их надо донести, передать. Они дают надежду.

В финале Тамара из последних сил достигает квартиры номер 43. Физическое и психическое состояние девочки доведено до крайнего предела. Она травмирована голодом, слабостью и душевными потрясениями. Автор отражает её состояние с помощью предикатов и имен, объединенных общим семантическим признаком «движение по кругу» — кружилось, кружение, карусель. «Голова прерывисто кружилась. И стены, испачканные копотью, в облупившейся штукатурке, когда-то зеленые, обитые по карнизу красной полосой, кружились вокруг. Иногда в зеленой карусели мелькало белое окно». «Но все равно пыталась остановить кружение возле каждой двери, чтобы рассмотреть номер» [3, 21].

Результат «восхождения» Тамары парадоксален: за открытой дверью квартиры 43 кроется пустота. «Тамара взялась за ручку. Дверь отворилась легко и радостно. Слепящий свет метнулся из-за неё. Простор синего неба, красных закатных облаков и красного солнца. Не было земли, домов и труб. Не было квартиры 43 — прихожей и коридора, и пустых комнат, и замерзшей кухни. Все это давно рухнуло, подсеченное бомбой» [3, 22]. Героиня оказалась на пороге зияющей бездны: впереди не было ничего, кроме метафизического ужаса и смерти. Между тем автор все-таки оставляет надежду читателям на то, что Тамара останется жива. Как известно, дверь, которая открылась легко и радостно, символизирует освобождение и начало новой жизни, ибо Христос сказал: «Я есть дверь; кто войдет Мною тот спасется».

В рассказе, как выражение авторской позиции, звучит отрывок из письма боевого офицера, которое принесла Тамара: « Я знаю только одно, что я не понимаю своего народа. — Я не знаю, что такое русский народ, русский характер и где кончаются его плюсы и начинаются минусы. Всегда я чувствую только одно: сила моего народа, моей истории огромна, ее роль в истории мира тоже огромна. И если есть на земле Христос, то это и есть Россия!» [3, 13]

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаткин В. М. Глаголы войны / В. М. Акаткин // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 14 — Воронеж: Воронежский университет, 2000, С. 87–108.
2. Золотусский И. П. Трепет сердца: Избранные работы / И. П. Золотусский. — М.: Современник, 1986. — С. 14.

*Воронежский государственный университет
Голицына Т. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: kolzova@phil.vsu.ru*

3. Конецкий Виктор. В сугубо внутренних водах: Повести / Виктор Конецкий. — М.: Современник, 1984. — 591 с.
4. Курбатов В. Я. Подорожник: Встречи в пути, или Нечаянная история литературы в автографах попутчиков / В. Я. Курбатов. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. — 416 с.
5. Никонова Т. А. Человек и война в литературе 1940-х годов / Т. А. Никонова // Русская литература XX века. Ч. 2. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. — С. 8–24.
6. Никонова Т. А. Долгая была война: особенности освоения темы войны 1960–1970-х годах / Т. А. Никонова // Русская литература XX века. Ч. 2. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. — С. 200–211.
7. Тимофеева В. Г. Война и человек на войне в метареалистической поэме Д. Л. Андреева «Ленинградский апокалипсис» // Тема войны в литературе XX века. — Воронеж: ВГУ, 2005. — С. 136–146.

*Voronezh state University
Golitsyna T. N., candidate of Philology, associate Professor
of the Russian language Department
E-mail: kolzova@phil.vsu.ru*

Г. Н. ВЛАДИМОВ: ПОСЛЕДНИЙ РОМАН О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Т. В. Демидович

Волгоградский государственный медицинский университет

Поступила в редакцию 20 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье говорится о творчестве прозаика Г. Владимова. Дается обзор критики на его роман о Великой Отечественной войне «Генерал и его армия», вызвавший серьезную полемику в литературе конца XX века. Озвучиваются основные проблемы и творческие принципы романа.

Ключевые слова: Г. Владимов, Великая Отечественная война, роман «Генерал и его армия», критика, проблема, творческий принцип.

Abstract: in the article the author speaks about the work of the prose writer G. Vladimov. Gives a review of criticism on his novel about the Great Patriotic war «the General and his army», which caused controversy in the literature of the late twentieth century. The main problems and creative principles of the novel are stated.

Keywords: G. Vladimov, the Great Patriotic war, novel «The General and his army», criticism, problem, creative principle.

Владимов Георгий Николаевич (настоящая фамилия Волосевич) родился в 1931 году в семье учителей. Он не принадлежал к поколению фронтовиков, но война осталась в его памяти навсегда: гибель отца в военные годы, эвакуация из родного Харькова, захваченного немецкими войсками, неудачный побег на фронт, жесткий режим Суворовского училища, не законченного из-за ареста матери. Известно, что она была осуждена по 58-й статье и отправлена в лагеря в годы репрессий. Юридический факультет в Ленинградском университете. Пришлось поработать и в ленинградском порту. Мечты о литературе и близость их осуществления. Работа в «Литературной газете» — и впервые — статья о романе К. Симонова «Живые и мертвые» от четвертого февраля 1960 года: «Спасенная Россия» [1, 116]. Переезд в Москву, работа в отделе прозы либерального журнала «Новый мир». Очерки, публицистика, литературная и театральная критика. Командировки, журналистские задания, Курская магнитная аномалия...

Подробные сведения о биографии Владимова дает Биографический словарь под редакцией П. А. Николаева. В 1961 году в «Новом мире» опубликована повесть «Большая руда», которая стала «ярчайшим манифестом поколения “шестидесятников”» [2, 157]. В традиционном для социалистического реализма сюжете о «перековке» индивидуалиста Владимов сумел передать самоощущение личности, не способной смириться ни с каким гнетом, в том числе и с гнетом «коллектива». Автор пишет о личности, ценой гибели отстаивающей свое достоинство. На фоне прозы тех лет повесть выделялась глубиной трагизма, став

объектом бурного обсуждения в критике. Ирина Роднянская: «Конфликт настолько невыносим, что гибель героя воспринимаешь как облегчение» [3, 135]. В 1990 году в письме Льву Аннинскому автор сказал так: «Сдается мне, «Большая руда» так и не была понята до конца в свое время, когда о ней столько говорили и писали. Простая немудрящая история...» [3, 136]. Тогда же писателем начата «Повесть о караульной собаке». Это был ее первый вариант. В печать он не прошел и начал распространяться, по цензурным соображениям, в «самиздате», без имени автора. Сюжет повести несколько лет приписывался другим писателям, в частности — А. Солженицыну.

На несколько лет вокруг Г. Владимова установилось странное, интригующее молчание. А в это время писатель «сходил в море, выловил там селедку, сам просолился насквозь» [3, 137], — однако, кроме скупого очерка в писательской многотиражке, о нем — ни звука. Но Владимов привез из рейса замысел романа «Три минуты молчания», опубликованного в «Новом мире» в 1969 году (это была фактически последняя легальная публикация писателя в СССР перед долгим перерывом). Отдельным изданием роман выйдет без купюр только в 1976 году за границей, в Венгрии. В «Трех минутах молчания» вместо типического изображения «героев-тружеников» автор передает мысль о духовном неблагополучии, господствующем в современном обществе. Роман написан в виде своеобразного дневника героя, плавающего на сейнере с бригадой рыбаков, где опять в новом варианте — испытание сил личности, подвергающейся давлению «массы». «Лейтмотивной в произведении становится мысль о «трех минутах» полной тишины, обязательных в море (и в «море

жизни»), чтобы услышать «SOS» — сигнал одинокого погибающего и мольбу о помощи» [2, 157].

В 1975 году в заграничном, «антисоветском» журнале «Грани» опубликована повесть «Верный Руслан»: «Пес был обложен вдвое большим количеством страниц, и к своему исконному имени — Руслан — получил добавок в виде эпитета — Верный» [3, 138]. Мир в повести дан через восприятие караульной собаки. Хотя Руслан воплощает в себе лучшие «человеческие» качества, по воле людей они поставлены на службу человеконенавистническому делу. Сразу нельзя даже понять, осуждаешь ты его или оправдываешь, ясно одно — за всякое зло природа с неизбежностью мстит.

Постепенно надвигался разрыв с официальной властью. По рукам пошло письмо, в котором Владимов объявлял себя сторонником А. Солженицына в деле борьбы с режимом. Потом были публикации на Западе. В 1977 году он выходит из Союза писателей и в 1983 году эмигрирует в ФРГ. С 1984 по 1986 годы Владимов — главный редактор журнала «Грани». Печатается в «Посеве», выступает на радио «Свобода». В России в это время — постепенное «оттаивание» и надвигающаяся «перестройка». Публикуется «Верный Руслан». «Литературное обозрение» заказывает Л. Аннинскому рецензию на повесть. В письме к критику от тридцатого октября 1989 года Владимов пишет: «Я не держу читателя лагерными ужасами, но вся суть — в постоянном вывороте жизненной ткани с «добра» на «зло» и обратно, и весь ужас — что из элементов добра магическим образом составляется зло, что выстроился тот тоталитарный лагерь... еще и на честности и правде! Еще и на положительном Руслане. Кажется, еще чуток, и мы пойдем удивительный — и печальный — парадокс русской литературы: все норовят авторы представить нам героя «положительно прекрасного», а сволочная действительность не дает ни в какую, и поэтому <...> твой покорный слуга взял и собаку восславил, которую, к тому же, «следовало отстрелить» [3, 142].

В 1990 году — первые новости о «Генерале и его армии»: «Литературная газета» напечатала моего Гудериана, сильно потрепанного (как и интервью)» [3, 147]. В 1994 году роман публикуется в журнале «Знамя», в этом же году удостоивается Букеровской премии, а в 1995 году — Московской литературной премии «Триумф».

Роман «Генерал и его армия» стал итогом литературной деятельности Г. Владимова и занял, пожалуй, главное место в творчестве писателя. В начале шестидесятых годов Воениздат основал серию военных мемуаров. Для этого к маршалам и генералам направляли специальных корреспондентов, которые и собирали всю необходимую информацию. От «Литературной газеты» к командарму П. В. Севастьянову был направлен Г. Владимов. По материалам интервью у писателя возник небольшой рассказ «Генерал

и его армия», который был показан А. Твардовскому. В целом рассказ ему не понравился, однако Владимов свою работу продолжил.

Много полезного писатель узнал, общаясь с фронтовиками. Например, от В. Астафьева — что стрелять из танковой пушки большая морока: после трех-четырёх выстрелов башенный стрелок уже кашляет от дыма и не видит цель. От В. Ордынского — что с помощью Луны можно выстроить «параллельный веер». От Г. Бакланова — что, оказывается, снаряд не просто вкладывают в казенник, а вбивают толчком его медный поясок в нарезы; иначе снаряд не получит вращения, в полете закувыркнется и не долетит куда надо.

Количество критических статей, вызванных появлением романа, исчислялось десятками. Оценки критиков были крайне противоречивы. После публикации «Генерала и его армии» вышло обширное исследование В. Богомолова «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия», в котором критиковалась документальная основа романа и его художественная концепция. Поддержал Богомолова еще один писатель-фронтовик — А. З. Анфиногенов, который отнесся к произведению Владимова как к обыкновенной творческой неудаче. Историческую достоверность в романе критикуют и другие писатели. Виктор Соснора считает, что «для тех, кто не воевал — писать по чужому опыту вообще невозможно» [4, 12]. Активно защищают автора от упреков в клевете В. Кардин [5], М. Нехорошев [6], Н. Иванова [7], А. Немзер [8] и другие. Очень высоко оценил роман А. Солженицын. А Кабаков писал: «Последний настоящий роман о последней настоящей войне написал Владимов» [9, 10]. Одним из самых активных защитников прозы Владимова стал критик и, впоследствии, друг писателя — Л. Аннинский [3, 10, 11, 12].

В споре, разгоревшемся вокруг романа, участвовал и сам прозаик. В своих статьях автор отстаивал право на условность как художественный приём при изображении исторических событий: «писать жизнь такую, какая она есть, невозможно. Вольно или невольно, художник группирует материал, сообразуясь со своей личностью; он пишет жизнь такую, какую он ее видит» [1, 111].

Главная тема творчества Г. Владимова — трагическая расплата личности за стремление к независимости. Тайна тайн — вопрос: как из положительных качеств и благих намерений индивида получаются отрицательные результаты? Суть владимовской драмы — в непрерывном «вывороте» жизни с добра на зло и обратно.

Как же повернуть обратно к «доброту» жизнь, уже прожитую навыворот, как вынести остатки честности на дне бесовства, когда бесовство и есть жизнь? Но не вернешь смысла в вывихнутую реальность, не выведешь никакой посмертной «справедливости» в истории, потому что и жертвы, и палачи уже легли друг за другом в эту землю.

Роман «Генерал и его армия» — тоже об этой трагической невозвратности. Цена победы — вот к чему прикован взгляд Владимова: «А сколько же в Мырятине этом жило до войны? Баб, стариков, детишек ты не считай, одних призывных мужиков сколько было? Да те же, наверно, десять тысяч. Которых я положить должен. Что же мы, за Россию будем платить Россией?» [14, 276]. Какой полководец решится заплатить эту кровавую цену? Почему русские люди с такой готовностью соглашались платить за Россию собственной кровью, но чаще — жизнью? Но бывают ли войны без жертв?

Ближе всех к ответам на эти и другие вопросы — главный герой романа — генерал Кобрисов, который помещен в тот центр, где скрещиваются все нити: и те, что идут из неприступной Ставки, и те, что идут из простреливаемого окопа.

В романе «Генерал и его армия» главная проблема творчества Г. Владимова — противостояние личности и массы — трансформируется в не менее значимую для писателя проблему «сохранения нравственной целостности народа» [2, 157] и цены спасения России: «Вторых «Войны и мира» мы не дождемся, масштабы были таковы, что не уместятся ни в какие тома. Я взял одну лишь операцию, из которой видно, что такое вообще операция, как она строится, какое в ней бывает столкновение интересов, страстей, честолюбий, оплачиваемых всегда чужой и, притом, большой кровью» [14, 218–219]. Великий полководец Жуков не одерживал бы своих побед, если бы «экономно планировал потери» или позволял себе слово «жалко». Генерал Терещенко не прославился бы как «командарм наступления» без «русской четырехслойной», как называл про себя эту тактику Кобрисов: «три слоя ложатся и заполняют неровности земной коры, четвертый — ползет по ним к победе. Вступало и обычное соображение, что раз уже столько потрачено сил, то отступить никак невозможно, и может случиться, «вырвет победу последний брошенный батальон» [14, 151].

Кобрисов же воюет не числом, а умением: «Не всегда это доблесть — бой навязывать противнику, иногда умней уклониться, — говорит он Ватутину, — больше потом возьмешь. Ты вот о «котлах» думаешь, об окружениях, да кто об них не мечтает. А знаешь, чем ты прославился уже, чем, может, в истории останешься? Двумя отступлениями. Под Харьковом и на Курской дуге. Это изучать будут, как ты сумел людей сохранить, технику всю вытаскать» [14, 276].

Так, из значимой для прозаика проблемы цены спасения России «вытекает» вопрос о праве распоряжаться чужими жизнями. Владимовский Кобрисов понимает, что на войне не обойтись без жертв, но, как рачительный хозяин, он всячески «экономит» людей, следуя своему принципу — сбережение русского народа.

За спиной Кобрисова — еще два генерала: Власов и Гудериан. Андрей Власов — предатель, направивший оружие против своего народа, неимоверно тяжелой ценой отстаивающего свою независимость. В отзыве о романе Г. Владимова А. Солженицын говорит о власовской теме: «И как не воздать должное Владимову за его смелость не уклониться от темы (как увертливо или дуболомно уклонялись столькие его предшественники, лакировщики, наспех и прославленные). Он не побоялся выстоять встречный гнев и самую низкую брань <...> Только одной разработки этой темы было бы достаточно, чтобы роман Владимова навсегда остался отмечен в русской литературе» [15, 145–146].

Владимова интересует не сколько сам Власов, сколько его армия, ведь не все сдавались в плен — многие в него попадали. Писатель К. Д. Воробьев, воевавший в роте кремлевских курсантов, попал в плен в декабре 1941 года под городом Клин. Пройдя ряд лагерей на территории Литвы, бежал в сентябре 1943 года, организовав партизанскую группу, которая влилась в литовский партизанский отряд [2, 167]. Писатель Я. В. Смеляков, мобилизованный в начале Великой Отечественной войны, был взят в плен финнами. Впоследствии, на родине, он испытал все мытарства, уготованные в ту пору людям подобной судьбы: «проверку», лагерь, позже работал на подмосковной шахте [2, 648–649]. Но даже в такой ситуации у человека всегда есть выбор: остаться на своей земле или перейти на сторону Власова.

В рассказе В. Шаламова «Последний бой майора Пугачева» майор вспоминает приезды эмиссаров Власова с его «манифестом», приезды к измученным, голодным русским солдатам: «От вас ваша власть давно отказалась. «Всякий пленный — изменник в глазах вашей власти», — говорили власовцы. И показывали московские газеты с приказами, речами. Пленные знали и раньше об этом. Недаром только русским пленным не посылали посылки. Французы, американцы, англичане — пленные всех национальностей получали посылки, письма, у них были землячества, дружба; у русских — не было ничего, кроме голода и злобы на все на свете. Немудрено, что в «Русскую освободительную армию» вступало много заключенных из немецких лагерей военнопленных» [16, 405].

В «Генерале и его армии» генерал Кобрисов оказывается в сложной ситуации, когда идет с Шестериковым в Перемерки. Если бы верный ординарец не спас раненого генерала, Кобрисов мог бы оказаться в плену: «И эти, из Перемерок, еще при свете видели, кто к ним пожаловал, видели темно-зеленую его бекешу, отороченную серой смушкой, и смушковую папаху — разве ж с этим отпустят? Убитого раздеть можно, одежду поделить, а за живого — им, поди, каждому по две недели отпуска дадут» [14, 72].

В своем романе Владимов проводит мысль о том, что «Власову следовало опереться на оппозицион-

ные силы внутри фашистской армии, а после провала заговора — на Гейнца Гудериана, искавшего пути спасения Германии» [17, 335]. По этому поводу с писателем вел споры В. Богомолов, обвиняя прозаика в явной симпатии к Власову, РОА, Гудериану: «Г. Владимову, замороженному своими нескрываемыми симпатиями и привязанностями к Гудериану и Власову, будто и невдомек, что об альянсе между ними не могло быть и речи» [18, 85]. Владимовский Кобрисов знает, что в Мырятине находят его соотечественники, много размышляет об этом, пытается проанализировать ситуацию в которой оказался Власов, но приходит к выводу, что генерала нельзя оправдать, даже если других вариантов спасения собственной жизни, кроме плена, не было.

В генеральском «треугольнике» Владимов интересен и образ немецкого генерала. Генерал Гудериан — «старина Гейнец», опытный военачальник. Он хороший полководец, его любят солдаты. Тем не менее — он был и остается захватчиком. Это подчеркивается в орловской сцене. В камерах и подвалах городской тюрьмы были обнаружены сотни трупов — узников расстреляли за день или два до сдачи города немцам. Убедившись еще раз в жестокости режима большевиков (ни один из казненных не имел смертного приговора: были чаще всего с пятилетними сроками, были и вовсе не имевшие приговора, только еще подследственные), Гудериан приказывает выложить все трупы рядами на тюремном дворе и открыть ворота для всего города. Полной неожиданностью становится для немецкого генерала то, «как смотрели на него самого: со страхом и ясно видимой злобой. Будто и он был к этому причастен или тем виноват, что мертвые глухи к отчаянным мольбам откликнуться» [14, 106]. В разговоре с орловским батюшкой Гудериан высказывает сомнения в том, что, если бы его танки наступали медленнее, узников бы вывезли. К тому же, говорит он, «это мое ремесло, батюшка. Старинное и почтенное, Бог его не отрицает. Я только стараюсь делать свое дело как можно лучше <...> Но тех, кто это сделал, вы не упрекаете, вы о них молчите» [14, 107]. На что батюшка отвечает, поражая своим ответом немецкого генерала: «Но это наша боль, наша и ничья другая. Вы же перстами своими трогаете чужие раны и спрашиваете: «Отчего это болит? Как смеет болеть?» Но вы не можете врачевать, и боль от касаний ваших только усиливается, а раны, на которые смотрят, не заживают дольше <...> Ты пришел показать нам наши раны, а виселицы на площадях? А забитые расстрелянными овраги и канавы? А сожженные деревни с заживо сгоревшими стариками и младенцами?» [14, 107–108].

То, что Гудериан — захватчик, чужак, говорит и эпизод в Ясной поляне. В кабинете Л. Толстого за письменным столом великого русского писателя немецкий генерал перечитывает «Войну и мир»,

а затем пишет письмо своей жене, но идилличность картины снимает толстовский «интерьер». То, что Гудериан находится в имении великого художника, нисколько не волнует душу генерала. Для него это скорее — одно из очередных мест нахождения немецкого штаба. Впоследствии, его обвиняли в варварстве и «глумлении» над наследием русской культуры. В своих воспоминаниях Гудериан опровергает эти обвинения: «Я приказал оставить «замок» в полном распоряжении семьи Толстых. Мы расквартировались в «музее». Мебель и книги семейства Толстых были собраны в двух комнатах, а комнаты эти — заперты. <...> Не было сожжено ни единой планки мебели, ни единой бумажки. Все послевоенные заявления русских — это их фантазия. Я побывал на могиле Толстого. За ней хорошо ухаживали. Ни один немецкий солдат не тронул ее» [19, 281]. Тем не менее, подобно Л. Толстому, который в «Войне и мире» даже не допускал вопроса: хорошо или плохо оставаться под властью французов, Владимов не допускает и мысли: хорошо или плохо оставаться под властью немцев.

Можно ли оправдать А. Власова на суровом суде истории? И можно ли считать положительным героем немецкого захватчика? Во что обходится генеральское и маршальское честолюбие, бессовестность и профессиональная необразованность? Владимов не дает «однозначных» ответов, «он лишь заставляет задуматься над нашим общим прошлым, чтобы избежать ошибок в будущем» [20, 15].

Таким образом, тема Великой Отечественной войны до сих пор остается значимой для русской литературы и искусства. На протяжении многих десятилетий дискуссионным являлся вопрос: можно ли написать хорошую книгу о войне, не побывав на ней. И до сих пор на него не найден однозначный ответ. Можно сказать лишь, что Георгий Владимов, хотя и не участвовал в событиях 1941–1945 гг., однако воспринимал войну, как «личное» дело: «Наше поколение — также военное, хоть мы и не командовали ротами и не умирали на снегу. И, тем не менее, испытание войной коснулось и нас, причем в ту трепетную пору, когда характеры складываются» [13, 6]. Можно сказать, что роман «Генерал и его армия» — последнее крупное произведение прозаика, в судьбе которого была «военная» веха. Писатель стремится сказать свое слово о Великой Отечественной войне и раскрыть перед читателями «свою» правду. Внимание Владимова также привлекают к себе прежде всего будни войны, её неприкрашенный облик. Что касается системы персонажей, то основным творческим принципом при ее создании для Г. Владимова стал принцип «человеческого» содержания исторических событий. Все его герои — прежде всего люди, со всеми присущими им человеческими качествами: достоинствами и недостатками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимов Г. Собрание сочинений: В 4 т. / Г. Владимов — М.: АОЗТ «NFQ / 2 Print», 1998. — Т. 4: Литературная критика и публицистика. — 462 с.
2. Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. — М.: Большая Российская Энциклопедия: Рандеву — Ам, 2000. — 806 (2) с.
3. Аннинский Л. Удары шпагой: о Георгии Владимове (Воспоминания. Переписка) / Л. Аннинский // Знамя. — 2004. — № 2. — С. 134–177; № 3. — С. 153–185.
4. Соснора В. Литература и война / В. Соснора // Знамя. — 2000. — № 5. — С. 12.
5. Кардин В. Страсти и пристрастия: К спорам о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» / В. Кардин // Знамя. — 1995. — № 9. — С. 199–210.
6. Нехорошев М. Генерала играет свита / М. Нехорошев // Знамя. — 1995. — № 9. — С. 211–219.
7. Иванова Н. Дым отечества / Н. Иванова // Знамя. — 1994. — № 7. — С. 183–193.
8. Немзер А. Одолевая туман / А. Немзер // Звезда. — 1995. — № 5. — С. 184–188.
9. Кабаков А. Всеобщая воинская невинность / А. Кабаков // Знамя. — 2000. — № 5. — С. 10–11.
10. Аннинский Л. Богомоллов. Владимов / Л. Аннинский // Родина. — 1995. — № 10. — С. 58.
11. Аннинский Л. Рубежи и упоры Георгия Владимова / Л. Аннинский // Дружба народов. — 1998. — № 10. —

С. 219–223.

12. Аннинский Л. Спасти Россию ценой России / Л. Аннинский // Новый мир. — 1994. — № 10. — С. 214–221.
13. Диалог о прозе. Г. Владимов — Ф. Кузнецов // Литературная газета. — 1976. — № 7. — С. 6.
14. Владимов Г. Н. Генерал и его армия. Верный Руслан / Г. Н. Владимов. — М.: Эксмо, 2007. — 608 с.
15. Солженицын А. Георгий Владимов — «Генерал и его армия» / А. Солженицын // Новый мир. — 2004. — № 2. — С. 144–151.
16. Шаламов В. Т. Последний бой майора Пугачева // Шаламов В. Т. Левый берег: Рассказы. — М.: Современник, 1989. — 559 с.
17. Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: Учебник / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко. — М.: Высш. шк., 2004. — 455 с.
18. Богомоллов В. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия / В. Богомоллов // Свободная мысль. — 1995. — № 7. — С. 79–103.
19. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / Г. Гудериан / Пер. с англ. Д. А. Лихачева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 574 с.
20. Рамзаева В. Роман Георгия Владимова «Генерал и его армия» / В. Рамзаева // Литература. Приложение к «Первое сентября». — 2005. — № 15. — С. 14–21.

Волгоградский государственный медицинский университет

Демидович Т. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и социально-культурной адаптации

E-mail: demidovicht@mail.ru

Volgograd state medical university

Demidovich T. V., candidate of philological sciences, lecturer of the department of Russian language and social and cultural adaptation

E-mail: demidovicht@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕВАЛЬВАЦИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Н. Дьякова, И. А. Стернин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 октября 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема семантических изменений в лексике русского языка, связанных с исчезновением дифференциальных сем в словах и пейоризации ряда слов, выражающейся в формировании неодобренных значений у положительно-оценочных слов.

Ключевые слова: семантика, изменения семантики, русский язык, семантическая девальвация

Abstract: the article examines the problem of semantic changes in the vocabulary of the Russian language associated with the disappearance of differential semes in words and the pejorization of a number of words, which is expressed in the formation of disapproving meanings in positively evaluative words.

Keywords: semantics, changes in semantics, Russian, semantic devaluation.

Любой язык в своем развитии проходит разные периоды. Это периоды можно назвать периодами интенсивного развития и периодами стабильности. В период интенсивного развития в языке происходят быстрые и интенсивные изменения на многих языковых уровнях, изменяются языковые нормы, модифицируется сфера допустимого; в периоды стабильности изменения существенно замедляются и стабилизируются языковые нормы.

Периоды интенсивного развития языка связаны обычно с крупными социальными изменениями в обществе, которые влекут за собой изменения в общественной жизни и коммуникации и, соответственно, приводят к существенным изменениям в языковой сфере.

В русском языке новейшего времени периоды интенсивного развития языка связаны с эпохой Петра Первого, эпохой Отечественной войны 1812 г. и периодом Пушкина, а также с периодом Октябрьской революции. Период перестройки знаменовал новейший период интенсивного развития языка. Бурные общественно-политические изменения в России после 1985 года привели к коренному изменению общественного уклада российского общества, что, естественно, не могло не сказаться на развитии и функционировании русского языка. Именно постперестроечный период демонстрирует многочисленные и интенсивные изменения во всех сферах существования русского языка.

Изменения в современном русском языке многосторонни и разнонаправленны. В целом, для русского языка конца XX века характерны следующие обобщенные тенденции развития: 1) интенсивность и быстрота изменений в языке; 2) определяющее влияние

общественно-политических процессов на языковое развитие; 3) преобладающие изменения происходят в лексике и фразеологии; 4) количественные изменения преобладают над качественными; 5) функциональные изменения преобладают над системными [1, 89].

При этом основные изменения в русском языке происходят в настоящее время в лексике и семантике слов.

Наши наблюдения над процессами семантических изменений в современной русской лексике [2, 3, 4] позволяют судить о формировании, в частности, процесса, который может быть назван *семантической девальвацией* слова.

Покажем процесс семантической девальвации на конкретных примерах.

Так, у слова *эксперт* развивается новое значение — *Человек, который много знает*. «Многознание» не подкрепляется при этом никакими характеристиками, это просто субъективная положительная оценка. Для этого значения не характерны дифференциальные семантические компоненты *опытный, умный, авторитетный, компетентный* — они не актуализируются в значении, как и компоненты *образованный, квалифицированный*. Именно в этом значении данное слово сегодня широко используется в рекламе, когда показывают или цитируют «экспертов», чьи «экспертные» характеристики ничем не подкрепляются; в этом же значении слово *эксперт* активно эксплуатируется современным ТВ — во всех ток-шоу на ТВ экспертами фактически называют тех, кто просто что-то видел, что-то слышал, о чем-то узнал («Пусть говорят», «Прямой эфир», «Кто против», «60 минут», «Пацанки» и др.).

В близком значении часто употребляется сегодня и слово *специалист*: *обратимся к мнению специ-*

алистов, спросим специалиста — т.е. «знающего человека». Чем его знания подтверждаются, обычно остается неясным, «за кадром». Сходная тенденция наблюдается и в употреблении слова *профессионал*. Характерно, что практически не употребляются сейчас в языке такие единицы, как *знаток, ас, мастер, умелец*. Нетрудно заметить, что все эти изменения в значениях рассматриваемых слов обусловлены коммерческими причинами, отражающими развитие рыночной экономики и рекламы — потребностями рекламы, потребностью усиления аргументации в целях навязывания товаров и услуг потребителям [3, 76].

По этому же пути идет в настоящее время развитие значения слова ЗВЕЗДА. Невооруженным глазом заметно, что сейчас звездами стали называть людей, которые лет 10–20 назад никто бы звездами называть не стал [2, 19].

В вышедшем в 2011 г. издании «Ассоциативный словарь употребительной русской лексики» [5] стимул ЗВЕЗДА представлен следующим ассоциативным полем:

ЗВЕЗДА 100: небо 20; Солнце 11; космическое тело 4; знаменитость, планета, шоу-бизнес, яркая 3; небесное тело, по имени Солнце 2; август, армия, артист, астрономическое тело, банкета, блеск, вдали, высота, газопылевое облако, Галина Вознесенская, гламур, далеко, дура, еврей, известный человек, комета, красная, моя, на небе, ночное, ночь, острая, пафос, поп-культура, популярность, пятиконечная, рок, рок-н-ролл, романтик, романтическая обстановка, с неба, сверкающая точка, свет, сияет, слава, созвездие, спутник, Цой, человек; человек, раскрученный в шоу-бизнесе; эстрада, я, ярко 1; отказ 6.

По результатам эксперимента методом семантической интерпретации [6, 139–164] было сформулировано психолингвистическое значение слова ЗВЕЗДА:

1. Яркое космическое тело на небе, которое романтично наблюдать

Наблюдать в телескоп за звездами

2. Яркая знаменитость в шоу-бизнесе

В концерте приняли участие многие звезды эстрады

3. Человек, который ведет себя пафосно

Терпеть не могу, когда начинают строить из себя звезд!

4. Метеорит, падающий в августе с неба

Смотреть на падающие звезды

5. Символ СССР

Красные звезды Кремля

6. Знак различия в армии

Обмывали третью звезду

7. Лицо, которым восхищаются окружающие

Это звезда нашего коллектива

Таким образом, психолингвистическое описание семантики слова ЗВЕЗДА, которое отражает реальность современного языкового сознания, включает значения, которые не отражены в толковых словарях: Метеорит, падающий с неба (*падающие звезды*),

Символ СССР (красная звезда), Знак различия в армии («*обмыть*» звезду), Человек, которым восхищаются окружающие (*в нашем коллективе она звезда*), Человек, который ведет себя пафосно, гламурно (*строит из себя звезду*). Последнее значение — пример семантической девальвации.

Нами было также проведено лингвистическое интервьюирование. Был предложен вопрос: «Звезда — это кто (что)? Определение, примеры, фамилии, ассоциации...». Получены ответы от 100 человек путем электронного опроса в ноябре 2019 г.

Большая часть респондентов (40%) под словом ЗВЕЗДА подразумевает популярного, знаменитого, часто богато человека, вызывающего чувства от восторга до отвращения. 16 респондентов в качестве примера привели фамилии известных людей: Вертинский, Шаляпин, Пугачева, Бузова, Шурыгина, Пахмутова и Добронравов, Жириновский, Спиваков, Делон, Монро, доктор Гааз, Чарли Чаплин, Паустовский, Мария Кюри, Цой, Агузарова, Верка Сердючка. Причём все фамилии были упомянуты по 1 разу, а Ольгу Бузову назвали 6 человек.

При этом у 20% респондентов слово *звезда* четко ассоциируется с деньгами, богатством, коммерцией.

Таким образом, основным значением слова ЗВЕЗДА сейчас является *популярный, знаменитый, обычно богатый человек*.

Интересна оценочность слова ЗВЕЗДА, выявившаяся в результате опроса. 23% респондентов считают, что звезда — понятие положительное: примерно столько же (21%) при слове ЗВЕЗДА испытывают раздражение.

Слово ЗВЕЗДА в максимальной степени ассоциируется с эстрадой, кино, театром и телевидением.

На ТВ регулярно появляются передачи, в названии которых слово *звезда* имеет смысл — *популярный человек*. «Звездами» теперь называют просто актеров сериалов, участников многочисленных телешоу, например Дом-2, Stand Up, Битва экстрасенсов, Камеди-клуб, Точь-в-точь!

СМИ, чтобы привлечь внимание, поднять статус того или иного события, упорно называют *звездами* участников сериалов, исполнителей одной из ролей, даже эпизода; участников телевизионных шоу, героев скандалов; слово *звезда* в отношении действительно талантливого, признанного героя наших дней — в явном меньшинстве. Это свидетельствует о семантической девальвации слова.

Еще одним направлением семантической девальвации является развитие неодобрительных значений у положительно-оценочных или нейтрально-оценочных слов (*пейоризация семантики*). Так, слова *свобода, толерантность, демократ, либерал, оппозиция* и мн. др. приобретают разговорные неодобрительные значения.

Необходимо признать, что в отличие от семантической девальвации, описанной выше, семанти-

ческая пейоризация общественно-политической лексики имеет в нашей стране уже определенную историю.

Одним из первых после революции пейоризировалось слово *интеллигент* — это слово стали определять как обозначение человека, не имеющего четкой идеологической позиции, неспособного к созидательной и конкретной работе на благо народа, чуждого народу элемента (ср.: *гнилой интеллигент*). Ему со временем стала противопоставляться «рабоче-крестьянская интеллигенция». Отголоски такого отношения к интеллигенции сохраняются и в современном значении слова *интеллигент* в русском языке [7].

В какой-то степени в послереволюционное время пейоризация коснулась и таких слов, как *образованный, культурный, ученый* и подобных — они стали достаточно широко употребляться в негативном смысле.

Таким образом, мы наблюдаем в русском языке тенденцию к семантической девальвации определенной лексики. Данная тенденция проявляется в значениях слов, которые в современном русском языке в силу тех или иных причин употребляются прежде всего для формирования яркой положительно-оценочной номинации, и заключается в расширении значения и нивелировании конкретных дифференциальных семантических компонентов, определявших содержание слова, в результате чего слово начинает применяться в положительно-оценочном смысле к более широкому денотату (*специалист, эксперт, профессионал, звезда* и др.), а также в пейоризации ряда постперестроечных лозунговых слов,

то есть развитию значений, которые негативно переосмысляют общечеловеческие ценности (*демократ, демократия, либерал, свобода, толерантность* и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. / И. А. Стернин // Очерк изменений в русском языке конца XX века. Научное издание. Воронеж, 2004. — 93 с.
2. Стернин И. А. Кто у нас звезда / И. А. Стернин // Семерочка. — 19 сентября 2019. — С. 19.
3. Стернин И. А. Семантика слова *эксперт* в современном языковом сознании / И. А. Стернин // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции. — Вып. 5. — Воронеж: РИТМ, 2019. — С. 71–76.
4. Дьякова Л. Н. Что значит ЗВЕЗДА в современном русском языке? / Л. Н. Дьякова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. — Вып. 26. — Воронеж: РИТМ, 2020. — С. 39–46.
5. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Научн. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2011. — 187 с.
6. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова // LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. — 192 с.
7. Стернин И. А. Динамика развития и групповые различия психолингвистического значения слова ИНТЕЛЛИГЕНТ в русском сознании / И. А. Стернин // Психолингвистика и лексикография. — Вып. 6. — Воронеж, Воронеж: РИТМ, 2019. — С. 117–137.

Воронежский государственный университет
Дьякова Л. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации
E-mail: lada-tr@yandex.ru

Стернин И. А. профессор кафедры общего языкознания
и стилистики
E-mail: sterninia@mail.ru

Dyakova L. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Electronic Media and Speech Communication Department
E-mail: lada-tr@yandex.ru

Voronezh State University
Sternin I. A., Doctor of Philology, Professor general linguistic
and stylistics department E-mail: sterninia@mail.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. А. Дьяконова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 августа 2020 г.

Анотация: данная статья посвящена визуальному образу России в языковом сознании носителей русского языка. Опираясь на результаты «вербальных» психолингвистических экспериментов и экспериментов с «графической» составляющей, автор предлагает методику зрительной семантизации концепта, репрезентирующего Россию, в соответствии с тем, как он представлен в языковом сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: визуальный образ, психолингвистический эксперимент, зрительная семантизация.

Abstract: this article is dedicated to visual image of Russia in Native Russian Speakers' Language Consciousness. Using the results of "verbal" psycholinguistic experiments and experiments with a "pictorial" component the author offers a visual semantization method of the concept, representing Russia, as it is represented in Native Russian Speakers' Language Consciousness.

Keywords: visual image, psycholinguistic experiment, visual semantization.

В практике преподавания иностранных языков, в том числе и преподавания русского языка как иностранного, существуют различные приемы семантизации новых слов. Одним из важнейших приемов многие ученые и методисты считают зрительную наглядность.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров указывают: «Наглядность — доступность объекта, называемого словом, чувственному восприятию, — это дидактический принцип, восходящий к именам Яна Амоса Каменского и Константина Дмитриевича Ушинского». В этой же статье авторы подчеркивают важность зрительной наглядности: «...ощущения, восприятия, представления опережают вербальное, абстрактное, познание мира, — нет ничего в интеллекте, чего бы раньше не было в чувствах. Зрительно воспринятые факты далее легче становятся личным опытом ученика, в то время как словесные объяснения отражают опосредованный, отчужденный опыт. Это значит, что по субъективно переживаемой достоверности и яркости впечатлений визуальная информация даже превосходит словесную» [1, 79].

Как в вышеприведенной статье [1, 82], так и в книге «Лингвострановедческая теория слова» Е. Верещагин и В. Костомаров поднимают также важный вопрос о достоверности иллюстраций [2].

Для достижения максимальной достоверности иллюстраций, семантизирующих топонимы, мы предлагаем ввести «графическую» составляющую в психолингвистические эксперименты со словом [3, 73; 4].

Основываясь на обобщении результатов «верба-

лизированных» реакций, связанных с чувственным компонентом, и «визуализированных» реакций, можно гораздо достовернее воссоздать визуальный образ семантизируемого топонима или концепта, представленный в сознании носителей языка.

В данной статье мы предлагаем методику создания визуального образа концепта, репрезентирующего Россию.

Первый этап — это проведение вербальных психолингвистических экспериментов — свободного и направленного, а также «графического» психолингвистического эксперимента.

В вербальных психолингвистических экспериментах по составлению «общего» ассоциативного поля приняло участие 200 испытуемых.

В «графическом» эксперименте приняло участие 28 испытуемых.

Второй этап — выделение визуальных компонентов из ассоциативных полей, репрезентирующих Россию.

Ассоциативные поля позволяют смоделировать номинативное поле соответствующего концепта — в нашем случае, РОССИЯ.

Прежде всего, необходимо принять во внимание, что концепт, репрезентирующий Россию, имеет номинативное поле, которое мы условно разделили на «общее» и «сленговое» (наименования: Раша, Рашка, РФ). Это поле было описано в результате «вербальных» психолингвистических экспериментов. «Визуальные» компоненты необходимо брать из всех частей этого обширного номинативного поля.

К «визуальным» компонентам мы предлагаем относить реакции, которые помогут художнику создать иллюстрацию-визуализацию концепта, адекват-

ную тому, как он представлен в сознании носителей русского языка.

Это следующие компоненты:

1. Образы объектов, например медведь, деревня;
2. То, что может помочь выбрать сезон, например снег, слякоть;
3. То, что может помочь определить доминирующую фактуру, например деревянная, каменная;
4. То, что может помочь определить цветовую гамму иллюстрации, например красный, голубой.

Третий этап — объединение образов в обобщающие «образы-семьи».

Четвертый этап — создание «вербализованного» поля визуального образа России.

Пятый этап представляет собой работу, аналогичную второму и третьему этапам, но уже с графическим материалом — рисунками, выполненными испытуемыми при ответе на «графическую» анкету («изобразите» Россию).

Шестой этап — определение иерархии «образов-семей» на основании их частотности, для создания иллюстраций различной степени детализации.

Седьмой этап — непосредственное создание иллюстраций художником.

Суммировав индексы яркости аналогичных «вербальных» и «графических» сем, мы составили поле визуального образа России, установив «иерархию» образов. Это необходимо для создания иллюстраций различной степени детализации. Различная степень детализации важна при создании иллюстраций к пособиям разного уровня изучения РКИ: чем выше уровень изучения РКИ, тем большая степень детализации необходима.

Приводим результаты проделанной работы.

Образ женщины типичной славянской внешности 0,46, образ матери 0,32, образ березы 0,30, образ православных храмов 0,29, образ деревни, образ флага, Путин 0,27, образ цветов 0,24, образ реки 0,22, деревья (абстрактное дерево) 0,20, образ Кремля 0,19, трава 0,15, небо 0,12, образ медведя 0,11, карта России 0,10, образ Москвы 0,08, лес, матрешка 0,07; образ поля, пожары, солнце 0,06, герб 0,05, балалайка, поезда, асфальтовая улица (проспект) с домами ультрасовременной архитектуры (типа Москва Сити),

бабочка (желтого цвета), бревна, ветер, военная присяга, Георгиевская лента (в знак победы над фашизмом), гуси, ежик, заводское здание с трубами, куры и петухи у кормушки, луг, мостик через реку, пограничный столб, полицейская машина, полицейские; птицы, летящие в небе, рупор, современный многоквартирный дом, хлеб-соль, школа (современное здание типа «хрущевки»), шоссе 0,03, ушанка 0,02, Красная площадь 0,01.

Кружева, орел, скипетр, держава, паспорт — единичные реакции.

Цветовая гамма: зеленый 0,45, голубой 0,32, красный 0,24, желтый, триколор 0,18, оранжевый 0,09, синий 0,06, охра 0,03.

Розовый (как на атласе), голубая — единичные реакции.

Сезон: лето — ранняя осень.

Фактура: деревянная 0,06.

Опираясь на приведенные выше данные, профессиональный художник-иллюстратор сможет создать иллюстрацию, семантизирующую концепт РОССИЯ в соответствии с тем, как он представлен в сознании носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М. Лингвострановедческий словарь: зрительная семантизация русских слов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. — 1975. — № 4. — 79–84.

2. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова: монография / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1980. — 320

3. Дьяконова Е. А. Топоним Санкт-Петербург в сознании носителей языка: «вербализованные» и «визуализированные» образы (на материале свободного ассоциативного эксперимента с включением «графической» составляющей) / Е. А. Дьяконова // Межвузовский научный сборник «Язык и национальное сознание». Продолжающееся научное издание. Вып. 24. — Воронеж, 2018. — 72–77.

4. Дьяконова Е. А. Психолингвистическое описание семантики топонимов с «визуальной» составляющей / Е. А. Дьяконова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы IV Всероссийской научной конференции 26–27 октября 2018. — 13–16.

Воронежский государственный университет

Дьяконова Е. А., экстерн кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета

E-mail: happybusiness@yandex.ru

Voronezh State University

Dyakonova E. A., Postgraduate Student, general linguistic and stylistics department, philology faculty

E-mail: happybusiness@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ И СОСТАВЛЯЮЩИХ ЭТОГО ФЕНОМЕНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.

Н. М. Заварницына

Самарский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 10 августа 2020 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается явление театральности в искусстве и литературе, выявляются формы и способы театрализации недраматургического текста. Автор исследует категорию театральности в отечественной науке XX — начала XXI вв. Актуальность поднятой в статье проблемы определена интересом современного литературоведения к театральному коду художественного произведения. В статье изучаются структурообразующие компоненты литературного текста — мотивы игры, маски, балагана.

Ключевые слова: феномен театральности, театрализация, литературный текст, театрализация жизни, игра, зрелищность, маска, балаган, визуальность, авторская маска, маскарадность, декоративность, ассоциации и аллюзии.

Abstract: in the present article the phenomenon of theatricality in art and literature is considered, forms and ways of dramatization of the non-dramaturgic text are revealed. The author explores the category of theatricality in the domestic science of the XX-early XXI centuries. The relevance of the problem raised in the article is determined by the interest of modern literary criticism to the theatrical code of a work of art. The article examines the structural elements of a literary text — based on games, masks, buffoonery.

Keywords: the phenomenon of theatricality, theatrical, literary text, theatricality of life, the game, entertainment, mask, circus, visual, copyright mask, mascarades, decorative, associations and allusions.

Интерес отечественных деятелей науки и искусства к проблеме театральности актуализируется в начале прошлого столетия. В первые десятилетия XX в. появляется ряд исследований, в которых предпринимались попытки создать теоретический базис современного театра. Понятие «театральность» претерпело существенную эволюцию на протяжении XX — начала XXI вв.

Художественный и научный статус «театральности» утверждается в теоретических изысканиях Николая Николаевича Евреинова. Выдвинув идею «театрализации жизни», он подчеркнул необходимость распространения философии и законов театра на любые жизненные процессы. Евреинов выводит театральность на инстинктивный уровень, утверждая, что человеку свойственно играть ту или иную роль.

Основная теоретическая работа Евреинова — «Театр как таковой». В ней термин «театральность» получает более широкую трактовку: «инстинкт преобразования, инстинкт противопоставления образам, принимаемым извне, образов, произвольно творимых человеком, инстинкт трансформации видимостей Природы» [1]. Театральность здесь превращается в один из принципов бытия. «Отеатрлить жизнь,—

вот что станет долгом всякого художника» [2, 13]. Н. Евреинов признает преэстетизм театральности: «в эволюции человеческого духа развитие чувства театральности постоянно предшествует развитию эстетического чувства» [2, 28].

Важным представляется тезис о том, что человек инстинктивно продолжает играть ту или иную роль не только на публике, но и оставаясь наедине с самим собой: «Мы любим себя только театрализованными. Доказательство этому найдете в вашем подходе к зеркалу, в которое вы смотрите, всегда мимируя значительность, привлекательность, импонирующую серьезность, решительность и т.п. Мы ищем в зеркале не столько объективной правды, сколько лесты, утешения, подбадривания. И мы сами, того не замечая, порой помогаем зеркалу “польстить” нам, утешить нас или подбодрить» [3, 12]. В контексте теории «театрализации жизни» Евреиновым создается работа «Театр для себя» (1915–1917). Основное внимание автора сосредотачивается на философско-эстетической концепции театрократии — господстве Театра над человеком как «законе общеобязательного творческого преобразования, воспринимаемого нами» [4, 120].

Размышления о детской игре, сновидениях, фантазии приводят Евреинова к выводу о том, что с их помощью неудовлетворенность человека миром и со-

бой трансформируется в благотворную театральную иллюзию, побеждающую иллюзию жизненную. «Большая часть человеческой жизни проходит под знаком Театра, убежден Евреинов, и таким образом народонаселение планеты имеет на самом деле театрократическое правление. Проявление театрокрации он видит в науке, философии, медицине, публицистике, литературе и поэзии» [5, 91].

Таким образом, маска, поза, форма явления оказываются для автора более значимыми, чем его реальное содержание, более того, они подчиняют себе это содержание, трансформируя сущность явления в соответствии с его видимостью. Это еще раз подтверждает возможность и необходимость осознанного проигрывания определенных ролей каждым человеком.

Мимесисом в природе Евреинов называет и игры животных («Театр у животных (О смысле театральности с биологической точки зрения)» (1924). Игра (воля к театру) — первотолчок к эволюции. «От бессознательной маски (мимикрии) к сознательному лицедейству — таков, в частности, путь от животного к человеку» [6, 301].

Если Евреинов для объяснения жизненных явлений повсюду, включая игры и сновидения, искал театральность, то Максимилиан Александрович Волошин в своей театрално-критической практике, напротив, пытался объяснить закономерности собственно театра, используя работы о детской игре и о сновидениях. В наиболее концентрированном виде его «сновиденческая» концепция восприятия сценического искусства представлена в статье «Театр как сновидение» (1912).

Волошинская идея тождественности логики сна и логики сцены несет на себе следы влияния рассуждений Ф. Ницше о дионисийском безумии, теории бессознательного З. Фрейда, интуитивизма А. Бергсона, исследований Вяч. Иванова, посвященных античной мифологии. При этом, по определению Н. Б. Маньковской, ее своеобразие заключается в «собственно эстетическом подходе к вопросу о гипнотической сущности театра как ритмизированного сновидения» [7]. С точки зрения М. Волошина, театр создается из трех порядков сновидений, взаимно сочетающихся: «из творческого преображения мира в душе драматурга, из дионисической игры актера и пассивного сновидения зрителя» [8]. Так поэт преображает действительность мира в своем творческом сне. Актер переживает тип сновидения, напоминающий дионисийскую оргийность или детские игры в войну и в разбойников. «Чем искреннее актер играет в пьесе, играет в то действующее лицо, которое он изображает, тем убедительнее будет пассивное сновидение зрителя» [8]. Зритель же в свою очередь ближе всех стоит к психологии простого физиологического сна. «Он спит с открытыми глазами. Его дело в театре — не противиться возникновению видений в душе. Он

должен уметь внимательно спать, талантливо видеть сны» [8]. В результате именно сновидение зрителя решает судьбу театра, так как от его воспринимающих и преображающих способностей зависит объединение всех элементов, образующих театр.

Данные элементы соответствуют трем видам игры, также описанным в анализируемой статье. Следует заметить, что в концепции Волошина игра как одна из форм сновидения («сновидение с открытыми глазами») являлась важнейшим эстетическим понятием.

В 1910-е гг. М. Волошин работает над статьей «Лицо, маска и нагота», в которой содержатся ценные замечания по поводу театрализации личности, обусловленной как общественной мимикрией, так и стремлением к личной неприкосновенности. Волошин демонстрирует механизм возникновения маски («условной лжи»), являющейся защитной одеждой лица и гарантом дальнейшего развития личности: «Когда человек сознает себя вдруг чем-то отдельным, непохожим на других, то он прежде всего по особому инстинкту самосохранения спешит скрыть свою особенность от других <...> Лишь с того момента, как лицо приучается лгать, скрывая свои истинные чувства за маской, начинается настоящее развитие лица. Лицо начинает лгать только потому, что оно вдруг сознало свою способность раскрывать правду более глубокую, которую опасно раскрывать перед всеми» [9].

Варианты общественных масок, исторически выработанных бытом и модой, множественны. Самая простейшая их форма представлена масками профессий, высшая культурная форма — масками индивидуальных типов и темпераментов, воплотивших в себе известные идеалы моды или литературы. «Общество, которое инстинктивно опасается всякой эксцентричности, насмешкой, недоверием, иногда просто физической силой неволит принять ту или иную маску, официально им признанную» [8]. Подобное давление социума может привести к тому, что люди средние, «сознающие свое “я” только на поверхности своей одежды», становятся рабами своих масок, автоматически повторяя предусмотренные ими жесты, мысли и чувства.

С другой же стороны, для натур скрытных и не желающих ежеминутно выявлять себя и обнаруживать каждое свое душевное движение, маска является убежищем, раковиной, в которую они прячутся, своего рода «правом неприкосновенности личности». В данном случае, согласно Волошину, маска является важной ступенью в культуре личности.

В восприятии Всеволода Эмильевича Мейерхольда театральность оказывается тесно связанной с игрой и зрелищностью, свойственными народному театру, балагану. Его концепция изложена в статье «Балаган» (1912) и сборнике «О театре» (1913). Полемизируя с натуралистическим театром, олицетво-

рением которого являлся Московский Художественный театр, Мейерхольд указывал на недооценку им роли зрительской фантазии как элемента эстетического действия: «Стремление во что бы то ни стало *показать* все, боязнь Тайны, недосказанности превращает театр в *иллюстрирование* слов автора» [10]. В противовес натуралистической традиции он выдвигает традицию народного театра, в котором театральность связана с игрой и зрелищностью. Продолжая и развивая эту традицию в современном театре, Мейерхольд формулирует «наиболее естественный» метод «сознательной условности»: «Режиссер Условного театра ставит своей задачей лишь направлять актера, а не управлять им. Он служит лишь мостом, связующим душу автора с душой актера. Претворив в себе творчество режиссера, актер — *один* лицом к лицу со зрителем, и от трения двух свободных начал — творчество актера и творческая фантазия зрителя — зажигается истинное пламя» [10]. Условный метод предполагал наличие в театре четвертого после автора, режиссера и актера творца — зрителя. Задачей условного театра оказывается, в свою очередь, создание такой инсценировки, при которой зрителю приходится своим воображением творчески дорисовывать намеки, данные сценой.

Процесс театрального преобразования Мейерхольд связывал с мастерством импровизации и старинной актёрской техникой каботинажа. «Возможен ли, однако, театр без каботинажа и что это такое этот ненавистный для Бенуа каботинаж? Cabotin — странствующий комедиант. Cabotin — сородич мимам, гистрионам, жонглёрам. Cabotin — владелец чудодейственной актерской техники. Cabotin — носитель традиций подлинного искусства актера. Это тот, при помощи которого западный театр достиг своего расцвета (испанский и итальянский театры XVII века)» [10].

Мейерхольд разводит понятия театральности и литературности, подчеркивая приоритет мимизма и движений в условном театре, так как на сцене реальное действие, зрелище обладают неоспоримыми преимуществами перед словами, являющимися «лишь узорами на канве движений» [10]. Чтобы спасти русский театр от «стремления стать слугою литературы», от беллетризма, он предлагает во что бы то ни стало вернуть сцене культ каботинажа в широком смысле слова.

Именно условный метод позволяет осуществить близкие режиссеру символистские проекты создания театра, воплощающего жизнь духа на сцене.

Помимо «режиссёрских» концепций театральности, ориентированных преимущественно на актёрскую технику и невербальную коммуникацию, на рубеже 1910–1920-х гг. имели место поиски «театра слова», предпринятые формальной школой (П. Г. Богатырёв, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум).

Применяя к театральному искусству и драматур-

гии свой основополагающий принцип остранения, формалисты создали собственную оригинальную концепцию «условного театра», внесли вклад в развитие понятия театральности прозы.

Вклад в развитие понятия театральности прозы на рубеже 1910-х — 1920-х гг. вносят ученые-формалисты (П. Г. Богатырёв, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум), предложившие свое видение «условного театра». Применив к театральному искусству и драматургии свой основополагающий принцип остранения, они создают собственную оригинальную концепцию «театра слова». Значимой составляющей театральности признается игра слов, синтез вербальной и жестовой эксцентрики.

Соединение историко-литературного и историко-культурного осмысления феномена театральности наблюдается в трудах Ю. М. Лотмана. Обратившись к русской дворянской культуре начала XIX в., он исследует модели театрального поведения и механизмы театрализации эпохи. Бытовое поведение в трудах ученого выступает в качестве одного из вариантов маски (социальной роли). Стремление осмысливать свое бытие как «сюжетный текст», с точки зрения Лотмана, свидетельствует о том, что театральность и литературность пронизывают реальную жизнь, сливаются с ней воедино и композиционно организуют ее. Ученый прослеживает, как жесты и поступки представителей данной эпохи складываются в поведенческие тексты, ключом к которым зачастую служат литературные сюжеты, типовые литературные ситуации. Таким образом, он подчеркивает значимость художественной словесности первой четверти XIX в., предоставлявшей готовый набор поведенческих моделей для различных жизненных сценариев. Лотман также вводит в терминологический аппарат гуманитарных дисциплин понятие «театральный код».

Закрепление за литературным произведением функции отражения театральных начал, присутствующих в реальности, принадлежит Валентину Евгеньевичу Хализеву.

В. Е. Хализев в книге «Драма как род литературы: поэтика, генезис, функционирование» (1986) рассматривает театральность как двусторонний процесс: «театральность самораскрытия» и «театральность самоизменения». «Театральность самораскрытия» осуществляется главным образом в патетическом слове и жесте, которым сопутствуют экстазы и аффекты (поведение жрецов и пророков, политических и судебных ораторов, религиозных проповедников и служителей культа, юродивых и публично кающихся людей). В случае «театральности самоизменения» «человек преобразует себя и демонстрирует окружающим совсем не то, что являет собой на самом деле. Таковы игровая эксцентрика, шутовство, клоунада, стихия обмана» [11, 67]. Последнему типу театральности сопутствует оперирование маской в прямом и переносном смысле. «Нередко театральность са-

моизменения определяется стремлением вывернуть наизнанку и осмеять высокую патетику. Как показано в работе М. Бахтина о Рабле, лицедейская, игровая, "масочная" театральность имеет карнавальные корни и органически связана с гротеском. Интонационно-жестовый гротеск наряду с патетикой являет исторически первичную разновидность театрального действия» [11, 67].

Хализев характеризует театральность как «жестикуляцию и ведение речи, осуществляемые в расчете на публичный массовый эффект», как своего рода «гиперболу человеческого общения» [11, 64]. Принципиально важным для нас является утверждение литературоведа о том, что театральным является не только публичное в прямом смысле слова, но и могущее сделаться публичным поведение, готовое продемонстрировать себя всем и каждому. «Первооснова театральности — это те грани внутреннего мира человека, которыми он хочет "заразить" (или не может не заразить) любого из присутствующих» [11, 72].

Художественные произведения (литература, живопись, скульптура, кинематограф) отражают присутствующие в реальности театральные начала. Таким образом, Хализев подчеркивает общехудожественный, искусствоведческий характер категории театральности.

Первое десятилетие XXI в. отмечено всплеском исследовательского интереса к проблеме театральности, отразившимся в ряде работ, посвященных творчеству отдельных писателей. Е. С. Шевченко рассматривает понятия театральности и театрального кода применительно к прозе С. Д. Довлатова, отмечая, что театрализация как специфическое свойство довлатовского реализма определяет специфику изображения действительности, героя и его отношения к миру, а также влияет на механизмы наррации. Г. А. Жиличева предлагает классификацию приемов визуализации как одного из принципов театрализации прозаического текста, проблематизирующего отношения повествуемого мира и вненарративной реальности. По мнению П. В. Шлапакова, обратившегося к роману К. К. Вагинова «Бомбочада», театрализация литературы является характерным феноменом авангарда, размывающего границы не только между жанрами, но и между отдельными видами искусства. Перевод литературно-повествовательного плана в план представления, театрализации анализируется О. В. Шиндиной на материале романа К. К. Вагинова «Козлиная песнь». Попытка обобщения литературоведческих представлений о специфических приемах театрализации содержится в статье З. Н. Серовой, направленной на изучение проблем театральности современной прозы. Существенным вкладом в разработку понятия театральности применительно к художественной литературе на рубеже XX–XXI вв. стали исследования О. Ю. Осьмухиной, по-

священные феномену авторской маски как элементу авторской стратегии.

Указанные исследования существенно повлияли на развитие отечественного театра прошлого столетия.

Несмотря на то что понятие театральности прозаического текста до сих пор не имеет четко очерченных границ, современное литературоведение ведет активные исследования в этом направлении применительно к конкретным произведениям и авторам.

Принципиально значимым для нашего исследования стало определение театральности, данное в работах Е. А. Поляковой [12, 13]. Полякова предлагает понимать под театральностью в литературе «специфический театральный, сценический способ развертывания сюжета и изображения характеров персонажа, включающий как пространственность и визуальность, с одной стороны, так и особый ракурс восприятия действительности — с другой» [13, 37]. Кроме этого, по мнению исследовательницы, понятие «театральность» включает в себя «определенную эстетику, связанную с принятием некоторой роли с представлением, т.е. с актерством, шутством, клоунадой, со стихией обмана» [13, 37]. Таким образом, речь идет о некотором модусе поведения, о транспонировании сценического за пределы театрального пространства, об «актерствовании во внехудожественной реальности», о «театральном хронотопе» вне театра. Полякова подчеркивает необходимость восприятия театральности не только как некоторого атрибута драмы и ее сценического воплощения, но и как особой формы изображения действительности.

Дискуссия о театральности и поиски нового концептуального содержания этого понятия в настоящее время выходят на новый уровень и обретают новые формы. В частности, хочется привести в пример функционирование виртуальной площадки (www.theatrumundi.org), отражающей работу лаборатории «Театр. Пространство. Культура», организованной в 2007 г. Ю. Лидерман и М. Неклюдовой совместно с кафедрой Истории и теории культуры РГГУ. Деятельность лаборатории ведется в двух основных направлениях: реконструкция культурных условий существования театра и описание эффекта, который оказывают на культуру разнообразные театральные практики и исторически меняющаяся концептуализация «театральности».

Особый интерес для нас представляют материалы круглого стола «Театральность в границах искусства и за его пределами» (2010), участники которого попытались определить характер театральности на сегодняшний момент. Привлекает внимание позиция О. Гавришиной, поставившей вопрос об историчности понятия «театральность». Проследивая взаимодействие театра с другими культурными формами, в том числе с формами популярного зре-

лица, и соотношение значимости зрелищных форм и текста, она условно выделяет три периода: 1) XVI–XVIII века, когда театр является основной формой популярного зрелища; 2) XIX — начало XX века, когда театр вступает во взаимодействие, в первую очередь, с повествованием, с романом; 3) XX век, когда театр определяет свое место по отношению с таким формам популярной зрелищной культуры, как фотография, кинематограф, видео. Констатируя постоянное смещение зоны «театральности», Гавришина утверждает, что в современной ситуации функции театральности демонстрируются экспериментальным театром, базирующимся на принципах соучастия и солидарности. «В такой перспективе театральность оказывается разновидностью “общественного договора”, заключаемого между создателями и участниками театрального события» [14].

Вполне очевидно, что рубеж XX–XXI вв. актуализировал феномен театральности, что позволяет говорить о начале нового периода в ее истории. Размытие границ театральности, установка на перформативность искусства, присутствие театрального кода в повседневной жизни по-новому ставят вопрос о функциях театральности в литературе, формах и способах театрализации недраматургического текста. Категория театральности признается важной литературно-художественной характеристикой, позволяющей осмыслить как особенности художественного строя произведения, так и смыслообразующие художественные приемы, формирующие содержательный план произведения.

На уровне прозаического текста под формами театральности принято понимать зрелищность, повышенную визуальность, маскарадность, декоративность, экспрессивность, подчеркнутую игривость и искусственность, прямые театральные ассоциации и аллюзии. Театральность может определять и нарративные механизмы прозаического текста, примером чего, в частности, является авторская маска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евреинов Н. Н. Театрализация жизни / Н. Н. Евреинов. — Режим доступа: <http://www.gnozis.info/?q=node/565>

*Самарский государственный институт культуры
Заварницына Н. М., кандидат филологических наук, декан театрального факультета, доцент кафедры философии и филологии
E-mail: zavar@smrgaki.ru*

2. Евреинов Н. Н. Театр как таковой: обоснование театральности в смысле положительного начала сценического искусства и жизни / Н. Н. Евреинов. — СПб.: Издание Н. И. Бутковской, 1912. — 118 с.

3. Евреинов Н. Н. Театрализация жизни / Н. Н. Евреинов. — Режим доступа: <http://www.gnozis.info/?q=node/565>

4. Евреинов Н. Н. Демон театральности / Н. Н. Евреинов. — М.: СПб.: Летний сад, 2002. — 535 с.

5. Лисакова Ю. Б. Игра как культурный феномен в театральной концепции Н. Н. Евреинова: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю. Б. Лисакова. — Великий Новгород, 2006. — 27 с.

6. Евреинов Н. Н. Оригинал о портретистах / Н. Н. Евреинов. — М.: Совпадение, 2005. — 399 с.

7. Маньковская Н. Б. Театральная эстетика Максимилиана Волошина в контексте художественной жизни XX века / Н. Б. Маньковская. — Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/yestetika-vchera-segodnya-vsegda/vyp2-2006/7914-teatrnaya-yestetika-maksimiliana-voloshina-v-kontekste-xudozhestvennoj-zhizni-xx-veka.html>

8. Волошин М. Театр как сновидение / М. Волошин. — Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0510.shtml

9. Волошин М. Лицо, маска и нагота / М. Волошин. — Режим доступа: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0510.shtml

10. Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. Часть первая (1891–1917) / В. Э. Мейерхольд. — Режим доступа: http://az.lib.ru/m/mejerholxd_w_e/text_0030.shtml#_Toc158265590

11. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М.: Высш. шк., 2002. — 437 с.

12. Полякова Е. А. Поэтика драмы и эстетика театра в романе «Идиот» и «Анна Каренина» / Е. А. Полякова. — М.: РГГУ, 2002. — 328 с.

13. Полякова Е. А. Театральность в литературе / Е. А. Полякова // Новый филол. вестник № 2 (7). — М.: РГГУ, 2008. — С. 37–38.

14. Лидерман Ю. От составителей / Ю. Лидерман, М. Неклюдова, О. Рогинская // По ту сторону театральности или прощание с мимесисом. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/li21.html>

*Samara state Institute of culture
Zavarnitsina N. M., Candidate of philological Sciences, Dean of the theatre faculty, sassociate Professor of philosophy and Philology
E-mail: zavar@smrgaki.ru*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Е. И. Колесникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье рассматриваются формы проявления гендерной специфики семантики слова, выявляемые при сопоставительно-семантическом описании значения.

Ключевые слова: семантика, гендер, сопоставление, семантическая дифференциация.

Abstract: the paper considers the forms of manifestation of gender specificity of word semantics, identified by comparative-semantic description of the meaning.

Keywords: Semantics, gender, comparison, semantic differentiation.

Целью нашего исследования является выявление мужской и женской специфики семантики слова в форме психолингвистического словаря.

Принципы описания гендерных значений, разработанные соавторами словаря, отражены в предварительной публикации — Психолингвистическом толковом словаре русского языка. — Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями), 2019 [1, 5–8]:

1. Приводятся гендерные ассоциативные поля, полученные по результатам эксперимента с женщинами и мужчинами.
2. Формулируются мужские и женские психолингвистические значения как упорядоченная совокупность сем с указанием индекса яркости каждой семы, по убыванию их индекса яркости.
3. Семантические компоненты, сформулированные в результате семной интерпретации ассоциативных реакций, приводятся в следующей последовательности:
 - архисема;
 - единицы метаязыка, необходимые для формулирования связной дефиниции значения, если они не выявляются из реакций в эксперименте, формулируются исследователем и приводятся курсивом в скобках;
 - дифференциальные семы;
 - семы с одинаковым индексом яркости приводятся в виде перечисления в произвольном порядке;
 - общеоценочные семы приводятся в конце дефиниции в обобщенном виде.
4. Отдельной строкой в дефинициях указывается противоположное значение (*противоположно*), синонимическое значение, если оно имеется (*то же, что*), с указанием индекса

яркости данного значения, а также *фразы*.

5. В конце гендерной словарной статьи указывается количество не интерпретированных реакций (*не интерпретируются*) и количество отказов (*неактуально*).
6. Приводится совокупный индекс яркости каждого гендерного значения (СИЯ) как сумма индексов яркости всех сем, образующих отдельное значение.
7. Приводится пример употребления слова в данном значении.
8. Психолингвистические значения располагаются в последовательности, обусловленной убыванием СИЯ — от ядерных к периферийным.

Сопоставление мужских и женских значений приводится в форме сопоставительной таблицы, имеющей две колонки — психолингвистическая формулировка женских значений и психолингвистическая формулировка мужских значений. Совпадающие женские и мужские значения приводятся в таблице напротив друг друга, совпадающие аспекты описания также приводятся напротив друг друга. Эндемичные значения приводятся в соответствующей гендерной колонке после совпадающих значений по убыванию индекса яркости.

Возможен комментарий выявленных сходств и различий. В таком комментарии

- перечисляются совпадающие значения;
- указываются чисто женские значения;
- указываются чисто мужские значения;
- для каждой пары совпадающих значений приводятся интегральные семы с ИЯ в десятичной дроби;
- отдельно указываются интегральные семы, существенно различающиеся по яркости (на 5 пунктов и более);
- приводятся дифференциальные мужские и женские семы с ИЯ;

- описывается индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем / общее количество совокупных сем двух значений (приводится в процентах);
- описывается индекс групповой семной дифференциации значений (приводится в про-

центах).

В *Заключении* описывается семемная и семная специфика значений.

Рассмотрим сопоставительную таблицу гендерных психолингвистических значений слова РАЗГОВОР и предложим соответствующий комментарий.

Разговор

Женщины	Мужчины
Откровенный, серьезный и долгий обмен секретами между подругами Необходимый 0,01 обмен 0,01 секретами 0,03, информацией 0,02 о делах 0,01 без свидетелей 0,07, с подругами 0,07, в тишине 0,03, по телефону 0,03, в гостиной 0,02, за обедом 0,02; откровенный 0,18, серьезный 0,10, долгий 0,07, важный 0,06, собеседник не слушает 0,05, трудный 0,01, на неприятную тему 0,02, общий 0,01; подслушанный 0,03, бессодержательный 0,04. То же, что: беседа 0,05 СИЯ 0,94 Разговор по телефону Фразы: обычный 0,01, судьбоносный 0,01; не ладится 0,04 Не интерпретируется: 0 Неактуально: 0	Пустой долгий обмен мыслями, то же, что беседа (Обмен) мыслями 0,05, сплетнями 0,05, словами 0,04, вдвоем 0,04; пустой 0,27, долгий 0,08, откровенный 0,06, интересный 0,05, недолгий 0,04, тяжелый 0,03, по телефону 0,03. То же, что: беседа 0,18, общение 0,07 СИЯ 0,99 Разговор по телефону Фразы: мужской 0,01 Не интерпретируется: 0 Неактуально: 0

Заключение

Семемная специфика

Соотношение совпадающих значений по гендерной яркости

Совокупная яркость значений **Откровенный, серьезный, долгий обмен секретами между подругами / Бессодержательная, долгая, откровенная беседа** примерно одинакова у мужчин и женщин (0,94–0,99, различие 5 пунктов).

Гендерной асимметрии значений по яркости не наблюдается: яркость мужских и женских значений примерно совпадает. По шкале существенности гендерных различий уровень различий оценивается как **низкий**.

Иерархия семем в структуре семантемы и полевая организация семем

Совпадающие значения являются единственными семемами лексемы РАЗГОВОР как в женском, так и в мужском сознании.

Семная специфика

В гендерных значениях **Откровенный, серьезный, долгий обмен секретами между подругами / Бессодержательная, долгая, откровенная беседа** интегральная сема *откровенный* существенно (в 3 раза) ярче в сознании женщин (0,18 против 0,06, на 12 пунктов), а интегральная сема *то же, что бе-*

седа, наоборот, более чем в три раза ярче в сознании мужчин (0,18 против 0,05, на 13 пунктов). Уровень семных различий в обоих случаях оценивается как **заметный**.

Самые яркие дифференциальные женские семы: *без свидетелей 0,07, с подругами 0,07, серьезный 0,10, важный 0,06, собеседник не слушает 0,05, бессодержательный 0,04*.

Следует отметить также такие чисто женские семы, как *обмен 0,01 секретами 0,03, в тишине 0,03, на неприятную тему 0,02, общий 0,01, подслушанный 0,03, необходимый 0,01*.

Яркие дифференциальные мужские семы: *пустой 0,27; то же, что общение 0,07, (обмен) мыслями 0,05, сплетнями 0,05, словами 0,04, вдвоем 0,04, интересный 0,05, недолгий 0,04, тяжелый 0,03*.

Отметим, что сема *пустой* имеет очень высокую яркость (0,27) и доминирует в семантике слова в мужском сознании. Имеется также сема *недолгий*, которой нет в женском значении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психолингвистический толковый словарь русского языка.— Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова.— Воронеж: РИТМ, 2019.— С. 158–162.

Воронежский государственный университет
Колесникова Е. И., аспирант филологического факультета
E-mail: kolesnickova.kat@yandex.ru

Voronezh State University
Kolesnikova E. I., Postgraduate Student of philological faculty
E-mail: kolesnickova.kat@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ МАЛОСЕЕМНЫХ И ГИПЕРСЕЕМНЫХ СУБСТАНТИВНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Л. А. Кривенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 31 августа 2020 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению национальной специфики развития полисемии семантем наиболее частотных малоседемных и гиперседемных субстантивных лексем русского и английского языков. Автор использует аспектный анализ, при этом каждый аспект количественно характеризуется с помощью системы формализованных параметров и шкал.

Ключевые слова: национальная специфика, сопоставительно-параметрический метод, шкала, индекс, семантема, малоседемные лексемы, гиперседемные лексемы, частотность, полисемия, лексико-грамматическая полисемия, лексико-грамматическая вариантность.

Abstract: the paper is devoted to revealing the forms of national specificity of polysemy development of few-*sememe* and hyper-*sememe* substantive lexemes of the Russian and English languages. The author uses the aspect analysis, characterizing each aspect by a number of formalized parameters and scales.

Keywords: national specificity, comparative-parametrical method, scale, index, semantheme, few-*sememe* lexemes, hyper-*sememe* lexemes, frequency, polysemy, lexico-grammatical polysemy, lexico-grammatical variability.

В предлагаемой статье мы предпринимаем попытку изучить национальную специфику развития полисемии наиболее частотных малоседемных и гиперседемных субстантивных лексем русского и английского языков. Лексемы, отобранные в данные группы, входят в число ста наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков по данным Частотного словаря С. А. Шарова [1] и списка частотных существительных Британского национального корпуса [2]. Согласно типологии М. А. Стерниной, малоседемные лексемы содержат в своей семантеме от двух до пяти седем, гиперседемные лексемы содержат в своих семантемах от 11 до 20 седем [3, 42]. Представляется, что степень выраженности национальной специфики развития полисемии в группах, столь отличающихся по объему семантем, будет различной.

Группа малоседемных лексем русского языка включает 42 лексем (*рука, день, друг, нога, ребенок, женщина, машина* и др.), английского языка — 21 единицу (*year, group, problem, week, family, fact, month* и др.). Группа гиперседемных лексем русского языка включает 15 лексем (*жизнь, голова, слово, место, лицо, сторона, земля* и др.), английского языка — 38 единиц (*people, way, man, day, thing, work, life* и др.).

В качестве метода исследования был выбран сопоставительно-параметрический, разрабатываемый в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы [4]. Исследование национальной специфики

развития полисемии семантем проводилось по аспекту развития лексической полисемии и аспекту развития лексико-грамматической полисемии, под которой мы вслед за М. А. Стерниной [3] понимаем полисемию на уровне частей речи. Каждый из приведенных аспектов был сначала количественно охарактеризован с помощью предложенных в рамках сопоставительно-параметрического метода индексов, а затем качественно интерпретирован на основе разработанных шкал [5].

Аспект развития лексической полисемии. Исследование показало, что в группе наиболее частотных малоседемных субстантивных лексем русского языка показатель индекса лексической полисемантичности равен 96%, что свидетельствует о *гипервысокой* степени развития данного явления, а в группе наиболее частотных гиперседемных субстантивных лексем русского языка показатель индекса лексической полисемантичности оказался равным 100%, что свидетельствует об *абсолютной* степени лексической полисемантичности.

В группе малоседемных субстантивных лексем английского языка показатель индекса составил 76,5%, что указывает на *высокую* степень проявления лексической полисемантичности, а в группе гиперседемных субстантивных лексем английского языка показатель индекса — 71% указывает на *высокую* степень развития данного явления.

По данным исследования, в группе русских наиболее частотных малоседемных субстантивных лек-

сем показатель индекса денотативной лексической полисемантической составляющей составляет 52%, что говорит о *значительной* степени развития данного параметра. В группе русских наиболее частотных гиперсемемных субстантивных лексем показатель индекса денотативной лексической полисемантической составляющей составляет 18%, что указывает на *заметную* степень развития данного явления на уровне группы.

В группе малосемемных субстантивных лексем английского языка показатель денотативной лексической полисемантической составляющей составляет 56%, что говорит о *значительной* степени проявления данного параметра на уровне группы, в то время как в группе гиперсемемных английских лексем показатель денотативной лексической полисемантической составляющей составляет 45%, что говорит о *яркой* степени проявления данного явления.

Что касается коннотативной лексической полисемантической в группе, у русских малосемемных лексем он составляет 93%, что указывает на *гипервысокую* степень проявления данного параметра. Показатель коннотативной лексической полисемантической в группе гиперсемемных русских лексем составляет 86%, что указывает на *высокую* степень проявления данного явления.

Показатель данного индекса в группе английских наиболее частотных малосемемных лексем составил 89%, что свидетельствует о *высокой* степени коннотативной лексической полисемантической. Данный параметр в группе английских наиболее частотных гиперсемемных лексем составил 72%, что также говорит о *высокой* степени коннотативной лексической полисемантической.

Национально-специфические различия по каждому из аспектов были охарактеризованы при помощи соответствующего интегрального индекса, вычисляемого как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех индексов, используемых для характеристики группы.

В случае аспекта лексической полисемии для вычисления интегрального индекса используется разница в показателях индексов лексической полисемантической в группе, разница в показателях индексов денотативной лексической полисемантической в группе и разница в показателях индексов коннотативной лексической полисемантической в группе.

Значение интегрального индекса национально-специфических различий по аспекту лексической полисемии для группы малосемемных субстантивных лексем русского и английского языков оказалось равным 9,2%, что позволяет квалифицировать эти различия как *заметные*. Значение интегрального индекса национально-специфических различий по аспекту лексической полисемии для групп гиперсемемных лексем русского и английского языков оказалось равным 23,3%, что позволяет квалифицировать эти различия как *яркие*.

Аспект развития лексико-грамматической полисемии. Как показало исследование, в семантемах малосемемных лексем, как русского, так и английского языков, а также в семантемах гиперсемемных лексем английского языка отмечены лексико-грамматическая полисемия и лексико-грамматическая вариантность, однако в семантемах гиперсемемных лексем русского языка ни собственно лексико-грамматической полисемии, ни лексико-грамматической вариантности обнаружено не было.

Для определения национально-специфических различий по данному аспекту мы воспользовались индексом лексико-грамматической полисемии в группе. В группах наиболее частотных малосемемных лексем русского языка и английского языка показатели индекса лексико-грамматической полисемии, равные 2% и 5,4% соответственно, указывают на *низкую* степень проявления данного явления.

Что касается проявления собственно лексико-грамматической полисемии в группе гиперсемемных субстантивных лексем, полученный показатель индекса (14,3%) позволяет считать степень проявления данного явления *заметной*.

Анализ показал, что изученные нами малосемемные и гиперсемемные лексемы русского языка не проявляют лексико-грамматической вариантности, значение соответствующих индексов оказалось равным 0. При этом в английском языке в обеих группах рассмотренных лексем была отмечена *заметная* степень развития данного явления: в группе наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем английского языка индекс лексико-грамматической вариантности составляет 27%, а в группе наиболее частотных гиперсемемных субстантивных лексем английского языка этот индекс составляет 14,8%.

Исследование денотативной лексико-грамматической полисемантической показало отсутствие данного явления как у малосемемных, так и у гиперсемемных лексем русского языка, в то время как в группе английских наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем показатель соответствующего индекса составил 79%, что указывает на *высокую* степень развития денотативной лексико-грамматической полисемантической, а в группе английских наиболее частотных гиперсемемных субстантивных лексем показатель соответствующего индекса составил 40%, что указывает на *яркую* степень развития денотативной лексической полисемантической.

Что касается развития коннотативной лексико-грамматической полисемантической, анализ показал, что в русском языке в группе малосемемных субстантивных лексем показатель соответствующего индекса составляет 100% и указывает на *абсолютную* степень развития коннотативной лексико-грамматической полисемантической у малосемемных русских лексем.

В группе английских наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем показатель индекса составляет 66%, что свидетельствует о *значительной* степени развития коннотативной лексико-грамматической полисемантической. В группе английских наиболее частотных гиперсемемных субстантивных лексем показатель индекса составляет 76%, что свидетельствует о *высокой* степени развития коннотативной лексико-грамматической полисемантической.

Для выявления особенностей лексико-грамматической полисемии исследуемых малосемемных субстантивных лексем были использованы также индексы их частеречной представленности.

По результатам исследования, в группе наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем русского языка показатель индекса субстантивной представленности семем составляет 97,9%, что указывает на *гипервысокую* степень проявления данного параметра. При этом в группе наиболее частотных гиперсемемных субстантивных лексем русского языка показатель индекса субстантивной представленности семем составляет 100%, что свидетельствует об *абсолютной* степени проявления данного явления. Соответственно, никаких других частеречных сем в семанте данных лексем не выявлено.

У наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем английского языка индекс субстантивной представленности семем в группе является *гипервысоким*, о чем свидетельствует соответствующий индекс, равный 93,7%. Показатель индекса субстантивной представленности в группе английских гиперсемемных субстантивных лексем равен 84%, что указывает на *высокую* степень проявления данного параметра в группе.

Основываясь на показателях индекса 22,8% и 23,7%, степень глагольной представленности семем в группах малосемемных и гиперсемемных английских лексем можно квалифицировать как *заметную*.

В группе английских малосемемных субстантивных лексем индекс адъективной представленности семем является *заметным*, о чем свидетельствует соответствующий индекс, равный 14,1%, в группе гиперсемемных лексем индекс представленности семем с семой прилагательного является *низким*, что подтверждает показатель индекса адъективной представленности семем в группе, равный 5,5%.

В группе русских малосемемных лексем были обнаружены лексем с семой наречия, показатель одноименного индекса составляет 1,4%, что позволяет характеризовать степень проявления данного явления как *низкую*.

В группе малосемемных субстантивных лексем английского языка лексем с семой наречия выявлено не было, в группе гиперсемемных английских лексем индекс адвербиальной представленности семем в группе оказался равным 0,9%, что указывает на *низкую* степень представленности семем с семой наречия в группе.

В группе русских малосемемных субстантивных лексем были обнаружены лексем с семой вводного слова, с соответствующим индексом равным 0,7%, что свидетельствует о *низкой* представленности данной семы в группе.

В группе малосемемных субстантивных лексем английского языка были выявлены лексем с семой числительного с соответствующим индексом равным 1,1% и, соответственно, *низкой* степенью проявления данного явления.

На основании показателей интегрального индекса по аспекту лексико-грамматической полисемии (18,7% для группы малосемемных лексем и 23,9% для группы гиперсемемных лексем) национально-специфические различия в обеих рассмотренных группах можно считать *яркими*.

В целом степень выраженности национальной специфики развития полисемии семантем малосемемных лексем является *умеренно выраженной* (показатель среднего интегрального индекса по изученным аспектам — 13,9%), а степень выраженности национальной специфики семантем гиперсемемных лексем *ярко выраженной* (показатель среднего интегрального индекса по изученным аспектам — 23,6%). Таким образом, можно констатировать, что степень выраженности национальной специфики развития полисемии зависит от объема семантем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Частотный словарь С. А. Шарова — Режим доступа: www.artint.ru/projects/frqlist.asp (дата обращения май-июль 2020 г.)
2. Британский национальный корпус — Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения май — июль 2020 г.)
3. Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка / М. А. Стернина. — Воронеж, 1999. — 160 с.
4. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: Монография / М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2014. — 115 с.
5. Кривенко Л. А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореферат дис. ... канд. филологических наук / Л. А. Кривенко. — Воронеж, 2013. — 22 с.

Воронежский государственный университет
Кривенко Л. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка естественно-научных факультетов
E-mail: lyudmilaab@mail.ru

Voronezh State University
Krivenko L. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Chair for Science Departments
E-mail: lyudmilaab@mail.ru

КОНЦЕПТ «СВОИ / ЧУЖИЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Н. А. Лемяскина

Институт развития образования имени Н. Ф. Бунакова

Поступила в редакцию 25 декабря 2019 г.

Аннотация: целью данного исследования является изучение культурных концептов, составляющих основу детской языковой картины мира, а именно концепта «свои / чужие» в языковом сознании младших школьников (2–4 класс).

Ключевые слова: младший школьник, культурные концепты, языковое сознание, концепт «свои / чужие».

Abstract: the purpose of this study is to study the cultural concepts that form the basis of children's language picture of the world, namely the concept of "own/others" in the language consciousness of younger students (2–4 grade).

Keywords: younger students, cultural concepts, language consciousness, the concept of "own /others".

Изучение языковой личности младшего школьника и составляющих языкового сознания включает в себя исследование культурных концептов, которые относятся к константам русской культуры [1]. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2]. Это определение характеризует концепт как основную составляющую культуры в ментальном мире человека, оно связано не только с чисто лингвистическим, но и с культурным аспектом исследования. «Культурный концепт — многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [3, 109].

К константам русской культуры исследователь Ю. С. Степанов относит концепт «свои / чужие». Ю. С. Степанов пишет: «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, русского» [2, 126].

На основе семантического анализа единиц, образующих поле концепта, можно выявить общенациональные и групповые компоненты содержания. Общенациональные признаки концепта отражены в значениях лексем и зафиксированы в словарях русского языка. Обобщая информацию в толковых словарях русского языка, значения оппозиции «свои/чужие» можно представить так: *свой*: 1) принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; 2) собственный, составляющий чье-либо достояние; 3) находящийся в родственных или дружественных отношениях; 4) своеобразный, свойственный только кому-либо, чему-либо одному; 5) соответствующий данным обстоятельствам.

Слово *чужой* можно толковать так: 1) не собственный, принадлежащий другим, не свой; 2) не родной, не связанный родственными отношениями, посторонний; 3) имеющий мало общего с кем-либо, не сходный по духу, взглядам, интересам; чуждый, далекий; 4) не являющийся родиной или местом постоянного жительства для кого-либо.

Типичной является интерпретация противопоставления «своих» и «чужих» в аксиологическом, ценностном плане — в виде оппозиции «хороший» — «плохой», — с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [4, 465–466]. По своей природе человек все свое, родное воспринимает как нечто положительное и позитивное, а чужое на подсознательном уровне вызывает негативные, отрицательные эмоции. А с другой стороны «чужое» может быть притягательным, вызывать интерес, любопытство.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении составляющих концепта «свои/чужие» в языковом сознании младших школьников. Опрос учащихся 2–4 классов г. Воронежа (254 чел.) дал следующие результаты. (Учитывая, что дети давали по два ответа и более, — суммарный процент не равен 100%).

Категория «свой» представлена 4 тематическими группами: «дом, имущество», «внешний и внутренний мир человека», «близкие отношения или совместная деятельность», «семья и род».

У учащихся 2–4 классов по количеству словоупотреблений первое место занимает группа «семья, род» (2 класс — отмечает 90% опрошенных, 3 класс-83%, 4 класс-78%): *папа и мама (30%), родственники, родители, родные и близкие люди, сестрички и братики, бабушка и дедушка (2 класс); семья, родные люди, родители, близкие любимые люди, мама, папа, брат, сестра, бабушка, дедушка (3 класс); семья, родители, родственники, мама и папа, сестра, брат, бабушка и дедушка (4 класс).*

Дети дают пояснения: *Родные, самые лучшие, это близкие, они меня любят, и я их очень сильно люблю. Родственники — это самое родное, они всегда помогут в трудную*

минуту, поругают, но любя. Они бесценны! (2 класс); родные люди, те, которые тебе помогут и поддержат; люди, которые любят тебя, уважают твоё мнение (3 класс); любимые, дорогие, которых знаешь очень давно. Ты их никому ни за что не отдашь; родные, которые никогда не предадут; люди, которым мы доверяем (4 класс).

Второе место занимает группа «дом, имущество» (2 класс — отмечает 80% опрошенных, 3 класс — 45%, 4 класс — 26%): вещь, которую ты сделал сам, или купил, игрушки, тачки, танки, роботы, вертолеты, поделки, книги, тетради, ласты, подарки, рисунки, цветы, любимые животные (30%): питомцы рыбки, котята, ежата, щенята, змеи любимые, а также деньги, дом (2 класс); предмет принадлежит тебе; мое имущество, то есть мои вещи или предметы, учебники, краски, игрушки, новые кроссовки, мяч (3 класс); собственность кого-то; подарки, тетради, вещи, изделия, моя собака (4 класс). Дети рассуждают: свое имущество, свои предметы надо любить, оберегать, относиться хорошо.

На третьем месте группа, объединенная темой «близкие отношения или совместная деятельность» (2 класс — 20%, 3 класс — 30%, 4 класс — 4%): друзья (11%), учителя, игры (2 класс); друзья, учитель, сосед по парте, мой родной класс и любимая Ирина Юрьевна; меня с ними связывает общее дело: учеба, игра (3 класс); твой друг (4 класс). Младшие школьники утверждают: твой друг не причинит тебе зла; другу можно доверять.

Четвертая группа — «внешний и внутренний мир человека» (2 класс — 15%, 4 класс — 13%): знания, части тела, мозги (2 класс), мысли; воспоминания (4 класс).

Полученные данные «чужие/чужое» представлены также 4 тематическими группами: «не свой, принадлежащий другим», «не нашей земли, иноземный», «чужое имущество», «внешний и внутренний мир человека».

На первом месте группа слов объединена темой «не свой, принадлежащий другим» (2 класс — 65%, 3 класс — 80%, 4 класс — 87%): люди не из твоей семьи; это люди, у которых чужая кровь (2 класс); неродные люди, незнакомцы; мы не знаем, где он живет, не знаем его имени, фамилии и отчества; при виде его у тебя возникает вопрос: «Кто он?» (3 класс); незнакомые люди; те, кого в первый раз видим; люди незнакомые, которые приехали из другого города; незнакомые люди, которые пришли к нам незваными гостями; незнакомые люди, которых ты принимаешь как чужих, ты считаешь, что они причинят тебе вред и обходишь стороной (4 класс).

Дети приводят примеры, объясняют свое отношение к ним, дают отрицательную оценку: если, например, чужой человек сказал, что там, в подвале,

котенок, то вы не пойдете, вас там могут запереть (2 класс); злые люди, которые могут обидеть нас; мы не можем доверять им; те, кто хочет притвориться знакомым, чтобы украсть детей; чужой человек, который любит воровать (3 класс); тот, кто злой, странный, не такой, как все; плохие люди, убийцы, крадут ценности, недобрые, не ценят любовь; люди, которым нельзя открывать дверь (4 класс).

Вторая по численности группа объединена темой «чужое имущество»: (2 класс — 17%, 3 класс — 18%, 4 класс — 21%): это не ваше, это без разрешения брать нельзя (чужие куклы, собаки, кошки, игрушки); это значит что-то не мое (2 класс); это не твои вещи, которые находятся не в твоём доме; чужие вещи, книги, ручки, растение; чужие дома (3 класс); вещи, которые не принадлежат мне, чужие куртки; чужие дома (4 класс).

Следующая группа слов объединена темой «не нашей земли, иноземный» (2 класс — 10%, 3 класс — 15%, 4 класс — 17%): пришельцы, не наши, плохие; они живут на планетах; инопланетяне с другой планеты, с ними можно подружиться (2 класс); люди, которые из другой страны; не из твоего края (3 класс); люди из других стран; они могут быть из чужой страны, иностранцы; говорят не по-русски и у них другие привычки (4 класс). Как видим, кроме отрицательных оценок, есть интерес и желание общаться с этими людьми. Четвертая группа «внешний и внутренний мир человека» представлена единичными ответами: чужие слова (3 класс); чужая любовь; чужие sms (4 класс).

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что концепт «свои/чужие» является важнейшей составляющей детской языковой картины мира младшего школьника. Ценностное определение «своих» в данной семантической оппозиции происходит через сопоставление с чужими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лемякина Н. А. Значимые константы культуры в языковой картине мира младшего школьника / Н. А. Лемякина // Вестник ВГУ, серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. — Воронеж: ВГУ, 2018. — С. 94–96.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. — М.: Академический проект, 2001. — 590 с.
3. Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В. И. Карасик // Социолингвистики вчера и сегодня. — М.: ИНИОН РАН, 2004-б. — С. 132–162.
4. Лотман Ю. М. О языке типологических описаний культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. — Тарту. 1969. — Т. 1У. — С. 460–475.

Институт развития образования Воронежской области имени Н. Ф. Бунакова

Лемякина Н. А., профессор кафедры педагогики и методики начального общего образования,

E-mail: nlemyaskina@mail.ru

Institute of education development of the Voronezh region named After N. F. Bunakov

Lemyaskina N. A., Professor of pedagogy and methods of primary general education

E-mail: nlemyaskina@mail.ru

ТРАДИЦИИ РОМАНТИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА В ЛИРИКЕ Н. В. СТАНКЕВИЧА

Л. А. Трахтенберг

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Аннотация: статья посвящена формам рецепции романтического пейзажа в поэзии Н. В. Станкевича. Анализируются стихотворения Станкевича «Элегия» («Когда на западе горит...»), «Избранный» и «Вздымают ли бури глубокую душу...». Установлены источники пейзажной образности этих произведений. Модели усвоения романтической традиции в них различны. «Элегия» остается в рамках пейзажной топики романтизма. Вместе с традиционным образным рядом сохраняется характерная для романтической поэзии семантика. Стихотворение «Избранный» хотя и открывается пейзажем, восходящим к элегии В. А. Жуковского «Вечер», но в жанровом и содержательном отношении далеко от своего образца. Наконец, стихотворение «Вздымают ли бури глубокую душу...» развивает мотивы элегии Жуковского «Море». В стихотворении Станкевича пейзажный образ дан лишь имплицитно, но реминисцентный фон задает глубинный смысловой план текста.

Ключевые слова: Н. В. Станкевич, романтизм, образы, реминисценции, топики.

Abstract: the paper considers the reception of romantic landscape in N. V. Stankevich's poetry. Three poems are analysed: "Elegy" ("When the last beam of the sun burns in the West..."), "The Chosen One" and "Whether storms raise your deep soul...". The sources of landscape imagery in these texts have been identified. The poems have been found to represent different models of interpreting the romantic tradition. "Elegy" preserves not only landscape imagery but also semantics typical of Romanticism. "The Chosen One" opens with a landscape resembling its source text, "Evening" by V. A. Zhukovsky, but differs from its example in terms of genre as well as idea. The poem "Whether storms raise your deep soul..." develops the motifs of Zhukovsky's elegy "The Sea". Landscape imagery is but implicit in the poem by Stankevich; however, reminiscences of Zhukovsky's elegy form a deep semantic layer of the text.

Keywords: N. V. Stankevich, Romanticism, images, reminiscences, topoi.

Лирика Н. В. Станкевича — одна из попыток создания «поэзии мысли»¹. Согласно концепции Л. Я. Гинзбург, «поэзия мысли» приходит на смену романтической лирике. Поэты ставят перед собой задачу наполнить лирику философским содержанием. Они находят опору в романтической традиции и в то же время отталкиваются от нее, переосмысливая выработанный ею поэтический язык.

В системе романтической топики важное место занимает пейзаж. Романтизм вырабатывает устойчивые типы пейзажа и поэтические формулы, позволяющие его описать.

Характерные для романтического пейзажа мотивы представлены и в лирике Станкевича. Но, как будет показано далее, Станкевич разрабатывает их разными путями, иногда следуя примеру предшественников, а иногда принципиально переосмысливая образы, восходящие к романтической традиции.

¹ О жизни и творчестве Станкевича см.: [1, 5–82] (вступительная статья С. И. Машинского «Кружок Н. В. Станкевича и его поэты» и биографическая справка), [2, 140–148; 3, 64–75; 4].

Задача статьи — описать различные модели рецепции романтического пейзажа в поэзии Станкевича.

Ранний пример обращения Станкевича к этой традиции — «Элегия», впервые опубликованная в 1830 г. Стихотворение открывается вечерним пейзажем:

Когда на западе горит
Последний солнца луч
И ярким светом золотит
Края угрюмых туч;
Когда безмолвная луна
Встает печальна и бледна
От сумрачных полян,
И звезды в небесах горят,—
Люблю недвижимый взор вперять
В эфирный океан [1, 91].

Эта картина представляет собой комплекс устойчивых романтических мотивов. Установку на восприятие в рамках романтической традиции дает первая строка, звучащая как цитата из исторической элегии К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции»:

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.
И все в глубоком сне поморие кругом.

Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает;
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном [5, 202].

Напоминает о том же образце и эпитет *безмолвный*, и олицетворенный образ луны, с которым связываются ощущения грусти и задумчивости. В контексте этих мотивов стихотворение Станкевича можно соотнести с элегией Батюшкова и на ритмическом уровне (несмотря на различие размеров стиха). В обоих случаях используется строфа с чередованием длинных и коротких строк, разбитая на две субстрофы, первая из которых представляет собой четверостишие перекрестной рифмовки, где нечетные строки длинные, а четные — короткие; укорочен также последний стих всей строфы.

Вторая строка также представляет собой формулу романтического вечернего пейзажа. Эта формула открывается, например, думу Рылеева «Рогнеда». У Рылеева этот мотив также сочетается с описанием луны:

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала —
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала [6, 23].

Образ облаков, края которых озарены светомходящего солнца, напоминает, например, об элегии Жуковского «Вечер»:

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает [7, 76].

Далее Жуковский создает образ луны, к которому образ из стихотворения Станкевича близок по эмоциональному тону:

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило! [7, 76]

Влиянием того же источника, возможно, объясняется и конструкция строфы с параллельными временными придаточными частями, скрепленная анафорой. См. у Жуковского:

Как солнца за горой пленителен закат,—
Когда поля в тени, а рощи отдаленны <...>
Когда с холмов златых стада бегут к реке <...>
Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам <...> [7, 75].

Параллельные эпитеты «печальна и бледна» — также устойчивый мотив. Он использован, например, А. С. Пушкиным в «южных поэмах», в «Кавказском пленнике», характеризуя черкешенку [8, 110], а в «Бахчисарайском фонтане» — Зарему [8, 159]. В первой из поэм сцена освобождения пленника, где выступает этот мотив, разворачивается на фоне лунного пейзажа. Повторенный в двух контекстах эпитет *бледный* маркирует психологический параллелизм образов луны и героини:

Меж тем, померкнув, степь уснула,
Вершины скал омрачены.
По белым хижинам аула

Мелькает бледный свет луны <...>
Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло девы покрывало,
И вот — печальна и бледна
К нему приблизилась она².

Сосредоточенные в первых строках стихотворения Станкевича мотивы создают ощущение печали. Однако в ней поэт находит высший смысл собеседования с душами ушедших. Идея обращения к иному миру типична для лирики Жуковского. У Станкевича она находит выражение в характерной для Жуковского форме субстантивации, размывающей границы предметности (как в отрывке «Невыразимое» [9, 129–130]):

И мнится мне, что та страна
Знакомое хранит;
Что там, где теплится луна,
Мой брат иль друг сокрыт [1, 91]³.

Идею претворения печали в надежду выражает кольцевая композиция «Элегии» Станкевича. Последняя строфа частично повторяет первую, но пейзаж модифицируется. Образ печальной луны замещается иным, коннотирующим радость:

Когда вечернею зарей
Зефиров свежих резвый рой
Разносит аромат <...> [1, 92].

И тематика, и образность ранней «Элегии» Станкевича остаются еще в основном в рамках романтической традиции. Но уже намечается философская тема (не чуждая, впрочем, и Жуковскому) — тема познания, сопряженная со стремлением к иному миру: поэт говорит, что пребывающие там души не раскроют ему «тайн жизни неземной» [1, 92].

С картины вечера начинается и стихотворение Станкевича «Избранный», также впервые напечатанное в 1830 г. Пейзажное вступление здесь существенно больше по объему, чем в «Элегии». В данном случае основным образцом, по-видимому, служит элегия Жуковского «Вечер». Как и у Жуковского, сменяют друг друга несколько картин. Сначала изображается закат над водой. В строке Станкевича: «Чуть катит струи река» [1, 92], — можно заметить сходство со стихами Жуковского:

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!

С каким сверканьем катишься ты в реку [7, 75]!

Мотив медленного движения воды, выраженный словом *чуть*, возможно, подсказан картиной колеблющегося отражения города в воде из элегии Жуковского. Первую картину сменяет вторая — заря на небе. За ней следует третья: луна встает из-за холмов, освещая землю и воду. Эти элементы образного ряда также находят соответствие у Жуковского.

Эти три картины во вступлении Станкевич рису-

² Курсив А. С. Пушкина.

³ Курсив Н. В. Станкевича.

ет, однако, более яркими красками, чем Жуковский:
 Вот полнеба, как каймою,
 Опоясалось зарею;
 Веспер в пламенных лучах
 Загорелся в небесах [1, 92].

Иной колористический ход сглаживает меланхолическое настроение. Хотя оно и намечено некоторыми мотивами: месяц обращает «на землю взор унылый» [1, 92], — но в целом мысль Станкевича движется по другому пути. Если у Жуковского пейзаж переходит в интроспекцию поэта, то у Станкевича картина природы становится фоном для массовой сцены: со всех сторон света «Волны шумные народа / С диким ропотом текут» [1, 93].

Основная часть стихотворения «Избранный» не связана с элегией Жуковского. Оно принадлежит к другому жанру: это не элегическая медитация, а философско-аллегорический диалог. Не только пейзажная картина, но и образ народа оказывается лишь фоном для основных событий, разворачивающихся в мистериальной сфере. Перед народом является царь. Затем аллегорические фигуры: Дух брани и Дух мира — в присутствии Хора духов и народа ведут спор о будущем пути правителя. Дух брани искушает царя мощью оружия и славой завоеваний, Дух мира проповедует любовь и милосердие. В финале царь принимает от Духа брани меч для защиты от врагов, но выбирает путь мира и кротости.

Стихотворение «Избранный» представляет, таким образом, иную модель функционирования романтического пейзажа, нежели «Элегия». Если в «Элегии» традиционные картины природы выражали и традиционное для романтизма содержание, то теперь они служат лишь отправной точкой для иных — историко-философских размышлений. Соответственно, пейзаж модифицируется: устраняется определяющий в исходном, но избыточный в новом контексте меланхолический колорит.

Третью модель рецепции пейзажных образов романтизма представляет стихотворение «Вздымают ли бури глубокую душу...», не опубликованное при жизни автора. Ряд мотивов связывает его с элегией Жуковского «Море». Как и у Жуковского, душа уподобляется морской глубине. Однако по отношению к источнику это уподобление инвертировано. Жуковский психологизирует пейзаж: изображая море, поэт символически уподобляет его душе. В стихотворении Станкевича, напротив, предмет изображения — душа; тема водной стихии вводится лишь имплицитно метафорами *глубины* и *бури*, заданными уже в первой строке текста и повторенными в заключительной, третьей строфе. В основе обоих текстов обращение: Жуковский говорит о море, а Станкевич — о душе во втором лице. Связь со стихотворением Жуковского поддерживается и относительно редким размером — четырехстопным амфибрахией без рифм с чередованием женских клаузул

в нечетных строках и мужских — в четных.

Пространство обоих стихотворений организует вертикаль, соединяющая море и небо — символы двух миров в пространстве романтической лирики — и в то же время связывающая поверхность и глубину. Эти образы, разработанные Жуковским, сохраняет и Станкевич. Душа во второй строфе его стихотворения предстает как «образ вселенной» [1, 120], соотносимой с небом у Жуковского; движение от поверхности вглубь обозначено в начале третьей строфы:

Тяжелые, страшные бури нисходят
 Порою в глубокую душу твою [1, 121].

Как и в элегии Жуковского, в стихотворении Станкевича сменяют друг друга светлая картина спокойствия и мрачный образ бури. Порядок их, однако, иной. Если у Жуковского покой сменяется бурей, за которой вновь следует успокоение, но полное тайного смятения, то у Станкевича сначала обе противоположных друг другу картины намечаются в первой строфе, затем образ покоя разрабатывается во второй и наконец образ бури — в третьей. Напряженно-контрастному финалу у Жуковского соответствует мрачный — у Станкевича:

Взрываются страсти, сомненья, и дико
 Работу свою начинает хаос [1, 121].

Стихотворение Станкевича остается в смысловом поле, заданном Жуковским. Как и «Море», оно выражает психологический и одновременно философский смысл. Семантика произведения одновременно более конкретна и более абстрактна, чем в тексте-источнике. С одной стороны, конкретизируется ситуация диалога: Станкевич обращается, судя по всему, к реальному, хотя и не названному адресату. С другой стороны, абстрактно-философскую установку отражает лексический ряд стихотворения. Станкевич оперирует абстракциями: «необъятность природы», «образ отрадней спокойного духа», «страсти, сомненья», «хаос» [1, 120–121].

Третий тип рецепции пейзажа заключается, таким образом, в устранении пейзажной картины. Образа природы как такового в стихотворении нет, однако он составляет основу метафорического ряда, подержанного реминисцентным фоном.

Итак, анализ рассмотренных стихотворений Станкевича показывает, что образцами пейзажа ему служат в первую очередь стихотворения Жуковского, но также и тексты других поэтов — Батюшкова, вероятно, Рылеева, Пушкина. В лирике Станкевича можно выделить три модели рецепции романтического пейзажа. В «Элегии» («Когда на западе горит...») разработка романтической топики сопряжена с развитием традиционного для романтизма эмоционального содержания. В стихотворении «Избранный» романтический пейзаж, сохраняя конструктивную функцию, меняет функцию смысловую. Как и в тексте-источнике — элегии Жуковского «Вечер», пейзаж выступает в роли вступления, однако открывает он

произведение иного жанра и с иной проблематикой. Наконец, в стихотворении «Вздыхают ли бури глубокою душу...» пейзаж в собственном смысле слова устраняется. Образы природы имплицированы метафорическим рядом, вызывающим в памяти образец — «Море» Жуковского. Соотнесение с текстом-источником придает стихотворению Станкевича образную двупланность и смысловую глубину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поэты кружка Н. В. Станкевича: Н. В. Станкевич, В. И. Красов, К. С. Аксаков, И. П. Ключников / Станкевич Н. В., Красов В. И., Аксаков К. С., Ключников И. П.; Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. И. Машинского. — М.; Л.: Советский писатель. [Ленинградское отделение], 1964. — 617 с. — (Б-ка поэта. Большая серия).
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. Изд. 2-е, доп. / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1974. — 408 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Изд. 2-е / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Художественная литература. Ленин-

градское отделение, 1977. — 448 с.

4. Манн Ю. В. Гнезда русской культуры: кружок и семья / Ю. В. Манн. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 598 с.
5. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / К. Н. Батюшков; Изд. подгот. И. М. Семенко. — М.: Наука, 1977. — 607 с. — (Лит. памятники).
6. Рылеев К. Ф. Думы / К. Ф. Рылеев; Изд. подгот. Л. Г. Фризман. — М.: Наука, 1975. — 254 с. — (Лит. памятники).
7. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 гг. / В. А. Жуковский; Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 760 с.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 4. Поэмы, 1817–1824 / А. С. Пушкин; Ред. С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Н. К. Гудзий, Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский; Общ. ред. С. М. Бонди. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 483 с.
9. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. Стихотворения 1815–1852 гг. / В. А. Жуковский; Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 840 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Трахтенберг Л. А., доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы

E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Trakhtenberg L. A., Doctor of Philology, Associate Professor
of the Department of the History of Russian Literature
E-mail: Lev_A_T@inbox.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ АТТРАКТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ ВОРОНЕЖСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ)

И. В. Хорошунова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 апреля 2020 г.

Аннотация: в статье дается обзор наиболее частотных языковых средств привлечения внимания и создания интереса в заголовках новостных медиатекстов региональных интернет-СМИ.

Ключевые слова: язык СМИ, медиатекст, новостной заголовок, языковые средства привлечения внимания.

Abstract: the article provides an overview of the most frequent language means of attracting attention and creating interest in the headlines of news media texts of regional Internet media.

Keywords: media language, media text, news headline, language means of attracting attention.

Бумажная эпоха сменилась эпохой гаджетов. Интернет стал основной площадкой для СМИ, предложив новые возможности передачи информации и воздействия на аудиторию профессионалам масс-медиа. «На смену классическому линейному тексту пришел медиатекст с мозаичностью сюжета и незавершенностью границ» [1, 7]. Если в середине XX века основным «рупором эпохи» являлась пресса, то сегодня все газеты и журналы создают интернет-версии своих изданий. Сейчас для того, чтобы ознакомиться с мировыми или региональными новостями, мало кто пойдет в киоск за газетой: большинство войдет в сеть Интернет и откроет какой-либо новостной агрегатор. Новостной агрегатор *Яндекс-новости* предлагает заголовки материалов разных интернет-СМИ, посвященных одной теме и одному событию, и читатель получает возможность выбора: кликнуть на понравившийся заголовок публикации какого-либо интернет-СМИ. Во многом выбор этот обусловлен яркостью заголовка — тем, как он выгодно отличается на фоне других в открывшемся списке новостей. Существует рынок СМИ, на котором идет серьезная конкурентная борьба. Журналистский медиатекст превратился в товар, который надо продать. И чтобы продать этот товар, нужно его рекламировать: как и в коммерческой рекламе товаров и услуг, в текстах СМИ употребляются различные неязыковые и языковые средства привлечения внимания читателей к публикации и поддержания их интереса.

Быстрый темп жизни требует от СМИ большей информативности, оперативности, наглядности, что способствует расширению роли текстов информационных жанров, в первую очередь, новостных текстов. Структура заголовка новостного текста, как правило,

отличается лаконичностью, однако даже в текстах информационных жанров присутствует экспрессия. Исследователи выделяют две группы экспрессивных средств современных информационных медиатекстов: 1) экспрессивные средства, которые нарушают нейтральность и объективность информирующей речи, подчеркивая личностную авторскую позицию по отношению к публикуемым фактам; 2) экспрессивные средства, которые способствуют большей выразительности изложенного материала, не нарушая в целом объективности новостей [2]. Как нам представляется, важнейшей функцией всех экспрессивных языковых средств в заголовках новостных медиатекстов является не оценочная и выразительная, а рекламная, заключающаяся в привлечении внимания и создании интереса к материалу: заголовок является, по сути, рекламой, своеобразной «вывеской» того текста, именем которого является.

В научных работах описаны следующие типичные экспрессивные средства информирующей речи в СМИ: 1) неинвариантная языковая форма констатации факта; 2) смена фокуса внимания при оформлении факта; 3) слова, выражающие социальную или индивидуально-корпоративную оценку; 4) передача личного восприятия действительности автором информационного текста; 5) актуализация имплицатур; 6) субъективно-оценочные элементы (риторические фигуры, тропы, ирония, аллюзия — постмодернистские техники письма; прямая субъективная оценка, выраженная с помощью прилагательных и наречий, содержащих оценочное значение) [3].

В проанализированном нами материале присутствуют и эти, и другие языковые средства привлечения внимания и создания интереса к публикации, которые призваны выгодно подать заголовок в открывшемся списке новостей, предлагаемых агрега-

тором *Яндекс-новости*. Следует отметить, что региональные СМИ обязательно включают в заголовок указание на регион: например, *в Воронеже, воронежский, воронежцы* и др. — таковы общие требования для того, чтобы поисковая система быстро нашла новость, поэтому средством привлечения внимания к заголовку мы это считать не будем. Например, в данном ниже списке некоторые заголовки практически одинаковы, а некоторые содержат в своем составе средства привлечения внимания, которые выделяют медиазаголовки на фоне остальных.

1) *Воронежцы снова жалуются на огромные очереди за водительскими медсправками* (Моё! Online Воронеж) — заголовок содержит оценочную лексику (качественное прилагательное со значением параметрической оценки *огромный*); также заголовок содержит лексему с корнем *-нов-* со значением возобновления чего-либо (подобные лексемы мы также считаем специфическими аттрактантами в заголовках новостных медиатекстов: все, что возобновляется, повторяется, воспринимается как восстановление прежнего порядка);

2) *Воронежцам вновь выдают справки для получения водительских прав* (ТВ Губерния) — заголовок содержит лексему с корнем *-нов-*;

3) *Воронежский наркодиспансер возобновил выдачу справок* (Communa.ru) — заголовок содержит лексему с корнем *-нов-*;

4) *Воронежский наркодиспансер возобновил выдачу медсправок* (Обозреватель Врн) — заголовок содержит лексему с корнем *-нов-*;

5) *Воронежцы рассказали, зачем стояли в очереди у наркодиспансера* (Вести-Воронеж) — заголовок содержит союзное слово *зачем*, побуждающее прочитать материал, чтобы получить предметное представление о том, что за ним скрывается (зачем стояли?).

Таим образом, можно предположить, что популярностью, повышенной «кликабельностью» у аудитории будут пользоваться первый и пятый заголовки, потому что они выделяются на фоне других.

Представляется важным рассмотреть, как редакции воронежских интернет-СМИ борются за внимание аудитории: выявить языковые способы привлечения внимания и создания интереса в медиазаголовках новостных материалов, опубликованных в 2019–2020 гг. и предлагаемых новостным агрегатором *Яндекс-новости* (500 медиазаголовков публикаций *Блокнот.Воронеж*, *36.0n*, *Моё! Online.Воронеж*, *Вести-Воронеж* и др.). Собранный с помощью метода сплошной выборки материал был проанализирован с точки зрения наличия/отсутствия в нем языковых средств привлечения внимания и создания интереса к публикации, в случае наличия — была дана лингвостилистическая характеристика этих средств, а также были выявлены наиболее частотные из них.

Собранный материал классифицируется следующим образом: 1) заголовки информативного типа

(без источников экспрессии, без речевых средств выразительности), соответствующие информационной функции массмедийного стиля); 2) заголовки воздействующего типа, соответствующие воздействующей функции массмедийного стиля (с использованием различных экспрессивных средств, выполняющих, по нашему убеждению, рекламную функцию в заголовке — привлечения внимания и создания интереса к публикации). Соответственно, первая группа не подразделяется на подгруппы. Основанием деления второй группы является разновидность источника экспрессии. Языковые средства привлечения внимания и создания интереса, содержащиеся в новостных заголовках воронежских интернет-СМИ, делятся на следующие подгруппы: 1) графические (языковая игра на графическом уровне); 2) фонетические (языковая игра на фонетическом уровне; аллитерация, ассонанс, рифма и пр.); 3) лексико-фразеологические (языковая игра на лексическом уровне; тропы; прецедентные тексты, цитаты; лексика различной частеречной принадлежности с оценочным денотативным и коннотативным значением; лексемы с корнем *-нов-* типа *новый, снова*; лексемы с корнем *-перв-*: *первый, впервые*; антонимы, омонимы, паронимы; книжная лексика, иноязычная лексика и термины; устаревшая, высокая лексика; разговорная, разговорно-сниженная лексика, обладающая повышенной экспрессивностью; лексика, находящаяся за рамками литературного языка (жаргон, просторечие, диалектизмы и др.); 4) словообразовательные (языковая игра на словообразовательном уровне; слова с оценочными, экспрессивными, эмоциональными аффиксами; аббревиатуры); 5) морфологические (языковая игра на морфологическом уровне; местоимения *кто, что*, союз, местоименное наречие или вопросительное местоимение *как*, относительное местоимение *где* (в роли союзного слова) и другие слова, заставляющие прочитать материал, чтобы получить предметное представление о том, что за ними скрывается; числительные; форма превосходной степени прилагательного и наречия и пр.); 6) синтаксические (языковая игра на синтаксическом уровне; стилистические фигуры, основанные на особом синтаксическом построении высказывания; конструкции экспрессивного синтаксиса); 7) стилистические (стилистическая языковая игра (стилевой контраст, жанровый диссонанс) и проч.); 8) смысловые, логические (алогизм как средство выразительности и параонтологические приемы).

Заголовки информативного типа составляют всего 6% от общего количества собранного материала: *В Воронежской области построят завод по выпуску сельхозтехники* (Обозреватель Врн); *В Воронежской области появится завод по выпуску сельхозтехники* (36on.ru); *Воронежские власти рассказали о работе парикмахерских в режиме самоизоляции* (ТВ-Губерния); *Воронежцам показывают летние пейзажи* (КП-Воронеж) и др.

Заголовки воздействующего типа составляют 94%. Анализ материала позволяет сделать вывод, что наиболее частотным средством реализации рекламной функции в заголовках новостных медиатекстов воронежских интернет-СМИ является использование лексики с коннотативным оценочным значением (*предатель, пьяница, погибнуть, разрушение* и проч.) И. А. Стернин считает, что можно разделить всю лексику, выражающую оценку, на два крупных блока: оценочную лексику и лексику с оценочной коннотацией. «Коннотация слова образуется двумя компонентами — эмоциональным и оценочным» [4, 19]. Действительно, такие слова, как *убийство, преступник, происшествие, смерть* и под. вызывают повышенный интерес аудитории СМИ. Использование лексики с коннотативным оценочным значением в заголовках новостных медиатекстов составляет 24% от общего количества собранного материала: *В Воронеже будут судить сотрудницу детсада, воровавшую у малышей золотые цепочки и крестики* (КП-Воронеж); *В Воронеже сотрудницу яслей обвиняют в воровстве у воспитанников* (REGNUM); *В Воронеже прошёл рейд по выявлению нарушителей масочного режима* (АиФ Воронеж); *В преддверии Нового года воронежец украл утюг на АЗС* (Блокнот-Воронеж); *В Воронежской области меры поддержки при пандемии коронавируса собрали на одном сайте* (Обозреватель ВРН); *Под Воронежем суд пожалел убийцу ребёнка* (Горком); *Ливень обрушил стену в воронежском сквере* (Моё! Online.Воронеж); *В Воронеже поток воды после ливня разрушил стену в сквере "Чайка"* (Новости Воронежа); *В Воронеже ливень принёс разрушения* (Горком); *Водитель погиб вечером под Воронежем, когда машина въехала в столб* (Горком) и др.

На втором месте по частотности употребления находится такой заголовочный аттрактант, как числительные (в том числе представленные в виде цифр), особенно обозначающие большие числа — 13% от общего количества проанализированных заголовков: *Под Воронежем с врача взыщут полмиллиона за целевое обучение* (Обозреватель ВРН); *1,4 млрд. рублей на строительство поликлиники у яблоневых садов освоит «Воронежстройреконструкция»* (De Facto); *В Воронеже мошенники обманули пенсионерку на 1 млн.* (Обозреватель ВРН); *Почти 1,5 тыс. туристов вернулись в Воронежскую область в разгар эпидемии* (Воронежский городской портал); *Воронежский «Русавинтер» задолжал работникам зарплату на 42 млн.* (Обозреватель ВРН); *В Воронежской области возведут экопарк за 107 миллионов рублей* (Свик-ТВ) и т.д.

Третье место (8% от общего количества проанализированных заголовков) занимает такое средство привлечения внимания и создания интереса, как разговорная лексика, приобретающая в новостном заголовке повышенную экспрессивность: *Удаленные мошенники продолжают потрошить сбережения воронежцев* (Горком); *О любви американцев к кисам рас-*

сказала хозяйка популярного в Воронеже кота (Блокнот Воронеж); *Профессор объяснил возвращение воню вместе с жарой в Воронеж* (Вести Воронеж); *В Воронеже юную студентку и её приятеля могут посадить на 20 лет за торговлю "солью"* (КП-Воронеж) и др.

На четвертом месте по частотности употребления располагаются такие средства реализации рекламной функции заголовков, как частнооценочная лексика (6%) и инверсия (5,8%). Частнооценочная лексика сочетает дескрипцию и оценку. Различают сенсорно-чувственную, психологическую, интеллектуальную, эмоциональную оценку, этическую, эстетическую, нормативную, утилитарную оценку и др. [5]. Частнооценочные лексемы, несомненно, вызывают повышенный интерес аудитории: *Опубликованы жуткие кадры со сгоревшим мотоциклом в Воронеже* (iReactor); *Воронежский заповедник поделился редкими фото барсука* (КП-Воронеж); *Виктор Ковалевский, экс-директор воронежского музея «Костенки», избавился от забавного уголовного дела* (Горком); *Губернатор наградит воронежских врачей, которые провели уникальную операцию* (РИА Воронеж); *Эпичное возгорание автомобиля воронежцы сняли на видео* (Блокнот Воронеж); *Воронежцев предупредили о смертельно опасном карнизе* (КП-Воронеж); *Бурное обсуждение в соцсетях вызвала стоящая на кирпичах AUDI A7 в Воронеже* (Новости Воронежа); *Варварским уничтожением усадьбы под Воронежем заинтересовалась прокуратура* (Блокнот Воронеж) и др.

Инверсия позволяет поставить на первую позицию в новостном заголовке самую важную информацию и выгодно отличить заголовок от заголовков других интернет-изданий: *Стелу «Песчаный бор» в Воронеже грузовик снес* (Обозреватель ВРН), ср.: *Грузовик снес недавно восстановленный после ДТП указатель «Песчаный бор» в Воронеже* (Вести-Воронеж); *Выплаты стали получать воронежские многодетные семьи* (Обозреватель ВРН) и др.

Пятое место по частотности в классификации занимает использование местоимений *кто, что* (чаще как относительных местоимений, выполняющих роль союзного слова в сложноподчиненном предложении), союза, местоименного наречия или вопросительного местоимения *как*, относительного местоимения *где* (в роли союзного слова) и других слов, заставляющих прочитать материал, чтобы получить предметное представление о том, что за ними скрывается (4%): *Как жители Воронежа оценивают деятельность Воронежской областной Думы* (Новости Воронежа); *Кто из воронежцев сможет получить доставку на дом социально значимых товаров?* (Полиграф.Медиа); *Стало известно, где заболевшие воронежцы заразились коронавирусом* (Обозреватель ВРН) и др.

На шестом месте по частотности употребления находится такое средство привлечения внимания, как лексика параметрической оценки, то есть оцен-

ки, выраженной как «суждение познающего субъекта о предмете, опирающееся на сравнение данного предмета с избранным эталоном» (*огромный, высокий, немалый, широкий* и др.) [6]. Данная подгруппа занимает в классификации 3,5%: *Воронежская филармония готовится к запуску масштабного онлайн-проекта* (Галерея Чижова); *В Воронеже определили подрядчика для строительства огромной поликлиники на месте яблоневых садов* (КП-Воронеж); *Видео крупного пожара в строящейся 17-этажке в Воронеже* (Свик-ТВ); *В Воронежском доме ребёнка зафиксировали крупный очаг коронавируса* (Радио Sputnik).

Седьмое по частотности место в заголовках новостных медиатекстов занимает метафора (2,4%): *Избиратели обвинили депутата Александра Тюрина в фекальных атаках в Воронеже* (Блокнот Воронеж); *Воронежская полиция рассказала о результатах охоты на пьяных водителей* (Вести Воронеж); *Жара снова атакует Воронеж после небольшой прохладной передышки* (Свик-ТВ) и др.

Другие средства привлечения внимания представлены в материале незначительно. Немногочисленные или единичные примеры в классификации составляют: рифма (*В Воронеже вор голодный утащил утюг холодный*) (КП Воронеж); сравнение (*Воронежский губернатор идёт "паровозом" на праймериз "Единой России"*) (Блокнот Воронеж); оксюморон (*Стало известно, сколько заработала волонтер на продаже наборов для малоимущих*) (Вести-Воронеж); метонимия (*Воронежский музей приглашает на онлайн-выставку "Летние пейзажи"*) (АиФ Воронеж); олицетворение (*В начале недели жара даст воронежцам небольшую передышку*) (Обозреватель Врн); модально-оценочные лексемы со значением дозволенности/недозволенности (*Делать маникюр и педикюр запретили в Воронеже*) (Блокнот Воронеж); общеоценочные лексемы (*Прокуратура Воронежской области наказала чиновника за плохие дороги в Воронежской области*) (Блокнот Воронеж); слова типа *первый, впервые* (*В Воронежской области впервые провели трансплантацию сердца*) (Галерея Чижова), *Коронавирус в Воронеже выявили у первого врача* (De Facto)); слова с корнем *-нов-* (*Прилепин рассказал о новом фестивале в Воронеже*) (МОЁ! Online. Воронеж), *Маршрутки раскритиковали новую систему оплаты проезда в Воронеже* (Вести-Воронеж); антонимы (*Воронежским парикмахерам разрешили*

завивать парики, но запретили стричь бороды (Вести Воронеж); термины (*Сервитутом для пенсионерки запомнился депутат Гончаров*) (Блокнот-Воронеж); иноязычная лексика (*В Воронеже заблокировали б сайтов, продававших фейковые дипломы*) (TV Губерния); лексика, находящаяся за рамками литературного языка — жаргон, просторечие (*В гробу видала коронавирус воронежская молодёжь*) (Горком); *В Воронеже эффектно уничтожили палёные сигареты на миллион рублей* (РИА Воронеж); *В Воронеже нищая бабушка у «Московского проспекта» оказалась мужиком* (КП Воронеж); форма превосходной степени прилагательного или наречия (*Редчайших чёрных аистов заметили в воронежских заповедниках*) (Вести ПК в Воронеже); *Воронежская область показала самое низкое число заболеваний COVID-19 в ЦФО* (РИА Воронеж); вопросительные конструкции (*На месте атомной теплостанции в Воронеже появятся многоэтажки?*) (МОЁ! Online-Воронеж); цитирование (*"Если бы скорая помощь приехала вовремя, отца можно было бы спасти"*) (Моё! Online. Воронеж); именительный темы (*Хвостатые гурманы: в Воронеже открылась первая кондитерская для животных*) (Воронежский городской портал).

Исследование позволило прийти к выводу, что новостные заголовки воронежских интернет-СМИ характеризуются преобладанием лексических средств привлечения внимания и создания интереса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография / Н. И. Клушина. — Москва: ФЛИНТА, 2018. — 183 с.
2. Стеценко Н. М. Экспрессивные средства новостных медиатекстов экономической тематики в аспекте речевого воздействия / Н. М. Стеценко // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. — 2017. — Т. 16, № 1. — С. 80–88.
3. Дроняева Т. С. Информационный подстиль / Т. С. Дроняева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М.: МГУ, 2003. — С. 496–519.
4. Стернин И. А. Оценочность слова в языке и речи / И. А. Стернин // Исследования по семантике: Межвузовск. науч. сб. — Уфа, 1990. — 120 с.
5. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
6. Кругликова Г. Г. К семантике количественной оценки / Г. Г. Кругликова // Языковые единицы в речевой коммуникации. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — С. 80–92.

Воронежский государственный университет
 Хорошунова И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации
 E-mail: horoshunova.irina@yandex.ru

Voronezh State University
 Horoshunova I. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Electronic Media and Speech Communication Department
 E-mail: horoshunova.irina@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ СМИ В СИТУАЦИИ КОНВЕРГЕНЦИИ: ИНСТРУМЕНТЫ МЕДИААНАЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПРАВОСЛАВНОГО МЕДИА «ФОМА» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

О. А. Богданова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. С. Соколов

Фонд «Фома Центр»

Поступила в редакцию 24 апреля 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена использованию инструментов медиааналитики для оценки эффективности социальных сетей, в которых присутствует православное медиа «ФОМА». Данные оценки лежат в основе формирования стратегий работы медиа в шести социальных сетях. Instagram, Telegram, Вконтакте рассматриваются как эффективные, Одноклассники, Твиттер и Facebook — как площадки с низким аудиторным потенциалом.*

Ключевые слова: *интернет, религиозные медиа, православные медиа, конвергенция, социальные сети, медиааналитика.*

Abstract: *The article is dedicated to the application of tools of media analytics for the Evaluation of the efficiency of social networks, in which the orthodox media «FOMA» is present. The data of the evaluation serve as the basis of the shaping-up of strategies of the media in question in 6 social networks. Instagram, Telegram and Vkontakte are qualified as efficient. OK, Twitter and Facebook are evaluated as sites with low potential of the audience.*

Keywords: *internet, religious media, orthodox media, convergence, social networks, media Analytics.*

В начале XXI века развивается новая парадигма коммуникации. Ее главное отличие от традиционной состоит в том, что не только СМИ транслирует контент аудитории, но и сама аудитория становится соучастником создания и распространения контента [1]. Одним из главных инструментов новой парадигмы коммуникации в современном мире, в частности между медиа и аудиторией становятся социальные сети, так что СМИ осваивают и развивают различные стратегии их использования.

Взаимодействие СМИ и социальных сетей претерпело эволюцию: из источников информации для журналистов социальные сети превратились в инструмент продвижения СМИ, затем СМИ инкорпорировались в соцсети, наконец, отдельные материалы через социальные сети доставляются аудитории «вне оболочки бренда СМИ» [2]. Сращение онлайн изданий и соцсетей — новая грань развития конвергентности [3]. Работа СМИ с соцсетями основана на отличном от традиционного понимании процесса взаимодействия с аудиторией: использования кода fast'n'fun (медиаимпринтинг, контентный дизайн, направленный на быстрое донесение контента через соединение образов, текста и зву-

ка) и развития вовлекающей медиамодели общества (раздача контента (шеринг) вместо вещания) [2]. Изменение парадигмы коммуникации охватывает все типы СМИ.

Данное исследование посвящено стратегиям, которые в процессе работы с социальными сетями использует религиозное медиа — православный журнал «Фома». Он интересен как одно из крупнейших СМИ о православии на русском языке (ежемесячная аудитория foma.ru — 2,5 млн. читателей, тираж печатной версии журнала — 25 тыс. экземпляров), подписчиков *ВКонтакте* — 112 тыс., *Instagram* — 68 тыс., *Одноклассники* — 39 тыс., *Facebook* — 17 тыс.), которое входит в ТОП-3 веб-проектов Рунета о религии в целом [4]. С момента создания в 1996 г. «ФОМА» работает в двух форматах — как печатный журнал и интернет-сайт foma.ru. Оба формата создает один и тот же коллектив, однако печатная и онлайн версии содержат зачастую уникальный контент, а для социальных сетей в принципе создаются отдельные форматы. В своей работе редакция «ФОМЫ» активно использует инструменты медиааналитики, что позволяет в итоге не только увеличивать общий объем аудитории, но и степень ее вовлеченности в медиапродукт (время и глубину прочтений), а также совершенство-

вать тематику и форматы журналистских материалов. Позиция «ФОМЫ» на рынке религиозных СМИ Российской Федерации и его активная работа в формате конвергентной редакции делает данные о его работе в сетях достаточно репрезентативными и интересными с точки зрения анализа стратегий современных религиозных СМИ в соцсетях [5, 71].

Эмпирическую базу исследования составили: публикации в аккаунтах foma.ru в социальных сетях *Вконтакте*, *Инстанграм*, *Одноклассники* и *Facebook* в период с 01.01.2019 г. по 02.04.2020 г.; интервью с сотрудниками редакции; результаты личной работы авторов данного исследования в качестве редакторов foma.ru, непосредственно определявших стратегию его работы.

В исследованиях, посвященных присутствию СМИ в социальных сетях, как правило, делается упор на привлечение аудитории с целью монетизации [6]. Но если речь идет о СМИ, ставящем перед собой некоммерческие цели (образование, религиозное миссионерство и т.п.), оценить его эффективность гораздо сложнее. С точки зрения позиции на рынке некоммерческие медиа близки к государственным: их бюджет развития, как правило, существенно меньше, чем у конкурентов из коммерческого сектора, зато и результативность измеряется не финансовой отдачей, а иными показателями эффективности. Для «Фомы» это — максимальный охват и вовлеченность аудитории, т.е. число читателей отдельных материалов и число тех, кто становится лояльным читателем, оставаясь с изданием как можно дольше, формируя аудиторное ядро. Такая постановка задачи позволяет отказаться от стремления собрать аудиторию на одном ресурсе и рассматривать социальные сети не как источник трафика на основной веб-сайт, а как площадки для коммуникации с аудиторией, причем не обязательно связанные между собой и с основной страницей журнала.

По данным исследования, проведенного структурами *Mail.ru Group* в первом квартале 2019 г., в среднем 28% трафика каждого онлайн-СМИ составлял трафик из социальных сетей (при этом есть основания полагать, что трафик этот является низкоконверсионным, т.к. ни сами площадки социальных сетей, ни их пользователи не приветствуют переходы на внешние ресурсы) [7]. Для сайта foma.ru за весь 2019 г. этот показатель составлял всего 1,8% (то есть в среднем 48 тыс. переходов в месяц). Трафик портал получал из других источников, в то время как аудитория социальных сетей проекта оставалась внутри своих экосистем. Встает вопрос, каким образом будет выстраиваться стратегия издания в социальных сетях: какие из них выбрать как площадки для работы и каковы стратегии присутствия в каждой из них?

На основе данных, полученных в ходе изучения деятельности медиа «ФОМА», мы выделяем следующие стратегии работы в социальных сетях:

- анализ эффективности социальных сетей с помощью инструментов медиааналитики с точки зрения целей издания;
- планирование работы в соцсетях на основе полученных данных;
- отбор и производство контента;
- работа с аудиторией;
- сотрудничество с другими медиа.

1. Анализ эффективности социальных сетей

Очевидно, что одинаково интенсивно работать со всеми соцсетями может лишь крупная редакция с достаточным количеством сотрудников и финансированием. У нишевого же журнала ресурсов на это не хватает.

При определении общей стратегии возможны различные варианты [8, 240]. Во-первых, с точки зрения распределения ресурсов для работы с соцсетями возможен вариант равномерной траты сил на все социальные сети либо выбор для активной работы одной или нескольких из них. Во-вторых, с точки зрения политики размещения контента возможен либо менее затратный путь помещения во всех социальных сетях одинакового контента, либо подготовка контента с учетом специфики аудитории конкретной соцсети. Наконец, если говорить о планировании работы редакции, возникает вопрос: будет ли создаваться уникальный контент, который ориентирован исключительно на социальные сети (или конкретную социальную сеть) и будет ли формат материалов на основном сайте СМИ продиктован возможностью эффективного размещения в социальных сетях.

Стратегия работы в социальных сетях требует выработки критериев измерения эффективности этой работы с использованием инструментов медиааналитики.

Может показаться, что основным критерий эффективности соцсети — количество подписчиков. Однако, как показывает практика, знание числа подписчиков для заданной цели недостаточно, поскольку подписчики могут быть неактивными, соответственно, и потенциал соцсети окажется ниже, чем можно было бы предположить.

Для углубления анализа редакция «ФОМЫ» использует ряд дополнительных показателей — *Daily Rich* и *ERR*.

Daily Rich — средний ежедневный охват пользователей, то есть число пользователей, которые на самом деле ежедневно видят контент канала. Данный показатель выводится из исследований аудитории традиционных СМИ и интернет-изданий и представляет собой процент смотрящих контент пользователей от общего числа подписчиков.

ERR (engagement rate reach) — процент пользователей, которые при этом еще и взаимодействуют с контентом. Он вычисляется по формуле: $= ER / \text{Кол-во пользователей} \times 100\%$. Данный показатель

наиболее проблематичен в части его измерения, т.к. в разных средах ER (engagement rate, т.е. общее количество взаимодействий) определяется различными критериями. Например, в статистике *Instagram* взаимодействием считается переход на внешнюю ссылку или иное «коммерческое» действие, в то время как *ВКонтакте* или *Facebook* учитываются любые формы взаимодействия с контентом: лайки, комментарии, репосты. СМИ не занимаются прямыми

продажами, поэтому при измерении ER «Фомы» использовалась методика, сходная с методикой *ВКонтакте* и *Facebook*.

Показатель ERR для *Telegram* взят по данным внешнего источника статистики TGstat [9]. Методика его измерения непрозрачна.

Примерный анализ эффективности страниц в социальных сетях и мессенджере телеграмм «Фомы» представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Анализ эффективности страниц журнала «ФОМА» в социальных сетях

Соцсеть	Подписчиков	Daily Rich	Daily Rich%	ERR%
Facebook	17 205	4500	26,2	19,2
Vkontakte	112 820	37590	33,3	5,25
Instagram	55 500	25000	45,04	65,6
OK	39 036	10332	26,5	2,06
Telegram	4 176	14600	349,6	63,1

Представленные данные анализа *Daily Rich* и *ERR* позволяют предположить, что наиболее перспективными социальными сетями на период 2019 г. являлись *Instagram* (*Daily Rich* — 45, 04%, *ERR* — 65,6% от общего числа подписчиков) и *Telegram* (*Daily Rich* — 349,6%, *ERR* — 63,1% от общего числа подписчиков). Отметим, что с точки зрения количества подписчиков эффективной социальной сетью могла бы быть ошибочно выбрана *ВКонтакте* (общее число подписчиков — 112 820, однако *Daily Rich* — 33,3%, *ERR* — всего 5,25% от общего числа подписчиков). Тем не менее, *ВКонтакте* остается значимой площадкой, хотя очевидно пребывает в стадии спада: рост паблика «Фомы» здесь практически прекратился, вовлеченность снизилась. Значимость *ВКонтакте* очевидна из непосредственного опыта работы в данной социальной сети: аудитория уже накоплена и ее удержание остается возможным, несмотря на очевидный рост пассивности пользователей.

В то же время *Instagram* и *Telegram* остаются перспективными площадками, но требуют дальнейшего наращивания аудитории (в особенности это касается *Telegram*, который открыт в «ФОМЕ» позже остальных соцсетей — в начале 2019 г.).

На стадии стратегического планирования соцсети, в которых есть страницы «Фомы», были разделены на две категории:

1) перспективные, в которых редакция видит потенциал роста аудитории и ее вовлеченности (*ВКонтакте*, *Instagram*, *Telegram*);

2) площадки с низким аудиторным потенциалом (*Одноклассники*, *Твиттер* и *Facebook*).

В первой группе «Фома» занимается не только размещением редакционного контента, но и про-

движением: создает видео- и графический контент с «вирусным» потенциалом, проводит совместные прямые эфиры и обмен ссылками с популярными аккаунтами.

2. Планирование работы в социальных сетях

На основе полученных данных «Фома» формирует стратегии работы с контентом соцсетей. За работу в соцсетях отвечает отдельный редактор, с которым плотно сотрудничает вся редакция. Для каждой соцсети создается уникальный редакционный план, лишь отчасти пересекающийся с планом журнала и веб-сайта. Как правило, это план периодичности использования различных тематик и форматов, а не конкретных материалов. Примерный план выглядит следующим образом:

Среда

10:15 Вопрос священнику

11:15 Лонгрид

12:15 Цитата

17:15 «Минутная история» (видео из одноименного спецпроекта)

20:45 Промо подписки на e-mail рассылку

22:15 Календарь наступающего дня.

Какой именно материал публиковать, определяет редактор сети в соответствии с общим планом, информационной конъюнктурой и публикациями на других ресурсах проекта (например, если в этот день на сайте или в другой социальной сети был выпущен материал, вызвавший широкий отклик). Общий план намечается и пересматривается руководством редакции в рамках еженедельных и ежемесячных планерок. Такая политика позволяет регламентировать работу социальных сетей, но в то же время не бюрократизировать ее сверх меры и существенно ускорить принятие решений

в SMM-подразделении, что особенно важно в социальных медиа, где скорость реакции существенно выше, чем в традиционных. Кроме того, в рамках этой схемы работы удается подобрать контент и форматы, наиболее релевантные для конкретной социальной сети: новые тематики и форматы апробируются на аудитории и оперативно корректируются в зависимости от ее реакции.

3. Отбор и производство контента

Часть контента создается редакцией «Фомы» специально для соцсетей. Некоторые материалы (например, короткие видео и инфографики) не могут использоваться в бумажной версии, другие не размещаются даже на сайте, т.к. их формат адекватно соответствует лишь лентам социальных сетей и недостаточно хорошо воспринимается посетителями сайта (например, короткие цитаты популярны в соцсетях, но неудобны для чтения как отдельные публикации в интернет-издании). Есть также контент, который изначально разрабатывался именно под нужды социальных сетей. Например, рубрика «Слайды», в рамках которой ответы на короткие вопросы даются в виде картинок, удобных для чтения в лентах *ВКонтакте* и *Instagram*.

Регулярно в социальной сети целиком выкладываются тексты длинных статей (пункт «Лонгрид» в дневном плане публикаций). Подписчики могут прочитать текст полностью, не переходя на сайт. Это соответствует политике издания — достичь максимального читательского охвата, не обращая внимания на то, сколько человек придет на основной сайт. Чаще всего в социальных сетях полностью публикуются материалы, которые выходили на сайте какое-то время назад и уже собрали там максимум возможных читателей. Новые статьи таким образом не публикуются, что обусловлено технологическими требованиями к поисковому продвижению веб-ресурса.

В качестве примеров материалов, которые выходят только в одной отдельно взятой социальной сети можно назвать следующие.

Опрос читателей и прочие интерактивные материалы. Такие публикации зависят от технологических особенностей платформы и не могут повторять друг друга.

Публикации православного календаря и отрывков из Евангелия, которые выходят исключительно *ВКонтакте*. Этот материал, во-первых, использует звуковые файлы и потому удобен для использования в *ВКонтакте*, но проблематичен для *Instagram*, а в *Телеграмм* для него просто создан отдельный поток. А во-вторых, это пример более глубокого

церковного контента, который очевидно интересует пользователей *ВКонтакте*, но менее популярен у аудитории в других социальных сетях, что еще раз доказывает разницу между подписчиками на разных платформах.

4. Работа с аудиторией

Важная часть работы SMM «Фомы» — обратная связь. Издание ведет достаточно либеральную политику в комментариях: они проходят постмодерацию, удаляются лишь оскорбительные и содержащие недостоверную информацию. Издание использует обратную связь с читателями для проведения дополнительного исследования аудитории, а также для получения *UGC (user generated content)*. Например, среди подписчиков регулярно проводятся фотофестивали, материалы которых затем используются для иллюстрирования не только пабликов, но также материалов сайта и даже печатной версии журнала. К таковым относятся сезонные фотофестивали или ежегодные фотофестивали к большим православным праздникам — Рождеству и Пасхе.

5. Сотрудничество с другими медиа

Периодически «Фома» использует контент других медиа в рамках программы взаимного продвижения и обмена аудиторией. В первую очередь это партнерский проект *Радио ВЕРА*, аудиоконтент которого — программы «Евангелие» и «Православный календарь» — «Фома» регулярно републикует. В *Instagram* активно применяется практика совместных эфиров журналистов «Фомы» и представителей популярных страниц с большой аудиторией (пример, эфиры с известными инстаграм-блогерами — певицей и актрисой Викторией Макарской, священником Павлом Островским, журналисткой и телеведущей Еленой Жосул и т.д.). Отдельно следует сказать о *Телеграмм*, где практика репостов материалов из других каналов распространена значительно шире, чем на иных сервисах. Здесь «Фома» активно цитирует публикации известных православных публицистов, каналы официальных церковных организаций, а также интересные публикации по теме издания из широкого круга каналов.

Однако список подобных партнеров расширяется достаточно медленно в первую очередь по причине высокого уровня требований к материалам, которые «Фома» создает или републикует. Системный обмен материалами и аудиторией ведется лишь с проектами, близкими «Фоме» в тематическом и идейном плане, которые были названы выше.

В Таблице 2 представлены как перечисленные стратегии реализуются в конкретной социальной сети.

Таблица 2.

Реализация стратегий «ФОМЫ» в социальных сетях

Соцсеть	Анализ эффективности	Планирование работы	Отбор и производство контента	Работа с аудиторией	Сотрудничество с другими медиа
Instagram	инструменты: Daily Rich и ERR. статус: перспективная	<ul style="list-style-type: none"> 6–7 постов в день определено время выхода контента (исходя из посещаемости в разное время дня) возможность быстрой корректировки 	<ul style="list-style-type: none"> публикация анонсов материалов основного сайта публикация фрагментов контента со ссылкой на основной сайт разработанного специально для соцсети (проект «Библейские места сегодня» (ежедневные видео) четкая рубрикация страницы специальные рубрики («Мысли на завтрак» (картинка с цитатой) — проект под Instagram, на основном сайте нет) 	<ul style="list-style-type: none"> цель: взаимодействие с аудиторией премодерация плотная работа с аудиторией (дискуссии, обсуждения с привлечением авторов) опросы (читатели выбирают персоналии для рубрики «Мысли на завтрак») игры с аудиторией (например, раскрасить картинку в посте, выложить в stories и отметить «Фому») 	<ul style="list-style-type: none"> обмен аудиторией с дружественными аккаунтами (совместные эфиры, взаимное продвижение аккаунтов)
Telegram	инструменты: Daily Rich и ERR. статус: перспективная	<ul style="list-style-type: none"> 4–5 постов, время выхода контента (исходя из посещаемости) возможность быстрой корректировки 	<ul style="list-style-type: none"> анонсы всех новых материалов основного сайта (подводка пишется специально для Tg) реакция на текущую повестку 		<ul style="list-style-type: none"> репосты контента дружественных каналов взаимные рекомендации
Vkontakte	инструменты: Daily Rich и ERR. статус: перспективная	<ul style="list-style-type: none"> 9–10 постов в день время выхода четкий график публикаций для будних дней и график для выходных дней, существенна регулярность (материалы идут «цепочкой» (с разницей в час) возможность быстрой корректировки 	<ul style="list-style-type: none"> публикация анонсов материалов основного сайта фрагменты материалов основного сайта со ссылкой на сайт публикация иной актуальной и интересной информации републикация контента, дружественных СМИ (Радио «Вера») републикация архивных материалов, «Фомы» подборки отдельных тематических картин/текстов/аудиозаписей Promo проектов «Фома» 	<ul style="list-style-type: none"> цель: максимальный регулярный охват аудитории премодерация комментариев ответы на комментарии минимальны регулярные конкурсы (3–4 фотоконкурса в год с призами, лучшие фото идут в журнал) опросы (например, по обложке нового номера) 	<ul style="list-style-type: none"> заимствование контента близких медиа (аудиоформат у Радио «Вера», фото из других сообществ со ссылкой)
Facebook	инструменты: Daily Rich и ERR статус: низкий потенциал	<ul style="list-style-type: none"> 6 постов в день время выхода четко определено возможность быстрой корректировки 	<ul style="list-style-type: none"> публикация анонсов материалов основного сайта фрагменты материалов основного сайта со ссылкой на сайт публикация иной актуальной и интересной информации (внимание новостным материалам) републикация контента, дружественных СМИ (Радио «Вера») републикация архивных материалов, «Фомы» подборки отдельных тематических картин/текстов/аудиозаписей Promo проектов «Фома» 	<ul style="list-style-type: none"> цель: присутствие премодерация комментариев ответы на комментарии минимальны 	<ul style="list-style-type: none"> заимствование контента близких медиа (аудиоформат у Радио «Вера», фото из других сообществ со ссылкой)

OK	инструменты: Daily Rich и ERR статус: низкий потенциал	· 7 раз в день · время выхода четко определено · возможность быстрой корректировки плана	· публикация анонсов материалов основного сайта · републикация контента, дружественных СМИ (Радио «Вера») · републикация архивных материалов, «Фомы», · Promo проектов «Фома»	цель присутствия: удержание аудитории · премодерация комментариев · ответы на комментарии минимальны,	· заимствование контента Радио «Вера»
----	--	--	--	--	---------------------------------------

Итак, ключевым моментом в выстраивании стратегий работы журнала «Фома» в разных социальных сетях является использование инструментов медиааналитики, с помощью которых оценивается реальная вовлеченность аудитории в материалы, которые размещаются в пабликах. Основываясь на показателях *Daily Rich* и *ERR*, редакция определяет, в каких социальных сетях есть потенциал для вовлечения аудитории, а стало быть, требуется повышенное внимание к контенту, а какие соцсети в этом плане не являются перспективными, а значит, не требуют такого же внимания со стороны редакции. Планирование, основанное на данных медиааналитики, позволяет сфокусировать силы небольшой редакции там, где работа действительно может быть эффективной, что, в свою очередь, позволяет добиться более качественных результатов. Кроме того, при планировании работы учитывается тип аудитории и ее интересы. Хорошее знание своей аудитории, ее интересов и типичных реакций в каждой социальной сети позволяет сотрудникам «Фомы» выстраивать работу таким образом, чтобы размещенный в социальной сети контент удовлетворял запросам аудитории.

Исходя из названных выше показателей формируется уникальный план публикаций для социальных сетей. Помимо републикации контента с основного сайта «Фома» размещает также материалы и посты, созданные только под конкретную социальную сеть. В свою очередь, работа в соцсетях влияет на контент основного сайта: некоторые материалы создаются таким образом, чтобы их формат подходил под соцсети. «Фома» использует различные инструменты интерактивного взаимодействия с аудиторией, в том числе использует *user generated content* в качестве материалов основного сайта и даже печатной версии журнала. Такая стратегия позволяет «Фоме» собирать свою

аудиторию в соцсетях и обеспечивать ее высокую вовлеченность в проект. Редакция оценивает выбранный путь работы как эффективный и потенциально приемлемый для работы на любых площадках.

ЛИТЕРАТУРА

1. O'Reilly T. What Is Web 2.0 / O'Reilly, 9 марта 2005. — URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения 25.03.2019).
2. Мирошниченко А. Во что вовлекают человека новые медиа? / А. Мирошниченко // Republic, 29 апреля 2014. — URL: <https://republic.ru/posts/l/1092196> (дата обращения 25.03.2019).
3. Петрова Е. Интернет-СМИ и социальные сети: этапы конвергенции / Е. Петрова // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 2. — С. 128–133.
4. Яндекс.Радар — URL: <https://radar.yandex.ru/top-list?thematic=religion> (дата обращения 02.04.2020).
5. Лосева Н. Конвергенция: перестройка бизнес-моделей, редакционного пространства и мозгов / Н. Лосева // Журналистика и конвергенция. Почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. — Москва, 2001. — С. 69–79.
6. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях / Д. Халилов. — Москва, 2013.
7. Как читают медиа в России 2019. Часть 1. — URL: <https://medium.com/медиапроекты-mail-ru/как-читают-медиа-в-россии-2019-часть-1-b0cfb6ded0d0> (дата обращения 01.12.2019).
8. Бейенсон В. А. Продвижение медиа в социальных сетях / В. А. Бейенсон // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. — 2016. — № 5. — С. 236–243.
9. TGstat.ru — URL: https://tgstat.ru/channel/@foma_ru свободный (дата обращения 01.12.2019).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О. А. Богданова, кандидат филологических наук, редактор I категории кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики

E-mail: otheodorova@gmail.com

А. С. Соколов, заместитель директора Фонда «Фома Центр», руководитель диджитал подразделения FOMA.RU и Радио ВЕРА

E-mail: sokolov@foma.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Bogdanova O. A., Candidate of Philology, redactor of the 1th category of the department of foreign journalism and literature
E-mail: otheodorova@gmail.com

Sokolov A. S., Deputy Director of Found "Foma Center", head of Digital Division of FOMA.RU and Radio Vera

E-mail: sokolov@foma.ru

МЕДИАСРЕДА ВУЗОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

О. Е. Видная, А. В. Прохоров

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 31 марта 2020 г.

Аннотация: в статье дается попытка комплексного представления об информационной составляющей вуза, проанализированы элементы медиасреды, выявлены функциональные и типологические аспекты.

Ключевые слова: медиасреда, вузы Тамбовской области, аудитория, университетские медиа, корпоративная газета, телестудия.

Abstract: the given article is an attempt to understand the informational component of a university, it analyzes the elements of its media environment, reveals the functional and typological aspects.

Keywords: media environment, universities of the Tambov region, audience, university media, corporate newspaper, TV-studio.

Современные университеты функционируют в конкурентных условиях, и в качестве дополнительных аргументов в конкурентной борьбе рассматривается бренд университета и корпоративная культура как интегратор ценностей университета [1]. В обеспечении коммуникации «бренд — аудитория» особая роль отводится вузовским медиа, выступающим центральными элементами медиасреды. Следует отметить тот факт, что аудитория вузовских СМИ стала более широкой, что обусловлено расширением спектра задач, решаемых вузами.

Под медиасредой конкретного общества следует понимать социальное функционирование коммуникационных технологий [2, 58]. Сама категория «медиасреда» предполагает не только собственно медиа, но и различные объекты и субъекты медиакommunikации.

Медиасреда, по мнению Н. Б. Кирилловой, должна пониматься как «сфера, которая через посредничество средств массовой коммуникации связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей», то есть влияет на социализацию личности» [3, 11].

Принято считать, что медиасреду вуза формируют, прежде всего, вузовские средства массовой информации, которые по способам и каналам распространения делятся на печатные и электронные. К печатным традиционно относят корпоративную газету, журнал, бюллетень, каталог и др. К электронным СМИ следует относить радиопрограммы, уни-

верситетское телевидение, сетевые ресурсы, ведущая роль среди которых отводится официальному сайту вуза и страницам в социальных сетях. С развитием социальных сервисов более сложную структуру приобрела и медиасреда вуза. На наш взгляд, медиасреда может быть представлена следующими элементами:

- **медиа** (университетская пресса, радио, телевидение);
- **интернет-ресурсы** (официальный сайт университета, специализированные и тематические порталы);
- **социальные медиа** (аккаунты в социальных сетях, мессенджерах);
- **диалоговые интерфейсы** (голосовые помощники, чат-боты);
- **виртуальные туры по вузу** (3-D туры);
- **структура**, обеспечивающие функционирование медиасреды (структуры, выполняющие роль пресс-службы вуза). В Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина такой структурой выступает управление медиакommunikаций;
- **лица**, отвечающие за внешние и внутренние медиакommunikации вуза (например, специалист по связям с общественностью).

В рамках настоящей статьи мы обратились к анализу специфики функционирования отдельных элементов медиасреды вузов Тамбовской области.

В Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина накоплена достаточно богатая история вузовских СМИ. В Тамбовском государственном педагогическом институте первая газета «Педагогические кадры» начала издаваться в 1920–30-е гг. Многотиражная газета «Народный учитель» (выходила с 1957 г.) приобрела популяр-

ность не только как средство для распространения внутренней информации вуза, но и как издание для интеллектуальной, культурной, поэтической элиты областного центра. В дальнейшем она выходила под названием «Университетские вести» и постепенно перешла в нишу типичной корпоративной прессы вуза. С 2002 г. и по настоящее время в вузе издается «Державинский вестник», материалы которого в большей степени ориентированы на выполнение имиджевой и рекламной функций и рассчитаны на аудиторию абитуриентов и их родителей. С 2002 г. в течение нескольких лет издавалась газета «Планета Железяка», учредителем которой выступал ТГУ имени Г. Р. Державина совместно с ООО «Инфотех». Материалы газеты представляли собой обзоры компьютерного мира и мобильных средств связи из сети Интернет, а также рекламные модули компании «Инфотех». Газета занимала нишу специализированного издания, опосредованно работая на авторитет университета в конкретной аудиторной группе.

На базе научно-образовательной лаборатории университетского телевидения функционирует телестудия «ТГУ-TV», которая, с одной стороны, ставит задачу подготовки студентов-журналистов, с другой — выпуск телевизионного продукта. Информационно-познавательная программа «Державинский вестник» в течение нескольких лет выходила на областном телеканале «Новый век», транслировалась по внутреннему телевидению в учебных корпусах, выпуски размещались на канале платформы Youtube.

Относительно новым элементом медиасреды ТГУ имени Г. Р. Державина выступает 3-D тур по университету «3-D университет». При помощи очков виртуальной реальности аудитория может познакомиться с объектами университета. Данная возможность используется для привлечения молодежной аудитории и востребована во время профориентационных кампаний.

В Тамбовском государственном техническом университете (ТГТУ) центральными элементами вузовской медиасреды выступают газета «Альма Матер» и телестудия «Альма Матер», которая готовит к эфиру одноименную программу, составленную из новостей вуза.

Предшественницей нынешней газеты стала многотиражная «За инженерные кадры» (с 1967 г.). Газета «Альма Матер» издается в ТГТУ с 1997 г. и выполняет основные функции внутрикорпоративного издания.

Деятельность телестудии «Альма Матер» (создана в 1994 г.) включает подготовку еженедельного выпуска новостей; изготовление сюжетов, видеороликов и других видеоматериалов о ТГТУ; ведение видеоархива всех вышедших в эфир телевизионных программ, сюжетов и видеофильмов о ТГТУ, а также создание видеофильмов широкого спектра, в том числе просветительского и духовно-нравственного контента.

Мичуринский государственный аграрный университет с 1999 г. издает газету «Вести Мичуринского государственного аграрного университета», четырехполосное издание, которое выходит один раз в месяц. В Положении об издании указаны следующие основные цели газеты:

- создание единого информационного пространства Университета;
- пропаганда и содействие реализации миссии и целей Университета;
- формирование корпоративной культуры университета;
- обеспечение информационно-коммуникативной политики, направленной на положительный имидж Университета и продвижение образовательных услуг;
- формирование активной гражданской позиции обучающихся;
- привлечение студентов к деятельности Редакции.

В Тамбовском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ издавалась студенческая газета «Гаудеамус». После некоторой паузы с 2016 г. в ТФ РАНХиГС функционирует Интернет-газета студенческого самоуправления «Вотум», которая позиционируется как газета «студенческой воли». Газета выходит раз в месяц, кроме студенческих каникул. Она рассчитана как на внутренних потребителей (преподавателей и студентов), так и на широкий круг молодежной аудитории, интересующейся студенческой жизнью, о чем свидетельствуют такие рубрики: «Рецензия», «Культура и общество» и др. Подготовкой выпусков занимаются студенты филиала под руководством специалиста по связям с общественностью.

С 2012 г. по 2018 г. в Тамбовской области тиражом 999 экз. выходила газета «Регион. Молодежь», которая последние 3 года позиционировала себя как «издание объединенных молодежных СМИ Тамбовской области». Учредителями издания значились 3 вуза Тамбовской области: ТГУ имени Г. Р. Державина, Мичуринский ГАУ и Тамбовский филиал РАНХиГС. Инициаторами и главной движущей силой издания выступали студенты названных вузов, среди которых значительная нагрузка ложилась на студентов направления подготовки «Журналистика» ТГУ имени Г. Р. Державина. Кураторами проекта выступали представители вузов, а также Управление по связям с общественностью администрации Тамбовской области. Газета «Регион. Молодежь» была направлена на достаточно широкую аудиторию: студентов, учащуюся молодежь, выпускников и абитуриентов. Редакция строилась на принципах коллегиальности и взаимозаменяемости: каждый участник проекта мог попробовать себя в различных журналистских специализациях. Кроме бумажного варианта, начинающие журналисты активно использовали соци-

альные сети: газета имела свое интернет-представительство в социальной сети «ВКонтакте», проводила молодежные акции и флешмобы.

В материалах издания освещались мероприятия, происходящие в вузах-учредителях, а также городские и областные события, представляющие интерес для студенческой аудитории. Надо признать, что благодаря данному проекту на протяжении нескольких лет в области существовало современное студенческое СМИ. За это время совместный проект добился грантовой поддержки на федеральном форуме «Территория смыслов», неоднократно становился лауреатом журналистских конкурсов и фестивалей. Однако отсутствие соответствующей финансовой поддержки стало причиной прекращения работы молодежной редакции в 2018 г. Но газета «Регион. Молодежь» оказалась стартовой площадкой для своих авторов. Многие из них сейчас работают в журналистике, на телевидении, в сферах рекламы и ПР.

Надо отметить, что в каждом вузе области существует целая инфраструктура, ответственностью которой является развитие сферы медиа в самом широком смысле: отделы по связям с общественностью в том или ином виде, телестудии со своим штатом, полноценные или усеченные редакции, дизайнеры и рекламисты. Часто данные структуры представляют гибридные варианты между редакцией и ПР-службой. Это связано с тем, что медиа вуза с одной стороны являются частью сферы публичных рилейшнз, с другой — имеют непосредственное отношение к журналистике, ориентируясь на молодежную медийную тематику. Особенно это верно для тех вузов, где есть гуманитарная составляющая или направления подготовки «Журналистика» (ТГУ), «Реклама и связи с общественностью» (ТГУ, ТГТУ). Однако простота создания контента в нынешних условиях способствует раскрытию творческого потенциала в университетских медиа современного студента разных

направлений (МичГАУ, ТФ РАНХиГС) [4, 312].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

— каждый вуз активно выстраивает собственную медиасреду, инвариантность и разноплановость которой обеспечивает максимальный эффект взаимодействия с аудиторией;

— элементы медиасреды направлены на создание, трансляцию и поддержание медиабренда университета, формирование образа открытой и инновационной площадки в регионе, тем самым продолжая ценностные традиции прошлых лет;

— развитая медиасреда вуза зачастую становится конкурентным преимуществом, поэтому совместные проекты, как правило, не имеют потенциала;

— отдельные примеры (газеты «Народный учитель», «Регион. Молодежь», телестудии «Альма Матер», «ТГУ-ТВ») свидетельствуют о том, что в определенные периоды вузовские медиа становятся частью системы средств массовой информации региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров А. В. Современный университет в условиях глобальной конкуренции / А. В. Прохоров // Вестник Тамбовского университета. Общественные науки. — 2015. — № 3 (3). — С. 45–49; его же. Миссия как интегратор ценностей университета / А. В. Прохоров] / Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. — 2015. — Т. 1. — № 1. — С. 67–76.
2. Коломиец В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе / АВ.П. Коломиец // Социологические исследования. — 2010. — № 1.
3. Кириллова Н. Б. Медиасреда российской модернизации / Н. Б. Кириллова. — Москва, 2005. — С. 11.
4. Зверева Е. А. Эффективность работы многоуровневой системы медиаобразования: опыт вуза / Е. А. Зверева, О. Е. Видная // MEDIAОбразование: векторы интеграции в цифровое пространство. — Челябинск, 2019.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Видная О. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики
E-mail: olga0871@mail.ru

Прохоров А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры «Менеджмент, маркетинг и реклама»

E-mail: proh_and@rambler.ru

Derzhavin Tambov State University
Vidnaya O. E., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian and foreign literature, journalism Department
E-mail: olga0871@mail.ru

Derzhavin Tambov State University
Prokhorov A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Management, Marketing and Advertising Department
E-mail: proh_and@rambler.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. В. ГОГОЛЯ («АРАБЕСКИ»)

М. А. Городничева

Московский международный университет

Поступила в редакцию 26 марта 2020 г.

Аннотация: статья посвящена анализу жанровых особенностей публицистических произведений, вошедших в цикл «Арабески» Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: жанр, публицистика, цикл, Гоголь, романтизм, литературный процесс.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the genre features of journalistic works included in the cycle «Arabesques» N. V. Gogol.

Keywords: genre, journalism, cycle, Gogol, romanticism, literary process.

Н. В. Гоголь входит в ряд наиболее интенсивно изучаемых классиков XIX века. В последние годы возрастает интерес исследователей и к публицистическому наследию писателя, которое ранее находилось в тени художественных произведений.

Универсализм, одна из важнейших характеристик мировоззрения Н. В. Гоголя, определяющая особенности его творчества, в том числе жанровые, обусловлен как своеобразием натуры Гоголя (любопытность, энциклопедизм, стремление «объять необъятное»), так и влиянием немецкой идеалистической философии и эстетики романтизма с их идеями синтеза жанров, стилей и видов искусства, а также сопряжения искусства с другими сферами познания [1, 480]. Широта и глубина интересов писателя поражают, и не без оснований в статье «Ал-Мамун» возникает образ государя-универсала, на которого проецируются гоголевские представления об идеальном правителе и человеке [2]. Из-за склонности к универсализму Н. В. Гоголю трудно удержаться в рамках определенного жанра и даже вида словесности. Многие его публикации рождаются на стыке науки, публицистики и литературы, проблемы современности переплетаются с «вечными» проблемами. Статьи Гоголя отличаются публицистической страстностью, тенденциозностью, эссеистичностью. Публикациям Н. В. Гоголя свойственны также многотемность, обобщенность, свободное движение мысли от одного предмета к другому: например, в сочинении «Несколько слов о Пушкине» автор рассуждает не столько о творчестве поэта, сколько о русской литературе в целом, о литераторе вообще. Подобные переходы, погружение в широкий контекст, масштабность мышления дают некоторым исследователям основания упрекнуть исторические и литературоведческие изыскания Гоголя в поверхностности [3, 292].

Н. В. Гоголь уже на раннем этапе своего творчества обнаруживает стремление к систематизации: после первых журнальных опытов («Борис Годунов. Поэма Пушкина», «Женщина», «О поэзии Козлова»), опубликовав несколько статей в «Литературной газете» и «Журнале Министерства народного просвещения», создает цикл «Арабески». (Цикл как жанровое образование — одна из важнейших художественных форм в творчестве Н. В. Гоголя. Исследователь М. Е. Музалевский отмечает общую склонность писателей 1830-х гг. к циклическому повествованию: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. Ф. Павлов [4, 2]. Добавим, что цикличность характерна и для творчества немецких романтиков 1-й половины XIX века — Э. Т. А. Гофман «Серапионовы братья», В. Гауф «Альма-нахи сказок» и др.).

«Арабески», включившие 13 публицистических произведений, повести «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет» и несколько художественных фрагментов, были изданы в 1835 году и после этого не переиздавались как единое целое свыше 150 лет, до 1990 г. М. Е. Музалевский ставит в своей диссертационной работе вопрос: «Арабески» — это цикл или сборник, и разрешает вопрос в пользу цикла [4]. В исследованиях советского периода «Арабески» зачастую обозначались как сборник, составляющие цикл произведения, рассматривались вне общего контекста, единства. В последние десятилетия появляется ряд научных работ, посвященных циклизации в творчестве Н. В. Гоголя, в том числе в «Арабесках», например, диссертация В. С. Киселёва [5], статьи А. Чаловой [6], А. В. Козловой [7], У. С. Алексеевой [8] и др.

Необходимо отметить новаторство Н. В. Гоголя в определении «метажанра» — арабески. В его выборе видится стремление писателя заранее снять возможные вопросы о несоответствии произведения жанровому эталону, сообщить произведению оттенок уникальности, разрушить читательский стереотип восприятия. Феномен «арабесок» (итал. arabesco —

«арабский») произрастает из эстетики европейского Ренессанса и романтизма [9]. Живописная традиция арабесок как узора, сложного средневекового восточного орнамента в эпоху немецкого романтизма распространяется и на другие виды искусства: например, философ-искусствовед Ф. Шеллинг назвал арабеской индийский архитектурный стиль, основанный на использовании растительных мотивов [3]. Основные черты арабескового стиля — наличие множества мелких элементов, разнородность, несхожесть, внешняя сумбурность, хаотичность, кажущаяся немотивированность их сочетания — прослеживаются и в композиции «Арабесок» Н. В. Гоголя: в их структуру входят разнообразные по тематике и форме произведения; наблюдается характерный для романтизма синтез искусств, науки, философии, объединяются ипостаси художника и мыслителя. Безусловно, можно предположить влияние на жанр «Арабесок» традиций литературного альманаха. Ведущий историю от литературных альманахов Н. М. Карамзина (конец XVIII века), сложившийся в 1830-е гг. тип альманаха — это периодическое или единовременное издание универсального содержания, включающее произведения как литературного, так и научного характера, которые могли быть подготовлены одним или несколькими авторами. К характерным чертам альманаха, наряду со смешением всевозможных жанров, относится публикация фрагментов. Все родовые черты альманаха могут быть выявлены в «Арабесках».

Публицистические и художественные произведения в «Арабесках» тесно связаны друг с другом: заявленная в статьях тема зачастую получает дальнейшее развитие и художественное воплощение в повестях. Содержание повестей обогащается за счет вовлечения в широкий философский, эстетический, нравственный контекст, обозначенный в статьях [4, 6]. Интересно провести анализ публицистических произведений, включенных в «Арабески», проследить взаимодействие жанров и выявить своеобразие ранней публицистики Н. В. Гоголя.

Опираясь на терминологию Г. В. Лазутиной и С. С. Распоповой, авторов учебного пособия «Жанры журналистского творчества», ряд публикаций «Арабесок» можно отнести к жанру статьи: таким ее разновидностям, как научно-популярная, искусствоведческая, литературно-критическая [10]. Однако сочинение «Скульптура, живопись и музыка» выходит за рамки искусствоведческой статьи, приближаясь к общеисследовательской: мышление «глобальными» категориями («наш XIX век», «что будет тогда с нашим миром» и др.); автор опирается в ходе изложения своей концепции не на конкретные примеры, а обобщенные суждения, закономерности; рассуждает о роли разных видов искусства в судьбе человечества, соотнося развитие искусства и общества в целом [2, 15]. Ю. В. Манн указывает на близость

данной публикации к таким жанровым образованиям, как философская аллегория или «эмблема» [4, 479]. В этом произведении «художественное» занимает значительное место и выражается прежде всего в обилии средств художественной изобразительности и выразительности: метафоры, олицетворения, эпитеты, сравнения. Скульптура, живопись и музыка — «три чудные сестры»; «мир, несущийся в стройной пляске...», «белая, млечная, дышащая в прозрачном мраморе красотой, негой и сладострастием скульптура»; «живопись «возвышенная, прекрасная, как осень в богатом своём убранстве мелькающая сквозь переплёт окна...» и др. [2, 12]. Каждый вид искусства олицетворяет определённую эпоху в жизни человечества — Гоголь даёт её лаконичную и в то же время многоцветную картину. Характерна символизация (троичность, мифологические образы). Восторженный, пылкий тон этого произведения не вписывается в каноны статьи как проблемно-аналитического жанра.

Примером научно-популярной статьи является «Взгляд на составление Малороссии». Всего на десяти страницах писатель прослеживает основные вехи истории украинского народа, определяя особые черты и факторы формирования «народного характера», даёт подробный портрет одного из исторических деятелей (литовский завоеватель Гедимин), этнографические и географические сведения, которые автор преподносит в органичной связи с политикой, историей. Статья задумывалась как введение к «Истории Малороссии», которая так и не была написана (по крайней мере, на сегодняшний день не найдено подтверждений обратного), опубликована как отдельное произведение в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1834 г. и позже — в «Арабесках». Статус «введения» указывает на высокий уровень обобщения и в то же время на некоторую незавершенность, ведь подробное исследование планировалось проводить в основной части книги.

Жанровую принадлежность другого публицистического произведения — «Ал-Мамун» — с подзаголовком «историческая характеристика», трудно определить однозначно. С одной стороны, публикация имеет черты научно-популярной статьи, на что указывает и подзаголовок, кстати, её текст был прочитан Н. В. Гоголем как лекция по истории в Петербургском университете в присутствии А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. В «Ал-Мамуне» изложена судьба одного из восточных государств, даны в сравнении два исторических портрета — правителей Гаруна и его преемника Ал-Мамуна. Исследователи утверждают, что статья с исторической точки зрения вполне достоверна [1, 484].

С другой стороны, данное произведение сближается с художественным жанром утопии, на что обратил внимание И. П. Золотусский [11, 13]: Н. В. Гоголь не просто в хронологической последовательности

бесстрастно излагает факты и события — он искусно вплетает их в свою концепцию идеального государства, теорию искусства. Интересно сравнить данное произведение с сочинением Платона «Государство», в одной из глав которого помещена подобного рода утопия [12].

По замечаниям некоторых исследователей, например, Г. Н. Поспелова, статьи Н. В. Гоголя по истории, географии, этнографии («О средних веках», «О преподавании всеобщей истории и др.») нельзя называть научными в полном смысле этого слова, т.к. в них значительную роль играет стихия художественной литературы, автору свойственна «крайне романтическая» точка зрения на исторические факты, идеализация прошлого, в особенности западного средневековья: «Гоголь воспринимает историю не как исследователь, а как художник, поэт. Он больше увлекается значительностью исторических лиц, размахом исторических событий, красочностью образов прошлого, чем хочет и умеет их изучить и понять» [13, 56].

Гоголя упрекают в недостатке исторических знаний, бессистемности подготовки, и сам автор признавался, что его история «чрезвычайно бешена», «слог в ней уж слишком горит, не исторически жгуч и жив», «но что за история, если она скучна» [14, 275]. Именно поэтому Н. В. Гоголь не смог удержаться на профессорской кафедре, осуществить свои грандиозные замыслы — всеобщую историю и географию под названием «Земля и люди», «Историю Малороссии»: «терпения и эрудиции Гоголю хватало лишь на первые лекции, на вступления и предисловия, которых ему было довольно, чтобы жить уже по закону принятой к эскизу гипотезы» [13, 56].

Статья «Об архитектуре нынешнего времени» посвящена истории и современному состоянию архитектуры. В основе публикации эстетическая проблема: упадок современной российской архитектуры. Автор задается вопросом, почему это произошло, описывает и оценивает современное состояние архитектуры и предлагает свою эстетическую «программу». Нужно отдать Н. В. Гоголю должное: живо, увлекательно изложить на двадцати страницах особенности архитектуры всех времен и народов, в том числе будущего (с точки зрения писателя) — масштабная задача, с которой блестяще справляется автор. Публикация соединяет черты искусствоведческой, проблемной и рекомендательной статьи. В сочинении представлены развернутые авторские предписания, обращенные к «архитектору-творцу», с аргументацией, установлением причинно-следственных связей, оценочных и прогностических суждений. По мнению А. А. Тертычного, «серьезную программу могут составить только специалисты в соответствующей сфере деятельности; дело журналиста в таком случае изучить программу и только рассказать о ней аудитории» [15, 162].

Н. В. Гоголь врывается со своими рекомендациями в сферу, в которой отнюдь не является специалистом, и нередко тон его звучит строго, непреклонно [3, 261]. Публицист предъявляет лишь самые общие эстетические требования к архитектуре городов, не учитывая технические средства осуществления проектов со «смелыми арками», башнями, чугунными подпорками, геодезические данные, назначение зданий, финансовые затраты на эти «архитектурные гиперболы» и многое другое. По мнению Гоголя, архитектор должен быть «всеобъемлющ», изучить всё «в идее», «нужно быть ему гением и поэтом» (постоянная мечта о сверхчеловеке, универсале) [2, 49]. В архитектурных мечтах Гоголя есть нечто завораживающее, смелое, оригинальное, например, описание улицы, которая должна была представлять «архитектурную летопись». В архитектуре взаимосвязаны функциональное, техническое, эстетическое начала (польза, прочность, красота), Гоголь коснулся лишь одной стороны этого явления — эстетической [16].

Интересна в жанровом отношении публикация «Несколько слов о Пушкине» — литературоведческая статья с ярко выраженным полемическим началом: спор о Пушкине (и с Пушкиным) и вообще о поэзии. При этом Гоголь не называет конкретных оппонентов, а приводит «безличные» мнения, с которыми ему приходится спорить. Соотнесение с литературоведческой статьёй определяют такие характеристики произведения, как освещение конкретных вопросов (особенности творчества Пушкина) в сочетании с глубокими теоретическими обобщениями (роль, судьба поэта, какой должна быть поэзия); «драматизация изложения».

Известен такой жанр ораторской речи, как «слово». Выделение слова в качестве газетного жанра считается вопросом спорным [17], но для становления русской национальной публицистики и художественной прозы — это жанр основополагающий. Действительно, в сочинении Н. В. Гоголя «Несколько слов о Пушкине» можно выявить основные черты «слова»: торжественность, утверждающий характер речи; обращенность к адресату; непосредственная реализация авторского «Я», которое занимает особое место в гоголевской публицистике, автор даже вплетает в повествование один из эпизодов своего детства; эмоциональность, страстность, личностное восприятие. Однако, написанное при жизни Пушкина, «слово», по-видимому, не соотносилось с каким-либо торжественным случаем, юбилеем поэта.

Сочинение «Последний день Помпеи (Картина Брюллова)» относится к жанру рецензии, написано в августе 1834 г., когда прославленная картина К. П. Брюллова была привезена в Петербург и выставлена в Эрмитаже для обозрения (рецензия впервые напечатана в «Арабесках»). В рецензии Гоголю важно не столько сообщить о появлении новой картины Брюллова, сколько осветить особенности творчества

этого художника, а также изложить собственные взгляды на современную живопись. Перед нами снова образец синтеза жанров: рецензия стремится перерасти в литературоведческую статью, с другой стороны — содержит черты эссе [17], для которого характерны свободная композиция, непринужденность повествования, использование художественных и публицистических приемов самовыражения. Критико-публицистическое эссе сближается с субъективным отзывом, не претендующим на полноту и доказательность информации и выражающим непосредственный отклик-оценку.

Наиболее специфическая черта эссе — попытка передать индивидуальные впечатления, о чем заявляет и Гоголь, стремящийся поделиться своими эмоциями, впечатлениями от созерцания живописного полотна: «она с первого раза, вдруг, врезалась в моё воображение и осталась в нём вечно в своём ярком блеске», «когда я глядел в третий, в четвёртый раз, мне казалось, что скульптура, которая была постигнута в таком совершенстве древними, что скульптура эта перешла, наконец, в живопись и сверх того прониклась какой-то тайной музыкой», «он [Брюллов] представил человека как можно прекраснее: его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире» и др.) [2]. При этом Н. В. Гоголь, с свойственным ему дидактизмом и масштабностью замыслов, претендует на авторитетность своего сочинения, стремясь осмыслить в целом творчество Брюллова и современную живопись.

В «Арабесках» как знаковым явлением ранней публицистики Н. В. Гоголя, главными становятся вопросы искусства и науки (история и география), связанные с жизнью современного «общества вообще» (например, музыка должна спасти мир): если Гоголь говорит об архитектуре, то охватывает все ее основные стили, если о Пушкине — ставит проблему «поэт и общество», рассуждает об основных чертах «правильной» поэзии. Гоголь спешит учить, наставлять других. В связи с этим в язык статей входит специальная лексика: народонаселение, баскаки, оруженосец, порог, географическая широта, равнина («Взгляд на составление Малороссии»); готическая архитектура, шпиц, резьба, стрельчатые своды, купол, колонна, портик, катакомбы («Об архитектуре нынешнего времени»); цезура, ямб, дактиль, размер, тоника, рифма («О малороссийских песнях») [2]. При этом он избегает сухого, научного языка, обилия терминологии и статистики, выступая в статьях человеком юношески страстным, нетерпеливым, жадным до знания и стремящимся этим знанием (и своим восторгом от него) немедленно со всеми поделиться. С этим связаны необыкновенная эмоциональность, субъективизм публицистики Гоголя, частое употребление местоимения «я» и лирические отступления. Авторское «Я» играет заметную эмоциональную, экспрессивную роль, определяя публици-

стичность статей, их синтез с такими оценочными по своей природе жанрами, как слово, рецензия, эссе. Уже здесь обнаруживается связь гоголевского творчества с жанрами духовной словесности — словом, проповедью и исповедью (некоторые фрагменты текстов близки к молитве своей структурой и возвышенной экзальтацией). В статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь высказывает мысль о том, что «религия... более всего связывает и образует народы»; постоянно встречаются сетования на несовершенство современного общества: «никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век»; «век наш мелок... мы имеем чудный дар делать всё ничтожным»; «можно сказать, что XIX век есть век эффектов — всякий... торопится произвести эффект, начиная от поэта до кондитера, так что эти эффекты, право, уже надоедают...») [2, 15]. Проповедь отталкивается от какого-либо библейского сюжета, изречения, которые анализируются в соответствии с материалом современности, затем следует поучение. Своего рода «светскую проповедь», на конкретном историческом материале, представляет статья «Ал-Мамун» — «поучительный урок» государям, которые отрываются от народа, его обычаев и идеологии.

Художественная стихия играет большую роль в ранней публицистике Н. В. Гоголя, что обусловило поэтичность прозы, некоторые фрагменты статей принимают форму «стихотворения в прозе». Автор стремится выступить как серьезный исследователь, критик, но с ним рука об руку идет художник и зачастую берет верх, взирая на мировую историю и современную жизнь сквозь призму художественного образа — обилие эмоций, патетики, разнообразных литературных приемов встречается в каждом публицистическом произведении «Арабесок».

ЛИТЕРАТУРА

1. Манн Ю. В. Гоголь — критик и публицист / Ю. В. Манн // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 8 т. — Москва, 1984. Т. 7. — С. 479–499.
2. Гоголь Н. В. Арабески / Н. В. Гоголь // Собр. соч.: В 4 т. — Москва, 1968. Т. 4. — С. 12–76.
3. Терц А. В тени Гоголя: Монография / А. Терц. — Москва: Аграф, 2003. — 416 с.
4. Музалевский М. Е. Циклы и цикличность в сюжетно-композиционном составе произведений Н. В. Гоголя: «Арабески», «Женитьба», «Мёртвые души»: автореф. канд. дис. филол. наук / М. Е. Музалевский. — Саратов, 2000.
5. Киселев В. С. Структура «Арабесок» Н. В. Гоголя и вопросы поэтики русского прозаического цикла 20–30-х годов XIX века: канд. дис. филол. наук / В. С. Киселев. — Красноярск, 2000.
6. Чалова А. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя как художественно-публицистический

- цикл / А. Чалова // Литература. — 1999. — № 26. — С. 2–4.
7. Козлова А. В. Особенности циклической структуры «Арабесок» Н. В. Гоголя: к вопросу об эволюции прозаического цикла в творчестве писателя / А. В. Козлова // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки (филология). — 2000. — Вып. 6. — С. 12–14.
8. Алексеева У. С. Особенности циклизации в творчестве Гоголя / У. С. Алексеева // Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. — Самара, 2011. — С. 136–138.
9. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре / М. Ямпольский. — Москва, 2007. — С. 347–355.
10. Лазутина Г. В. Жанры журналистского творчества: Учеб. пособ. для студентов вузов / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. — Москва, 2012.
11. Золотусский И. П. Гоголь о литературе: Вступительная статья к сборнику / И. П. Золотусский // Гоголь Н. В. Избранные статьи. — Москва, 1980. — С. 5–26.
12. Платон. Государство. — Москва, 2016.
13. Поспелов Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя / Г. Н. Поспелов. — Москва: Учпедгиз, 1953.
14. Гоголь Н. В. Письма / Н. В. Гоголь // Соч.: в 4 т. / Санкт-Петербург, 1901. — Т. 1.
15. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — Москва, 2017.
16. Большой энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. — Москва, 1991.
17. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты. — Москва, 2009.

*Московский международный университет
Городничева М. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры юриспруденции
E-mail: 13marto@mail.ru*

*Moscow International University
Gorodnicheva M. A., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Jurisprudence Department
E-mail: 13marto@mail.ru*

ПРАВОВОЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СИСТЕМЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

А. Г. Донских

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 29 февраля 2020 г.

Аннотация: социальные сети занимают лидирующие позиции в сфере медиакоммуникаций. Однако юридический статус социальных сетей по-прежнему не ясен. Автор анализирует правовую природу этих платформ, определяя ее комплексный характер. Поскольку социальные сети одновременно обладают признаками сайта, базы данных, организатора распространения информации, оператора персональных данных и даже СМИ, необходим единый нормативный документ, определяющий правовой статус социальных сетей и их участников.

Ключевые слова: социальные сети, правовой статус социальной сети, сайт социальной сети, оператор персональных данных, база данных, СМИ, организатор распространения информации, объекты интеллектуальной собственности, информационное законодательство.

Abstract: due to the widespread influence of social networks on modern media communications, the author analyzes the legal nature of these media platforms and determines their complex nature. Since social networks simultaneously have the characteristics of a site, a database, an organizer of information dissemination, an operator of personal data, and even the mass media, it is necessary to develop a special law that determines the legal status of social networks and their participants.

Keywords: social networks, legal status of a social network, social network site, personal data operator, database, mass media, organizer of information dissemination, intellectual property objects, information legislation.

Социальные сети или социальные СМИ? По данным интернет-журнала *Cossa*, на начало 2020 г. в мире уже боле 4,5 млрд. человек пользовалось интернетом, из них 3,8 млрд. — социальными сетями. Это почти 60% населения [1]. В России аккаунты в социальных сетях, по оценке компании *Statista*, есть у 67,8 млн. человек. Активнее всего в нашей стране используются *YouTube* (63% опрошенных), *ВКонтакте* (61%), *Одноклассники* (42%) и *Facebook* (35%) [2]. Социальные сети не просто лидеры в сфере медиакоммуникаций — в сознании обычных пользователей они заняли место традиционных СМИ. Привычка противопоставлять социальные сети традиционным СМИ постепенно исчезает и среди медиаэкспертов. Так, зарубежные исследователи отождествляют социальные сети с социальными СМИ. По мнению авторов путеводителя по социальным медиа, изданного в 2013 г., «различие между социальными СМИ и социальными сетями размыто. Сервисы по ведению микроблогов, такие как *Twitter*, служат в качестве инструментов личного общения и в то же время используются как платформа для распространения новостей — или даже для проведения журналистских расследований. Такие социальные сети, как *Facebook* или *Google+*, используются для личного общения,

но все больше и для институциональной коммуникации, распространения новостей, исследований через краудсорсинг и для многих других целей» [3]. Под социальными СМИ авторы понимают интернет- и мобильные технологии для превращения коммуникации в интерактивный диалог и определяют их как «группу интернет-приложений, построенных на идеологическом и технологическом фундаменте так называемого *веб 2.0*, который позволяет создавать пользовательский контент и обмениваться им» [3]. В России также социальные медиа воспринимаются по преимуществу как «сами по себе СМИ». «Профессиональные, институционализированные медиа как уникальная сущность растворяются в френдленте пользователя» [4].

Социальные СМИ и социальные сети защищены правами, которыми пользуются традиционные СМИ, поскольку сегодня они служат для многочисленных целей при производстве и потреблении редакционного контента [3]. Однако согласно российскому законодательству социальные сети не являются средствами массовой информации, хотя по факту действуют новостные сообщества (паблики), работающие по принципу профессиональной редакции СМИ.

Лишь сайт, зарегистрированный в качестве СМИ, таковым является де-юре. Однако исследователь М. Е. Черемесинова, например, пишет, что сайт со-

циальной сети и сама социальная сеть — явления, не совпадающие, хотя и взаимообусловленные. И фиксирует присутствие у сайта социальной сети признаков СМИ, делая вывод, что «сайт соцсети (но не сама соцсеть) может быть отнесен к средствам массовой информации при соблюдении условия о регистрации (добровольной) в качестве сетевого издания [4].

Основные векторы правового статуса социальной сети следующие. С юридической точки зрения правовой статус социальных сетей четко не определен. Нет и юридического определения понятия «социальная сеть». Обратимся к опыту функционирования популярных социальных сетей. Мы можем, например, найти в пользовательском соглашении определение социальной сети под именем *ВКонтакте* [6], но оно не проясняет детали правового статуса самой социальной сети как специфического медиаресурса, хотя и содержит указание на технологическую основу правовой природы социальной сети, а именно, указывает на то, что это — сайт. Законом предусмотрен владелец сайта, физическое или юридическое лицо, на которого возлагаются права и обязанности по его использованию.

Социальная сеть выступает как организатор распространения информации. В соответствии с логикой Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сайты социальных сетей относятся к организаторам распространения информации в сети Интернет. В своем интервью «Российской газете» заместитель руководителя Роскомнадзора Олег Иванов так сформулировал определение и признаки организатора распространения информации: «Любой сайт в Интернете или онлайн сервис, который позволяет пользователям обмениваться сообщениями или файлами. Это социальные сети, различные форумы и блог-платформы, мессенджеры, файлообменники, видеохостинги» [7]. Один из ключевых признаков организатора распространения информации — возможность размещать комментарии на сайте. Этот факт подтвердило Минсвязи в ответе на запрос редакции ресурса *Roem.ru*: «По итогам проведенной Роскомнадзором проверки, а также согласно информации, указанной в Вашем сообщении, на сайте *roem.ru* доступен функционал, позволяющий пользователям оставлять комментарии под новостями. Таким образом, в соответствии с положениями действующего законодательства сайт *roem.ru* соответствует критериям, определяющим организатора распространения информации» [2].

Итак, социальная сеть, обеспечивающая пользователей возможностью обмениваться сообщениями, создавать разнообразные сообщества, паблики, наделяется российским законодательством статусом организатора распространения информации. Данный статус обязывает владельца ресурса самостоятельно либо по запросу правоохранительных органов пройти процедуру регистрации в Роскомнадзоре для вклю-

чения в реестр организаторов распространения информации, а также хранить информацию о действиях пользователей в течение полугода и предоставлять эти сведения по запросу правоохранительных органов при осуществлении ими оперативно-розыскной деятельности.

Еще одна особенность социальных сетей заключается в специфике контента. Формирование и информационное наполнение самого сайта соцсети осуществляется при непосредственном участии именно пользователей — как раз они формируют основные информационные потоки, непрерывно взаимодействуя между собой. Поскольку социальные сети наполняются совершенно разным пользовательским контентом, отдельные страницы в социальных сетях могут обладать различным правовым статусом. Большинство интернет-страниц можно отнести к объектам интеллектуальной собственности.

Страница в социальной сети отвечает легальным признакам базы данных. Для соответствия признаку возможности систематизации материалов следует в материалах страницы (постах) использовать метки (теги), позволяющие делать поиск и сортировку материалов. Например, суд по интеллектуальным правам признал исключительные права социальной сети *ВКонтакте* на базу данных пользователей как объект смежных прав. «Суд по интеллектуальным правам соглашается с выводами суда апелляционной инстанции о том, что из материалов дела усматривается как наличие объекта смежного права (базы данных пользователей социальной сети), так и наличие исключительного права общества «В Контакте» на указанный объект» [8].

Располагая огромным объемом личной информации о пользователях, социальные сети одновременно являются и операторами персональных данных. В соответствии с действующим законодательством и практикой к персональным данным относится любая информация, с помощью которой можно идентифицировать человека. К персональным данным относятся сведения об имени, фамилии, дате и месте рождения, проживания, работе, учебе, семейном положении, социальном статусе, хобби, отношениях, привычках, состоянии здоровья, геолокации, избрание гражданина в сочетании со сведениями об имени и фамилии и т.д. Компании, осуществляющие сбор персональных данных в интернете, обязаны публиковать информацию о правилах обработки персональных данных на своих сайтах. Такие правила размещены и на сайтах социальных сетей *ВКонтакте* (раздел «Правила защиты информации о пользователях сайта *vk.com*»), *Одноклассники* («Политика конфиденциальности *OK.RU*»), *Facebook* (раздел «Конфиденциальность») и т.д. В этих правилах администрации социальных сетей признают свой статус оператора персональных данных, определяя условия и порядок их использования.

В общественных отношениях в сфере функционирования социальных сетей на основании разработанных владельцами правил пользования социальными сетями можно выделить несколько ключевых субъектов. Это — владельцы самой социальной сети как специфического ресурса (администрация социальной сети), владельцы отдельных страниц социальных сетей (пользователи) и третьи лица, осуществляющие надзор или использование данных пользователей социальных сетей.

Права и обязанности основных субъектов общественных отношений в социальных сетях описаны в пользовательских соглашениях. Владелец социальной сети наделяется статусом администратора, осуществляющего управление социальной сетью, предоставляющего определенные информационно-коммуникационные услуги и устанавливающего права и обязанности пользователей. Пользователями могут быть как физические, так и юридические лица, создающие страницы как для личного использования, так и для осуществления какой-либо коммерческой либо иной профессиональной деятельности.

В практике функционирования социальных сетей не урегулированы правила использования информации о пользователях социальных сетей третьими лицами. И хотя в правилах пользования сайтами социальных сетей предусмотрены положения относительно того, что размещаемая пользователями информация является общедоступной для неограниченного круга лиц, конфликты, связанные с использованием личной информации пользователей не редкость. В большинстве случаев они возникают из-за незаконного использования персональных данных пользователей отдельными гражданами или организациями. Ярким примером является затяжной судебный спор между ООО «ВКонтакте» и ООО «Дата» о праве на открытые сведения о пользователях этой социальной сети.

В октябре 2017 г. Московский арбитражный суд отклонил все требования *ВКонтакте* к *Double Data*. Однако руководство *ВКонтакте* посчитало, что суд не до конца разобрался в технической стороне вопроса, и обжаловало судебное решение. В январе 2018 г. Девятый арбитражный апелляционный суд удовлетворил требования *ВКонтакте*, обязав компанию *Double Data* прекратить использовать данные пользователей социальной сети. Летом 2018 г. Суд по интеллектуальным правам отменил решение о запрете использования открытых данных из социальной сети *ВКонтакте* и направил дело на новое рассмотрение. В феврале 2019 г. суд назначил по делу техническую экспертизу [9].

По мнению старшего партнера *Tilling Peters* Екатерины Тиллинг, итоговое решение по делу будет прецедентным: «Главные вопросы — является ли структура данных пользователей соцсети охраняемой базой данных и можно ли считать де-

ятельность поисковых систем, берущих открытые данные из соцсетей, отдельным видом использования этой базы данных. Если суд признает это использованием, работа обычных поисковиков, таких как *Яндекс* и *Google*, тоже может оказаться под ударом» [10].

Еще одним источником, регламентирующим права и обязанности субъектов информационно-коммуникативного взаимодействия в социальных сетях, является пользовательское соглашение, которое квалифицируется как договор присоединения, обязательный для исполнения всеми участниками. В то же время оно дает разнообразные возможности использования социальной сети, предусматривает широкий спектр прав, обязанностей и ответственность самих пользователей, запускает механизмы саморегулирования, выражающиеся в функционировании системы администрирования и модерирования. Так, социальная сеть *ВКонтакте* в правилах пользования сайтом если и не определяет правовой статус своего ресурса, то порядок его использования достаточно подробно регламентирует. То же самое можно сказать о пользовательских соглашениях социальной сети *Одноклассники*, *Facebook*, *Instagram* и т.п.

Очевидно, что исчерпывающий правовой статус социальной сети как многофункциональной коммуникативной платформы к настоящему моменту юридически не закреплен ни в одном законодательном документе. Функциональная и юридическая составляющая социальных сетей сложна, их технологическое развитие стремительно опережает развитие современного законодательства. «Владельцы ресурса и участники соцсети, используя устройства и сервисы, образуют сложную общественную, информационную, техническую и экономическую систему. С правовой точки зрения эта система не является самостоятельным субъектом права и не подпадает под какой-либо из существующих правовых режимов» [6].

Широкие дискуссии в научной и профессиональной литературе выделяют различные аспекты функционирования социальных сетей, требующих юридического осмысления и регулирования. Социальные сети весьма разнообразны по своим функциональным возможностям, а по юридическим признакам они соответствуют одновременно сайту, базе данных, оператору персональных данных, организатору распространения информации в сети Интернет, СМИ. В то же время в правилах пользования социальными сетями развивается система саморегулирования.

Эту многофункциональность необходимо принимать во внимание и при разработке единого нормативно-правового документа, определяющего правовой статус социальных сетей и регулирующего их деятельность. При этом необходимо будет учитывать действующие положения правил пользования социальными сетями, разработанными администрация-

ми ведущих социальных сетей, административную и судебную практику, накопленный опыт функционирования этих коммуникативных платформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Digital 2020: глобальный обзор трендов и цифра за 2019 год от We Are Social и Hootsuite // Журнал Cossa.— URL: <https://www.cossa.ru/news/252951/> (дата обращения: 18.02.2020).
2. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2019.— С. 93.— URL: http://distpress.ru/images/PDF/other/pechat_2019.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
3. Путеводитель по социальным медиа — 2013 // К. Мёллер и М. Стоун: Вена: Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. 2013.— С. 13.— URL: <https://www.osce.org/ru/fom/99564?download=true> (дата обращения: 20.09.2019).
4. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин и др. [под ред. С. Балмаевой и М. Лукиной].— Екатеринбург: гуманитарный университет, 2016.— С. 61.
5. Черемисинова М. Е. Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений / М. Е. Черемисинова // Право в сфере Интернета.— Москва, 2018.— С. 377–384.— URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36521803> (дата обращения: 10.11.2019).
6. Правила пользования Сайтом Вконтакте VK.com.— URL: <http://vk.com/terms> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Шадрин Т. Кто следующий? Российские госмеджеры тоже попадут в реестр / Т. Шадрин // Российская газета.— URL: <https://rg.ru/2017/07/06/oleg-ivanov-reestre-uzhe-85-organizatorov-gasprostraneniia-informacii.html> (дата обращения: 20.09.2019).
8. Кирилл Митягин Право на страницу // Российская газета.— URL: <https://rg.ru/2014/12/23/socset.html> (дата обращения: 20.09.2019).
9. Мамчуева О. ВКонтате продолжают судиться с Double Data за базу данных своих пользователей / О. Мамчуева.— URL: <https://www.searchengines.ru/vkontakte-double-data.html> (дата обращения: 20.02.2020).
10. Занина А. Пользовательские данные отправили на пересмотр. Суд вынесет новое решение по спору «ВКонтакте» и Double Data / А. Занина // Коммерсантъ.— URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3689097> (дата обращения: 20.02.2020).

*Южный федеральный университет
Донских А. Г., кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории журналистики
E-mail: anna_kapustina@mail.ru*

*Southern Federal University
Donskikh A. G., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Theory of Journalism
E-mail: anna_kapustina@mail.ru*

ПРОДВИЖЕНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ю. В. Ключев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Д. В. Зубко

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Поступила в редакцию 16 мая 2020 г.

Аннотация: в статье изучена специфика профессионального продвижения научного знания в условиях сетевой коммуникации. Используются когнитивный и системный подходы, методы дедукции, индукции, наблюдения, описания.

Ключевые слова: научные коммуникации, научное знание, сетевая коммуникация, наука, интернет, медиа.

Abstract: the article examines the specifics of professional promotion of scientific knowledge in the conditions of network communication. Cognitive and system approaches, methods of deduction, induction, observation, and description are used.

Keywords: scientific communications, scientific knowledge, network communication, science, internet, media.

Высокая значимость научной коммуникации обусловлена необходимостью противостояния квази- и лженаучной информации, повышения престижа науки и ее деятелей, усиления роли науки в принятии значимых общественно-политических решений [1]. Роль науки, способствующей индустриальному развитию, значительно усиливается. И. В. Шульгина отмечает: «Проблема повышения технологической эффективности науки и усиления ее влияния на обновление и модернизацию экономики не может быть решена вне рамок определенной научно-технической политики, что предполагает формирование и реализацию общей стратегии социально-экономического развития страны» [2, 62].

Формирование структуры коммуникаций научных сообществ зависит от существенного фактора: диалог осуществляется между субъектами определенной сферы научного знания и внутри конкретного научного учреждения. Субъекты научной коммуникации играют существенную роль в обеспечении научной информацией не только внутри, но и вовне научных сообществ. С. В. Власова ввела в оборот понятие «образ науки индивида». Указанная категория определена основными факторами: представлениями о науке, сложившимися у человека в процессе его обучения в школе (и вузе); достижениями науки, вошедшими в обыденную жизнь в виде практических приложений, которые массовое сознание связывает именно с наукой (персональные компьютеры, телевизоры, мобильные телефоны и т.д.); информацией,

поступающей в сознание человека через каналы массовой информации [3, 12].

В кругу университетского сообщества часто звучит мнение, что программы бакалавриата ориентированы в целом на массовое обучение, а программы магистратуры — на элитарное. Представление преподавательского сообщества об учебной деятельности как массовой и элитарной обусловлено сложившимися в XXI в. уровнями в системе российского высшего образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура. Однако бытующее представление о бакалавриате как о массовом способе предъявления для студентов научных знаний идет вразрез с классическими представлениями о высшем образовании в России, во многом сохраняющем традиции советской системы обучения через представление научно-теоретического знания как в лекционном, так и в практическом материале. В этом смысле синтез теории и эмпирики, увлекательность и занимательность их предъявления на учебных занятиях помогают преподавателям стимулировать более активную заинтересованность студентов в научной коммуникации, именно с помощью этого механизма образовательный учебный процесс приобретает качества научного процесса.

Регулярная и глубокая научная деятельность преподавателей и студентов способствует формированию гармоничного и благоприятного отношения социума к науке. Развитие научных представлений о действительности происходит как внутри научной корпорации, так и за ее пределами. Коммуникации между членами научных сообществ могут быть ор-

ганизованы на глобальном (межгосударственном и общенациональном уровнях) и локально (внутри конкретной университетской/научной организации). В коммуникации «преподаватель — студент» работник высшей школы по существу является носителем уникального комплекса «знания — умения — навыки» (ЗУН). Этот комплекс, хотя и ориентирован на массовое обучение студентов, базируется на необходимости осознания ценности научного знания. Мотивация и стимулы к постижению научного знания являются важными критериями его освоения.

Продвижение науки в информационном сетевом обществе имеет разные способы и формы реализации, электронная среда ориентирует университеты предъявлять научное знание таким образом, чтобы оно было адаптировано для восприятия современным студенческим сообществом. Важным критерием становится необходимость продвигать науку понятными для студенчества способами, в сетевой коммуникации к таким способам можно отнести использование мультимедиа, визуализацию контента, краткость и емкость сообщений, их интертекстуальность и занимательность. Имеет значение налаживание механизма самоуправления внутри студенческих научных обществ (СНО), когда на первый план в работе университета со студентами выходит не контрольно-распорядительная функция, а функция организационного регулирования и творческого сопровождения студенческой научной деятельности. Такая работа приобретает признаки совместных усилий, синергии в продвижении научного знания.

Во многих исследованиях преобладает описательный характер изучения особенностей популяризации научных знаний. Само слово «популяризация» включает в себя понятие массовости представлений о науке. Наряду с этой категорией, благодаря развитию связей с общественностью, все чаще используется категория «продвижение научных знаний». По существу, продвижение научных знаний аккумулирует в себе такое практическое направление, как «популяризация» знаний, которая реализуется через образовательную и научную среду, чрез медиа и сетевую коммуникацию.

Благодаря развитию коммуникационных технологий, знание само по себе становится более доступным, расширяются возможности его репрезентации для разных групп социума. Хотя производство знаний по-прежнему остается за учеными, за университетскими, исследовательскими коллективами, использование знаний становится все более широким, массовым. Роль медиа-центров, отделов по связям с общественностью, пресс-служб научных организаций, роль разных каналов медиа становится более существенной, усилилось тематическое направление журналистской деятельности — научная журналистика.

В постиндустриальном обществе использование

интернета для продвижения научных знаний имеет существенное значение. При этом в исследованиях о научных коммуникациях не вполне четко даны классификация и характеристики методов и каналов продвижения научных знаний, как фундаментальных, так и прикладных. Специфика продвижения заключается в том, что специальные знания ученых своеобразным образом представлены и для научного сообщества, и для неспециалистов. При этом ландшафт предъявления знаний включает разные коммуникационные площадки и каналы, как офлайн, так и онлайн. В этой связи усиливается необходимость: 1) уточнить понятие «научные коммуникации»; 2) дать классификацию научной информации; 3) выявить факторы, определяющие выбор каналов продвижения научных знаний; 4) охарактеризовать способы передачи информации; 5) определить структуру научных событий; 6) раскрыть задачи и способы продвижения знаний; 7) дать градацию каналов продвижения науки; 8) выявить и охарактеризовать функции медиа в продвижении научных знаний.

Изучение технологий и способов продвижения научного знания в условиях сетевой коммуникации целесообразно проводить с использованием междисциплинарного методологического инструментария. В этой статье применяются когнитивный и системный подходы, методы дедукции, индукции, наблюдения, описания. Представленная работа является продолжением изучения особенностей и значения организационных и креативных технологий, обеспечивающих продвижение научных знаний [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Н. В. Литвак и С. М. Медведева отмечают, что отсутствие качественной коммуникации между наукой и широкой общественностью может привести к конфликтам, взаимным обвинениям, которые оказывают негативное воздействие как на судьбу науки, так и на жизнедеятельность общества [10]. Внешние коммуникации в продвижении научных знаний — это средства и способы административной и организационно-творческой деятельности, которые применяются руководством учреждения для распространения научных идей и научного мировоззрения вовне организации, т.е. научные знания продвигаются в целях их популяризации и масштабного распространения во внешней среде. Такая научная информация работает на внешнюю общественность, создает благоприятную репутацию и благоприятный имидж научного, образовательного, исследовательского учреждения. Внутренние коммуникации рассчитаны на организацию и обеспечение научного диалога внутри учреждений науки: университетов, научно-исследовательских институтов, центров, лабораторий гражданского и военного (оборонного) профиля.

Научные коммуникации — это высокотехнологичные специализированные, ориентированные

в гуманитарное, естественное и техническое пространство, информационные и коммуникационные обмены, развивающие интеллектуальную характеристику разных сфер общества. В процессе этих обменов отправителем и получателем сообщений одна или обе стороны выступают в качестве представителя научного сообщества.

Градация научной информации позволяет выдвинуть следующую ее классификацию:

— по содержанию: экономическая, правовая, техническая и т.д.;

— по назначению: одноцелевая — в сообщении выдвигается и требуется решение одной научной проблемы, многоцелевая — необходимость решения нескольких взаимосвязанных проблем;

— по степени пригодности для использования: первичная (несистематизированные данные, много лишних, не существенных сведений), промежуточная (сведения, прошедшие предварительную обработку, позволяющие решить вопрос о направлениях и способах дальнейшего использования), конечная (характеризуется принятием обоснованного, точно и верно решения);

— по возможности закрепления и хранения: фиксируемая — имеет собственный информационный носитель, хранится длительное время; не фиксируемая — не имеет самостоятельного информационного носителя, или этот носитель не надежный или временный, такая информация может быстро исчезать, или получать искажения);

— по ценности, важности, пользе: особо ценные, важные, полезные — необходимые для работы сведения; желательная — предположительно необходимые для исследования, или используемые в процессе научного поиска сведения; ненужная информация — потерявшие актуальность, устаревшие сведения;

— по полноте: частичная, комплексная, системная;

— по характеру: универсальная — для решения любых проблем, функциональная — для решения ряда родственных проблем, конкретная — помогает решить текущую актуальную проблему;

— по степени надежности: достоверная (максимально выражающая относительную или абсолютную истину), вероятностная (предполагаемая, гипотетическая), дискуссионная (не имеет однозначного решения, требует новых научных обсуждений и более глубоких, развернутых и аргументированных, доказательных научных фактов, исследований).

Продолжая исследование, начатое в 2018 г., отметим, что для осуществления гармоничных внешних коммуникаций необходимо поддержание через СМИ полезного и рационального диалога научных учреждений с населением [14]. Во многих российских университетах созданы отделы по связям с общественностью, медиацентры и пресс-службы, которые способствуют взаимодействию между журналистами и учёными. Для прямого контакта журналистов с ис-

следователями требуется коммуникационная «двухслойная среда»: первый слой — это медиацентры и пресс-службы в научных учреждениях, второй — научные информационные агентства, собирающие и систематизирующие информацию от медиацентров, PR- и пресс-служб, а также от организаций, которые самой наукой не занимаются, но обеспечивают регулирование, оценку и внедрение достижений науки. Таким образом, усиливается возможность решить проблему разрыва коммуникации между научной сферой и медиасредой, создать благоприятные условия для продвижения науки.

Выбор каналов для продвижения научных знаний широк и многообразен, их градация в самом общем виде получает следующую классификацию: информационные, аналитические, коммуникативные, организационные. Работа данных каналов коммуникации обеспечивается различными инструментами. С помощью инструментов коммуникации организация общается и взаимодействует с внутренними целевыми группами. При этом один и тот же инструмент может служить нескольким задачам (так, корпоративные СМИ в основном выполняют информационную функцию, но при размещении в них опроса могут выполнять аналитическую функцию, а при публикации обращения руководителя — организационную).

Одними из наиболее распространенных способов передачи информации являются обращения от имени руководства. Участие представителей научной организации во встречах, симпозиумах, совещаниях, круглых столах, конференциях, проводимых в форматах офлайн и онлайн, являются необходимым элементом в продвижении научных знаний. Получение свежей и объективной информации позволяет предотвратить распространение лженаучных сведений. Для индивидуального обмена научной информацией больше всего подходит форма деловой беседы или интервью.

Структура научных событий включает мероприятия: официальные, научные, образовательные. К таким мероприятиям относятся:

— церемонии (открытия, закрытия, вручения премий, стипендий, чествования);

— приемы (праздничный, юбилейный, в связи с приездом значимых персон, вручением премий);

— поездки (деловые, научные, ознакомительные);

— релаксационные мероприятия, которые содействуют поддержанию неформальных связей и дружескому общению между членами научного сообщества (выезд, встреча, юбилей учреждения, профессиональный праздник и пр.);

— официальные и научные мероприятия (конференция, семинар, круглый стол, дискуссия, симпозиум, саммит, деловая встреча, отчетная конференция и т.д.).

Индикаторами успешности могут служить ка-

чество и количество участников, их интерес, компетентность организаторов, положительные изменения в эмоциональном настрое, соотношение общих расходов на мероприятие с общим количеством участников, получение положительных откликов о мероприятии.

Эффективному продвижению научной информации способствуют лидеры научных знаний, к которым можно отнести известных экспертов, исследователей, ученых, руководителей организаций, представляющих конкретный вуз или институт и выступающих от их имени в медиа. При этом важно помнить о необходимости различать каналы медиа по степени их включенности в общественные процессы. Лидеры научных знаний (организация или субъект коммуникации) могут быть включены в постоянный информационный обмен, участвовать, выступать в печатных изданиях, телевизионных и радиопрограммах аналитического профиля. Эти программы содержат, как правило, глубокий и масштабный взгляд на содержание и результаты научных исследований.

Выбирая наиболее адекватные каналы коммуникации, важно уметь ориентироваться в системе медиа в плане её идейно-гуманитарной идентичности. В некоторых случаях возможно участие в проектах, связанных с так называемыми «тактическими медиа»: в настоящее время «в ходе развития тактических медиа с помощью обучающих центров и лабораторий создавались сети медиаактивистов, которые позволяли ускорить распространение опробованных техник. Методики, отрабатываемые в лабораториях, подобных *The Yes Lab*, использовались для мозгового штурма, развития лидерских качеств, обмена медийными технологиями» [15].

Развитие интернета способствовало его становлению как универсального канала продвижения любых сообщений, в том числе научных. В содержательном плане имеет значение научная компетентность отправителя и получателя научного знания, инновационное наполнение распространяемой научной информации, релевантность научного сообщения потребностям целевой аудитории, понятное и доступное изложение материала. Форма научного сообщения зависит от возможностей медиа в интернете. Используется поликодовость сообщений: инфографика, статистические данные, иллюстрации, рисунки, таблицы, аудио-, видеоматериалы. Представление научного знания в интернете получает уникальные возможности. Как пишет А. П. Огурцов, «текст дополняется гипертекстом, формируются новые унифицированные стандарты композиции, дизайна, графического оформления» [16, 157].

Исследовать вопрос профессионального продвижения науки можно на нескольких уровнях. В зависимости от ориентации на аудиторию выделяется пять ступеней подачи информации. На первой ступени происходит коммуникация внутри научного

сообщества, но с разъяснением особой узкой сферы для специалистов смежных областей. На второй стадии строятся коммуникации между специалистами близких дисциплин. На третьей ступени идет обмен знаниями внутри цикла научных дисциплин (естественных, технических, гуманитарных). Четвертая ступень — для представителей другого цикла дисциплин: например, лингвист объясняет материал химикам. Пятая ступень — для людей, не связанных с научным знанием, то есть для массовой аудитории.

Продвижением научных знаний решаются следующие задачи.

1. Образовательная. Подразумевает транспортировку научных знаний от источника до аудитории с целью повышения её интеллектуального уровня и эрудиции, воспитания восприимчивости и понимания реалий науки и технического прогресса.

2. Мироззренческая. Предполагает изложение естественнонаучных знаний и законов природы, освещение достижений в разработке теоретических проблем, открывающих новые перспективы науки.

3. Финансовая. Включает в себя привлечение инвестиций и спонсоров, культивацию положительного отношения налогоплательщиков к науке.

4. Имиджевая. Работает на создание и поддержание образа науки и учёных.

5. Кадровая. С её помощью решается вопрос привлечения новых трудовых ресурсов, которые способны усилить развитие научной сферы, генерировать новые идеи и теории.

6. Развлекательная. Сложный научный контент трансформируется в форму, наиболее близкую и понятную аудитории, с целью её вовлечения в диалог с представителями научной сферы.

Указанные задачи реализуются следующими способами.

1. Доступность изложения. Ориентация аудитории с учетом ее подготовленности, возрастных и образовательных особенностей. Абстрактные рассуждения подкрепляются графиками, схемами, формулами, другими наглядными информационно-справочными материалами.

2. Указание на масштаб проблемы. Факты излагаются путем их сравнения с известными для аудитории явлениями с целью облегчения восприятия материалов.

3. Неравнодушие. Повествование должно отражать эстетические переживания, творческое мировосприятие автора. Кроме того, оно может включать авторские отступления, т.е. отражать авторскую позицию по данному вопросу.

4. Поддержание диалога. Раскрывается через эффект непосредственного общения автора с аудиторией.

5. Авторитетность излагаемых мнений. Возможно использование эпиграфов и цитат из работ известных ученых, так они служат средством при-

влечения интереса аудитории.

Каналы продвижения науки можно разделить на несколько блоков.

1. Научно-популярная литература. В широком значении научно-популярной книгой можно считать издание, которое содержит сведения о теоретических или экспериментальных исследованиях и предназначено для популяризации и пропаганды основ и достижений науки и техники, культуры и результатов прикладной деятельности среди широких масс читателей в доступной для них форме.

2. Научно-популярные проекты. В это понятие включаются конференции, лектории, специальные научные кафе, интернет-сайты и мобильные приложения. Главные особенности данного формата вытекают из новых возможностей интернет-коммуникации: 1) глобальность распространения информации; 2) возможность многоязычия; 3) мультимедийность; 4) интерактивность; 5) гипертекстуальность; 6) высокая селективность; 7) высокая маневренность; 8) высокая оперативность; 9) избирательность воздействия на аудиторию [11]. Основная характеристика научно-популярных проектов — интерактивность: аудитория взаимодействует с научной сферой через ее представителей, транслирующих знания в виде интерактивных карт, видео, анимации, других развлекательных форматов.

3. Публичные лекции. Преимущество данного канала заключается в возможности аудитории напрямую в реальном времени задать все интересующие вопросы лектору. Именно лекции зачастую являются одной из немногочисленных площадок для построения коммуникации между учёным и аудиторией. Кроме того, лекционная часть может сопровождаться мультимедийными презентациями и взаимодействием со слушателями в виде небольших викторин для повышения эффективности мероприятия.

5. Неформальные конференции: science-ланчи и научные битвы. Научный ланч появился в России совсем недавно и активно внедряется в научную коммуникационную среду. В 2015 году был проведен первый научный ланч в Санкт-Петербургском государственном университете. Формат включает короткий (до 30 минут) доклад ученого о целях, текущих результатах и перспективах проведенного им исследования, свободную дискуссию с присутствующими журналистами, а также индивидуальные интервью. Новым и набирающим популярность видом специальных мероприятий является Science Slam (научный слэм), который представляет проект продвижения науки и направлен на создание благоприятного образа молодых исследователей. Термин «научный слэм» осознанно дает отсылку к «поэтическому слэму», во время которого поэты соревнуются друг с другом за симпатию публики. В ряду подобных проектов организовываются следующие мероприятия. *Pecha Kucha* — мероприятие,

на котором спикер представляет презентацию из 20 слайдов, каждый из которых сменяется каждые 20 секунд. «Стэндап» — выступление на научную тематику с включением юмористических элементов.

5. Мобильные приложения. В настоящее время являются одним из наиболее эффективных способов донесения научных знаний до массовой аудитории. Приложения позволяют выполнить сразу несколько функций продвижения науки, включая образовательную и развлекательную.

Многообразие и дифференциация информационных ресурсов и коммуникационных каналов, продвигающих техническую, гуманитарную, естественно-научную информацию, а значит и указанные научные знания, свидетельствуют о том, что в обществе существенное значение имеет интеллектуальная система научных знаний, способная преобразовывать человека, окружающую его природу, влиять на общественные отношения.

Функции медиа в продвижении научных знаний:

— презентационная (через каталоги сетевых коммуникаций индивид и социум узнают о традиционных и новых СМИ, продвигающих научные знания);

— информационная (с помощью ресурсов о науке и технологиях аудитория узнает о новых достижениях в сфере инноваций);

— просветительская (ликвидируется научная безграмотность масс, проливается свет истины на трудные вопросы научной деятельности);

— культурная (расширяется общий научный кругозор человека, личность становится широко образованной в разных областях науки);

— эстетическая (человек умеет ценить самые важные и существенные научные открытия, понимает их значение для России и всего мира);

— воспитательная (научная информация приучает человека логически мыслить, помогает прививать научное диалектическое и научное социологическое и мышление);

— мировоззренческая (через научные ресурсы человек усваивает многомерные пласты исследовательской информации, формирует общие представления о действительности с учетом условий и закономерностей развития природной и социальной среды).

Успешное выполнение названных функций средствами информации осуществляется при условии наличия достаточных возможностей человеческого и технического капитала, а именно: профессионального потенциала журналистов, соответствующих кадровых, производственных, технологических, финансовых ресурсов медиа. Их укрепление и развитие, внимание к научному и образовательному сегментам общества способствуют продвижению новых знаний, более активному вовлечению в науку новых акторов.

Развитие сетевой среды способствует внедрению организационных и креативных технологий про-

движения научного знания. Используются свойства сетевой коммуникации: поликодовость, гипертекстуальность, мультимедийность. Полезность и ценность научной информации усиливается благодаря компетентности исследователя как источника и отправителя научного сообщения, благодаря инновационному подходу к организации и содержанию исследований, их релевантной репрезентации. В условиях сетевой коммуникации популяризация науки становится неотъемлемой частью профессионального продвижения научного знания на уровне научных и образовательных сообществ, на уровне структур связей с общественностью, на уровне медиа. Потенциал влияния научной информации значительно усиливается благодаря эффективности научных коммуникаций как внутри, так и вовне научных сообществ. В результате целенаправленных совместных действий акторов научной коммуникации достигается синергетический эффект воздействия научного знания на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская В. Е. Научный дискурс: выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема / В. Е. Чернявская. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 139 с.
2. Шульгина И. В. Российская наука в технологиях и инновациях (по материалам анализа статистики науки) / И. В. Шульгина // Социология науки и технологий. — 2013. — Т. 4. — № 2. — С. 54–63.
3. Власова С. В. Научная рациональность, адекватный образ науки и ценности, связанные с наукой / С. В. Власова // Вестник Мурманского государственного технического университета. — 2006. — Т. 9. — № 1. — С. 11–20.
4. Lupia A. Communicating science in politicized environments / A. Lupia // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2013. — Vol. 110 (Suppl. 3). — P. 14048–14054.
5. Sarewitz D. Making science policy matter for a use-inspired society / D. Sarewitz // The rightful place of science: Politics. — 2013. — P. 9–26.
6. Scheufele D. A. Science communication as political communication / D. A. Scheufele // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2014. — Vol. 111 (Suppl. 4). — P. 13585–13592.
7. Баканов Р. П. Актуальные проблемы современной науки и журналистика / Р. П. Баканов. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2012. — 152 с.
8. Ванцян Л. Г. Новые научно-просветительские проекты в российских медиа / Л. Г. Ванцян // Современные научные исследования и разработки. — 2017. — № 5 (13). — С. 80–83.
9. Виноградова К. Е. Творческие методы научно-популярной журналистики / К. Е. Виноградова // Просвещение и развлечение в дискурсе российских СМИ. Тезисы 51-й межд. науч.-практ. конф. 19–20 апреля 2012 г. — СПб.: Высш. шк. журн. и мас. комм., 2012. — Режим доступа: <http://rus.jf.spbu.ru/conference/2197/2207.html> (дата обращения 02.05.2020).
10. Литвак Н. В. Введение в проблему популяризации науки: возможности и конфликты понимания / Н. В. Литвак, С. М. Медведева // Конфликтология. — 2017. — Т. 1. — С. 174–188.
11. Макарова Е. Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития / Е. Е. Макарова // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. — 2013. — № 2. — С. 98–104.
12. Пастухова Б. П. Популяризация науки: компетенции научных журналистов / Б. П. Пастухова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2017. — № 2. — С. 110–112.
13. Современные проблемы науки и журналистика / [под ред. С. И. Сметаниной]. — СПб.: СПбГУ, 2012. — 150 с.
14. Klyuev Yu. V. Current communication technologies in the promotion of scientific knowledge / Yu. V. Klyuev, K. E. Vinogradova, D. V. Zubko, B. Ya. Misonzhnikov, G. S. Melnik // International journal of engineering and technology (uae). — 2018. — Vol. 7. — Iss. 4.38. — P. 1591–1596.
15. Мельник Г. С. Дисфункция медийного дискурса, или к поиску «перформативности» тактических медиа / Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников // Мир лингвистики и коммуникации. — 2015. — № 1. — Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/038/02_38.pdf (дата обращения: 02.05.2020).
16. Огурцов А. П. Наука и философия науки в современном обществе / А. П. Огурцов // Высшее образование в России. — 2008. — № 5. — С. 150–163.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Ю. В. Ключев, доктор политических наук, профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института
E-mail: klim-yurish@inbox.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Д. В. Зубко, кандидат филологических наук, ассистент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института
E-mail: prostdasha@yandex.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Klyuev Yu. V., Doctor of Political Sciences, Professor of the Higher School of Media Communications and Public Relations of the Humanities Institute
E-mail: klim-yurish@inbox.ru

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Zubko D. V., Candidate of Philology, Assistant of the Higher School of Media Communications and Public Relations of the Humanities Institute
E-mail: prostdasha@yandex.ru

ПРЕССА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ 1941–1945 ГГ.

А. В. Копец

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 22 мая 2020 г.

Аннотация: *исследование посвящено периодике Ставропольского края в 1941–1945 гг. Проведен типологический анализ данных газет, описаны способы связи с аудиторией.*

Ключевые слова: *средства массовой информации, медиакартинка мира, региональная газета, местная газета, СССР, Ставропольский край, Великая Отечественная война, газета «Ставропольская правда», газета «Пятигорская правда».*

Abstract: *the research is devoted to the periodicals of the Stavropol territory in 1941–1945. A typological analysis of newspaper data is carried out, and methods of communication with the audience are described.*

Keywords: *mass media, media picture of the world, regional newspaper, local newspaper, USSR, Stavropol territory, Great Patriotic war, newspaper «Stavropol Pravda», newspaper «Pyatigorsk Pravda».*

В 1941–1945 гг. на территории нынешнего Ставропольского края издавалась региональная газета «Ставропольская правда» («Орджоникидзевская правда» до 27 января 1943 г., г. Ставрополь; г. Ворошиловск с 5 мая 1935 г. по 12 января 1943 г.) и более десяти местных сельских и городских газет: «Пятигорская правда», г. Пятигорск; «Степновская правда», с. Степное; «Советский патриот», г. Кисловодск; «Советская здравница», г. Кисловодск; «Большевик», станица Горячеводская; «Большевицкая правда», г. Будённовск; «Социалистический путь», станица Ново-Александровская; «Большевицкая трибуна», с. Новоселицкое; «Социалистическая стройка», станица Александровская и др.

Учредителями выступали краевые, районные и местные органы власти. «Ставропольская правда» («Орджоникидзевская правда») выходила пять раз в неделю. Учредителями были: Орджоникидзевский крайком ВКП(б), крайисполком и Ворошиловский горком ВКП(б). С 27 января 1943 г. стала называться «Ставропольской правдой», т.к.г. Ворошиловск снова стал Ставрополем. Все издания были схожи по тематической структуре, идеологической направленности контента и оформлению. Разнились количество полос (2–4 полосы), периодичность выпусков (от двух до пяти, семи раз в неделю) и тираж: у «Ставропольской правды» («Орджоникидзевской правды») он составлял 50 000 экземпляров, у других — от 1500 до 5000 экземпляров. Стоимость периодических изданий варьировалась от 10 до 20 копеек. Бесплатно можно было прочесть газету в библиотеках и некоторых государственных учреждениях. Подшивки «Ставропольской правды» и некоторых других газет хранятся в Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова.

Предвоенная пресса публиковала материалы о строительстве нового советского государства, о модернизации промышленности и сельского хозяйства. Освещались краевые и союзные проблемы, достижения, печатались также международные новости. Например, в одном из номеров «Молодого ленинца» — органа Орджоникидзевского крайкома ВЛКСМ — опубликован материал «Как работает твой товарищ?» о трудовых звеньях девушек стройки Невинномысского канала [1], представлены и другие корреспонденции и статьи о событиях в стране и в мире, о трудовой и культурной жизни края.

В «Орджоникидзевской правде» опубликован материал «Великая стройка» [2]. В нем говорится о начавшейся в 1940 г. грандиозной стройке и о том, какие работы будут произведены в 1941 г. Интересно, что приближение войны все же чувствовалось, даже в материалах, не касавшихся напрямую военной темы — например, в корреспонденции «Мобилизовать все внутренние ресурсы промышленности» [3], рассказывавшей о государственной и кооперативной промышленности края. Разумеется, в газете печаталась официальная информация, материалы, освещающие местные проблемы, публиковались художественные произведения [4] и фотоиллюстрации. Цена в 1941 г. составляла 10 копеек.

В годы Великой Отечественной войны пресса не только поднимала боевой дух, печатала сводки с фронтов, размещала нормативные материалы действующей Советской власти, но и писала о помощи тыла фронту, об обстановке и проблемах в тылу, публиковала письма на фронт и с фронта, литературные произведения.

В период оккупации края (осень 1942 г. — зима 1943 г.) большинство газет не издавались, хотя выходила коллаборационистская периодика. После освобождения края советские издания возобновили

работу, теперь они рассказывали о победах красноармейцев и краснофлотцев, а также о восстановлении хозяйства после оккупации, о проблемах образования [5]. Под рубрикой «По Советскому Союзу» рассказывалось о событиях, произошедших в других республиках СССР. Публиковались приказы Верховного Главнокомандующего, постоянно печатались сводки Советского Информбюро. Очерк специального корреспондента Ставропольской правды» А. Колоскова рассказывал о семье Героя Советского Союза Алексея Галя из села Дмитриевского Ставропольского края [6]. Автор писал о том, как родители-труженики воспитали троих сыновей, защитников Родины, сражающихся на фронтах ВОВ. К несчастью, в дом пришла весть о гибели младшего — Алексея... Еще одна статья в краевой газете была посвящена важной роли СМИ: «Газета — центр массово-политической работы. «Вперед» — орган Егорлыкского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся» [7]. Публиковались не только материалы штатных и внештатных корреспондентов, но и статьи специалистов из различных социальных сфер.

Приближалась победа. Уже было ясно, что фашистская Германия обречена, и это находило отражение в СМИ: «Идем на запад победным путем. Бессмертный подвиг сержанта Бабина», «Мы — ставропольцы» [8; 9]. 9 мая 1945 г. газеты края вышли с материалами о Великой победе. «Ставропольская правда» вышла под общим заглавием: «Сегодня — 9 мая — праздник победы!». На первой полосе были размещены: «Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы», портрет И. В. Сталина, публикации о всеобщем ликование [10]. Тираж в 1945 г. составлял 54 000 экземпляров — по тем временам внушительное число для регионального издания. «Фашистская Германия капитулировала!» — под таким общим заглавием вышла газета «Пятигорская правда» 9 мая 1945 г., печатавшаяся в типографии имени Анджиевского. На первой полосе был помещен исторический текст: «Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Акт о военной капитуляции» [11]. Газета «Большевистская трибуна» (10 мая 1945 г.) села Новоселицкое Ставропольского края (тираж 2000 экземпляров) также объявила о Великой победе. Были напечатаны важные для местного населения объявления об оформлении и восстановлении документов. Среди материалов издания: «Приказ Верховного Главнокомандующего, сводки Советского Информбюро», «Советский народ торжествует. Незабываемое» [12]. Газета «Больше-

вик» (учредитель: орган Горячеводского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся, ст. Горячеводская) от 12 мая 1945 г. опубликовала «Обращение тов. И. В. Сталина к народу» с портретом главнокомандующего [13]. «Социалистическая стройка» — орган Александровско-Обильненского РК ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся — печатала и статьи собственных корреспондентов («Равняться по передовым») и наиболее важные материалы из газеты «Ставропольская правда» [14].

Так краевая и местная печать писала «историю современности», последовательно отражая реальные факты и события своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как работает твой товарищ? // Молодой Ленинец.— 1941.— № 125.— С. 1.
2. Чугуев С. Великая стройка / С. Чугуев // Орджоникидзевская правда.— 1941.— № 1.— С. 3.
3. Мобилизовать все внутренние ресурсы промышленности // Орджоникидзевская правда.— 1941.— № 2.— С. 1.
4. Колесникова, В. Радость жизни / В. Колесникова // Орджоникидзевская правда.— 1941.— № 1.— С. 3.
5. Михаил Георгиевич // Ставропольская правда.— 1945.— № 1.— С. 2.
6. Колосков А. Семья героя / А. Колосков // Ставропольская правда.— 1944.— № 1.— С. 2.
7. Газета — центр массово-политической работы. «Вперед» — орган Егорлыкского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся // Ставропольская правда.— 1944.— № 2.— С. 2.
8. Луценко И. Идем на запад победным путем. Бессмертный подвиг сержанта Бабина / И. Луценко // Ставропольская правда.— 1945.— № 1.— С. 3.
9. Чумак И. Мы — ставропольцы. Отрывок из книги о фронтовиках-ставропольцах / И. Чумак // Ставропольская правда.— 1945.— № 1.— С. 3.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы. Москва. Кремль. 8 мая 1945 года // Ставропольская правда.— 1945.— № 92.— С. 1.
11. Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Акт о военной капитуляции // Пятигорская правда.— 9 мая 1945 г.— С. 1.
12. Приказ Верховного Главнокомандующего / Большевикская трибуна.— 10 мая 1945 г.— С. 2; Григорьев М. Советский народ торжествует. Незабываемое / М. Григорьев // Большевикская трибуна.— 10 мая 1945 г.— С. 2.
13. Сталин И. Обращение тов. И. В. Сталина к народу / И. Сталин // Большевик.— 1945.— № 22.— С. 1.
14. Лахова В. Равняться по передовым / В. Лахова // Социалистическая стройка.— 1945.— № 50.— С. 1.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАПРАКТИКЕ

М. А. Крашенинникова, А. С. Супиченко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 16 марта 2020 г.

Аннотация: в настоящей статье исследованы основные аспекты технологии виртуальной реальности, выявлены ее виды, особенности, изучены теоретические источники, а также проанализированы примеры VR-проектов ряда современных зарубежных и отечественных медиа.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR, контент, медиа, технологии.

Abstract: The authors of the article investigated the main aspects of virtual reality technology, identified its types, features, studied theoretical sources, and also analyzed examples of VR-projects of a number of modern foreign and domestic media.

Keywords: virtual reality, VR, content, media, technology.

Виртуальная реальность в визуальной коммуникации. Примерно 90% сведений об окружающем мире человек получает при помощи зрительно-нервного аппарата [1]. Так, неотъемлемой частью его жизни в информационном обществе становится визуальная коммуникация — «способ общения, взаимодействия между людьми, который осуществляется с помощью зрительно воспринимаемых образов» [2]. В ходе такого рода обмена информацией человек получает благодаря материальному носителю особое сообщение и может познать его смысл даже без текстовой составляющей — при помощи образов, создаваемых знаками, символами, композицией и иными средствами визуализации. Такие сообщения посылают людям, например, произведения живописи, фотографические изображения, компьютерная графика, киноиндустрия, книжные издания, определенные социальные общности (благодаря наличию собственной символики), реклама, средства массовой информации.

Виртуальная реальность как метод визуальной коммуникации стала новым этапом и эффективным результатом эволюции визуальных техник после внедрения компьютерных технологий. Она значительно изменила отношения человека с окружающим его миром и собственным сознанием, а также открыла новые возможности для работы едва ли не во всех ведущих направлениях его деятельности [3]. Технология виртуальной или искусственной реальности (англ. *virtual reality*, далее возможно VR) — сгенерированный техническими средствами мир, в котором создается альтернативная версия реальности. Она отличается эффектом полного погружения, которое происходит за счет синтеза элементов, воздействующих сразу на несколько органов восприятия человека, в результате чего он реагирует на изображаемые в нем события как на действительно происходящие.

Типология и характеристики виртуальной реальности. Согласно концепции российского психолога, родоначальника виртуальной психологии и создателя отечественной школы виртуалистики Н. А. Носова, виртуальная реальность обладает несколькими важнейшими свойствами [4, 15]. В первую очередь, она является порожденной, то есть созданной искусственно и не имеющей реального представления. Во-вторых, она актуальна — существует именно в момент наблюдения и не имеет прошлого или будущего как таковых. Третьим свойством ее является автономность: виртуальная реальность обладает собственными законами функционирования. Наконец, она интерактивна, то есть способна взаимодействовать с другими реальностями, при этом оставаясь независимой от них.

Выделяют и такие специфические черты данной технологии, как: правдоподобность (человек верит в то, что в ней происходит, как если бы это была обычная реальность), «машинно-генерируемость» (технически она полностью зависит от дополнительного оборудования), доступность для изучения (не обладает сложным интерфейсом), а также возможность создания так называемого «эффекта присутствия» (оказывает влияние и вызывает реакцию одновременно всех органов чувств пользователя) [5].

Существует классификация виртуальной реальности. Первый тип — виртуальная реальность с эффектом полного погружения (или иммерсивная виртуальная реальность): в таком случае система, как правило в составе сложного комплекса устройств, представляет виртуальный мир с высокой степенью детализации и уровнем воздействия на пользователя. Также возможна виртуальная реальность и без эффекта погружения, например, объемные 3D-симуляторы среды или изображения, транслируемые на широкоформатных дисплеях. Другой тип технологии — с совместной инфраструктурой, как

правило, речь идет о компьютерных играх, которые требуют дополнительных платформ. Наконец, виртуальная реальность может быть основана на интернет-технологиях и задействована на различных сетевых ресурсах.

Стоит отметить, что выделяют также дополненную, или смешанную, реальность (англ. *augmented reality*, далее возможно AR), которая состоит из «обычной», настоящей реальности, но оптимизирована специфическими вмонтированными компьютерными объектами, которые как бы «расширяют» привычную картину мира. Нередко отмечается и наличие и гибридной реальности (англ. *mixed reality*, далее возможно MR), которая объединяет в себе черты виртуальной и дополненной реальности, то есть, одновременно реального и искусственно воссозданного миров.

Кроме того, виртуальная реальность делится на типы в зависимости от того оборудования, с которым пользователю приходится взаимодействовать. В первую очередь, это, конечно же, могут быть шлемы или очки виртуальной реальности, способные работать либо в связке с компьютером или мобильным устройством (например, в последнее время особо популярны картонные установки, в которые вставляется смартфон со стереоскопическим изображением), либо независимо функционировать благодаря самостоятельной операционной системе. Подобные системы, в зависимости от своей сложности, обеспечивают показ визуального материала, а также в некоторых случаях и аудиального.

Более «масштабный» уровень виртуальной системы — комната, *CAVE* (*Cave Automatic Virtual Environment* — «Пещера»), благодаря которой пользователь считывает визуальный контент прямо со стен помещения. Некоторые практики подчеркивают крайне высокий уровень интеграции данной системы с человеком, так как она позволяет ему «видеть себя» в процессе погружения (за счет отсутствия шлема или очков, отделяющих его от реальной картины). Не менее популярными считаются и перчатки виртуальной реальности — устройства, оптимизирующие взаимодействие с проектируемой средой за счет технических деталей.

Иммерсивная журналистика. Иммерсивная журналистика, или журналистика погружения, представляет собой относительно новый формат подачи актуальной информации, в ходе которого осуществляется эффект полного отождествления с передаваемой ситуацией. «Общая цель иммерсивной технологии — это создание прямого соединения между контентом и его восприятием для глубокого погружения в событийную среду истории, воспроизведение полной иллюзии присутствия в виртуальной репрезентации медиасобытия» [6]. В частности, для создания подобного формата, как правило, используются не только привычные для аудитории визуальные матери-

алы — графические изображения и видеоформат, но и аудиальная информация, а также специальные технические смоделированные условия, за счет которых и осуществляется опция иммерсии в искусственно созданный мир. Также нередко в таких проектах присутствует текстовая составляющая.

Таким образом, существует несколько возможных вариантов представления информации в журналистике, которые выходят за пределы стандартного восприятия реальности человеком. В первую очередь, это может быть видеозапись, созданная в панорамном режиме, с охватом фиксируемой картины в 360 градусов. Другим типом может быть использование технологии дополненной реальности: ситуации, когда погружение осуществляется лишь частично, и человек как бы «расширяет» реальный мир за счет технических средств и получает дополнительную информацию. Наконец, третий, наиболее технически сложный вариант иммерсивной журналистики — создание полноценных VR-проектов, которые обеспечивают эффект полного погружения и, в связи с этим, могут быть просмотрены аудиторией при помощи специализированного оборудования.

В журналистской практике технологии виртуализации начали применяться относительно недавно. В процессе исследования нами был проанализирован ряд крупнейших проектов как в отечественных, так и зарубежных СМИ различных сфер: радио, телевидение, а также в области новых медиа (интернет-издания и онлайн-версии печатных СМИ). В результате в работе будут подробно представлены шесть важнейших, на наш взгляд, иностранных проектов, которые, в первую очередь, завоевали внимание аудитории и экспертов, а также способны продемонстрировать разнообразие в выборе тем и форм для создания подобного контента. Кроме того, в рамках исследования была рассмотрена и отображена значительная часть существующих российских проектов, семь из которых, уникальных по формату, легли в основу данной работы.

Виртуальная реальность в зарубежных медиапроектах. Первым в мире автором и основателем данного направления, которую называют «родительницей VR-журналистики», считается внештатный автор американской газеты «Нью-Йорк Таймс» и журнала «Ньюсвик» Н. Де Ла Пеня. На протяжении многих лет она изучала технологию виртуальной реальности и рассматривала возможность ее использования в работе журналиста: именно она стала автором термина «иммерсивная журналистика». Де Ла Пеня участвовала в открытии лабораторий для работы и создании ряда пилотных историй, прежде чем в 2014 г. для Всемирного экономического форума она подготовила свой самый масштабный на тот момент «Проект “Сирия”» [7], посвященный бедственному положению людей, попавших в эпицентр вооружен-

ного конфликта. Он был показан на мероприятиях в Гонконге, Лондоне, Шеффилде и Нью-Йорке и даже продемонстрирован на национальном американском фестивале независимого кино, вызвав бурную положительную реакцию зрителей.

«Сирия» представляет собой воссозданный при помощи компьютерных технологий образ одного из местных городов. Зритель попадает в условия движения и звуков улицы, где переговариваются и перемещаются жители, ездят машины, колеблется от ветра свешенное с балконов белье и поет ребенок — но в какой-то момент на город падает авиационная бомба. После чего всю сцену заволакивает дымом, срабатывает сигнализация, а люди, хватая на руки тех, кто упал на землю, бегут в укрытие. В проекте также представлена другая, не менее впечатляющая сцена в лагере беженцев. Каждый ролик дополнен справочной информацией о деталях конфликта и жизни местного населения, вынужденного выживать в условиях военных действий. Важно отметить, что в ходе создания материала, на этапе его «компьютеризации», авторы использовали в качестве основы реальные кадры, снятые ими ранее на местах событий. Так, визуальная составляющая была заменена, однако был задействован зафиксированный на местности звук. В результате чего «картинка» выглядит крайне реалистично, даже несмотря на то, что в ее основе заложены элементы мультипликации и отчасти она напоминает компьютерную игру-симулятор жизни.

Опыт Де Ла Пеньи переняли крупнейшие зарубежные издания. Одним из ведущих поставщиков иммерсивного контента стала британская газета «Гардиан». В первую очередь, издание выпустило ряд видеопроектов в формате 360 градусов. Первый из них вышел осенью 2017 г. и был посвящен проблеме аутизма: семиминутный мини-фильм снят «от лица» героини-подростка, страдающей аутистическим расстройством и оказавшейся на праздновании дня рождения [8]. Благодаря визуальным и аудиальным спецэффектам пользователь может пережить все эмоции, которые испытывает девушка в различных социальных ситуациях — как она паникует, пугается, как ухудшается ее зрение и слух. Отмечается, что вся информация, представленная в ролике, была получена в ходе ряда исследований: масштабных фокус-групп, интервью и материалов научно-исследовательского центра болезни.

В 2016 г. «Гардиан» выпустила материал, рассказывающий об одиночном тюремном заключении [9]. В рамках проекта при помощи VR-очков пользователю предлагалось на протяжении девяти минут побывать на месте заключенного, для которого в качестве наказания было избрана мера пресечения в виде содержания в условиях строгой изоляции. Так, зритель оказывается в маленьком помещении с крошечным окном, спальным местом,

туалетом и металлической дверью с прорезью для передачи еды. Достаточно резкое, но вполне реальное, визуальное наполнение сопровождаются крики других заключенных, раздающиеся за дверью и стенами (отмечалось, что в проекте использованы подлинные тюремные звуки). «И вот ты здесь. Что же ты собираешься делать?» — спрашивает закадровый голос окунувшегося в атмосферу тюрьмы пользователя. Материал дополнен монологами семи человек, которые пережили одиночное заключение: они поделились своим опытом и рассказали о том, что им пришлось претерпеть в ходе отбывания срока.

Другим зарубежным СМИ, которое производит не менее актуальный популярный контент с применением VR-технологий, является американская газета «Нью-Йорк Таймс». Первые их подобные материалы появились в 2015 г. Основным типом такого контента являются видео в формате 360 градусов, нередко с применением спецэффектов. Стоит отметить, что издание работает совместно с профильной компанией «ВИЗИН» (WITHIN), основанной в 2014 г. и специализирующейся на захватывающем, расширенном формате сторителлинга при помощи новейших мультимедийных способов [10]. Так, одной из самых обсуждаемых их работ стал проект «Перемещенные», посвященный жизни детей, которые в результате вооруженных конфликтов в Южном Судане, Ливане и Донбассе лишились своего дома. В 11-минутном ролике зрителю предлагается «прожить» один день вместе с тремя маленькими жителями этих регионов: 11-летним Олегом, 9-летним Чуоном и 12-летней Ханой. Кадры обычных будней детей сопровождаются эпизодами их монологов о том, как они переживают происходящие события и что при этом чувствуют, а также о том, как с трудностями справляются взрослые. Пользователь как бы погружается в тот мир, в котором живут герои, видит, как под влиянием сложившихся обстоятельств они рассуждают и какие совершают поступки.

Стоит отметить, что техника съемки данного проекта обеспечивает полноценный эффект погружения в ситуацию — в отличие, например, от проекта «Сирия», который воссоздан в формате «компьютеризированной» реальности: формат репортажа в большей мере позволяет зрителю «поверить» в происходящее и «проникнуться» к героям сюжета. В данном случае материал в некоторой мере напоминает кинокартину, документальную, с присутствием художественных элементов: с одной стороны, он повествует о реальных событиях и людях, с другой — в нем присутствует некая драматургия, которая, вероятно, была создана в том числе при помощи постановочных кадров.

В то же время, пишет «Гардиан», раскрытие подобной тематики при помощи технологий VR способно оказать определенный эффект в обществе [11]. В частности, в ООН называют их «совершенной ма-

шиной, вызывающей сочувствие и эмпатию», и считают, что этот формат способен «склонить» людей к участию в оказании гуманитарной помощи пострадавшим регионам, о которых идет речь в проекте. С 2015 г. в организации существует специальное направление «ЮЭнВиАр» (*UNVR*), которое занимается разработкой короткометражных VR-фильмов, посвященных людям, живущим в условиях нехватки пищи, воды или жилья и других жизненно необходимых ресурсов.

Еще одним VR-проектом «Нью-Йорк Таймс», который выделяется из ряда других, можно назвать экспериментальный ролик «Полет» [12]. Работа была создана в несколько «футуристическом» формате: в ходе трехминутного видео зрителю предлагается подняться на высоту нескольких десятков километров над центром Нью-Йорка и увидеть среди облаков, Луны и звезд сказочные образы, в которых предстали известные голливудские актеры Ш. Терон, М. Фассбендер, Р. Мара, Л. Томлин, М. Маккарти, Б. дель Торо, Дж. Митчелл и Дж. Тремблей. Несмотря на то, что проект носит явно развлекательный характер, он выполнен качественно с точки зрения визуального наполнения и «зрелищности» и стоит внимания не в меньшей мере, чем остальные материалы издания.

В ряде других авторов зарубежных VR-проектов также можно отметить американский научно-популярный телеканал «Нэшнл Джеогрэфик», британскую радиостанцию «БиБиСи Рэйдио Фор» (*BBC Radio 4*).

Виртуальная реальность в отечественной медиaprактике. Одним из «первооткрывателей» иммерсивного контента в отечественной журналистской практике, наравне с мировой, стал международный телеканал «АрТи». Новый формат проектов, созданных в жанре панорамных видеорепортажей, был запущен в декабре 2015 г. Каждый из сюжетов, представляющий собой короткий (2–4 минуты) 360-градусный видеоролик с живым звуком или наложенным саундтреком, непременно связан с актуальным событием. Крупнейшими проектами телеканала в области виртуализированных форматов стали серия уникальных видеороликов, посвященных событиям в России 1917 г. — «Революция 360» (2017), а также первый в истории фильм, снятый в открытом космосе, *SPACE360* («СПЕЙС 360») (2017), созданный совместно с госкорпорацией «Роскосмос» и ведущим российским ракетно-космическим предприятием «Энергия».

В то же время, вероятно, ведущим на данный момент и наиболее прогрессивным производителем VR-проектов является информационное агентство РИА Новости (МИА «Россия Сегодня»). В 2018 г. на базе редакции была создана экспериментальная платформа «РИА. Lab», цель которой — «взглянуть на сторителлинг по-новому». В частности, авторы предлагают пережить опыт героев своих материа-

лов и «увидеть то, что невозможно увидеть, и побывать там, где никто никогда не бывал». Все проекты доступны как в компьютерной версии, так и в специальном мобильном приложении, разработанном для устройств различных платформ. Стоит отметить, что «набор» проектов РИА Новости несколько разнообразнее по способу исполнения. Всего на момент исследования их представлено семь, четыре из которых разработаны с использованием технологии дополненной реальности и три — в уникальном формате виртуальной реальности, полностью искусственно воссозданной. Авторы особо подчеркивали тот факт, что в настоящее время в отечественной медиaprактике это единственный в своем роде опыт представления журналистских материалов. Также важно и то, что, например, в отличие от работ «АрТи», среди которых преобладают посвященные актуальной информации и новостям (вероятно, за исключением крупнейших вышеуказанных), данные проекты выполнены в направлении так называемой социальной журналистики и посвящены общественно значимым темам и проблемам. В частности, в одном из AR-материалов речь идет о жизни самой известной российской отшельницы А. Лыковой. Особый интерес к данной работе может заключаться в том, что, помимо электронного формата, она была представлена в рамках фотовыставки, посетители которой могли не только оценить представленные на экспозиции снимки, но и получить дополнительные факты о рассказываемом сюжете при помощи своих смартфонов и QR-кодов, размещенных наравне с экспонатами. Так, работы фотожурналиста агентства были дополнены аудио- и видеоматериалами путешествия к заимке отшельницы с записями окружающей природы, быта героини, голосов проводников корреспондентов, а также материалов хроники.

Два крупнейших спецпроекта РИА Новости были представлены в ноябре 2018 г. и в январе 2019 г. Первый из них, «Механика аутизма», рассказывает о жизни людей с расстройством аутистического спектра. Отличительной чертой работы, как уже было отмечено, является то, что реальность, в которую погружается зритель, была полностью искусственно воссоздана компьютерным методом, и он имеет возможность не только оценить происходящее со стороны, но и оказаться на месте человека, о котором идет речь, то есть, увидеть мир его глазами. «То, что испытывает человек в нашем проекте, — это не фантазия, не художественный образ и не метафора. Все, что видит зритель, — это точная реконструкция происходящего в голове у человека с аутизмом», — подчеркивала заместитель главного редактора МИА «Россия сегодня» Н. Лосева в интервью изданию «Журналист» [13].

Следующим стал материал «Слепые в большом городе», посвященный жизни людей с серьезным повреждением или полным отсутствием зрения.

Авторы предприняли попытку воссоздать ту реальность, которую видит такой человек: в ходе погружения пользователь наблюдает лишь абсолютную темноту, изредка разбавляемую проблесками света и бликами окружающих фигур. В лице трех героев он переживает несколько привычных и не вызывающих у обычного человека трудностей ситуаций и пытается адаптироваться к новой реальности, взаимодействуя с миром, ориентируясь исключительно на окружающие звуки, голоса людей, гул помещений и постукивание трости. Также присутствует сразу несколько форматов подачи информации и элементы интерактивности. Кроме того, стоит отметить, что в проекте особенно интересны именно результаты журналистской работы, а именно то, что на протяжении всего «пути» по искусственному миру пользователя «сопровождают» реальные герои (а не некий «собираемый образ», как в предыдущем материале), которые непосредственно являются носителями особенностей зрения. Они не только раскрывают «техническую» сторону своей жизни — то, как им приходится взаимодействовать с другими людьми или как на их появление реагируют прохожие, но и более личную: они рассказывают о своей семье, быте и общении с детьми, которые пока не до конца понимают особенности мировосприятия своих родителей.

В апреле 2019 г. РИА Новости выпустило третий крупнейший проект, созданный с использованием технологии виртуальной реальности — «Валерка встречает Гагарина», в основе которого лежат реальные события 60-летней давности, а именно 14 апреля 1961 г., когда Москва встречала успешно вернувшегося из первого полета в космос Ю. Гагарина. Пользователю предлагается «представить себя» школьником и полноценно окунуться в атмосферу советской жизни (продолжительность сеанса варьируется в зависимости от желания зрителя и может занимать в среднем от 15 до 30 минут). Данная работа в значительной мере отличается от всех предыдущих проектов агентства. В первую очередь стоит подчеркнуть нестандартный подход авторов к выбору темы: ею стал не сам полет в космос, а именно встреча космонавта, которая, как становится понятно из проекта, была не менее торжественна и знаменательна для многих жителей города. Также нельзя не отметить режиссуру: присутствует четкая проработанность сюжетной линии (в ходе просмотра не возникает непонятных ситуаций или вопросов по навигации в пространстве — в частности, чтобы зритель мог себя идентифицировать с героем, его сначала показывают со стороны), а также интересно подобранные взаимосвязи между эпизодами и типами материала (в работе использованы не только смоделированные в 3D фигуры окружающей среды, но и текстовые составляющие, документальное видео, аудиосообщения, а также фотографические изображения).

Представители других российских СМИ также начинают экспериментировать с новым форматом. Это ряд ведущих телеканалов, например «Первый канал» или «Россия 24», а также информационное агентство ТАСС и мультимедийный информационный центр «Известия» (объединенная редакция портала газеты «Известия», РЕН ТВ и Пятого канала). К примеру, в сетевых версиях телеканалов популярным становится формат 360-градусных репортажей или даже развлекательных программ. Так, первым подобным опытом для «России 24» стало «виртуальное путешествие» по территории музыкального рок-фестиваля «Нашествие» в 2016 г., в ходе которого пользователь мог как прослушать стенд-ап корреспондента, так и виртуально «прогуляться» по окрестностям мероприятия.

В 2018 г. первый иммерсивный материал был создан и в редакции ТАСС. Проект «Люди, которых возьмут в будущее», разработанный совместно с Третьяковской галереей, представляет собой виртуальное путешествие в мир выдающегося современного русского художника И. Кабакова и его жены-соавтора. В ходе ознакомления зритель имеет возможность не только увидеть экспонаты реальной выставки, но и прослушать подробную информацию о каждом из них.

Перспективы использования технологии виртуальной реальности при создании медиапроектов. На данный момент проекты с использованием технологий виртуальной реальности пока незначительно распространены в сфере журналистики, в особенности среди российских СМИ. Однако медиаэксперты и медиаменеджеры активно обсуждают возможности и перспективы развития данного направления. Так, в 2017 г. информационное агентство «Ассошейтед Пресс» выпустило сборник «Гид по миру иммерсивного контента для журналистов», изложив в нем историю, а также основные принципы и особенности «динамического сторителлинга» [14]. По мнению ряда авторов, принявших участие в составлении отчета, иммерсивные технологии соответствуют новому, не имеющему аналогов уровню подачи визуальной информации. Эксперты считают, что подобные приемы следует использовать в рамках журналистской деятельности, так как они действительно способны затрагивать чувства аудитории — более того, гораздо быстрее, чем другие платформы. «В то же время они дарят им чувство свободы, а значит, вызывают более сильную реакцию, чувство соучастия и экстремально яркое воспоминание об этом опыте», — считает основатель VR-проектов при ООН Г. Арора [15].

Не исключено, что уже в ближайшие несколько лет большая часть предметов, окружающих человека, будут дополнены экстра-информацией, доступной при наведении смартфона на эту вещь. Пользователи смогут не просто быть зрителем истории, но и сканировать и переносить в 3D-формате свой образ

в виртуальное пространство. Расширятся возможности жанров: например, в телевизионных ток-шоу или в политических дебатах будет возможно непосредственное участие в них глобальной аудитории. Также в виртуальной реальности может появиться такая опция, как передача запаха — она способна сделать погружение пользователя в среду еще более правдоподобным и запоминающимся. При помощи мобильного телефона можно будет воспроизводить 3D-копию любого предмета, что полностью изменит взгляд журналистов на запечатленного окружающего мира.

С другой стороны, к иммерсивному направлению стоит подходить с осторожностью, так как СМИ не всегда могут с точностью определить, какой проект по достоинству оценит их аудитория. Кроме того, использование новых визуальных технологий передачи информации подразумевает наличие соответствующих компетенций у журналистов, а также адекватное соотнесение особенностей работы с базовыми принципами профессиональной этики. Проекты с использованием VR отличаются неравной доступностью для аудитории и поэтому могут производить отрицательный эффект. Более того, существует мнение, что технологии VR в журналистике могут «изжить» себя так же быстро, как они появились в этой индустрии.

Российские же эксперты, в частности руководитель проекта «АрТи360» (RT360) Э. Чижиков, вполне уверен в том, что виртуальная реальность станет популярным форматом данных и в журналистской сфере, который, вероятно, способен даже вытеснить телевизионную картинку. «Мы сняли в панорамном формате уже более 150 видео — это своего рода хроника нашего времени. Смотреть ее будут и через десятки лет, как сейчас мы смотрим, например, первые кинокадры Москвы», — отметил он, подчеркнув, что «уже сейчас» необходимо работать над техническим обеспечением VR-съемки, например, на поверхности Луны [16].

В свою очередь заместитель главного редактора МИА «Россия сегодня» Н. Лосева считает, что иммерсивная журналистика является абсолютно уникальным методом, в котором по-новому рассматриваются понятия считывания информации (пользователь не читает, не просто смотрит, а проживает историю, оказываясь в теле ее героя), пространства истории и ее построения, дизайна [17].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Быков А. Цвет и зрение / А. Быков // Наука и жизнь, 1974. — URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/24031> (дата обращения: 7.12.2018).
2. Шевченко В. Э. Теоретические основы визуальной коммуникации. / В. Э. Шевченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 20 (163). — URL: [http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-](http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-vizualnoy-kommunikatsii)

[vizualnoy-kommunikatsii](#) (дата обращения: 7.12.2018).

3. Крюкова С. В. Визуальная культура как социокультурный феномен / С. В. Крюкова // Аналитика культурологии. — 2015. — № 2 (32). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-1> (дата обращения: 7.12.2018).

4. Осипов М. П. Системы виртуальной реальности: учебно-методическое пособие / М. П. Осипов. — Нижний Новгород, 2012.

5. Woodford C. Virtual Reality / C. Woodford // ExplainThatStuff. 2016. — URL: <https://www.explainthatstuff.com/virtualreality.html> (дата обращения: 8.12.2018).

6. Замков А. В. Иммерсивная журналистика: подходы к теории и проблемам образования / А. В. Замков, М. А. Крашенинникова, М. М. Лукина, Н. А. Цынарева // Современные информационные технологии и ИТ-образование. — 2017. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnaya-zhurnalistika-podhody-k-teorii-i-problemam-obrazovaniya> (дата обращения: 16.02.2019).

7. Project Syria // Steam. 2014. — URL: https://store.steampowered.com/app/491790/Project_Syria (дата обращения: 1.03.2019).

8. The Party: a virtual experience of autism — 360 video // The Guardian. 2017. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/oct/07/the-party-a-virtual-experience-of-autism-360-video> (дата обращения: 02.03.2019).

9. 6x9: a virtual experience of solitary confinement // The Guardian. 2017. — URL: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2016/apr/27/6x9-a-virtual-experience-of-solitary-confinement> (дата обращения: 02.03.2019).

10. WITHIN — About / WITHIN. 2014. — URL: <https://www.with.in/about> (дата обращения: 02.03.2019).

11. Anderson M. Can tearjerker virtual reality movies tempt donors to give more aid? / M. Anderson // The Guardian. — 2015. — URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2015/dec/31/virtual-reality-movies-aid-humanitarian-assistance-united-nations> (дата обращения: 02.03.2019).

12. New York Times: Take Flight // WITHIN. — 2015. — URL: <https://www.with.in/watch/nyt-mag-vr-take-flight> (дата обращения: 02.03.2019).

13. Болдырева А. Наталья Лосева: «Такая ситуация в журналистике, как сейчас, случается раз в 15 лет» / А. Болдырева // Jrnlst.ru. 2019. — URL: <https://jrnlst.ru/immersiv-journalism> (дата обращения: 2.03.2019).

14. A guide for journalists in a world of immersive 3D content // AP. 2017. URL: https://insights.ap.org/uploads/images/ap_insights_the_age_of_dynamic_storytelling.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

15. Руководитель RT360 Эдуард Чижиков: мы замахнулись на космос // РИА Новости. 2017. — URL: <https://ria.ru/20171004/1506154026.html> (дата обращения: 18.03.2019).

16. Руководитель RT360 Эдуард Чижиков: мы замахнулись на космос // РИА Новости. 2017. — URL: <https://ria.ru/20171004/1506154026.html> (дата обращения: 18.03.2019).

17. Лекция Н. Лосевой, Д. Фатыхова, А. Попова. Иммерсивная журналистика: как работать

с VR-технологиями.— URL: http://pressmia.ru/special_lektoriy/20190418/952312875.html.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Крашенинникова М. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики

E-mail: mashagarnova@gmail.com

Супиченко А. С., выпускница магистерской программы «Теория и экономика цифровых медиа»

E-mail: asupichenko@rambler.ru

Lomonosov Moscow State University

Maria A. Krasheninnikova, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the New Media and Communication Theory Department

E-mail: mashagarnova@gmail.com

Supichenko A. S., graduate of the master's program "Theory and Economics of digital media"

E-mail: asupichenko@rambler.ru

ОБРАЗ ПЕТРА I НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК» В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

О. С. Кругликова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье¹ на основе анализа интерпретаций образа Петра I, данных в публикациях журнала «Современник» в 1855–1866 гг., делается вывод о том, что трактовка образа первого русского императора была во многом обусловлена общей исторической концепцией редакции журнала, провозглашавшей главной движущей силой истории народы, а не государства и не отдельные личности.

Ключевые слова: Петр I, историческая память, «Современник», Н. А. Добролюбов, В. Г. Белинский.

Abstract: the article analyzes the interpretations of the image of Peter I, presented in the publications of the journal "Sovremennik" in 1855–1866. It is concluded that the journalists interpreted the image of the first Russian emperor following the general historical concept of the magazine's editorial board, which proclaimed peoples as the main driving force of history, not states and not individuals.

Keywords: Peter I, historical memory, "Sovremennik", N. A. Dobrolyubov, V. G. Belinsky.

Изучение различных интерпретаций образа Петра Великого в изданиях XIX в. представляется актуальным и важным, а принципиальное значение для такого изучения имеет обращение к материалам журнала «Современник» как одного из наиболее влиятельных изданий пореформенной России. Очевидно, что позиция «Современника» в отношении исторической роли Петра I проистекала из журнальной полемики 1830–40-х гг. и во многом опиралась на взгляды В. Г. Белинского, но первые годы правления Александра II, которые С. А. Венгеров назвал «медовым месяцем русского прогресса», предоставляли журнальному диалогу куда больше широты и свободы, чем николаевское время, так что позиции полемистов именно в 1860-е гг. развились полнее и обозначались четко и ясно [1, 46]. Кроме того, именно в это время происходит интенсивное развитие русской исторической науки, в том числе становление историографии петровской эпохи, находившее живой отклик на страницах периодики, что повлияло на определение хронологических рамок исследования.

Важность осмысления роли Петра Великого, которого Белинский, по словам К. Д. Кавелина, «боготворил» [2, 177], была обозначена идейным лидером «Современника» еще в конце 1840-х гг. Как вспоминал И. И. Панаев, «Белинский глубоко благоговел перед реформой Петра I и оправдывал ее во всех ее

крайностях» [2, 259]. Столь же однозначной представлялась позиция Белинского и И. С. Тургеневу: «Он верил, что нам нет другого спасения, как идти по пути, указанному нам Петром Великим, на которого славянофилы бросали тогда свои отборные перуны» [2, 500].

Однако журнальные выступления самого Белинского в его зрелый период свидетельствуют о том, что его взгляд на деятельность Петра не был односторонним и категоричным. Признавая, что «все, что ни есть в современной России живого, прекрасного и разумного... есть результат реформы Петра Великого», критик при этом не отрицал, что и в отношении славянофилов к русскому европеизму есть много в корне верного, соглашался и тем, что отсутствие нравственного единства в русской жизни «делает нас какими-то междоумками, которые хорошо умеют мыслить по-французски, по-немецки и по-английски, но никак не умеют мыслить по-русски; и что причина всего этого в реформе Петра Великого» [3, 651]. Однако для Белинского было принципиально важно, что «нельзя остановиться на признании справедливости какого бы то ни было факта, а должно исследовать его причины в надежде в самом зле найти и средства к выходу из него» [3, 651–652]. Поэтому он остро сознавал важность глубокой разработки исторического материала петровской эпохи, и не раз повторял своим соратникам: «Пишите скорее его историю... пройдет сто лет, никто не поверит, что Петр не миф, а историческая действительность» [2, 177].

Таким образом, Белинский обозначил две основных тенденции дальнейшего развития позиции «Современника» в этом вопросе: во-первых, обобщенно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42018.

позитивное отношение к реформе Петра, т.е. признание, что благотворные стороны окупали с лихвой ее негативные последствия, во-вторых — стремление к кропотливому и ответственному собиранию и обнародованию исторических материалов петровской эпохи. В «Современнике» шла постоянная работа по публикации различных документов, относящихся к истории петровского времени: материалы о положении женщин на Руси до Петра, о состоянии русской артиллерии в петровскую эпоху, о процессе коронации императора и т.д. на протяжении первого десятилетия издания постоянно встречаются на страницах журнала [4]. При этом особенный акцент журнал делает на том, какое огромное значение имеют документы личного происхождения, отражающие частности, например, в 6 номере за 1850 г. «Современник» публикует воспоминания очевидца о похоронах старшего брата Петра царя Федора Алексеевича, от редакции подчеркивается, что хотя в описываемой церемонии Петр является второстепенным персонажем, но тем не менее это частный документ для создания истории Петра имеет существенное значение, поскольку характеризует личность и внутренние переживания юного царевича.

Важно отметить, что публицисты журнала понимали неготовность современной им исторической науки и тем более публицистики дать всестороннюю глубокую оценку деяний Петра. Многочисленные публикации, с одной стороны, фиксировали исторические факты, запечатлевая эпоху преобразований в полноте ее величия, с другой — размышляли положительную характеристику Петра, открывая неприглядные стороны его царствования и черты личности. В сочетании с растущей критикой со стороны славянофильского направления эта публикационная активность привела к тому, что М. Н. Погодину на страницах «Русского вестника» пришлось констатировать, что «Слава, как луна, имеет свои фазы. Слава Петрова находится ныне в ущербе: многие вновь открытые документы из архивов тайной канцелярии бросили в последнее время мрачную тень на его личный характер, а пробуждающееся народное сознание преисполняется в некоторых негодованием на него за насильственное подчинение России иностранному, европейскому влиянию... Точно, по делам тайной канцелярии Петр является часто лицом, возбуждающим ужас и отвращение, — но разве всю свою жизнь проводил он в селе Преображенском и Петропавловской крепости? Не угодно ли безусловным его обвинителям прогуляться по России? И в Архангельске, Воронеже, Кронштадте, Переяславле, Астрахани, Нарве, Азове, Дербенте, Полтаве — на всяком почти шагу в России бросятся им в глаза следы Петровой деятельности другого рода» [6, 699].

Пожалуй, наибольший накал полемики вызывали не публикации отдельных документов и источников, а первые попытки систематизации их, особенно та-

кой масштабный труд, как «История Петра Великого» Н. Г. Устрялова. В течение 1858–1863 гг. увидели свет пять томов этого исторического сочинения и три тома приложений. Все это время каждый новый том провоцировал новый виток полемики.

На страницах «Современника» откликнулся на труд Устрялова Н. А. Добролюбов. В трех статьях, продолжающих друг друга, критик дал не только развернутую оценку труда историка, но и многократно повторил панегирическую характеристику царя-преобразователя: «Да, Петр разрешил вопросы, давно уже заданные правительству самую жизнью народной, — вот его значение, вот его заслуги. Напрасно приверженцы старой Руси утверждают, что то, что внесено в нашу жизнь Петром, было совершенно несообразно с ходом исторического развития русского народа и противно народным интересам. Обширные преобразования, противные народному характеру и естественному ходу истории, если и удаются на первый раз, то не бывают прочны. Преобразования же Петра давно уже сделались у нас достоянием народной жизни, и это одно уже должно заставить нас смотреть на Петра как на великого исторического деятеля, понявшего и осуществившего действительные потребности своего времени и народа, а не как на какой-то внезапный скачок в нашей истории, ничем не связанный с предыдущим развитием народа» [7, 27].

В мае 1858 г. сходные размышления, вызванные книгой Устрялова, фиксирует на страницах знаменитого дневника близкий в это время к кругу «Современника» А. В. Никитенко: «Прочитал я вышедшие в свет три тома «Истории Петра Великого» Устрялова, доведенной до начала Северной войны, и убедился, что истории Петра Великого у нас все еще нет. Автору открыты были государственные архивы. Он собрал много материалов, сгруппировал их и привел в известный порядок, — а истории все-таки не написал. Чтобы понять Петра Великого, его реформу и необходимость ее для России, надобно было прежде всего дать полную картину положения России в конце VII столетия, а не изображать одни стрелецкие бунты, как это сделал Устрялов». Никитенко отмечал несоответствие между позитивным образом допетровской Руси, данным Устряловым в кратком вступительном очерке, и фактами неурядиц политической жизни, которые потребовали последующих реформ. «Как же согласить одно с другим? Вы ожидаете, что автор сам себе задаст этот вопрос и постарается решить его. Ничуть не бывало. Соединив эти два несовместимые положения вещей, он преспокойно отправляется в свой исторический путь и начинает стрельцами и Софиею, а читателя предоставляет собственным выводам и заключениям» [8, 68].

Это же несоответствие бросилось в глаза и Добролюбову: «Казалось, благоденствие должно было водвориться в государстве прочно и невозмутимо; в на-

роде должно было утвердиться довольство; с каждым годом все должно было улучшаться и совершенствоваться силою внутреннего, самобытного развития; не предстояло, по-видимому, ни малейшей нужды в уклонении от прежнего пути; тем менее могла представляться надобность в каких-нибудь преобразованиях. Так именно и говорят приверженцы старой Руси; так говорил Карамзин, то же заставляет думать обозрение *светлой* стороны древней Руси, сделанное г. Устряловым. Но не то говорят факты, представляемые им же в первом томе «Истории Петра» [7, 24].

Автор «Современника» приводит в статье сопоставительную таблицу, в разных столбцах которой делает выдержки из книги Устрялова, содержащие мысли, прямо противоречащие друг другу и друг друга опровергающие. «Странно было бы думать, — пишет Добролюбов, — что автор «Истории Петра» не заметил сам, прежде всех, этих противоречий. Напротив — он, по-видимому, с тем и выставлял их, чтобы показать разлад действительного хода дел в древней Руси с тем, что должно бы быть по закону. И вот здесь-то и выказывается вполне недостаточность в истории исключительно государственной точки зрения, принятой автором. По анатомическому исследованию форм государственного скелета — все, кажется, в порядке, общая система составлена стройно и строго; но в живой народной жизни оказываются такие раны, такие болезни, такой хаос, который ясно показывает, что и в самой сущности организма есть где-то повреждение, препятствующее правильности физиологических отправления» [7, 24].

Высказанное Добролюбовым требование писать историю народа, а не историю замечательного человека и тем более не историю государства высказывается на страницах «Современника» многократно. Такой же недостаток журнал отмечает и в эскизе памятника тысячелетию Руси, представленном скульптором Микешиным, где, по мнению редакции, мы видим знаменитых лиц нашей страны, но не видим ни России, ни русского народа; этот же упрек повторяется в рецензии П. П. Пекарского на 6 том труда Устрялова, который, «не сообщил ни одного материала для разъяснения жизни народа и его судьбы при Петре Великом. Между тем за материалами этого рода не надобно ездить в Вену и другие европейские столицы, их можно найти хотя бы в полном собрании законов российской империи» [5, 79].

Такой подход отчасти сближает публицистов «Современника» позицией Н. А. Полевого, в свое время восставшего на Карамзина за «Историю государства русского». И хотя сам Добролюбов называет попытку истории Полевого неудачной, в его критике труда Устрялова, прослеживается продолжение этого диалога. При этом Добролюбов четко соотносит «Историю Петра» с карамзинской традицией: «Даже по самым внешним приемам, по расположению статей, примечаний и приложений, по манере изобра-

жения частных событий, — ни одна из исторических книг не напоминала нам так живо Карамзина, как «История Петра» г. Устрялова» [7, 14].

Общий вывод, к которому пришел Добролюбов, перечислив и проанализировав приведенные Устряловым факты и рассуждения, следующий: «Переворот, совершенный Петром, был быстр, но не был насильственным» [5, 36]. Безусловно, такая постановка вопроса задевала за живое представителей славянофильства, традиционно отмечавших не только насильственный, но волюнтарный и необоснованный характер реформ Петра, имевших, с их точки зрения трагические последствия. По выражению Ю. Ф. Самарина, Петр — «воплощенный силлогизм, вооруженный дубиной, который искалечил народный организм» [9, 67]. И. С. Аксаков по выходе первого тома обращается в письме к Ю. Ф. Самарину: «Не напишете ли Вы разбор Устрялова или — если не разбор, так «несколько слов по поводу». Во всех журналах появились разборы «Истории Петра»... Константин Сергеевич желает писать, и пусть напишет, я его в этом сильно поддерживаю, но Вы сами знаете — он может быть пристрастен к Петру и потому несправедлив; к тому же это такой вопрос, о котором можно десять статей поместить разных авторов» [9, 66]. Константин Сергеевич не исполнил своего намерения, отказался от этого и Самарин. В ответном письме он пояснил причины своего отказа: «Надобно сознаться с прискорбием, что никто из нас не в состоянии написать дельной критики на Устрялова. Ни вы, ни я, ни Константин ничего не читали о Петре или почти ничего; нет между нами специалистов, мы все мало, очень мало работаем, а только наигрываем вариации на две, три темы, как старые шарманки» [9, 67]. Необходимо отметить, что такая самокритика была скорее показателем высокой требовательности Ю. Ф. Самарина к себе и своим соратникам, нежели свидетельством недостаточности специальных знаний именно у славянофильских деятелей. При отсутствии не только системно изложенной истории петровской эпохи, но и разработанных методов исторической науки, все, чем располагали лучшие деятели журналистики этого времени — это обширный, хотя и весьма неполный круг некомментируемых «сырых» источников, системная работа с которым представляла собой титанический труд.

Статьи Добролюбова имели целью в большей степени высказать собственный взгляд на эпоху Петра (и косвенно на современный автору политический процесс), нежели дать оценку труду Устрялова. Объявляя, что намерен просто «воспользоваться материалом, собранным в труде г. Устрялова, передать читателям главнейшие результаты, добытые трудом историка», Добролюбов дает несколько иначе акцентированную интерпретацию тех же фактов, по-своему истолковывает исторические сведения, представленные историком, продолжая развивать

и разносторонне обосновывать свой тезис о естественном характере реформ Петра, который «по своему воспитанию и по коренным убеждениям принадлежал своему времени и народу... Как ни высоко стал Петр своим умом и характером над древнею Русью, но все же он вышел если не из народа, то по крайней мере из среды того самого общества, которое должен был преобразовать» [7, 36–37].

Историк уделяет значительное внимание вопросу о том, насколько значительным было влияние иностранцев, прежде всего Лефорта, на устремления царевича к преобразованиям европейского образца — критик «Современника», анализируя те же сведения, изменяет саму постановку вопроса: «Люди не могут так закалить характера человека; это дается от природы и образуется событиями. События и воспитали в Петре природную живость и энергию его натуры; события же до известной степени определили и его отношения к древней Руси, с ее предрассудками, грубостью и невежеством» [7, 51]. Среди обстоятельств, имевших принципиальное влияние на царевича, Добролюбов указывает, прежде всего, на то, что «живя вместе с матерью в Преображенском, далеко от дворских интриг», будущий император не сблизился, не сроднился с тем порядком, который веками господствовал при московском дворе, так что «уже это одно... должно было предохранить его от многих заблуждений и дурных привычек, бывших неизбежными при тогдашнем придворном воспитании» [7, 52]. Кроме того, опала матери и её приближенных, составлявших детский круг общения царевича, должна была естественно настроить его против боярства и двора, а вместе с тем и против тех национальных обычаев, которые ими олицетворялись.

Описывая юность Петра, Добролюбов совершенно не обращает внимания на формирование нравственных качеств царевича, говоря лишь о том, что его отличала живость натуры и жажда знаний, хотя и не поддерживаемая, но зато и не стесняемая матерью, эмансипированной воспитанницей Артамона Матвеева. Описывая юношеские артиллерийские потехи и фейерверки царевича, при которых бывало, гибли люди, или его первый неудачный военный поход к стенам Азова, который стоил огромных людских потерь и напрасно потраченных ресурсов, Добролюбов лишь указывает на некомпетентность и бестолковость тогдашнего окружения Петра, но не обращает внимания на то, с каким чувством сам царевич принимал эти факты. А между тем многим более поздним биографам Петра бросалось в глаза, что совершенное равнодушие, с каким царственный отрок взирал на гибель участников своих военных потех, было симптомом будущей готовности идти к государственной цели, не слишком тревожась о её цене.

Впрочем, можно предположить, что этот аспект не привлек к себе внимания Добролюбова не только потому, что несколько не укладывался в общую

канву его исторических взглядов, но и потому, что в это время неосторожные предположения о характере государя могли вызвать негативную реакцию со стороны цензуры. При издании собрания сочинений Добролюбова исследователями были выявлены многочисленные изменения, внесенные цензурой в текст первой статьи об «Истории Петра», которые, несомненно, повлияли на изменение тона двух последующих публикаций [7]. Не случайно воздерживался от оценок нравственной стороны воспитания царевича и сам Устрялов. Никитенко, критически оценивая на страницах дневника слог Устрялова, отмечал в нем «явное подражание карамзинской манере, отчего выходит старинная пухлая риторика, чистенько прибранная, но нестерпимая в наше время», и обращает внимание на сдержанность манеры изложения: «ни одной яркой характеристики, ни одного живого образа. Все гладко и плоско, не исключая самого Петра, который и в ребячестве, и в юношеском возрасте является без образа и физиономии, тогда как в приложениях множество материала, где жизнь бьет ключом» [8, 69]. Скорее всего, сдержанность манеры историка объяснялась тем, что добросовестность исследователя порой вступала в конфликт с нежеланием обострять взаимоотношения с цензурой, так что яркостью красок приходилось пожертвовать в пользу разумной осторожности.

Та же разумная осторожность, вероятно, повлияла и на нарушение хронологического порядка публикации частей «Истории Петра» — шестой том научного труда был выпущен в 1859 г., после публикации второй части четвертого тома, минуя пятый. В шестом томе рассматривались подробности дела царевича Алексея, т.е. одного из наиболее печальных эпизодов Петровского правления, могущего к тому же бросить тень не только на самого императора, но и на прародителей некоторых высокопоставленных дворянских фамилий, сыгравших неприглядную роль в этом трагическом деле. В николаевские времена публикация подобных изысканий была очевидно невозможна, а цензурный режим нового царствования пока находился в переходном положении. Устрялов поспешил опубликовать шестой том во время смятения в цензурном ведомстве, вызванного либеральными веяниями эпохи Великих реформ.

Выход в свет этого тома вызвал немедленный отклик на страницах «Современника» — во втором номере 1860 г. П. П. Пекарский отмечал, что этот том был настолько ожидаемым и активно анонсируемым, что критика его в сущности затруднена, ибо до его настоящего появления в печать все уже решили, что это замечательный труд [5]. Однако Пекарский вообще отказывается шестому тому «Истории Петра» Устрялова в том, чтобы считаться историческим сочинением, и называет его сборником исторических материалов. Главное положение критики Пекарского — даже если считать том просто сборником доку-

ментов, он, по мнению рецензента, весьма неполон, в основе изложения этого исторического сюжета лежат только официальные документы, единственный же документ частного происхождения, который приводит историк, признается им подложным. Следование официальным материалам и указанное Пекарским невнимание к материалам переписки западных дипломатов, воспоминаниям и письмам свидетелей эпохи, позволяло Устрялову избегать некоторых опасных аспектов дела, на которые решается осторожно намекнуть в рецензии Пекарский, например, вопроса о неприглядной роли в травле опального царевича Екатерины I, стремившейся закрепить линию наследования за своим потомством.

Однако и при объяснимом желании историков и публицистов воздержаться от резких оценок и ярких характеристик петровской эпохи, даже публикуемые без особенного комментария документы приводили к тому, что как указывал в упоминавшейся статье М. М. Погодин «В последнее время легло на его память много темных пятен... Еще Пушкин, начав заниматься собиранием материалов для истории Петра, говорил мне, что при ближайшем знакомстве Петр теряет, а Екатерина выигрывает». Автор же «Русского вестника» со своей стороны призывал «для произнесения приговора Петру... иметь в виду его время и твердо помнить Тацитова различие между *vitia hominis* u *vitia saeculi*; надо внимательно рассматривать обстоятельства, в каких Петр действовал» [6, 716].

В целом можно сказать, что образ Петра I на страницах «Современника» трактовался в духе общего взгляда коллектива единомышленников, составлявших редакцию журнала, на исторический процесс как на форму проявления духовной жизни народа, а не на собрание великих деяний отдельных личностей. Взгляд на прошлое человечества как на историю народов, а не историю героев, обуславливал на-

стойчивое стремление представить реформы Петра как закономерный итог движения народной жизни, а не перелом, осуществленный властью, самого же государя как типичного, хотя и выдающегося представителя национальной культуры, нашедшей в его лице выражение своих давнишних чаяний.

При этом необходимо учитывать, что диалог о деятельности Петра Великого, развернувшийся на страницах периодики, как часть журналистики оказывался неизбежно встроен в политический дискурс и испытывал влияние цензуры. Диалог этот к тому же шел параллельно с научной разработкой истории петровского времени, и эти два процесса ввиду синкретизма литературы, исторической науки и журналистики в этот период оказывали взаимное влияние друг на друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы / С. А. Венгеров. — Санкт-Петербург, 1907.
2. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. — Москва, 1977.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений / В. Г. Белинский. — Москва. Том III, 1948.
4. Боград В. Э. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания / В. Э. Боград. — Москва-Ленинград, 1959.
5. Современник. — Санкт-Петербург, 1847–1866. — № 2.
6. Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух / М. П. Погодин. — Москва. — 2011.
7. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. / Н. А. Добролюбов. — Москва-Ленинград, 1962.
8. Никитенко А. В. Дневник / А. В. Никитенко. — Санкт-Петербург, 2005.
9. Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876). — Санкт-Петербург, 2016.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кругликова О. С., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики
E-mail: o.kruglikova@spbu.ru*

*St. Petersburg State University
Kruglikova O. S., Candidate of Philology, Associate Professor
of the History of Journalism Department
E-mail: o.kruglikova@spbu.ru*

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ И МЕДИАЭКОЛОГИЯ

З. А. Милославская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 апреля 2020 г.

Аннотация: *в данной статье рассматривается исследование, проведенное в рамках медиаэкологического подхода с целью изучения взаимодействия современного человека с медийными технологиями. информации и инструмент взаимодействия с внешним миром.*

Ключевые слова: *медиаэкология, цифровизация, гаджетизация, интернет-зависимость, гаджет-аддикция, поколение Z, «цифровое поколение», анкетирование.*

Abstract: *this paper discusses a study conducted as part of a media-ecological approach to look into the interaction of modern people with media technologies.*

Keywords: *media ecology, digitalization, gadgetization, Internet addiction, gadget addiction, Generation Z, "digital generation", questionnaires.*

Изучению влияния гаджетов и сети на человеческую психику, привычки, мировосприятие и восприятие себя, а также в целом на процесс формирования человека сегодня посвящено множество исследований в самых разных традиционных областях знания: активный анализ идет в коммуникативистике, психологии, социологии, экономике, медицинских науках. Если взять срез научных работ за последние два года, можно увидеть большое разнообразие взглядов на обсуждаемую проблему, что говорит о ее глобальном значении для современного общества. Например, психологи исследуют явление «информационного рая», порождаемое информационно-коммуникационными устройствами и способное деформировать восприятие действительности человеком [1]. С одной стороны, гаджеты и то содержание, которое они предоставляют, расширяют представления о мире, с другой стороны — сужают круг интересов их пользователей, меняют отношение к реальности.

Социологов — в контексте проблемы взаимодействия людей в информационном обществе в целом — интересует в том числе интернет-зависимость как триггер для семейных ссор — относительно новый тип конфликта. Отмечается, что сетевая аддикция у одного из членов семьи может приводить к разрушению связей внутри всей семьи — из-за отсутствия взаимного внимания и общения. В частности, отмечается, что сегодня в мире принимаются разного рода нововведения в определение статуса зависимых: например, игровая зависимость — подвид интернет-аддикции — с 2018 г. помещена Всемирной организацией здравоохранения в Международный классификатор болезней [2, 340].

Педагоги ставят вопрос о том, не приведет ли глобальная технологизация общества к его «расчеловечиванию», и обсуждают возможность гармоничного развития человека в рамках нашей техногенной цивилизации [3, 196]. В практической плоскости они ищут способы профилактики зависимости от гаджетов у принципиально нового поколения (поколения Z), чьи родители уже принадлежат к «цифровому поколению» [4, 150]. Следует сказать, что о системе профилактики и комплексах регулярных детоксов размышляют сегодня если не все, то очень многие научные и образовательные структуры, так как поколение «Z» видится исследователям и практикам как наиболее уязвимая для гаджет-аддикции часть общества. По той же причине эти дети и подростки представляют сегодня особый интерес для разного рода исследований.

Мини-исследование, о котором пойдет речь в данной статье, проведено в рамках медиаэкологии — новой, принципиально важной отрасли наук о медиа, предметом которой является безопасность и эффективность пользователя при работе в медиаполе. Медиаэкология сегодня — это международное междисциплинарное поле, в котором анализируются глобальные процессы, происходящие в сети и в мобильных технологиях, а поведение и состояние человека рассматривается с точки зрения самых разных наук. Темы «человек и технологии» и «человек и гаджеты» — одни из ключевых медиаэкологических тем на протяжении всего существования этого междисциплинарного поля. Медиаэкология традиционно уделяет внимание не только безопасности медиаконтента, но и средствам передачи информации — вспомним максимум основателя медиаэкологического подхода М. Маклюэна «Медиа — есть сообщение», а если буквально, то средство сообщения [5, 127]. От режима

взаимодействия с гаджетами зависит и эффект, оказываемый на человека тем контентом — более или менее безопасным, — который он потребляет.

В данном исследовании автор фокусируется на взаимоотношении современного подростка со смартфоном. Цель — определить роль этого гаджета в жизни старшеклассника; установить количество часов, проводимых во взаимодействии со смартфоном, а также увидеть результат от кратковременного отказа от гаджета.

Исследование было проведено автором статьи в Школе журналистики им. Владимира Мезенцева при Центральном доме журналиста в феврале 2020 г. В анкетировании приняли участие 75 учащихся 8–11 классов в возрасте от 14 до 18 лет (2002–2006 г.р.): 59 девушек и 16 юношей из благополучных семей. Все они — слушатели лекций в рамках подготовки к поступлению на факультеты журналистики. Многие из респондентов уже твердо уверены, что станут журналистами, и только 3 человека упомянули в устной беседе, что не собираются выбирать журналистику своей профессией, а посещают Школу для общего развития.

Участникам было предложено прожить один час без смартфона на обычном лекционном занятии по медиаэкологии — гаджеты были в пределах видимости, но вне досягаемости. Слушателям разрешалось разговаривать между собой во время лекции и в редких случаях — пользоваться ноутбуком. Анкета заполнялась в конце занятия, когда у испытуемых уже сформировалось отношение к часу, проведенному без смартфона.

Автор статьи, в первую очередь, интересовало, какие чувства посетят респондентов за этот час. В качестве ответов на вопрос «Что вы испытали сегодня в процессе нашего короткого эксперимента?» в формате *multiple choice* были предложены следующие варианты: радость/легкость; скуку/тоску; тревогу; страх; раздражение; равнодушие; другое. Результаты получились следующими: равнодушие испытало абсолютное большинство — 44 человека, радость/легкость — 27, скуку/тоску — 10; на тревогу пожаловались 7 человек, на страх — 0 человек; на раздражение — 2. 12 человек указали дополнительные пункты, среди которых оказались, в том числе, следующие ответы: «появилась мотивация, желание работать, самосовершенствоваться»; «я периодически провожу подобные эксперименты и убираю телефон на день / неделю / несколько часов»; «получил полезную информацию»; «забыл о телефоне»; «спокойствие»; «ничего»; «заинтересованность»; «обычное состояние: что с телефоном на уроке, что без него».

Особенно интересно, что 14 человек из 44, испытавших «равнодушие», парадоксальным образом комбинировали его в ответе с «радостью/легкостью», «тревогой», «скукой/тоской», «раздражением»

и «желанием работать».

Следующим важным пунктом анкеты был вопрос «Сколько часов в день (приблизительно) вы взаимодействуете с мобильным телефоном?» Здесь ответы распределились следующим образом: минимальный результат — 35 минут в день, максимальный — 24 часа (со слов респондента). До 5 часов в день телефоном пользуется 36 человек из 75, 6–11 часов — также 36 человек, 12–17 часов — 2 человека и 18–24 часа — 1 человек.

Ответы на вопрос «Что именно вы делаете при помощи мобильного телефона?» показал совершенную multifunctionality смартфона. Выяснилось, что звонят по нему 70 человек, общаются в соцсетях и мессенджерах — 72, читают новости — 65, читают интересные истории — 52, читают книги — 39, пишут SMS — 52. Помимо стандартных пунктов, респонденты добавляли следующие: «делаю фото»; «слушаю музыку»; «смотрю видео (фильмы, сериалы, спорт, трансляции)»; «пишу тексты (статьи, рассказы, стихи, истории)»; «редактирую»; «играю в игры»; «рисую»; «делаю уроки, готовлюсь к экзаменам, записываю лекции»; «пользуюсь будильником, заметками, календарем, диктофоном, напоминаниями»; «слежу за жизнью знакомых и блогеров».

Среди прочего участники анкетирования ответили также на вопрос, был ли у них опыт самоограничения в интернете. Выяснилось, что он был у 61 человека из 75 (некоторые дали по 2 ответа): «да, удалял страницы в соцсетях» — 23 человека; «не посещал соцсети без удаления» — 40 человек; «не было (такого опыта)» — 14 человек; другое — 10 человек.

Среди дополнительных ответов в варианте «другое» оказались: «выходил из групп»; «откладывал телефон на весь день»; «ставлю таймер на ограничение времени»; «устанавливал специальные приложения для блокировки; на спортивных сборах и в некоторых поездках выключала телефон»; «не пользовался телефоном»; «ставил ограничения по экранному времени на телефоне»; «удалял приложения: ВК, УТ»; «выключаю телефон, когда делаю уроки или читаю».

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема потенциальной зависимости наших испытуемых беспокоит. Вероятно, одним из объяснений может быть тот факт, что у этого поколения (поколения Z) достаточно рано появились гаджеты. Например, в нашей группе:

- самый ранний возраст появления телефона у респондента — 4 года.
- самый поздний возраст появления телефона у респондента — 12 лет.
- самый ранний возраст перехода на телефон как основной источник информации — 8 лет.
- самый поздний возраст перехода на телефон как основной источник информации — 15 лет.

Хочется также обратить внимание на результаты и комментарии из отбракованных по техническим причинам анкет, то есть на ответы, которые мы не можем привести в рамках описания исследования. Дадим их отдельно — для полноты картины. Например, ученица 10 класса 2003 г.р. пишет: «Меня сама раздражает, что руки всё время тянутся к телефону, что он тратит то время, которое я могла бы потратить на что-то полезное, увлекательное. С другой стороны, без телефона образуется что-то вроде пустоты, незаполненности, и я не знаю, что с ней делать». Другая 10-классница отмечает: «Я могу спокойно прожить без телефона сутки, если не больше, а тут еще и лекция интересная».

Две одиннадцатиклассницы приняли решение телефон на время эксперимента не сдавать, так как в условиях было сразу оговорено: тот, кто чувствует, что часовое расставание с телефоном нанесет вред его психике или здоровью, может не расставаться с гаджетом. Одна из этих двух девушек в пункте «Сколько часов в день (приблизительно) Вы взаимодействуете с телефоном?» ответила: «24 часа».

Комментируя результаты проведенного анкетирования, руководитель Школы журналистики при Центральном доме журналиста Г. В. Мезенцев отметил: «Проблема зависимости слушателей от телефонов существует. Она мешает образовательному процессу, но нельзя сказать, что это беспокоит самих учеников: школьники адаптировались к получению информации из нескольких источников. Скажу, что сегодня наши слушатели достаточно спокойно отнеслись к эксперименту. Полагаю, несколько лет назад проводить его было бы сложнее, так как последние годы доступ к информации с телефона воспринимается как одно из неотъемлемых прав человека. С удовлетворением замечаю, что новое поколение постепенно приходит к пониманию, что использование телефона не должно мешать другим участникам образовательного процесса».

Исследованный материал хотя и невелик, но позволяет сделать некоторые выводы относительно исследованной группы подростков. Во-первых, смартфон для поколения Z — пока основной источник информации и главный инструмент как для работы и учебы, так и для развлечений. Во-вторых, проблема сетевой зависимости и гаджет-аддикции представителями нового поколения уже осмысливается, и результаты этого осмысления выражаются в конкретных действиях по самоограничению

и самоконтролю. В-третьих, по отдельным комментариям можно предположить, что зависимые, не понимающие, как бороться с зависимостью от постоянного целевого и бесцельного использования гаджета, от этой проблемы действительно страдают. Однако, подводя эти итоги, необходимо учитывать, что 1 час — недостаточное время для того, чтобы получить полностью объективную картину. Поэтому в ближайшей перспективе автор статьи надеется увеличить время отказа от телефона у своих респондентов и посмотреть, как изменятся их чувства и мысли.

В целом же подобные эксперименты, проводимые в рамках «человек и гаджеты», дают удобные схемы для изучения медиапотребления и восприятия медиа их пользователем, так как современный медиаконтент поступает к нам преимущественно через гаджеты. Изучаемое поведение — привычки, предпочтения, опыт самоограничений, осознанность медиапотребления — является предметом медиаэкологии, тенденции которой поколение Z уже сегодня ощущает интуитивно. Сильная сторона подобных экспериментов заключается в том, что через междисциплинарное поле медиаэкологии они способны давать материал для изучения в самых разных научных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губина С. Т. Влияние гаджет- и интернет-зависимостей на особенности восприятия музыки современными учащимися школ искусств / С. Т. Губина, М. Г. Бобкова // Общество: социология, психология, педагогика. — 2019. — № 4. — URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2019/4/psychology/gubina-bobkova-pestereva.pdf (дата обращения 04.03.2020).
2. Рубцова Н. В. Интернет-зависимость как причина семейных конфликтов: верификация проблемы / Н. В. Рубцова, А. А. Тихонова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2018. — Т. 7. — № 4 (25). — С. 340–342.
3. Фомин М. С. Обратная сторона технологизации жизни современника: искушение, вызов и угроза расчеловечивания / М. С. Фомин // Социально-гуманитарные знания. — 2020. — № 1. — С. 194–206.
4. Иванова Н. В. Проектирование системы профилактики ранней компьютерной зависимости у старших дошкольников в дошкольной образовательной организации / Н. Иванова, Т. В. Першина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2020. — № 1 (94). — С. 149–161.
5. Strate L. Studying Media as Media / L. Strate // MediaTropes. — 2008. — Vol I. — P. 127–142.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Милославская З. А., кандидат филологических наук, преподаватель факультета политологии

E-mail: zmiloslavskaya@gmail.com

Lomonosov Moscow state University
Miloslavskaya Z.A, Candidate of Philology, Lecturer of the
Faculty of Political Science

E-mail: zmiloslavskaya@gmail.com

НАВИГАЦИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ДЕЛОВЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ

М. А. Миронова

Смоленский государственный университет

Поступила в редакцию 4 июня 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается система навигации сайтов зарубежных деловых изданий *The Wall Street Journal* и *Financial Times*, определяется влияние логичной и интуитивно понятной навигации сайта на вовлеченность пользователей и индексацию в поисковых системах.

Ключевые слова: *The Wall Street Journal*, *Financial Times*, интернет-медиа, веб-дизайн, навигация, вовлеченность, интуитивно понятный интерфейс.

Abstract: the article discusses the navigation system of sites of foreign business publications *The Wall Street Journal* and *Financial Times*, determines the impact of logical and intuitive site navigation on user engagement and indexing in search engines.

Keywords: *The Wall Street Journal*, *Financial Times*, online media, web design, navigation, user engagement, intuitive interface.

Навигация — одна из основных составляющих юзабилити сайта. Удобная навигация помогает пользователю легко сориентироваться на информационном ресурсе и найти нужный материал. Хорошо продуманные навигационные элементы во многом отвечают за вовлеченность пользователей на сайте. От них зависит глубина просмотра страниц, длительность пребывания на сайте пользователей. Эти характеристики веб-аналитики — основные условия для привлечения рекламодателей [1].

Навигация на сайте должна быть интуитивно понятна пользователю. Именно поэтому большинство веб-дизайнеров медиа и корпоративных сайтов стараются придерживаться единого стиля расположения навигационных элементов. Сегодня не каждый пользователь заходит на новостной сайт через главную страницу. Большинство переходов происходит через социальные сети и поисковую систему. Это надо учитывать при планировании навигации. На каждой внутренней странице должен быть указатель на главную страницу сайта. Как правило, эту функцию выполняет логотип издания или название издания. При клике на логотип медиа пользователь переходит на главную страницу. В некоторых изданиях эту же функцию выполняет ссылка «Home» на верхней закрепленной панели меню.

Современные интернет-медиа имеют очень сложную структуру. По-прежнему сохраняется тенденция уместить как можно больше информации на главной странице, поскольку она является визитной карточкой издания. При создании дизайна и структуры «домашней» страницы лучше помнить принцип «больше — меньше»: чем больше элементов на главной

странице, тем меньше пользователей смогут быстро найти нужную им информацию [2, 107].

Сегодня пользователи привыкли к беглому ознакомлению с информацией на сайте. Это учитывают многие веб-дизайнеры при создании сайтов для медиа. При исследовании некоторых зарубежных интернет-изданий можно заметить, что навигационные элементы расположены таким образом, чтобы направлять взгляд пользователя. Крупный заголовок или цветное обрамление материала указывают читателю на важные новости [3].

Навигация на сайте выполняет сразу несколько задач: понимание местонахождения, облегчение поиска информации, обеспечение доступа к актуальной информации. Первое означает, что на каждой внутренней странице сайта должен быть указатель к переходу на главную страницу. Облегчение поиска информации достигается четкой и логичной структурой сайта, привычным для пользователя расположением навигационных элементов. Доступ к актуальной информации облегчается в том случае, если она каким-либо образом выделяется. Маркерами выделения могут быть цвет, размер шрифта, использование фотографий и инфографики [4]. Некоторые зарубежные издания в качестве маркеров актуальной информации используют таймеры: после анонса материала указывается время его появления на сайте. Логичная навигация важна и для лучшего индексирования сайта поисковыми системами. Хорошая навигация — одно из условий появления новостного сайта на первой странице поисковой выдачи, что значительно увеличит его посещаемость.

Как уже говорилось выше, навигационная структура сайта должна быть привычна для пользователя даже в том случае, если он зашел на сайт впервые. В связи с этим на многих сайтах используется

F-образный шаблон — основные ссылки меню располагаются сверху вниз и слева направо. Текст ссылок меню должен быть хорошо различимым, заметным и легким для визуального восприятия [5]. Общая тенденция последнего времени — сокращение уровней в навигационных меню. Во многом это происходит под влиянием распространения мобильных устройств, где возможно только ограниченное количество уровней меню [6].

Предметом данного исследования стала навигация на сайтах зарубежных деловых изданий *The Wall Street Journal* и *Financial Times*.

Сайт издания *The Wall Street Journal* имеет сложную структуру, что вполне отвечает масштабам глобального делового медиа. Сайт следует последним тенденциям веб-дизайна — он предельно минималистичен. Особенно это отражается на навигационных элементах. Согласно принципам веб-дизайна новостного медиа, 80% площади должен занимать контент и только 20% — навигационные элементы [7]. *The Wall Street Journal* полностью соответствует этому принципу. Основные навигационные элементы расположены в верхней части «домашней» страницы. Здесь не создается ощущения переизбытка информации за счет четко продуманной структуры навигации. В верхней строке над заголовком перечислены котировки мировых валют. Под заголовком представлены основные рубрики издания. Тематическая группировка сделала возможным применить выпадающее меню в каждой рубрике, где перечислены более узкие по тематике направления. Группировка представлена и в горизонтальном рубрикаторе, поскольку некоторые рубрики объединены между собой одним цветом. Но цвет — это интерактивный элемент. Он проявляется только после того, как та или иная рубрика активируется пользователем. В неактивном положении сохраняется единый монохромный стиль меню.

Согласно исследованиям известного теоретика веб-дизайна Я. Нильсена, навигация любого сайта должна быть интуитивно понятна пользователю. Следовательно, основные элементы должны располагаться одинаково на разных сайтах. Так что у веб-дизайнера новостного ресурса есть очень мало возможностей для экспериментов. Сайт *The Wall Street Journal* старается не нарушать привычный порядок навигационных элементов и в то же время оптимизирует их для большего удобства пользователя. Так, например, функция поиска по сайту находится сверху справа, где и принято ее располагать. Однако узнаваемый значок поиска интерактивен. При клике на него открывается отдельное меню на весь экран с поисковой строкой. Это очень удобное решение, потому что пользователь может составить поисковый запрос любой длины. Поисковая строка размещается на главной странице, не нарушая лаконизм архитектуры сайта.

Возможно, это первые шаги новостных информационных ресурсов к новой архитектуре сайта: одна страница — один экран. К этому решению пришли сегодня некоторые коммерческие проекты. Как показывают исследования, пользователи любого сайта просматривают наиболее подробно информацию только на первом экране. С дальнейшей прокруткой сайта внимание пользователей снижается. И редко кто из них доходит до последней страницы. Веб-дизайнеры и редакторы вынуждены учитывать эти обстоятельства. Так что, возможно, в скором времени изменится и структура новостных сайтов. *The Wall Street Journal* уже заметно сократили длину главной страницы по сравнению с наблюдениями 2019 г.

Если вернуться к навигации издания, то следует отметить, что ниже рубрикатора *The Wall Street Journal* поместили бесплатные ресурсы, посвященные коронавирусу. Это вопросы о том, где найти работу, как не заболеть и подобные актуальные темы. Подчеркивая важность темы, рубрикатор о коронавирусе выделен более крупным шрифтом. Ниже помещена бегущая строка с последними новостями. Она оформлена в телеграфном стиле информационных агентств.

После верхней информационной части навигации на сайте расположена широкая белая полоса. Это новый элемент дизайна главной страницы. Он появился только в 2020 г. Можно высказать несколько предположений о причинах появления этого элемента. С одной стороны, белое пространство занимают выпадающие вкладки меню. Это позволяет не перекрывать основной контент. Но второе предположение кажется более верным. Белая полоса позволяет показывать на первом экране только начало анонсов материалов, тем самым заставляя пользователя прокручивать страницу дальше. Таким образом, белое пространство работает на вовлечение пользователя в контент сайта. Это предположение подтверждается и версткой материалов на главной странице. Материалы верстаются неравномерно: там, где заканчивается один материал, начинается второй. Такая структура вызывает необходимость постоянно прокручивать страницу дальше, то есть вновь работает на вовлечение пользователя.

Многие современные исследователи говорят о том, что главная страница новостного сайта сегодня — словно «витрина» издания. Имеется в виду, что многие пользователи попадают на сайт издания, минуя главную страницу, — из поисковиков или социальных сетей. Но исследование главной страницы сайта *The Wall Street Journal* позволяет предположить, что редакция издания заботится о вовлеченности пользователей в том числе и на первой странице сайта.

На втором экране расположен основной информационный контент сайта. Верстка материалов умело направляет внимание пользователя. Материалы расположены в четырех колонках. Считается, что

внимание пользователя сначала привлекает правый верхний угол. Там представлены котировки валют — самая важная информация для деловых людей.

Следующий материал привлекает внимание крупным заголовком. Он расположен в верхней левой части экрана. И третий важный элемент, притягивающий взгляд, — материал центральной второй колонки. Здесь анонс важной новости подкрепляется крупной фотографией или инфографикой. Вполне вероятно, что эти два материала прочитываются прежде всего. Не случайно у них больше всего комментариев.

Надо сказать, что *The Wall Street Journal* все еще сохраняет ставку на вдумчивого читателя. В большинстве случаев на сайте размещены анонсы материалов, набранные очень мелким шрифтом.

Правильным с точки зрения юзабилити сайта является закрепленная панель меню. Независимо от того, на каком расстоянии от первого «экрана» находится пользователь, он всегда может вернуться к нужной рубрике. Отличительной чертой навигации сайта *The Wall Street Journal* является нижняя закрепленная панель с предложением подписаться на издание. Сайт делает ставку на видеоконтент в соответствии с тенденциями современности. Делает это ненавязчиво, чтобы не отпугнуть читателей традиционных материалов. Ставка на видеоконтент подтверждается перелинковкой сайта. Первая ссылка на видео расположена сразу под заголовком, но она едва различима. Более явная ссылка крупным шрифтом на тот же видеоконтент представлена среди бесплатных ресурсов о коронавирусе. Она имеет больше шансов на просмотр. И наконец, рубрика «Видео» на седьмом «экране» главной страницы. Все эти ссылки ведут на отдельную страницу с видеоконтентом. Эта страница создана как отдельный сайт с рубриками и строкой поиска. В рубрике *Browse* короткие видеоролики представлены нескончаемым потоком. Для того чтобы в них сориентироваться, слева расположено вертикальное меню с тематическими направлениями видеоматериалов.

Таким образом, сайт *The Wall Street Journal* — это сложная гипертекстовая структура. Навигация здесь играет решающую роль, поскольку помогает пользователю не запутаться на сайте, найти нужный материал. Навигация также помогает увеличить глубину просмотра и длительность сессии (пребывания на сайте), что является одними из главных характеристик аналитики для привлечения рекламодателей.

Сайт издания *Financial Times* немного изменил дизайн по сравнению с прошлым годом. Неизменной осталась верхняя часть сайта. Здесь по-прежнему размещаются котировки валют, заголовок и горизонтальное меню. В верхнем правом углу, самой заметной области, представлен значок для скачивания мобильного приложения, где пользователь может самостоятельно настроить тематику новостной рас-

сылки. На сайте присутствуют два вида меню: горизонтальное и вертикальное. В горизонтальном меню есть выпадающие вкладки с более узкими тематическими рубриками. Однако есть и отличительная особенность: рядом с рубриками перечислены ссылки на самые читаемые материалы. В верхнем левом углу расположен значок меню-гамбургера с вертикальными выпадающими вкладками. Это меню повторяет горизонтальный рубрикатор с теми же более узкими тематическими подгруппами. Можно предположить, что вертикальное меню является адаптацией под мобильные устройства. Верхняя панель меню закреплена и помогает вернуться к нужной рубрике, на какой бы области главной страницы пользователь не находился. Значок поиска расположен слева, а не справа. Он также является интерактивным. При клике на него открывается отдельное окошко ниже с поисковой строкой.

Навигация внутри контента на первом «экране» выгодно отличается от последующих «экранов» своей продуманностью. Внимание пользователя сразу привлекает новость, разделенная на две колонки. Сначала взгляд цепляется за крупную фотографию во второй колонке, затем взгляд переходит на крупный заголовок новости в первой колонке. Так или иначе, новость оказывается в центре внимания. Следует отметить, что анонсы новостей в *Financial Times* печатаются достаточно крупным шрифтом, что существенно облегчает чтение. Это обусловлено в том числе и тем, что новости верстаются в три колонки, т.е. нет деления на более мелкие элементы.

При верстке контента в обновленной версии дизайна *Financial Times* делают ставку на цвет. Так, например, предложение подписаться на бесплатную рассылку новостей о коронавирусе выделено яркой желтой полосой ниже рубрикатора, то есть в самом центре первого «экрана». Раньше это место занимала интерактивная реклама. Новость о коронавирусе в Европе на втором «экране» выделена ярким красным цветом. Главная новость дня о взаимоотношениях Трампа и владельцев социальных сетей на втором «экране» выделена синим. Все новости о коронавирусе отмечены на третьем «экране» широкой бежевой полосой — фирменным цветом издания. Осталось прежним цветовое оформление рубрики «Мнение»: портреты колумнистов и подложка главной новости выделены голубым цветом. Еще одним ярким акцентом является реклама мобильного приложения *myFT*. Она отмечена широкой полосой бордового цвета. И последняя цветная рубрика — «Видео». Она выделена черным цветом.

Цветные маркеры — удачное решение для навигации, так как направляют взгляд пользователя на наиболее важные материалы, по мнению редакции. Новости по большей части представлены в текстовом формате: заголовок и лид. Крупные, яркие и выразительные фотографии расположены в ру-

брике «Жизнь и искусство», она размещена ближе к концу главной страницы. Надо сказать, что на сайте *Financial Times* появилась новая функция, которой нет, например, у *The Wall Street Journal*. Это закрепленная сбоку панель «Обратная связь». На этой панели можно отметить, насколько удобно было пользоваться сайтом. Стоит отдать должное редакции издания — они отслеживают реакции пользователей, чтобы улучшить юзабилити сайта.

Таким образом, проведенный редизайн сайта *Financial Times* существенно улучшил навигацию по сайту, но еще есть возможности для дальнейшего совершенствования. В этой работе, по всей вероятности, редакция ориентируется на мнение пользователей и данные аналитики сайта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев А. А. Навигация как ключевой компонент визуальной организации веб-сайта / А. А. Беляев // Ме-

диаскоп. — № 2. — 2009. — URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения 3.06.2020).

2. Нильсен Я. Веб-дизайн / Я. Нильсен. — Санкт-Петербург, 2010.

3. Мешавкин С. Самоцензура в газетном дизайне / С. Мешавкин // Журналист, 26 декабря, 2019. — URL: <https://jrnlst.ru/censorship-design> (дата обращения 3.06.2020).

4. Навигация в дизайне сайта: основные элементы и примеры использования. — URL: <https://idbi.ru/blogs/blog/navigatsiya-v-dizayne-sajta> (дата обращения 3.06.2020).

5. Как сделать удобную навигацию по сайту. — URL: <https://webformymyself.com/kak-sdelat-udobnuyu-navigaciyu-po-sajtu-yuzabiliti-dlya-chajnikov/> (дата обращения 3.06.2020).

6. Эффективная навигация по сайту. — URL: <https://uxguide.ru/ux-dizajn/effektivnaya-navigaciya-po-sajtu/> (дата обращения 3.06.2020).

7. Правильная навигация сайта. — URL: <https://workion.ru/pravilnaya-navigaciya-sajta.html> (дата обращения 3.06.2020).

Смоленский государственный университет
Миронова М. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры литературы и журналистики
E-mail: ma_mironova@list.ru

Smolensk State University
Mironova M A, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Literature and Journalism
E-mail: ma_mironova@list.ru

СПЕЦИФИКА ЖУРНАЛИСТИКИ ДАННЫХ В ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЯХ

Д. В. Неренц

Российский государственный гуманитарный университет

Поступила в редакцию 18.03.2020

Аннотация: журналистика данных (дата-журналистика) в современном медиапространстве представляет собой уже сформировавшееся направление со своими особенностями, специфическими характеристиками. Прежде всего дата-материал предполагает работу с большим количеством информации, визуальное представление количественных, статистических показателей и/или создание собственного набора данных по результатам исследования. Чаще всего подобные проекты можно встретить в деловых изданиях, для которых анализ числовых данных — основа любого материала, в том числе и новостного. В связи с этим представляется актуальным проанализировать специфику этого направления в деловых СМИ как наиболее распространенной площадке представления дата-материалов.

Ключевые слова: журналистика данных, деловые СМИ, «большие данные», новость, статья.

Abstract: in the modern media data journalism is already formed direction with its own and specific characteristics. First of all, the data material involves working with a lot of information, visual representation of quantitative statistical indicators and/or creating your own data set based on the results of the study. Most often, such projects can be found in business media, where the analysis of numerical data is the basis of any material, including news. So it seems relevant to analyze the specifics of this trend in business media as the most common platform for presenting data publications.

Keywords: data journalism, business media, "Big Data", news, article.

Дата-журналистика как отдельное направление сформировалось в России примерно в 2012 г., когда крупные СМИ начали активно работать с открытыми наборами данных, анализировать государственные отчеты, корпоративные документы, данные в специализированных интернет-базах и т.п. И если еще несколько лет назад дата-проекты были прерогативой журналистов-расследователей, специализирующихся на крупномасштабных исследованиях, то сегодня технология создания дата-материалов стала доступна и для крупных новостных редакций, которые создают подобные публикации и в новостном формате, и в формате мультимедийных лонгридов. В российском медиапространстве довольно часто дата-материалы можно встретить в деловых СМИ, в частности: в РБК, «Ведомостях» и журнале «Эксперт».

Дата-журналистика в РБК. Регулярно дата-материалы любого формата можно встретить на сайте конвергентной редакции РБК, где в начале 2010-х годов существовал дата-отдел, отделившийся от справочного отдела, который, в свою очередь, занимался поиском бэкграундов, созданием исторических справок, поиском эксклюзивной информации по заданной теме. Несмотря на то, что дата-отдел как отдельная структура просуществовал недолго, все же сейчас в издании регулярно публикуются дата-материалы, некоторые из которых признаны международным

сообществом. Доказательство этого — победа Дады Линделл, журналистки РБК, в номинации «Лучший молодой дата-журналист» международной премии *Data Journalism Awards* в 2019 г. за материал «В России сменилась тройка регионов-лидеров по смертности от ВИЧ».

Анализируя контентное наполнение сайта издания, можно отметить, что прерогативой РБК является создание новостных дата-материалов. В связи с этим, дата-материалы новостного формата появляются гораздо чаще аналитических и основаны, как правило, на данных Росстата. По сути, подобные материалы — журналистская интерпретация опубликованного отчета государственного учреждения или коммерческой компании по определенным показателям за какой-то временной период.

В рамках новостной дата-журналистики авторы также занимаются созданием баз данных или объединением в одну базу нескольких уже существующих наборов данных с целью определения какой-то динамики. Например, материал «В России рекордно выросло число приговоров по экономическим делам» основан на анализе данных Судебного департамента, поправок в Уголовный кодекс РФ, данных ФНС и собственных подсчетах [1].

Еще один вариант — создание базы данных из опубликованных документов или частично открытых данных. Подобная практика применялась при создании материала «Как экс-глава штаба Пу-

тина трижды возглавил рейтинг богатейших ректоров», где взятые за основу декларации чиновников были опубликованы в виде отдельных документов на разных ресурсах и в разных форматах, что потребовало сведения всех данных воедино [2].

В рамках работы над аналитическим проектом, журналисты анализируют табличные данные объемом в несколько десятков тысяч строк, которые необходимо объединить и систематизировать по определенным критериям или показателям. Яркий пример такой кропотливой и длительной работы чаще всего представлен в специальной рубрике «Спецпроекты», где опубликованы исследования масштабной проблемы в формате мультимедийных лонгридов. Один из последних таких материалов посвящен санкциям США против России. В создании публикации «Шесть лет санкций против России. Главное» принимали участие 9 человек [3]. Это масштабное исследование включает в себя многочисленные столбчатые и линейные графики, сравнительные графики, рейтинг изменений финансового состояния богатейших людей России после их попадания под санкции, таймлайны, дополнительную, поясняющую визуальные элементы текстовую информацию.

Так можно заключить, что в РБК дата-материалом считается любой текст, основанный на анализе статистических показателей, количественных данных. Это может быть анализ отчета Росстата для создания новостной заметки, а может быть серьезная работа со сбором и анализом «больших данных» для создания мультимедийного лонгрида, работа над которым может продолжаться несколько месяцев. Важно обратить внимание также на факт активного сотрудничества журналистов внутри редакции. Довольно часто помимо Д. Линделл в качестве авторов выступают журналисты из других отделов, иногда над проектом работает целая команда.

Дата-журналистика в издании «Ведомости». Издание «Ведомости» также относится к ежедневному деловому изданию и содержит в себе многожанровый и многоаспектный контент, начиная от новостной информации и заканчивая масштабными журналистскими расследованиями. Стоит отметить, что чаще всего материалы, относящиеся к направлению дата-журналистики, можно встретить в разделе «Расследования». Например, последний дата-проект «Каково в России болеть коронавирусом», сделанный в формате лонгрида, ориентируется на анализ большого количества открытых данных [4]. В рамках материала журналисты обращались к постам в социальных сетях, которые публиковали заразившиеся и изолированные жители России, в качестве справочных элементов, выделенных графически, опубликована информация об истории появления вируса, количестве заразившихся в мире. Материал содержит инфографику, в частности представлены линейные графики с показателями симптомов виру-

са (в качестве источника указана ВОЗ), с указанием смертности в зависимости от возраста (источник: *China CDC Weekly*), таблица с крупнейшими эпидемиями за последние 50 лет.

Еще один материал посвящен экономической проблематике и ориентирован на освещение проблемы коррупции, незаконного обогащения. Расследование «Кто заработал на благоустройстве российских городов» также опубликовано в формате мультимедийного лонгрида с графически выделенной справочной информацией, линейными и круговыми диаграммами, фотогалереей объектов недвижимости [5]. В качестве источников информации указаны Нацпроект «Жилье и городская среда», Минстрой РФ, документация по программе «Формирование комфортной городской среды» и др. В целом дата-расследования имеют довольно широкую проблематику в данном издании: это социальная сфера, проблемы в сфере недвижимости, экономики, образования, торговли, политики. При этом так же, как и в РБК, распространена командная работа: как правило, над проектом работает 2–4 человека.

Кроме того, в «Ведомостях» также публикуются расширенные заметки, основанные на анализе статистических данных. Например, на основе доклада Росстата по ипотечному кредитованию был опубликован материал «Господдержка ипотеки может снизить доступность жилья и расшатать макроэкономику» [6]. Новостной материал «Бизнес просит не ужесточать требования к утилизации товаров» основан на анализе данных Росприроднадзора и Минприроды [7]. В целом концепция работы по созданию дата-материалов схожа с РБК: это новостные материалы, в основе которых числовые показатели, и аналитические исследования, которые создаются за несколько месяцев командой авторов и основываются на анализе многочисленных источников информации или «больших данных».

Дата-журналистика в журнале «Эксперт». В отличие от ежедневных деловых изданий, журнал «Эксперт» является еженедельным аналитическим проектом, где прерогативой является создание масштабных материалов. Журналистика данных в «Эксперте» представлена в жанрах статьи и рейтинга (редко — прогноза), которые основаны не только на анализе существующих данных, но и на выявлении собственных количественных показателей посредством вычислительных расчетов журналистов. Такая практика в большей мере относима к рейтингам, которые создает аналитический центр «Эксперт», выполняющий подобные исследования в том числе и на коммерческой основе, то есть под заказ. Однако нередко их работа находит отражение в журналистских материалах. Например, в мае 2019 года был опубликован «Рейтинг публикационной и изобретательской активности университетов России», в рамках которого авторы представили ранжирование вузов

по ряду показателей: количество университетов по специализации (гуманитарные, компьютерные науки, физика и астрономия, химические технологии, медицина и т.п.), отдельные рейтинги по экономике и менеджменту, гуманитарным наукам, социальным наукам, наукам о жизни, биохимии, наукам о Земле и экологии, физики и астрономии, медицине, математике и еще целому ряду категорий [8]. В конце материала представлен общий рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов» 2019 г. Поскольку рейтинг основывается на двух показателях, в рамках публикации описана отдельная методология расчета публикационной активности, и отдельно — индекса изобретательской активности. Подробная методология, наглядно демонстрирующая принципы подсчета, бесспорно, повышает уровень доверия к материалу и позволяет говорить о серьезной исследовательской работе, которую сделали авторы.

Кроме того, в журнале регулярно появляются статьи, основанные на анализе данных. Например, публикация «Плохое электрическое равновесие» представляет собой аналитический материал, содержащий различного вида графики, диаграммы, данные, оформленные в таблицу [9]. Указанные в рамках изучения темы источники (данные Росстата и Банка России, ЕИА, НП «Сообщество потребителей энергии», Минэнерго, СО ЕЭС и др.) позволяют говорить об основательном подходе к описанию проблемы, проработке множественных данных, систематизации информации большого объема.

Деловой журнал «Эксперт» ориентирован на создание дата-материалов аналитического характера, в основе которых — обращение к многочисленным открытым данным, базам данных, систематизация и объединение сведений большого объема, а также собственные вычисления и подсчеты, что можно отнести к «классической» журналистике данных.

В силу сложившейся в деловых изданиях практики создания дата-материалов, можно заключить, что традиционное понятие журналистики данных как деятельности по обработке и представлению «больших данных» трансформируется и уже не соответствует действительности. Журналисты деловых изданий начинают активно использовать данные для создания расширенных заметок и репортажей, то есть публикаций новостного формата. Появляется так называемая «новостная дата-журналистика»,

которая уже не требует изучения большого объема данных, достаточно проанализировать отчет Росстата или результаты доклада Рособнадзора. Вследствие этого можно говорить об активном развитии данного направления, которое подвергается изменениям в условиях информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Линделл Д. В России рекордно выросло число приговоров по экономическим делам / Д. Линделл, М. Алехина // РБК.— URL: <https://www.rbc.ru/society/18/04/2019/5cb7574c9a7947cd14f64c3c> (дата обращения: 15.03.2020).
2. Линделл Д. Как экс-глава штаба Путина трижды возглавил рейтинг богатейших ректоров / Д. Линделл, С. Сарджвеладзе, Е. Тарасенко // РБК.— URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/06/2018/5b0fd4619a794760626f7a05> (дата обращения: 15.03.2020).
3. Сапронова Ю. Шесть лет санкций против России. Главное / Ю. Сапронова, Д. Линделл, А. Антипова и др. // РБК.— URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2020/5bffb0f09a79470ff5378627> (дата обращения: 17.03.2020).
4. Соколов А. Каково в России болеть коронавирусом / А. Соколов, Б. Ляув, К. Вирченко и др. // Ведомости.— URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/05/824593-bolet-koronavirusom> (дата обращения: 16.03.2020).
5. Якорева А. Кто заработал на благоустройстве российских городов / А. Якорева, Е. Мухаметшина, Б. Ляув // Ведомости.— URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/07/02/805559-zarabotal-blagoustroistve> (дата обращения: 16.03.2020).
6. Ястребова С. Господдержка ипотеки может снизить доступность жилья и расшатать макроэкономику / С. Ястребова // Ведомости.— URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/03/12/825095-gospodderzhka-ipoteki> (дата обращения: 14.03.2020).
7. Мереминская Е. Бизнес просит не ужесточать требования к утилизации товаров / Е. Мереминская // Ведомости.— URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/03/01/824159-biznes-prosit> (дата обращения: 14.03.2020).
8. Ермак С. Вузовская наука: что скрывается за цифрами / С. Ермак, П. Кузнецов, К. Чукавина // Эксперт.— 2019.— 13–19 мая.— № 20.— С. 61–77.
9. Ивантер А. Плохое электрическое равновесие / А. Ивантер, С. Кудияров // Эксперт.— 2020.— 17–23 февр.— № 8.— С. 12–19.

Российский государственный гуманитарный университет

Неренц Д. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

*Russia State University for the Humanities
Nerents D. V., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Journalism Department
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru*

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАОБРАЗА РОССИИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Е. Ю. Панова

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 15 октября 2020 г.

Аннотация: одним из существенных факторов, влияющих на восприятие любой страны, является ее медиаобраз, который формируется средствами массовой информации в общественном сознании аудитории. В статье¹ на основе анализе медиатекстов печатных изданий Великобритании и США делаются выводы о медиаэстетическом эффекте репрезентации медиаобраза России и специфике его формирования на лексико-стилистическом уровне организации медиатекста.

Ключевые слова: медиаобраз, печатные СМИ, Великобритания, США.

Abstract: one of the significant factors influencing the perception of any country is its media image, which is formed by the mass media in the public consciousness of the audience. In the article, based on the analysis of media texts of printed publications in Great Britain and the USA, conclusions are drawn about the media-aesthetic effect of the representation of the media image of Russia and the specifics of its formation at the lexico-stylistic level of the organization of the media text.

Key words: media abstraction, print media, Great Britain, USA.

Термин «медиаобраз» в современном употреблении чрезвычайно востребован и существует одновременно с синонимичными ему вариантами — медиа-имидж, медийный образ, медийный имидж, имидж, что позволяет сделать вывод о 1) многоаспектности данного понятия, 2) его включенности в процессы научного осмысления медиареальности, 3) активных процессах определения объема понятия и параметров дефиниции. Англоязычный термин *image* полисемичен, зарубежными исследователями понимается чаще всего как смоделированный и отраженный в медиа образ. Существуют терминологически свободные сочетания *visual image* — визуальный образ, *TV image* — телевизионный образ, *man's image* — мужской образ, *public image* — публичный образ, *body image* — образ тела, *image of reality* — образ реальности [1, 300]. В русскоязычном дискурсе понятие медиаобраз генетически связан с понятием художественного образа как «творимой реальности», обладающей специфическими параметрами репрезентации, иными словами, его можно создать, задать вектор восприятия, предположить эмоционально-аксиологическую сферу реализации и интерпретационные модели. Определения понятия «медиаобраз» давались в трудах многих ученых, но нам ближе всего определение медиаобраза Л. В. Хочунской, и именно оно будет использоваться как базовое в рамках данного

исследования: «Медиаобраз — отраженное в журналистском тексте кодирование представления автора о действительности или ее фрагменте, детерминированное концепцией адресата и установкой на архетипическую ориентацию аудитории» [2, 36].

В арсенале современных медиа множество различных стратегий и приемов формирования медиаобраза страны, их можно классифицировать по: 1) функциональности (манипуляционные или коммуникационные); 2) масштабу формирования медиаобраза (уровни международный, федеральный, региональный, локальный); 3) срокам проведения кампании по формированию имиджа (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные); 4) адресной направленности [3]. Формирование внешнего медиаобраза страны осуществляется благодаря использованию ряда значимых стратегий, например, современные исследования выделяют как наиболее актуальные имиджевую, коммуникативную и контент-стратегию [4]. Структура имиджа определяется взаимообусловленными компонентами: функциональным, нормативным, эстетическим и эмоциональным [5]. Все эти четыре компонента влияют на конечное восприятие образа страны, обуславливают его и, безусловно, необходимо учитывать их комплексное воздействие. Но в рамках нашей статьи мы сосредоточим внимание на медиаэстетическом аспекте репрезентации медиаобраза страны, под которым мы будем понимать способность лексико-стилистического уровня реализации словесной ткани медиатекста формировать ценностно-эмоциональные установки и репрезентировать авторскую позицию.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00007)

В качестве эмпирической базы исследования был привлечен материал «качественных» газет Великобритании (*The Guardian, The Independent, The Times*), таблоидов (*Daily Mirror, The Sun, Daily Express*) и прессы США (*The New York Times, USA Today, The Wall Street Journal*) за период с марта 2018 г. по декабрь 2018 г. Предметом нашего анализа стала тематическая сфера «Дело Скрипалей» как информационный повод, обостривший политические и идеологические конфликты России и западных стран, в частности, США и Великобритании.

Из 95 проанализированных статей 12 медиатекстов (13% от общего числа публикаций) отражали нейтральную позицию (что выражалось в отсутствии экспрессивно окрашенных лексических средств), 83 медиатекста достаточно очевидно выражали отрицательную ценностно-эмоциональную оценку. В целом на одну нейтральную статью приходилось 7 негативных, что позволяет говорить о достаточно высоком индексе агрессивности в прессе Великобритании и США по отношению к России в анализируемый временной отрезок.

В исследуемых медиатекстах образ России получает негативную оценку, что в первую очередь явно выражается в использовании пейоративной лексики в отношении страны и президента: *Moscow Fools* («идиоты из Москвы»²), *SICK Russian firms*' («больные русские компании») — *The Sun*, *Four blundering agents from Vladimir Putin's GRU military intelligence service* («бестолковые агенты ГРУ»), *ONE of the smirking assassins* («ухмыляющийся наемник») — *Daily Express*, *furiously Kremlin* («взбешенный Кремль») — *The New York Times*.

Медиатексты исследуемой области отличает активное использование стилистических фигур и тропов (метафор, эпитетов, метонимий и т.д.), что вполне объяснимо: привлекаемая сфера образности, неявно выраженный переносный или скрытый смысл позволяет читателю широко интерпретировать исходный тезис, а авторам текстов избегать прямых обвинений или безаргументационности. Качественная пресса Великобритании и США активно обращается к тропам: «*The New York Times* продолжает создавать словесный портрет президента как беспринципного лидера: *The practice of carrying out dubious deeds through the hands of proxies or other hard-to-identify agents has since become something of a trademark of Mr. Putin's*», *Mr. Putin has pushed this tactic even further, implicitly or explicitly encouraging independent agents to act on their own, keeping the Kremlin's hands clean*». Присоединение Крыма, о котором идет речь в статье, описывается как «сомнительное деяние», совершенное «переодетыми актерами Кремля», чьи руки Пу-

тин хочет сохранить чистыми. Здесь журналист использует метафору «руки Кремля», под последним подразумевая ключевых политиков и самого президента России. *The Guardian* поддерживает демонический образ президента эпитетом «леденящее душу послание»: «*Was the attack the work of rogue Russia security agents — or a chilling message from Putin?*» *The Times* использует иронию, называя сообщения России «нелепыми»: «*Other Russian institutions issued a more ridiculing response to the official British confirmation*».

«*Experts and Russian dissidents claimed ruthless Russia boss Vladimir Putin ordered the assassination attempt to boost his strongman image, just 11 days before the country's presidential election on March 18*» — *The Sun*. Эпитеты *ruthless boss* («безжалостный босс»), *strongman image* («образ силача») демонстрируют попытку журналистов создать образ недалекого и безжалостного диктатора. Его даже называют не президентом, а подчеркнуто обывательски — боссом. В лидер-абзаце в *Daily Express* встречается сочетание «убийцы Путина», что опять же формирует образ диктатора: «*Sergei Skripal's ex-girlfriend in hiding from Putin's assassins*». *New York Times* более сдержана в оценке действий России в связи с конфликтом, однако им удается едко напомнить о деталях прошедших выборов с помощью эпитета «однобокая победа»: «*He [Trump] telephoned Mr. Putin to congratulate him on his lopsided victory in Russia's March 18 election*». *The Wall Street Journal* также не скупится на эпитеты и иронию, подчеркивая, что Россия пытается неумело замести следы: «*The Kremlin and its propaganda channels have spread a flurry of theories about who was behind the nerve-agent attack on a former Russian spy in the U. K. They have one common theme: It was anyone but Russia*». *The Sun* поступает также, используя эпитет «смехотворные заявления», тем самым обесценивая их: «*President Vladimir Putin had personally backed laughable claims by Boshirov*».

The Times, делая предположение о возможном заказчике, упоминает похожий случай из 2006 г. — тогда в Лондоне был отравлен Александр Литвиненко: «*Another former Russian agent who British officials believe was poisoned in London on the orders of the Kremlin*». Издание использует сравнение с похожим случаем, не делая, однако, никакого вывода, предоставляя читателям самим решить, есть ли возможная связь.

Также издание с помощью метафоры «какофония диковинных объяснений» указывает на различные конспирологические теории вокруг отравления, которые «пытается придумать Кремль»: «*The cacophony of outlandish explanations has sown an atmosphere of confusion and distrust about official versions*». Интересен прием антитезы, используемый изданием: Россия против Запада, а также сравнение — упоминание холодной войны, сценарий которой разыгрывается сейчас: «*Touching off a furious confrontation between Russia and the West that has played out like a Cold War*».

² Здесь и далее перевод наш, совместно с М. В. Афоншиной, магистрантом факультета журналистики Челябинского государственного университета.

thriller». Вообще издания неоднократно проводят параллель с холодной войной: «*the most far-fetched Cold War skulduggery*», «*shock report shows Russia still has Cold War mindset*», что позволяет сформировать у читателя негативное представление о стране как об инициаторе развязывания новой войны. Прием гиперболы также встречается как в таблоидах, так и в качественной прессе, однако за надуманными размерами обычно нет никакой аргументационной базы. Например, таблоид *Daily Express* заявляет, что половина россиян, проживающих в Лондоне, — шпионы Кремля: «**HALF of the Russians living in London are spies for the Kremlin, with five times more secret intelligence officers than in 2010, a shocking report has claimed**». Аргументы, сопровождающие этот громкий заголовок, следующие: «*The report, which is based on information from dissidents, defectors and intelligence sources, has revealed the widespread Russian espionage in the UK*», — издание ссылается на информацию, полученную от «диссидентов, перебежчиков и данных разведки». Это же издание заявляет о «шокирующих цифрах»: «**Putin's army of 80,000 spies EXPOSED as four Russian agents caught hacking novichok probe**», и снова в статье нет четких подтверждений этих данных.

Примечательно, как меняется образ жертвы Сергея Скрипаля. Сначала сразу после отравления в марте и до июня журналисты только начинают выяснять информацию о личности потерпевшего, и потому сначала его образ вызывает максимальное сочувствие благодаря соответствующим эпитетам и метафорам: «*Sergei Skripal has lived a quiet and modest but not completely hidden life in the cathedral city of Salisbury*». «*Certainly, Skripal had begun to feel at home. He had taken to popping into the Railway social club where he applied to become a member in October and was recommended by a friend called Ross*» — *The Guardian*. Журналисты подчеркивают, что в России он был в опасности и, наконец, обрел покой в Великобритании: «*He lived in a modest semi-detached house in a cul-de-sac in the genteel cathedral city of Salisbury*», «*Skripal would have been all too aware of how his colleagues viewed him: "Death to spies"*» — *The Guardian*. В американской прессе про Сергея пишут в нейтральном ключе: «*Mr. Skripal and his daughter remained in critical condition on Tuesday at Salisbury District Hospital, about 85 miles southwest of London*» (NYT). Выстраивание коммуникативной линии максимального сочувствия в эмоциональном плане и антитезы «мирный, скромный, тихий» Сергей Скрипаль и «разъяренный, взбешенный, глупый Кремль» продолжается до того момента, как бывший полковник ГРУ приходит в сознание. Нельзя сказать, что тональность поменялась кардинально — сочувственно-позитивный тон сменился на нейтральный. Это подтверждает отрывок из статьи-интервью от *The Guardian*, где выясняется, что Сергей поддерживает политику Путина, аннексию Крыма и отзывает-

ся об украинцах как о «заблудших овцах»: «*Skripal, a former paratrooper, supported Putin's 2014 annexation of Crimea and referred disparagingly to Ukrainians as "simply sheep who needed a good shepherd"*», «*Skripal also refused to believe Russian troops had entered eastern Ukraine covertly, saying that if they had, they would have quickly reached the capital, Kiev*».

Вызывающие по своей сути заявления, которые могли бы иметь эффект разорвавшейся бомбы при правильной подаче, в данном пассаже стилистически нейтральны — СМИ не осуждают позицию Скрипаля, они просто документируют ее без лишней оценочности.

Интересно то, как СМИ мифологизируют отравление, превращая его в увлекательный шпионский боевик: в заголовках часто используются такие лексемы, как *spies* («шпионы»), *hitmen squad* («отряды убийц»), *organised poisoning* («заказное отравление»), эпитеты *horrifying truth* («ужасающая правда»), *mysterious fiancé* («таинственный жених»), *dirty money* («грязные деньги»), *furious Kremlin* («взбешенный Кремль»). Они выполняют функцию дополнительного привлечения внимания читателя своей эмоциональной оценкой, — читатель чувствует сопричастность позиции журналиста, на глазах читателя создается литературное произведение, за перипетиями которого увлекательно следить.

Рассматривая синтаксические особенности презентации медиаобраза в СМИ, можно отметить обилие пассивных конструкций: «*The expulsion orders retaliate specifically for the poisoning of a former Russian spy, Sergei Skripal, and his daughter in Britain, for which the Kremlin has been blamed*» (NYT). В этой же статье: «*The Russian consulate in Seattle will be closed*», «*more than 250 counter terrorism police were involved in the investigation*» (*Daily Mirror*), «*this investigation is focused on...*» (*Daily Mirror*), «*so far it had been assumed Mr Skripal and daughter Yulia were exposed to the toxic substance during their visits to a Zizzi restaurant or a nearby pub on Sunday afternoon*» (*The Times*), «*The PM and her senior ministers were also told it was "touch and go"*» (*The Sun*), «*No improvement in their condition is expected soon*» (*The Sun*), «*what was administered to the colonel for weeks, or possibly ever*» (*The Sun*), «*Though the meeting was scheduled, its agenda was ripped up to deal with the poisoning drama*» (*The Sun*), «*When Vladimir Putin was asked recently what historical event he would change if he had the power, he said he would undo the collapse of the Soviet Union*» (*The Guardian*), «*Russia was robbed of its wealth and superpower status*» (*The Guardian*), «*he credible suspicion of Kremlin responsibility, must be seen in this context*» (*The Guardian*), «*Skripal, 66, and his daughter, Yulia, 33, were poisoned*» (*USA today*). Это лишь несколько примеров, отражающих общую тенденцию.

Можно сказать, что пассивные конструкции встречаются не реже, чем активные: это, на наш

взгляд, связано с тем, что в активном залоге основное внимание уделяется субъекту, который совершает действие, тогда как в страдательном залоге фокус внимания находится на объекте. Журналисты при написании новостных репортажей не только передают информацию, но и также выражают свою точку зрения, предположение, но так как им нужно оставаться объективными и не усугубить ситуацию, особенно в такой категории, как международная политика, они вынуждены «перестраховываться», убирая субъект действия, заменяя его пассивной конструкцией, в которой смещается внимание с субъекта на объект.

Следующей синтаксической особенностью создания медиаобраза России является использование настоящего исторического времени в заголовках и лид-абзацах. По словам профессора риторики и английского языка университета Джорджии Ричарда Нордквиста, «в английской грамматике “историческое настоящее” — это использование глагольной фразы в настоящем времени для обозначения события, имевшего место в прошлом» [6, 123]. Также оно называется историческое настоящее, драматическое настоящее или нарративное настоящее и используется при описании события в прошлом в настоящем времени, что дает читателю более непосредственное ощущение причастности. В риторике использование настоящего времени для сообщения о событиях из прошлого называется *translatio temporum* («перенос времени»). «Это ясно показывает, что историческое настоящее существует только как намеренное тропическое отклонение прошедшего времени» [6, 123]. Заголовок газеты изначально предназначался для того, чтобы привлечь внимание читателей (и побудить их приобрести газету). Обрамление смелых высказываний в заголовках и лид-абзацах в настоящем времени дает читателю ощущение срочности и возбуждения, что (как предполагается) более заманчиво для приобретения или прочтения статьи. Эта особенность реализована в публикациях при освещении «дела Скрипалей»: в большем количестве материалов (80 статей или 84% материалов) вне зависимости от степени эскалации конфликта используется настоящее историческое в заголовках и лид-абзацах:

The Sun от 6 марта 2018 г., 2 дня после отравления: **PUTIN: PRIME SUSPECT** *Spy chiefs say Russia is ‘prime suspect’ for Sergei Skripal attack — using a poison so rare spy boffins haven’t found it.* Лид-абзац: **Military scientists are still unable to identify the poison used in attack;**

USA Today от 29 марта 2018 г., 25 дней после отравления: **Russia accuses U.S. of discrimination in withholding visas for wrestlers.** Лид-абзац: **The Russian Ministry of Foreign Affairs says the United States attempts to bar its freestyle wrestlers from competing in a World Cup next week in Iowa;**

Daily Express от 28 марта 2018 г., 24 дня после отравления: **Theresa May promises to ‘DEFEAT RUSSIA’**

after ‘attack’ with new CYBER WARFARE initiative. Лид-абзац: **THERESA May promises to “defeat” Russia following the Salisbury attack with a new cyber warfare initiative entitled the Fusion Doctrine that will aim to tackle the threats imposed by cyber warfare, it has emerged;**

The Independent от 11 ноября 2018 г., 8 месяцев спустя отравления: **Kremlin is quietly happy about British reactions to Skripal affair and ‘dirty money’.** Лид-абзац: **Analysis: The UK government’s tough-talking on unexplained wealth is not enough to worry the Russian elite;**

The Wall Street Journal от 6 ноября 2018 г., 8 месяцев спустя отравления: **U. S. Finding on Russia Chemical Weapons Paves Way for New Sanctions.** Лид-абзац: **Lawmakers say White House needs to sanction Kremlin over determination that Russia hasn’t shown that it stopped using chemical, biological weapons;**

Daily Express от 6 ноября 2018 г., 8 месяцев спустя отравления: **Half of Russians in London are SPIES: Shock report shows Russia still has Cold War mindset.** Лид-абзац: **HALF of the Russians living in London are spies for the Kremlin, with five times more secret intelligence officers than in 2010, a shocking report has claimed.**

Замечено, что журналисты используют настоящее историческое время преимущественно в заголовках (когда основной текст статьи в прошедшем) вне зависимости от того, когда произошло то или иное событие. Эта особенность привлекает читателя своей сиюминутностью, скоротечностью, сопричастностью со «здесь и сейчас», что вызывает читательский интерес.

И для таблоидов, и для качественной прессы характерно использование риторических вопросов как в заголовках (*Who is the Salisbury spy Sergei Skripal? (The Guardian); Why is the UK accusing Russia of launching a nerve agent attack on Sergei Skripal in Salisbury, and what is the evidence? (The Independent); How did Sergei Skripal’s son and wife die, was there a car crash and what’s disseminated endometrial carcinoma? (The Sun); Who is Salisbury Novichok poisoning suspect Ruslan Boshirov and is his real name Anatoliy Chepiga? (Daily Mirror); What is Novichok? How Russia developed deadliest nerve agent ever (Daily Mirror); Is this the Salisbury poisonings hitman? (Daily Mirror)*), так и в основном тексте статьи (*Why did Russia risk so much in the Sergei Skripal case? (NYT); Who is Salisbury poisoning suspect Ruslan Boshirov? What is the background of the Skripal poisoning hitman? What was his involvement in the Salisbury attack? (The Sun); Why does a strongman brought up in the K.G.B. put up with it? (The Times)*) и т.д. Использование риторических вопросов — очень убедительный прием, когда в одном вопросе можно сделать акцент на нужном смысле, задать вектор интерпретации и спровоцировать читателя на определенную реакцию. Разберем некоторые из указанных примеров. Таблоид *Daily Mirror* публикует статью с заголовком «Что такое Новичок? Как Россия разработала самый смертонос-

ный нервно-паралитический агент в истории». Риторический вопрос здесь служит для оправдания провокационного обвинения в адрес России, читателю не предлагают порассуждать, что же такое «новичок», ему в следующем предложении сразу же дают ответ и делают акцент на том, что он был разработан именно в России, указывая на связь с отравлением Скрипалей. *The Sun* публикует статью со следующим заголовком: «Как погибли сын и жена Сергея Скрипаля, была ли эта автокатастрофа и что такое диссеминированная карцинома эндометрия?» В заголовке намеренно используется союз «ли», чтобы заставить читателя сомневаться в этом. Также журналисты намеренно не упрощают медицинский термин «диссеминированная карцинома эндометрия» более бытовым «рак матки» (от которого умерла жена Сергея Скрипаля), чтобы оставить у читателя только один вариант, который и должен вызвать у него сомнение. Далее это же издательство строит аналитическую статью по принципу ответов на вопросы: каждый раздел начинается с риторического вопроса, который анализируется в абзаце: «Кто такой подозреваемый в отравлении Солсбери Руслан Боширов? Какова была его роль в нападении на Солсбери? Что было до отравления Скрипаля наемником?» Безапелляционные вопросы сформулированы так, чтобы читатель подсознательно усвоил истину: Руслан Боширов — наемный убийца, который отравил Скрипаля и приступал к чтению абзаца с этой позицией. Напомним, что официально обвинения предъявлены не были — российская сторона полностью отрицает свое участие и роль «русских наемников» в отравлении. Отсюда можно заключить, что приведенные выше риторические вопросы используются для эффекта, акцента или провокационной цели, и если для качественной прессы риторические вопросы обусловлены аналитическим жанром, то для таблоидов это служит маскировкой провокационных мнений.

Таким образом, СМИ становятся неотъемлемой частью политической коммуникации, особое место в которой занимает проблема формирования меди-

образа страны — некоего образа, формирующегося в сознании общественности. Анализ лексико-стилистических особенностей медиатекстов изданий Великобритании и США во время освещения инцидента с Сергеем Скрипалем позволяет устанавливать определенные векторы формирования этико-эмоциональных и аксиологических оценок и их медиаэстетический эффект: 1) образ России в западных СМИ носит негативный характер и базируется на восприятии, которое сложилось за последнее время — это образ врага; 2) Россия характеризуется как возрождающаяся / возрожденная империя, ищущая возможности для того, чтобы во что бы то ни стало вернуть себе утраченную роль великой державы; 3) Россию часто описывают как страну, которая «стремится быть великой державой», но в негативном ключе; ее внешняя политика характеризуется как агрессивная, несущая угрозу для всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fourie P. J. *Media Studies: Media history, media and society* / P. J. Fourie. — Juta and Company Ltd., 2007.
2. Хочунская Л. В. Медиаобраз как диалог ценностей / Л. В. Хочунская. — Москва, 2011.
3. Василенко И. А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И. А. Василенко // *Власть*. — 2013. — № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzhevaya-strategiya-rossii-v-kontekste-mirovogo-opyta> (дата обращения: 28.05.2020).
4. Соломатин А. Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России: дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Соломатин. — Москва, 2014.
5. Buhmann A. The 4D Model of the country image: An integrative approach from the perspective of communication management / A. Buhmann, D. Ingenhoff // *International Communication Gazette*. — 2015. — 102–124. — URL: <https://doi.org/10.1177/1748048514556986> (дата обращения: 28.05.2020).
6. Nordquist, R. What Is the Historical Present (Verb Tense) in English? / Richard Nordquist // *ThoughtCo*. — 2020. — Aug. 26. — URL: [thoughtco.com/historical-present-verb-tense-1690928](https://www.thoughtco.com/historical-present-verb-tense-1690928) (дата обращения: 28.05.2020).

Челябинский государственный университет
Панова Е. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: Elena_panova81@mail.ru

Chelyabinsk State University
Panova E., Candidate of Philology, Associate Professor of the
Department of Journalism and Mass Communications
E-mail: Elena_panova81@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ НОВОСТНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Т. С. Родионова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 24 июня 2020 г.

Аннотация: автор анализирует ряд тенденций в формировании новостной политики электронных СМИ, связанных с тематикой и психологическими особенностями подачи материала. Прослеживается взаимосвязь с исторически сложившимися закономерностями воздействия контента на аудиторию, которые изначально были связаны с традиционными бумажными ежедневными органами печати и начали складываться в эпоху развития буржуазных отношений в России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: электронные СМИ, российская пресса, агентства, газеты, информационное общество, психология аудитории.

Abstract: author analyzes a number of trends of news agenda formation in electronic means of mass information in connection with content subject and psychological features of news reporting. Historically established ties with general regularities of content impact on audience are marked, and these regularities of traditional printed press functioning began to form during the era of development of bourgeois relations in Russia in the 2d part of the 19th century.

Keywords: electronic means of information, Russian press, agencies, newspapers, information society, audience psychology.

В статье изучены подборки Топ-5 новостей Яндекс и некоторых новостных сайтов и агентств за период с февраля 2019 г. по июнь 2020 г., а также приведены свидетельства журналистов-практиков, в том числе SEO-специалистов, работающих в электронных изданиях. Привлечены выводы об исторических закономерностях и современных особенностях развития ежедневной прессы, в частности городской газеты, содержащиеся в исследованиях отечественных ученых [1; 2] и др., в монографиях автора [3; 4], а также концепции проявлений обыденного сознания человека в информационной среде [5;7].

Сегодня специальный раздел Яндекса «Топ-5 новостных сюжетов: статистика» активно отражает общую картину новостной повестки в России и в мире. Статистика постоянно обновляется и дает возможность проанализировать рост количества просмотров, сообщений, документов в том или ином сюжете или теме. При этом полученная при исследовании выборка позволяет выделить ряд «горячих точек» читательского интереса и его возрастания по отношению к различным темам. Систематизация тематических заголовков выявляет позиции, которые можно свести к набору способов привлечения внимания аудитории.

Возьмем в качестве примера 20 новостных постов Топ-5 за февраль-март 2019 г. Каждый блок включает 5 известий, таким образом, мы проанализируем 100 новостных сюжетов, сгруппировав их по следующим признакам: 1) скандальные сообщения, связанные с известными персонами, в том числе политиками; 2) известия сенсационного характера, также связанные с известными людьми, но не носящие скандального оттенка (они могут касаться угрозы жизни, каких-либо политических шагов и пр.); 3) катастрофы (в частности, природные и техногенные), акты терроризма и другие происшествия; 4) экология (в том числе экология человека), вопросы питания и качества пищи; 5) основные гражданские свободы; 6) социальная сфера и благосостояние граждан (доходы, занятость, социальное обеспечение, штрафы, ЖКХ и т.д.); 7) связь и коммуникация, банковские услуги; 8) спорт; 9) экономика России; 10) национальная безопасность и вооружения; 11) новости в контексте «Россия — Украина» и «Россия — Украина — Крым»; 12) отношения со странами СНГ; 13) международные санкции против РФ; 14) индо-пакистанский конфликт; 15) политический конфликт вокруг Венесуэлы.

Количественно эти новости распределились так: 1) 16; 2) 9; 3) 15; 4) 6; 5) 2; 6) 7; 7) 3; 8) 1; 9) 2; 10) 7; 11) 16; 12) 4; 13) 4; 14) 4; 15) 4. Легко заметить, что наибольшее количество новостей связано со скандалами, сенсациями, происшествиями и катастрофами, а также с темой Украины и Крыма. Если же объединить в одну группу близкие по общему характеру категории 1, 2 и 3, то доля этих новостей составит

40% от всех сюжетов¹. Вполне очевидно наблюдается классическая тенденция русской коммерческой газеты для средних и низших слоев общества, сложившаяся в эпоху развития буржуазных отношений во второй половине XIX века [4, 160]. Уже тогда современники относили сенсационность к поверхностности прессы, но именно развлекательное, легкое чтение и приносило доход. Западный исследователь Г. Шиллер также отмечал, что «когда предоставление и доступ к информации становятся платными, большинство получает массовую информацию — то, что легко произвести, легко воспринять и что манит своей поверхностностью. Только тогда, когда аудитория сбита в стадо, предоставление информации становится выгодным». И добавляет: «Отсюда — всеобщее развлекательное содержание становится основой СМИ... Слово “цинизм” заменили на слово “реализм”» [5, 29].

При дальнейшем изучении особенностей подачи материалов Топ-5 Яндекса можно выделить их своего рода смысловую многослойность. В первую очередь ее отражают заголовки. Злободневность, громкие имена и обстоятельства, «раскрученность» сюжетов оказываются внешней оболочкой новости, на фоне которых возможно оценить глубинный информационный уровень с точки зрения психологии восприятия. Рост внимания тех или иных аудиторных групп к популярным известиям, как представляется, соотносится с проявлениями так называемого «обыденного сознания» [8; 9], характеризуемого, в частности, несистемным соединением разных составляющих — собственного опыта, слухов (к которым сегодня в определенной мере можно было бы отнести коммуникацию в соцсетях), чтения каких-либо изданий. При этом ученые отмечают большую роль стереотипов в воздействии на людей [5; 6]. Одновременно исследователи указывают на фактор социального страха, который влияет на усиление интереса

¹ В число опубликованных в названный период новостей Топ-5 вошли: «Криминалисты СКР объяснили, как погибла группа Дятлова» (01.03.19, 10:26), «Певица Юлия Началова попала в реанимацию» (11.03.19, 13:57), «Сбербанк подтвердил гибель сотрудников в авиакатастрофе в Эфиопии» (11.03.19, 13:57), «На трассе во Владивостоке опрокинулся «Панцирь-С1» (11.03.19, 13:57), «Галкин отреагировал на обвинения в заказе убийства Киркорова» (13.03.19, 18:57), «Телеведущего Брилева исключили из общественного совета при Минобороны» (14.03.19, 18:58), «При атаке на мечети в Новой Зеландии погибли 40 человек» (15.03.19, 18:38), «НАСА предупредило о приближении к Земле крупного астероида» (18.03.19, 10:25) и др.

В группе новостей из жизни известных личностей 6 из 14-ти оказались связаны с госпитализацией Юлии Началовой. Известия попадали в Топ-5 ежедневно, при этом подчас вызывая сомнения в этичности («Семья Началовой не знает об отеке мозга у певицы», 15.03.19, 10:20).

к информации [7]. Хорошо известные страхи связаны как с человеческой физической природой (страх смерти, болезни и т.д.), так и с социальными опасениями (например, угрозой безработицы), которые продолжают оставаться важными поведенческими мотивами, а соответствующая тематика в СМИ привлекает читателей. Актуализируются экономический, политический, идеологический, космический, инфекционный и др. страхи.

Так, известие о крушении Боинга 737 МАХ в Эфиопии обсуждалось в СМИ в течение нескольких дней. Факт постепенно обрастал комментариями, затем пресса стала сообщать, что все больше стран отказывается от эксплуатации этого типа самолета, а 14 марта вышел новостной сюжет о запрете полетов *Boeing 737 МАХ* и в России (14.03.19, 18:58). При этом поступивших за час документов в последнем сюжете оказалось значительно больше, чем в остальных четырех (140 против 37, 44, 54 и 60) в блоке, однако наибольшее количество просмотров вызвало известие об улучшении состояния певицы Началовой — 72,81% против 7% по Боингу, 4,88% по исключению журналиста Брилева, 12,9% по заявлению банкира Грефа о «главной проблеме России» и 2,41% — о досрочной отставке главы Липецка.

Из тем, связанных с угрозой жизни и благополучию человека, сопоставимых с ними принципов нарушения справедливости, поднимаемые в СМИ, были представлены как вызовы и негативные явления, непосредственно обращенные к личности, так и обстоятельства, казалось бы, далекие от индивидуума, но обладающие дестабилизирующими факторами в рамках благополучия социальной группы, нации, цивилизации. Например, 11.03.19 в Топ-5, в частности, попали сюжеты: «Глава ФАС заявил о двукратных переплатах россиян за услуги ЖКХ» и «В Кремле прокомментировали митинг за свободу Интернета» — новости, затрагивающие сферу интересов практически каждого гражданина. Также сюжет от 13.03.19 «Пилот разбившегося *Boeing* сообщал о проблемах с управлением полетом» потенциально затрагивал вопросы безопасности любого пассажира, могущего до отмены полетов 737 МАХ попасть на рейс, выполняемый этим типом самолета, который уже начали закупать и в России. Материал от 13.03.19 (также вошедший в приведенный выше блок — 18:57 мск) «Россияне признали одной из самых быстро стареющих наций», сюжет «В Швеции назвали Россию «проигравшей сверхдержавой» (12.03.19, 13:10) имели более обобщенную направленность, внешне не связанную с какими-либо угрозами личности. Однако агрессивный негатив в отношении целой нации и государства придает тот же психологически дестабилизирующий оттенок, а тревожный элемент притягивает внимание аудитории. Анализ подобного воздействия можно продолжить на примере целого ряда тем — состояние вооруже-

ний России, состязание «сверхдержав» в военной мощи, политические вызовы со стороны Украины, санкционная политика Запада в отношении РФ, происшествия с новинками техники, в том числе пассажирского и военного транспорта, и т.д.

Выявляется также такой осязаемый фактор повышенного внимания аудитории, как соревновательный аспект, вопросы доминирования в различных сферах жизни — от личного, частного до глобального масштаба. Показательно, что из 4-х топовых новостей на, казалось бы, сугубо внешнеполитическую тему — состояние индо-пакистанского вооруженного конфликта — три были посвящены воздушным сражениям с участием приобретенных Индией российских самолетов СУ-30 и МиГ-21, а также пакистанских F-16 американского производства². Как видно из приведенной ссылки, интерес к этому сюжету не угасал целый день, а рейтинг его посещаемости показывал значительный отрыв от всех прочих тем. Логично последовавшей через несколько дней ведущей новостью стало известие о намерении закупить партию российских военных самолетов Египтом³, количество просмотров которой уступило в тот момент лишь известию «Порошенко пообещал вернуть Крым в состав Украины сразу после выборов» (соответственно 17,17% и 52,35% от всех просмотров).

Роль фактора угроз в формировании предпочтений аудитории ярко продемонстрировала новостная повестка в период пандемии COVID-19, официально начавшейся в конце декабря 2019 г. в Китае и перекинувшейся в Россию в марте 2020 г. Особенностью этой тематики стал ее одновременно глобальный и персонифицированный характер. В новостях Яндекса, наряду с постоянными разделами «Главное», «Москва» и др. появились разделы «Коронавирус» [10], «Коронавирус: статистика» [11] (наряду с прогнозом погоды и дорожными пробками), «Коронавирус: оперштаб Москвы» — новый чат Яндекса, «Мессенджер» [12]. Тему в ежедневном режиме подхватили все СМИ. Проблема распространения вируса и угроза заражения коснулись жизнедеятельности каждого и разрослись в гораздо более широкую проблематику, охватившую многообразнейший спектр социально-политических и экономических отношений, поставили вопросы свободы личности и перспектив цифровизации общества.

На доминирование «коронавирусной повестки» и ее пугающие интонации обратили внимание в соц-

² «СУ-30 и F-16 сошлись в воздушном сражении Индии и Пакистана» (01.03.19., 10:26); «Индия объявила об уничтожении пакистанского F-16 своим МиГ-21» (01.03.19, 16:06); то же в 18:53. Количество просмотров (в % от просмотров всех новостей блока) соответственно 57,37; 37,11; 34,37.

³ «Египет купит десятки российских истребителей Су-35» (18.03.19, 10:25).

сетях, указав на поток данных новостей как фактор формирования постоянного стресса и тревоги у населения и сравнив с фронтовыми сводками периода Отечественной войны. В одном из материалов СМИ коронавирус назвали ньюсмейкером в мировом масштабе.

Новости о штрафах за несоблюдение самоизоляции, в том числе ошибочные — например, сообщения москвичей в *Яндекс-Районе* [13], за неточности в электронных пропусках, ведение карты заражений в столице телеграм-каналом *Mash* и другая подобная информация постоянно подстегивали внимание аудитории. Параллельно СМИ расставляли дополнительные акценты на росте заболеваемости в московском регионе, стараясь указывать при этом на известных персон.

Количество тревожных новостей по COVID-19 несколько снизилось после 9 июня, когда мэр Москвы С. Собянин объявил об отмене основных ограничений по городу, но подвижку компенсировали известия о последствиях достижения плато заражения в стране: ограничения по летнему отдыху у моря⁴, ситуация в регионах⁵, вакцинирование⁶ и т.д.

Что касается общей картины новостных тенденций СМИ и особенностей их подачи в исследуемый период, приведем мнения практиков — SEO-специалистов и журналистов. Так, редактор одного из небольших федеральных агентств⁷ признавал в сентябре 2019 г., что по самым читаемым новостям за неделю и месяц отсутствовала политика, и указывал, что новости по шоу-бизнесу давали другому, хорошо известному крупному агентству, по 300–400 тыс. просмотров за две недели⁸. При этом

⁴ Например, «Губернатор Краснодарского края напугал туристов новыми правилами»: <https://zen.yandex.ru/media/greattrips/gubernator-krasnodarskogo-kraia-napugal-turistov-novymi-pravilami-5ee9d6af76a618665860a7ee>

⁵ https://yandex.ru/news/story/V_Rossii_zafiksirovano_7790_novykh_sluchaev_koronavirusa_zasutki—ad2e3112bd439b16de9a739d30a00b83?lr=213&lang=ru&stid=U2iJwgrkHTQmmCuCpMz5&persistent_id=102894968&rubric=personal_feed&from=index

⁶ <https://rossaprimavera.ru/news/2d053561>; https://tsargrad.tv/news/ispytaniya-russkoj-vakciny-ot-covid-nachalis-s-neudobnyh-voprosov_260898

⁷ Здесь и далее названия агентств удалены по просьбе сотрудников.

⁸ Что сравнимо, например, с 20–30-тысячным ежедневным тиражом условного издания.

Подобные предпочтения среднестатистической аудитории отмечали журналисты еще в ту пору, когда массовая печать в России только начала развиваться — на рубеже XIX — XX вв.: «Московская публика очень мало интересуется политикой, — писал соиздатель столичного «Курьера» Е. З. Коновицер. — У нас, например, очень недурно организован отдел телеграфных известий: весьма часто у нас по-

SEO-специалист первого агентства назвал политический материал, все же давший ему более высокие просмотры: новость о госдолге США. Этот факт снова возвращает к выводу о привлекательности темы соревнования сверхдержав. Одновременно один из редакторов указал, что «классические методы увеличения посещаемости — например, через соцсети — не работают». Добавим, что аудитория этого агентства в тот период состояла преимущественно из мужчин 35–40 лет; данные об их образовании и занятиях отсутствуют.

Говоря о доле политических известий, вошедших в тот же период в топ новостей Яндекса, в названном случае отметим совпадение: тип новости «соревновательного» содержания, с мотивами превосходства и поражения. Что касается других политсюжетов, ряд специалистов отмечают некоторую непредсказуемость их формирования, так как, по их мнению, почти стопроцентно «проходная» новость, бывает, не попадает в сюжет. Работники СМИ предполагают внутренние особенности формирования новостной сетки Яндекса⁹.

Свои предпочтения показала аудитория одного из городских, столичных медиапорталов, который по значимости можно отнести к второстепенным. В частности, был замечен всплеск просмотров новости «Объем записей видеонаблюдения в Москве превысил возможности их обработки», опубликованной со ссылкой на центральные СМИ 22.01.20, которая дала десятикратный рост посещаемости по сравнению со средним значением. Отметим, что этот скачок произошел на фоне распространения ссылки на данную публикацию в соцсети — в отличие от вышеназванного примера с изданием, ориентированным на общероссийскую аудиторию. Читатели столичного портала также продемонстрировали достаточно сбалансированное распределение по возрастному и гендерному признаку.

Среди других особенностей указанной аудитории московского СМИ можно отметить внимание к местным новостям, обсуждаемым в соцсетях, что также согласуется с исторической традицией городского

являются телеграммы о крупных политических событиях за день раньше, чем в других газетах, — и это проходит совершенно незамеченным: тираж газеты не увеличивается от того ни на один номер. Наоборот, дайте какое-нибудь сенсационное московское известие — и газета на расхват» (Орф. оригинала.) [14].

⁹ Приводится как мнение из отдельно взятой практики.

ежедневного издания [3; 4].

Наблюдения за текущей новостной политикой электронных СМИ свидетельствуют о проявлении ряда закономерностей, отмеченных применительно к традиционным, бумажным изданиям — предшественникам цифровой эпохи. Становится возможным выделить и признаки, характеризующие отдельные особенности как городских, так и общероссийских агентств и сайтов. Подобная дифференциация также тяготеет к исторически сложившейся и продолжающей формироваться структуре контента ежедневных изданий общественно-политической направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества / А. А. Грабельников. — Москва, 2001.
2. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета / Б. И. Есин. — Москва, 1971.
3. Родионова Т. С. Московская газета «Курьер» / Т. С. Родионова. — Москва, 2011.
4. Родионова Т. Функции русской дооктябрьской газеты: своеобразие и параллели / Т. Родионова. LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken, 2014.
5. Богданов В. В. Экзистенциальный характер обыденного сознания человека в информационную эпоху / В. В. Богданов. — Таганрог, 2007.
6. Егорова А. Е. Природа человека: междисциплинарный подход / А. Е. Егорова. — Санкт-Петербург, 2002.
7. Андрусенко В. А. Социальный страх / В. А. Андрусенко. — Свердловск, 1991.
8. <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=586> (дата обращения 20.04.20)
9. Андриюшкова Н. П. Категория «обыденное сознание» в психологии / Н. П. Андриюшкова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 9–12.
10. <https://yandex.ru/news/rubric/koronavirus?from=index> (дата обращения 30.05.2020)
11. https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_graph&geoid=213 (дата обращения 15.06.2020)
12. <https://yandex.ru/chat/#/chats/1%2F0%2F5683a013-cde2-4c8f-bc1a-31597608cd08> (дата обращения 15.06.2020)
13. https://local.yandex.ru/moscow/top?event_id=3440251&from=home&gid=213&_openstat=rtx_desktop;largecontrol;merge_learn_all_with_plook_prod40&utm_source=main&utm_medium=zenpromoblock&utm_campaign=tips_1&utm_content=mini_post (дата обращения 16.06.2020)
14. Коновицер Е. З. Письма к Чехову А. П. Письмо 6-е: 3 марта 1899 // РО РГБ, Ф. 331. Оп. 48, № 13.

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ПРОВОЦИРОВАНИЕ В МЕДИЙНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

Д. Е. Тиян

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 22 июля 2020 г.

Аннотация: в данной работе рассматривается использование приема провокации в социально-бытовом контенте на телевидении. Проанализированы стратегии использования персонального провоцирования в программах «Пусть говорят» и «Мужское/Женское». Установлено, что конститутивные признаки персонального провокативного действия сводятся к нанесению ущерба адресату в публичном медийном дискурсе, эмоциональной дестабилизации субъекта со стороны адресата и ответной реакции коммуниканта в агрессивной либо смиренной тональности.

Ключевые слова: провокация; провоцирование; персональный дискурс; персональное провоцирование; телевизионное шоу.

Abstract: the paper deals with the problem of provocation usage in social and household content on TV. Communicative strategies of such actions used in the programs "Pust govoryat" and "Mujskoe/ Jenskoe" have been analyzed. The study shows that constitutive features of personal provocative action lead to damage of an addressee in public media discourse, their emotional destabilization and aggressive or meek reaction from a communicator.

Keywords: provocation; personal discourse; personal provocation; TV show.

Развитие информационных технологий вынуждает СМИ заниматься не только подбором информации и быстрым донесением ее до зрителя, но и изобретением способов такой подачи информационного материала, чтобы он обратил на себя внимание и спровоцировал нужную реакцию аудитории. Для привлечения зрителей СМИ часто используют провокативные методы и приемы.

Для исследования мы воспользовались определением провокации А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, которые считают, что «это создание, конструирование и реализация повода для конфликта. Создается стороной, желающей развязать конфликт и через него реализовать интересы» [1].

Следует различать провокацию и провоцирование. В отличие от провокации — предмета, явления, провоцированием называют процесс действия, с помощью которого происходит провокация.

Провоцирование привлекает к себе внимание современных исследователей (В. Н. Степанов, И. А. Стернин, О. С. Иссерс и др.). В рамках этого действия существуют различные коммуникативные типы, одним из которых является персональное провоцирование. Оно воплощается в области персонального (личностно-ориентированного) дискурса, который подробно рассмотрел в работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В. И. Карасик. Провокация, направленная на конкретного индивида, реализуется в личностно-ориентированном общении, «когда

участники общения раскрывают друг другу всё богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности» [2, 278]. При этом говорящие не обязательно знакомы друг с другом.

Персональный дискурс восходит к выраженным Я-интенциям автора — поэтическое произведение, исповедь, разговор — и имеет две разновидности: бытовой и бытийный. Бытовой дискурс близок к разговорной речи, общение диалогично, происходит между хорошо знакомыми людьми и чаще направлено на решение повседневных проблем, передаче определённой информации, поддержание контакта, беседы. Бытийный дискурс чаще монологичен и представлен произведениями художественной литературы. В данном типе общения не ведется разговоров об очевидных вещах, темой коммуникации собеседников является художественное и философское постижение мира [2].

В личностно-ориентированном дискурсе провокация прежде всего направлена на личность говорящего, а не на его принадлежность к той или иной социальной группе. Ключевым концептом для автора в персональном провоцировании является концепт «я», т.е. внутренний мир личности, и желание коммуникативно воздействовать на него с целью изменения отношения адресата к действительности.

На телевидении успех развлекательного шоу во многом зависит от ведущего, его умения выстроить диалогическое взаимодействие с окружающими, причем в нужном для него русле. В таком общении говорящий стремится проявить инициативу, мо-

жет выбирать и изменять тему, информационное поле, использовать особые языковые средства, манеру речи, тем самым влияя на психологическое состояние собеседника, планируя его эмоциональную реакцию. Причем ответная реакция собеседника может быть не всегда контролируемой, а также может повлечь за собой нежелательные для него последствия. Успешной можно считать провокацию, когда есть реакция собеседника, а именно оправдание, ответное обвинение, упреки, раздражение и т.д.

Поскольку получатель сообщения может принять условия говорящего или отвергнуть, то следует использовать понятие коммуникативной провокативной стратегии. В исследовании мы будем основываться на речевых стратегиях, предложенных О. С. Иссерс [3].

Мы рассматриваем персональное провоцирование в ситуации медиадискурса, а именно в программах социально-бытовой, семейно-драматической направленности на телевидении, т.к. данные ток-шоу строятся на конфликтах и столкновении между двумя сторонами, а одним из приёмов поднятия рейтинга является использование приёма провоцирования, направленного против конкретной личности. Материалом исследования стали программы «Пусть говорят» и «Мужское/Женское», транслируемые на «Первом канале».

В выпуске «Пусть говорят» от 2 марта 2020 г. главной темой стала история смерти мужа и двух друзей блогера Екатерины Диденко. Происшествие произошло в день рождения девушки из-за несоблюдения правил безопасности. Друзья высыпали сухой лёд в бассейн в закрытом помещении, после чего некоторые молодые люди прыгнули в воду. Из-за большого количества выделяемого углекислого газа они задохнулись. Во время обсуждения этой истории в студии к Екатерине Диденко обратился криминалист Михаил Игнатов.

М. И. Екатерина, скажите, а кто вы по специальности?

Е. Д. Провизор.

М. И. То есть вы с химией хорошо знакомы?

Е. Д. Да [4].

Михаил Игнатов начинает разговор издали, использует уточняющие вопросы и продолжает по нарастающей выведывать информацию у девушки. Мы можем сравнить данный прием с гиперболой, т.к. адресант с каждой фразой намеренно приближается к выводу, который хочет донести до всех.

М. И. Вы как провизор, как специалист в химии, т.е. располагающий специальными знаниями, вы видели, что в воду в закрытом пространстве загрузили большое количество сухого льда...

Е. Д. Я не знала, сколько туда загружают.

М. И. Да какая разница сколько, вы прекрасно должны понимать были, что при взаимодействии воды с сухим льдом образуется углекислый газ, ко-

торый висит над водой, если нырнуть в воду, то уже дышать человеку будет нечем, он задохнётся. Почему вы, как провизор, не предотвратили ныряние в этот бассейн, который уже был опасен?

Е. Д. Я не сообразила, это произошло за считанные секунды [4].

Когда криминалист получил утвердительные ответы на свои вопросы, он начинает использовать тактику прямого обвинения. М. Игнатов удостоверился в информации, которую знал, и теперь у него есть аргументы, с помощью которых он нападает на девушку, провоцируя её. Мы видим, что девушка оправдывается, отрицает свою вину, провокация удалась.

Спустя некоторое время в студии появляется журналист Олег Лурье, который также хочет узнать правду, почему Екатерина, фармацевт по образованию, допустила этот случай.

О. Л. Если посмотреть на ваш *Instagram*, там написано, что вы — аптечный ревизор, правильно? И даёте рекомендации по фармацевтике, и на сайте указаны специальные лекарственные курсы. Почему так происходит, вы же фармацевт, почему такая трагедия произошла, три человека ушло из жизни?!

Д. Б. Можно что угодно говорить, но Катя потеряла мужа [4].

Журналист также использует тактику прямого обвинения, ставя девушке в укор произошедшую трагедию, т.к. её образование позволяло этого избежать. Однако ответ мы слышим от ведущего Дмитрия Борисова, хотя провокативный вопрос адресован Екатерине Диденко. Он не оправдывает блогера, а просто защищает Екаерину, потому что у неё случилось горе — смерть мужа. О. Лурье не останавливается и продолжает провокацию. Речь идёт о количестве подписчиков аккаунта Е. Диденко. Реакция блогера вновь не последовала, но на сторону ответчика становится адвокат девушки Мария Деревщикова-Перепелица.

О. Л. Вот именно! На уровне этой трагедии количество читателей в *Instagram* за время программы выросло с миллиона двухсот...

М. Д.-П. Это вопрос не к Екатерине, это вопрос...

О. Л. Дайте мне договорить!

М. Д.-П. Это вопрос к людям, которые на неё подписываются!

О. Л. С миллиона двухсот до миллиона трёхсот выросло [4].

Адвокат вступает в спор с журналистом, отмечая его неправоту. Она перебивает своего оппонента. Мы видим эмоциональную нестабильность двух участников разговора. О. Лурье проявляет вспыльчивость, превращаясь из провокатора в того, кто поддаётся провоцированию. Теперь провокативный вопрос журналисту задаёт ведущий.

Д. Б. Олег, вы серьёзно думаете, что всё ради хайпа (неологизм, сленг — искусственно созданный ажиотаж вокруг какой-либо темы)? Трагедия ради хайпа?

О. Л. А это идёт параллельно! *Катя, скажите, пожалуйста, вы зарабатываете на своём ресурсе?*

Е. Д. Да.

Д. Б. Ну а что в этом такого, она блогер, блогер часто зарабатывает на своём Instagram.

О. Л. Но с этой трагедии начался рост подписчиков [4].

После провоцирующего вопроса с упреком от ведущего Олег Лурье отвечает, оставаясь при своём мнении. Причём после этого он пытается вернуть свою позицию нападающего и задаёт вопрос Е. Диденко, чтобы удостовериться в своей правоте: ведь если девушка получает доход, значит ей выгодно транслировать трагедию в своём аккаунте. Но мы снова видим, что Д. Борисов пытается провоцировать журналиста, частично используя тактику недоверия словам О. Лурье, потому что заработок через Instagram — это стало нормой. О. Лурье продолжает настаивать на своём, не соглашаясь с Д. Борисовым. Тогда к ведущему снова присоединяется адвокат.

М. Д.-П. Вы что, увидели у неё какую-то рекламу, какой-то дополнительный доход у неё Instagram, в связи с чем вы её обвиняете?

О. Л. Естественно, с ростом количества подписчиков, растёт и рекламный доход.

М. Д.-П. По вашей версии количество подписчиков прямо пропорционально уровню дохода?

О. Л. Блогер со ста подписчиками и блогер с миллионом тремястами тысячами подписчиков — это две большие разницы в деньгах [4].

Девушка пытается обвинить журналиста в том, что он неправ, но у неё не получается. О. Лурье аргументированно отстаивает свою позицию, и несмотря на то, что адвокат задаёт провокативные вопросы, использует тактику прямого обвинения, есть ответная реакция журналиста, мы не можем назвать провокацию до конца успешной. Девушка перестаёт говорить после последней фразы О. Лурье, т.к. конфликт исчерпан. О. Лурье чётко обозначил позицию и отстоял свою точку зрения, в то время как М. Деревщикова-Перепелица этого сделать не смогла.

Историей выпуска программы «Мужское/Женское» от 15 мая 2017 года стал конфликт между 36-летней Натальей Калашниковой и родной матерью Еленой Васильевой, которая хочет выгнать свою дочь с тремя детьми из коммунальной квартиры. К Е. Васильевой обращается А. Гордон.

А. Г. Вы воспитывали эту девочку? (о Наталье.)

Е. В. Она воспитывалась и мною, и одновременно воспитывалась тоже бабушкой. И одновременно я считаю, как педагог, бывший учитель начальных классов, воспитывает не только пример родителей, но и наше общество, и наша улица, и где мы живём.

А. Г. Вы сейчас сказали очень важную вещь: у вас отношения с дочерью не заладились, потому что у неё были хорошие отношения с бабушкой.

Е. В. Да.

А. Г. Значит, у вас с вашей мамой были плохие отношения?

Е. В. Тоже было такое, но я с ней не жила вместе [5].

Е. Васильева не понимает искреннего намерения ведущего, не понимает его провокации, поэтому, не задумываясь, отвечает на вопросы. А. Гордон для раскрытия темы задаёт уточняющие вопросы, после чего делает следующий вывод.

А. Г. Вот скажите мне, вас не кажется, что ваши отношения с мамой ваша дочь абсолютно скопировала. Как вы относились к своей маме, так и она к вам относится. *Вы как учитель младших классов должны понимать: у неё перед глазами был пример.* Вы сейчас про вашу мать на всю страну несёте, чёрт знает что, бабка плохая [5].

Ведущий использует тактику прямого обвинения, осуждая поведение матери. Ориентируясь на предыдущие ответы Е. Васильевой, он приходит к умозаключению, что мать своим примером создала модель отношений с дочерью. А. Гордон старается пристыдить женщину, обвиняя её в оскорблении собственной матери, бабушки Н. Калашниковой. Е. Васильева вступает в спор.

Е. В. Почему я сказала бабка плохая?

А. Г. Да потому что вы сказали буквально следующее: «Если бы она брала пример с меня, она была бы хорошей. А она брала пример с бабушки, она стала плохой».

Е. В. Я так не сказала.

А. Г. А как вы сказали?

Е. В. Я сказала, что она воспитывалась не только мной, но и мамой [5].

Е. Васильева пытается защитить свою позицию, однако, А. Гордон продолжает провоцировать женщину. Перефразируя слова героини, адресант хочет вызвать у женщины признание собственной неправоты, поэтому ведущие продолжают.

А. Г. Значит, если бы только мной — была бы хорошей, а поскольку ещё и мамой — стала плохой. Из чего я делаю вывод: мама её плохо воспитала. *После того, как вы увидели, что все ваши усилия педагогические, назовём их так.* Не знаю, где вы учились, и кто вас учил, но педагог вы не очень, и жалко, что вам доверяли детей. Как только вы поняли, что вы не справились, вы внутренне от этого ребёнка отказались и стали придумывать себе, как отгородиться от этого ребёнка всё дальше и дальше.

Ю. Б. Как у меня, у учителя, сотрудник ПДН поставил ребёнка на учёт. Вы сочли, что ваша дочь опозорила вас в чужих глазах и вашу репутацию учителя, и вы её в этом обвинили.

Е. В. Нет! Я искала помощи у общества.

Ю. Б. Какой помощи, у какого общества?

Е. В. У людей! Никто мне не помогал.

Ю. Б. Послушайте, вам надо своей дочкой заниматься, а не учительницей в школе работать [5].

А. Гордон использует тактику недоверия словам героини. Он старается пристыдить её на глазах у публики, сомневаясь в педагогической компетентности Е. Васильевой. Ю. Барановская также хочет вызвать чувство вины у женщины, для этого ведущая передразнивает её словами: «Как у меня, у учителя, сотрудник ПДН поставил ребёнка на учёт», снова делая акцент на том, что как мать Е. Васильева не состоялась. Женщина пытается оправдаться. Ю. Барановская продолжает стоять на своём, задавая провокативные вопросы. В последней фразе ведущая даёт совет героине в отношении её поступка. Данный речевой жанр должен выводить собеседника на спор, конфликт. Однако мы этого не наблюдаем, тогда Ю. Барановская продолжает.

Ю. Б. Чего вы конкретно хотите? Чтобы она уехала с вашей квартиры, и там где **то была ответственной за свою жизнь**? Чтобы у неё детей отобрали? Чтобы что? Что вы конкретно хотите [5]?

Молчание.

Данные высказывания содержат обвинение и укор. В форме провокативных вопросов Ю. Барановская хочет воззвать к совести Е. Васильеву. Однако вместо желаемого эффекта слова ведущих, сказанные с явным давлением, наоборот, дестабилизируют мать Н. Калашниковой, и вместо ответа мы наблюдаем молчание героини — провокация не удалась.

Всего нами было проанализировано 24 текстовых фрагмента. Поскольку программы «Пусть говорят» и «Мужское/Женское» направлены на решение асоциальных бытовых конфликтов, мы можем сделать вывод, что провоцирование было выстроено против конкретного героя с целью вывести его из спокойного состояния и добиться ответа. Проанализированный материал свидетельствует о том, что для успешного провоцирования чаще всего использовались эмоционально дестабилизирующие речевые тактики: прямого и косвенного обвинения, выражения недоверия, а также приёмы провокативных вопросов и восклицаний, укора, совета. Приведённые примеры показали, что провокация в основном яв-

ляется эксплицитной (мы видим намерение говорящего насильно вызвать ответную реакцию) и открытой (провокация происходит в присутствии других).

Таким образом, медийная провокация представляет собой публичное коммуникативное действие, разыгрываемое героями телешоу, содержащее интригу, суть которой состоит в нанесении ущерба адресату, достигнуть которого можно при помощи определённых провокативных медийных действий. Персональное провоцирование всегда продиктовано желанием унижить, оскорбить, вызвать чувства вины и стыда, доказать, что точка зрения оппонента является абсолютно неверной. Успех этих действий во многом зависит от навыка провоцирующих использовать провокативные речевые стратегии и от умения провоцируемых показывать нестандартную интригующую ответную реакцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — URL: <https://845.slovaronline.com/> (дата обращения: 31.03.2020)
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград, 2002.
3. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. — Москва, 2009. — № 2 (18). — С. 92–104.
4. Пусть говорят. Выпуск от 2 марта 2020 года — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=megyL3C0k3s> (дата обращения: 02.05.2020).
5. Мужское/Женское. Выпуск от 15 мая 2017 года — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XaNmj-66P14> (дата обращения: 02.05.2020).
6. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — Москва, 2009.
7. Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография / В. Н. Степанов. — Санкт-Петербург, 2008.
8. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. — Воронеж, 2001.

Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина
Тиян Д. Е., магистр филологии
E-mail: diana.tiyan@mail.ru

Pushkin State Russian Language Institute
Tiyan D. Ye., Master of Philology
E-mail: diana.tiyan@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

И. А. Трофимова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 октября 2020 г.

Аннотация: в статье собраны и структурированы по рискам законы, регулирующие деятельность гражданских журналистов. Рассмотрены триггеры законодательных изменений и их хронология, определены правовые аспекты развития блогосферы.

Ключевые слова: гражданская журналистика, блогерство, новые медиа, социальные сети, пользовательский контент, законы, медиасистема России.

Abstract: the article contains a selection of legal limitations of civic & citizen journalism. Laws are risk-structured, the triggers of legislative changes and their chronology are considered, the legal aspects of the blogosphere development are determined.

Keywords: civic journalism, citizen journalism, blogging, new media, social networks, UGC, laws, Russian media system.

Проблема правового поля гражданской журналистики — отсутствие специальных законов, регулирующих деятельность сетевых авторов. Гражданская журналистика реализуется в новых медиа (соцсети, блог-платформы, подкасты, видеохостинги), и это сближает гражданских журналистов со СМИ. Однако на лиц, не состоящих в редакциях СМИ официально, закон «О СМИ» не действует [1]. Отдельный «закон о блогерах» с 1 августа 2014 по 29 июля 2017 был попыткой юридического признания народных журналистов частью профессионального сообщества СМИ [2]. Главным критерием законодателя определили посещаемость: от 3000 пользователей в сутки, дополнительными — периодичность и интерактивность [3]. После отмены закона вопрос определения правового статуса блогера остается открытым [4]. Попробуем распределить действующие актуальные законы по рискам для авторов. *Финансовые риски, связанные с гражданской ответственностью*, влечет: 1) нарушение авторских, смежных и исключительных прав третьих лиц [5; 6]; 2) нарушение лицензионного соглашения с социальной сетью (при том, что законодательство в вашей собственной юрисдикции может не быть нарушено); 3) диффамация [7]. *Публичные риски и риски уголовной и административной ответственности* влечет: 4) неправильная обработка персональных данных (ПДн) [8] и различное понимание ПДн в социальной сети (в зависимости от юрисдикции этой соцсети); 5) нарушение требований государства (т.н. «экстремистские» статьи российского УК): репосты ненадлежащего контента (перенесена из УК ст. 282 в КоАП), призывы к экстремизму (УК РФ ст. 205.2 [9], ст. 280) и сепаратизму (УК РФ ст. 280.1) [10], фейки [11], неуважение к власти, при-

зывы к свержению строя и изменению границ, возбуждение ненависти и вражды (УК РФ ст. 282 [12]), пропаганда и реабилитация нацизма (УК РФ ст. 354.1 [13], КоАП ст. 20.3 [14]), оскорбление чувств верующих (УК РФ ст. 148 [15]), нарушение правил агитации [16] и т.д.; 6) нарушение неприкосновенности частной жизни (УК РФ ст. 137 [17]), в случае, если ведется расследование и собирается аналитическая информация; 7) нарушение государственной тайны и того, что может оказаться гостайной [18] (информация по отдельности — нет, а аналитический отчет на ее основе — да); 8) клевета (УК РФ 128.1 [19]); 9) нарушения № 38-ФЗ «О рекламе» [20], если автор ведет коммерческую рекламную деятельность.

Рассмотрим подробнее законодательные нововведения последних лет в динамике: что послужило толчком к принятию новых правил.

До выступления панк-группы Pussy Riot 21.02.2012 г. в храме Христа Спасителя (основной мотив — призыв к свержению действующего президента страны) **статья 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»** называлась «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий». Судопроизводство сделало акцент на мотивах возбуждения религиозной ненависти, переименованная в июне 2013 статья дополнилась двумя пунктами: «1. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. 2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний» [15]. Если п. 2 сформулирован точно по следам прошедшей акции, то п. 1 содержит сугубо субъективную оценку, предоставляя суду

(а не верующим) право решать, что считать уважением и оскорблением религиозных чувств в многоконфессиональной стране.

Из «экстремистского» списка **статья 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»** внесена в редакцию Федерального закона от 21.07.2014 N274-ФЗ после спецоперации российских войск в Крыму. Гражданская журналистика предполагает свободное выражение политических взглядов на деятельность государства, по поводу политики в отношении Украины в обществе существует раскол. В свете закона частное мнение любого автора в сети может быть истолковано судом как призыв.

В трехлетний период 2014–2017 действия закона о блогерах Роскомнадзор вел реестр не только авторов с аудиторией от 3000 пользователей в сутки, но и новостных агрегаторов с более 1 млн. пользователей в сутки [21] — агрегаторы, как и блогеры, не являются СМИ, при этом являются генераторами наибольшего трафика среди новостных сайтов РФ. Закон закрепил обязанности и ответственность блогеров, но не учел их права как основу правового статуса [22], поэтому был отменен из-за недоработок.

20 июля 2016 года вступил в силу так называемый «пакет Яровой» (по имени главного инициатора, депутата Госдумы Ирины Яровой, известной законопроектами об ужесточении ответственности за проведение митингов, за клевету, об «иностранных агентах»). По **статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»** враждебные или оцененные таковыми выступления в глобальной сети в 2016 г. стали наказуемы как экстремизм. За призывы к терроризму и его оправдание в интернете граждане стали отвечать по тем же правилам, что и СМИ, вплоть до лишения свободы [23]. Российские суды обнаруживали состав преступления в интернете не только в текстах постов в соцсетях, но и в комментариях под ними, в иллюстрациях: юмористических фотоколлажах, картинках с мемами, фотографиях и видеороликах, а также в репостах. Репост — это не собственная мысль, а чужая, уголовное преследование за репост по своей логике является наказанием уже не за публичное авторское слово, а за молчаливое разделение своей позиции с другим автором. По статистике Судебного департамента Верховного суда РФ количество осужденных только по статье 282 с 2011 по 2017 гг. неуклонно возрастало [24]: 2011–117 чел., 2012–130 чел., 2013–185 чел., 2014–267 чел., 2015–378 чел., 2016–395 чел., 2017–461 чел. В декабре 2018 по инициативе президента РФ в законе произошла частичная декриминализация репостов в соцсетях и блогосфере: из статьи 282 УК РФ наказание перенесли в Кодекс об административных правонарушениях [25]: за распространение экстре-

мистских материалов отвечает статья 20.29 КоАП, а за демонстрацию запрещенной символики — статья 20.3 КоАП. Экстремистским может оказаться не только текст поста с призывом, но и размещенная в сети электронная книга, фильм (книгоиздательство и киноиздательство — элементы медиасистемы) или песня. То же касается и запрета на символику — наличие свастики на картинке или в видеоряде, даже если это репродукция художественного произведения или рекламного плаката, может повлечь судебное преследование автора поста. В лучшем случае пост или сайт будет заблокирован.

Неконтролируемые социальные сети и платформы заставляют законодательство двигаться в сторону **деанонимизации**. Среди разработок в области регулирования пользовательского контента законопроект о деятельности социальных сетей, предложенный депутатом В. Милоновым в апреле 2017 [26]. По проекту этого закона регистрироваться в соцсети можно только по паспортным данным (а значит — только от 14 лет) и создавать только одну персональную страницу на одно физлицо. В нем впервые в юридической практике дано определение социальной сети: «Социальная сеть — сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», предназначенный для распространения, передачи в сети «Интернет» пользователями социальной сети информации, голосовой информации, письменных текстов, изображений, звукозаписей, музыкальных произведений, аудиовизуальных произведений и для удаленного взаимодействия, иного обмена информацией между пользователями». По этому определению разницы между соцсетями и блогами в юридическом смысле нет. Законопроект Милонова не был принят, и его доработали депутаты Госдумы от «Единой России» С. Боярский и А. Альшевских. На выходе получилась более строгая версия закона о регулировании соцсетей. Авторы предлагают дополнить федеральный закон 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» новой статьей 10.6 «Особенности распространения информации в публичной сети» [27]. Добавилось понятие «владелец публичной сети» — «организатор распространения информации (ОРИ), «обеспечивающий функционирование информационной системы и (или) программы для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются пользователями сети «Интернет», прошедшими идентификацию в таких системах и (или) программах, для размещения электронных сообщений в форме письменного текста, голосовой информации, изображений, звуков, видео- или иных формах, предназначенных для лиц, также прошедших идентификацию в данной системе и (или) программе, а также для обмена электронными сообщениями» [28]. Поле интереса законодателя к публичным сетям очерчено их посещаемостью: ответственность несут владельцы только тех соц-

сетей, которые посещают свыше 100 тысяч российских пользователей в сутки. Верификация аккаунтов по паспортам является важным шагом в борьбе с экстремизмом, однако в законопроектах пока нет ограничений на пользование иностранными соцсетями и блог-платформами. Если допустить, что закон будет принят, и «ВКонтакте», «Одноклассники» и другие российские соцсети проведут чистки, то «Facebook» или «Twitter» остаются вне российских законов, продолжая функционировать по своим правилам. Поэтому новые законы предусматривают для соцсетей блокировки на территории РФ.

Заметим, что соцсети постепенно вытесняются мессенджерами, но и по ним 6 ноября 2018 вышло Постановление Правительства РФ об идентификации интернет-пользователей: по нему владелец мессенджера («сервиса обмена мгновенными сообщениями» [29]) предоставляет пользователю доступ только по номеру телефона (пока еще не по паспорту).

Ряд исследователей отмечают тенденцию последовательного построения ограничительных барьеров в законодательной базе рунета [30]. Правовой вектор российской блогосферы — строгий контроль пользовательского контента и самих авторов в интересах государственной политики с перспективой информационной блокировки в случае угрозы безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон РФ от 27.12.1991 N2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» от 05.05.2014 N97-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
3. Коршунов С. В. Проблема регулирования правового статуса блогера в сети Интернет // *Инновационная наука*. — 2016. — № 12-2. — С. 174-176.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» от 29.07.2017 N276-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
5. ГК РФ Глава 70. АВТОРСКОЕ ПРАВО // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
6. ГК РФ Статья 152.1. Охрана изображения гражданина // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
7. ГК РФ Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
8. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N152-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
9. УК РФ Статья 205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
10. УК РФ Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
11. УК РФ Статья 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
12. УК РФ Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
13. УК РФ Статья 354.1. Реабилитация нацизма // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
14. КоАП РФ Статья 20.3. Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
15. УК РФ Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
16. КоАП РФ Статья 5.8. Нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
17. УК РФ Статья 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
18. Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 N5485-1 // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
19. УК РФ Статья 128.1. Клевета // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
20. КоАП РФ Статья 14.3. Нарушение законодательства о рекламе // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).
21. Реестр новостных агрегаторов на сайте проекта

«Роскомсвобода» <https://reestr.rublacklist.net/news/> (дата обращения: 22.10.2020).

22. Грейт В. В. Проблемы правового положения блогера в России // Развитие общественных наук российскими студентами. Сборник научных трудов. Изд-во: ООО «Ассоциация молодых ученых». — Краснодар. — 2017. — С. 83–87.

23. Оганесян А. Репосты от полиции, лайки от ФСБ // Медуза. 2016, 21 марта. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/03/21/reposty-ot-politsii-layki-ot-fsb> (дата обращения: 22.10.2020).

24. Озерова М. Чем дальше в лес, тем толще экстремисты // Московский комсомолец. 2018. № 27715, 27 июня.

25. Куликов В. Лайк не опасен // Российская газета. 2018, N295 (7758), 29 декабря.

26. Законопроект № 145507–7 «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в архиве). Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=145507-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=145507-7) (дата обращения: 22.10.2020).

27. Законопроект № 223849–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части установления особенностей распространения информации в публичной сети)» (на рассмотрении). Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/223849-7> (дата обращения: 22.10.2020).

28. Закон о регулировании соцсетей перевнесён в Госдуму в ещё более жёстком варианте // Роскомсвобода. 04.04.2018. Режим доступа: <https://roskomsvoboda.org/37748/> (дата обращения: 22.10.2020).

29. Постановление Правительства РФ от 27 октября 2018 г. N1279 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.10.2020).

30. Пивоваров В. А. Политико-правовое регулирование интернет-пространства в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. — Т. 18, вып. 2. — С. 225–231.

*Воронежский государственный университет
Трофимова И. А., преподаватель кафедры журналистики и литературы
E-mail: iris.trofimova@gmail.com*

*Voronezh State University
Trofimova I. A., Lecturer of the Journalism and Literature Department
E-mail: iris.trofimova@gmail.com*

РОЛЬ АВТОРА В РЕПОРТАЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Е. В. Тюрина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается проявление авторского начала в репортажных публикациях, его влияние на конструирование репортажного материала, а также факторы, которые оказывают прямое и опосредованное влияние на авторов в региональных изданиях.

Ключевые слова: репортаж, личность автора, жанры журналистики, стиль.

Abstract: the article examines the manifestation of the author's principle in reportage publications, its influence on the construction of reportage material, as well as factors that have a direct and indirect impact on reporters in regional publications.

Keywords: reportage, author's personality, genres of journalism, style.

Репортажный стиль повествования может быть присущ не только информационным (событийным) материалам, к которым традиционно относят жанр репортажа, где такой стиль — нечто само собой разумеющееся. Он может проявляться и других жанрах — аналитических и художественно-публицистических: автор прибегает к репортажному стилю, как правило, в тех случаях, когда требуется создание предельной наглядности при осмыслении ситуации, проблемы или явления, репрезентация эмоционального состояния героя, акцентирование внимания аудитории на деталях.

Бытование репортажа как жанра и специфического наджанрового образования, которое принято называть репортажностью, подробно рассмотрено в наших предыдущих статьях [1–2], но следует уделить особое внимание и такому немаловажному компоненту в организации репортажного материала, как авторская специфика, оказывающего значительное воздействие на конструирование репортажа как синкретичного образования.

Безусловно, репортажная манера изложения материала предполагает нерамочный, откровенный диалог автора с аудиторией, который позволяет не только передать информацию от адресанта к адресату, но и способствует выстраиванию доверительных отношений между двумя субъектами коммуникационного процесса. Как известно, в репортаже допустимо повествование от первого лица, а сам журналист может выступать не только как наблюдатель, фиксирующий действительность, но и как активный участник процесса — модальность авторского «я» может проявляться и в повествовании от первого лица (наличие личных местоимений единственного или (и) множественного числа), и через взаимоотношения журналиста с ситуацией [3].

Пример первой модальности, когда речь идет о местоимениях и повествовании от первого лица, мы можем видеть в материале «Покупатели глазами продавца воронежского магазина», где журналист рассказывает о своем опыте работы продавцом [4]: «В детстве я мечтала быть “магазинщицей” (в переводе с детского на русский язык — “продавцом”). Всё-таки наши мысли материальны, и теперь каждые выходные я стою в смешном фартуке за прилавком магазина “Восход” в трущобном районе Воронежа»; «А вот от сокурсников я не увидела пренебрежения, которого больше всего боялась»; «Нет, я, конечно, помню, что берут постоянные покупатели. Но какую колбасу брали у меня две недели назад, при всем желании уже не вспомню» и т.д. По нашим наблюдениям, этот маркер проявляется в репортаже все реже. В связи с этим выдвинем два тезиса: *первый* — репортер обозначает себя в тексте по собственному желанию, а у большинства авторов такого желания не возникает; *второй* — авторская форма 1 лица (местоимение я) не соответствует ожиданиям аудитории от материала. Здесь можно провести аналогию с походом в кинотеатр, куда зрители идут посмотреть фильм, а не слушать комментарии соседа-кинокритика. И в данном случае автор репортажа со своим «я» является именно этим «соседом». Практикующие журналисты объясняют это тем, что сейчас, когда информации стало несравнимо больше, вживание активного авторского «я» в репортаж лишь добавляет еще одну информационную единицу, что не способствует удержанию внимания аудитории, а, напротив, может спровоцировать ее прекратить чтение материала и обратиться к другому, более компактному тексту, который лишен ярко выраженной демонстрации авторской позиции, но и при этом сразу погружает аудиторию в суть описываемого события или явления. То есть современная аудитория экономит свои ресурсы (время и энергию), и в этих условиях жур-

налисту логичнее самоустраниться из репортажа, оставив читателя с ситуацией один на один.

Другой маркер — взаимоотношение автора с ситуацией — хорошо виден при изложении журналистских экспериментов, где автор детально описывает ход исследования какой-либо проблемой ситуации, а также подтверждает или опровергает заявленную гипотезу. В публикации «Эксперимент РИА «Воронеж»: Доверчивые дети?» журналисты выясняют, легко ли незнакомцу увести ребенка из общественного места [5]. Отметим, что в данном эксперименте совпадают оба маркера: в тексте отчетливо прослеживаются и взаимодействие с ситуацией, и повествование от первого лица. То есть они могут гармонично сосуществовать вместе и даже дополнять друг друга.

Также взаимоотношение журналиста с ситуацией проявляется в том, как автор отбирает фактический материал, какие оценки дает происходящему, какие расставляет акценты, как излагает материал и др. Значит, эту модальность можно рассматривать широко. Так, в репортаже «Старики заказывают волонтерам продукты, лекарства и... сено» журналист описывает один день, проведенный с волонтерами, которые помогают пенсионерам переживать режим самоизоляции [6]. Здесь мы видим проявление авторства на уровне организации сбора информации: журналист не ограничивает себя, например, двумя часами, за которые он может увидеть основные моменты работы волонтеров, а решает «прожить» с ними весь день. Автор делает акцент на том, как пенсионер встречает волонтеров, о чем с ними говорит, поверхностно отображает процесс подготовки волонтеров к встрече с пенсионером (закупку необходимых товаров), что, на наш взгляд, верно, потому что сцена самой встречи однозначно сильнее с эмоциональной точки зрения, чем подготовка к ней. И авторская позиция проявляется в некой журналистской удаленности — мы всего лишь несколько раз встречаем упоминание такого плана: «Пока МОЁшники разговаривают с Анной». Автор фактически делает то, о чем говорилось выше — самоустраняется, чтобы не мешать читателю.

Анализ местных СМИ показывает, что автор действительно стал более «прозрачным» в репортаже. В условиях, когда автор должен оперативно отреагировать на событие, ему приходится работать сразу на несколько площадок (газеты, сайт, телевидение, радио, соцсети), возможность проявлять свое «я» практически сведена к нулю. Приоритет корреспондента — в максимально короткие сроки проинформировать аудиторию, а не осмысливать часами ту или иную ситуацию. Согласимся с мнением О. И. Молчановой, заметившей, что «конвергентные технологии оказывают влияние непосредственно на личность журналиста, трансформируя его психологические качества» [7].

Некоторые СМИ сознательно придерживаются «формата», который не предполагает яркого авторства, и даже, напротив, нивелирует позицию репортера. С одной стороны, в этом есть положительные моменты: как минимум это позволяет избежать излишнего субъективизма в повествовании, выставления фигуры репортера на первый план, а не героев материала или описываемой ситуации. Но, с другой стороны, пренебрежение авторской позицией приводит к тому, что отличить условный репортаж автора N и от репортажа автора X становится практически невозможно, так как тексты не имеют собственного лица.

Демонстрация авторского «я» может быть сопряжена с *персональными особенностями журналиста*. Здесь важно учитывать, каким опытом — личным и профессиональным — обладает репортер. Иначе говоря, его мысли или поведение, отображаемое в репортаже, должны быть интересны аудитории. Например, в газете «Семерочка» был опубликован репортаж «Печальные тайны синей сумки», где присутствует повествование от первого лица: автор рассказывает, как проходит день почтальона на участке [8]. За действиями журналиста наблюдать неинтересно — они скучны и банальны. Но другой текст этого же автора привлекает способом добывания информации: репортер «меняет профессию», сначала в образе студентки-двоечницы предлагая купить зачет у преподавателя, затем участвуя в задержании мошенника и пытаясь вызволить свою зачетную книжку из полиции. В публикации есть движение, иллюзия интриги, и читателю предлагается следить за тем, как выкручивается автор, как в экстремальной ситуации продумывает на ходу свои действия [9].

Многое зависит от темы публикации: иногда проблематично сделать острый социальный репортаж из-за «размытости» темы, а иногда — из-за фактора воздействия властных структур, когда журналист вынужден действовать с оглядкой на учредителя, на партнеров редакции в лице рекламодателей, на дружественные пресс-службы. Видимо, поэтому журналисты прибегают к псевдонимам или же намеренно используют «сухой» информационный стиль, что, разумеется, отражается на структуре и содержании репортажного материала и на его жизнеспособности в системе региональной журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тулупов В. В. Метод, стиль, жанр и наджанровые образования в публицистике / В. В. Тулупов, Е. В. Тюрина // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 130–134.
2. Тюрина Е. В. Бытование репортажности в региональной прессе / Е. В. Тюрина // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2020. — № 2. — С. 154–156.
3. Солганик Г. Я. Стиль репортажа / Г. Я. Солганик. — Москва, 1970.

4. Размочаева А. Покупатели глазами продавца воронежского магазина / А. Размочаева // МОЁ! Online.— URL: <https://moe-online.ru/news/people/352605> (дата обращения 19.03.2020).

5. Тарасова С. Эксперимент РИА «Воронеж»: Доверчивые дети? / С. Тарасова // РИА «Воронеж». — URL: <https://riavr.ru/news/eksperiment-ria-voronezh-doverchivye-deti/> (дата обращения 8.08.2020).

6. Писаненко О. Старики заказывают волонтерам продукты, лекарства и... сено / О. Писаненко // МОЁ! Плюс.— URL: <https://plus.moe-online.ru/paper/1326/12206> (дата

обращения 10.06.2020).

7. Молчанова О. И. Модификация деятельности журналиста в условиях медиаконвергенции / О. И. Молчанова // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2018. — № 3 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modifikatsiya-deyatelnosti-zhurnalista-v-usloviyah-mediakonvergentsii> (дата обращения: 10.06.2020).

8. Тюрина Е. Печальные тайны синей сумки / Е. Тюрина // Семерочка.— 10.07.2014.

9. Тюрина Е. Сессия по предоплате / Е. Тюрина // Воронежский курьер.— 24.03.2015.

Воронежский государственный университет

Тюрина Е. В., аспирант кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: alenatyurina@mail.ru

Voronezh state University

Tyurina E. V., Postgraduate Student of the Department of Public relations, advertising and design

E-mail: alenatyurina@mail.ru

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ СМИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1941–1945 ГГ.

А. Г. Ханова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Поступила в редакцию 29 мая 2020 г.

Аннотация: в статье демонстрируется отражение национальной идентичности русских эмигрантов в коллаборационистских СМИ на русском языке военного периода.

Ключевые слова: национальная идентичность, русское зарубежье, эмиграция первой волны, русскоязычные СМИ за рубежом.

Annotation: the author does not intend to give a moral assessment of the facts reflected, but only attempts to show the position of one of the many groups of Russian emigration in the conditions of the Second World War.

Keywords: national identity, Russian foreign countries, emigration of the first wave, Russian-language media abroad.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о национальной идентичности русских эмигрантов так называемой «первой волны»¹ (1918–1922) отличает сложность и многогранность. В течение практически всего XX в. в отечественной научной и публицистической литературе эта тема затрагивалась редко, поскольку само русское зарубежье рассматривалось в СССР как явление чуждое, если ли не враждебное. И если и упоминалось, то зачастую в контексте деятельности европейского Сопротивления в период Второй мировой войны, либо в рамках широко освещаемых в советских СМИ историй «возвращенцев» (из эмиграции) после ее окончания.

В постсоветское время интерес к истории русского зарубежья заметно возрос. Стало всесторонне изучаться его богатейшее наследие, неоченимый вклад в мировую культуру — преимущественно в области литературы, искусства, философии, науки. Вместе с тем в рамках исследования самого феномена русского зарубежья особый интерес вызывает выявление характера национальной идентичности среди русских эмигрантов, поскольку проживающая за рубежом большая русскоязычная диаспора первой волны — уникальный исторический, политический и культурный феномен, до сих пор в полной мере не исследованный [1; 2]. Поскольку в научной литературе нет единого толкования понятий «эт-

нос», «нация», «национальность», «национальная идентичность», в данной статье будем опираться на положения отечественной философии, в которой категория «нация» обычно трактуется как государственная, правовая, культурная общность проживающих на одной территории и говорящих на одном языке людей, разделяющих общие культурные ценности и включенных в единую систему экономических отношений [3]. Что касается категории «национальная идентичность», то вслед за сторонниками примордиализма в западной и отечественной философской науке, будем трактовать ее как разделяемую членами группы государственную и культурную общность, сложившуюся на основе единого языка, культуры, религии и пр. в условиях длительного совместного проживания на общей территории [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российских эмигрантов первой волны объединяла общая историческая родина. Зачастую она выступала едва ли не единственным связующим звеном между представителями эмигрантского сообщества. Вопреки распространенным представлениям, русская диаспора за рубежом была весьма разнородна по своему составу. В ней были представлены практически все слои российского общества — от офицеров и дворян до рабочих и крестьян. На это обстоятельство обращали внимание и русские эмигрантские газеты: «Иностранец недоумевает, сталкиваясь с эмиграцией... Эмигрант в смокинге на блестящем балу... Эмигрант умер от голода под мотом Александра III... Русский эмигрант — генерал, бросив работу и налаженную жизнь — дрался простым солдатом в армии Франко и был убит у Тируэля... Русский эмигрант присвоил себе титул графа и где-то на лазурном берегу украл бриллиантовую брошь у дамы полусвета... Эмиграция имеет несколько различных наслоений,

¹ Некоторые исследователи ставят под сомнение традиционную периодизацию русского зарубежья, поскольку отмечают, что еще задолго до 1918 г. количество россиян за границей было весьма велико. Так, к примеру, А. Ахиезер выделяет 6 волн русской эмиграции, начиная с конца XV века, Ю. Поляков — 5 волн, начиная с конца XIX века, Н. Пушкарева — 6 волн, начиная со второй четверти XIX в.

разделившись и за рубежом на классы и на группы» [5, 3]. Русская эмиграция в 1918–1920 гг. была весьма многочисленна. Всего же, согласно данным американского Красного Креста, общее количество российских эмигрантов только на 1 ноября 1920 г. составляло 2 млн. 92 тысяч человек [6]. Последним массовым исходом россиян из Советской России (до закрытия границ страны, когда эмиграцию пополняли большей частью «невозвращенцы», просившие за рубежом политического убежища) стало массовый отъезд в 1922 г. российской интеллигенции (эта операция, вошедшая в историю под собирательным названием «Философский пароход», осуществлялась не только посредством трех пароходов, но и поездов). Всего было выслано по разным данным от 160 до 225 представителей интеллигенции (университетских преподавателей, врачей, геологов, аграриев, инженеров и др.), а также членов их семей. Среди них выдающиеся российские ученые и философы, среди которых Николай Бердяев, Владимир Зворыкин, Иван Ильин, Николай Лосский, Михаил Осоргин, Питирим Сорокин, Сергей Трубецкой, Семен Франк и др.

Они в своих трудах периода эмиграции пытались осмыслить новые российские реалии, вытеснявшие прежние устои, традиции, духовные ориентиры, показать особый путь России в мировой истории, понять факторы формирования национальной идентичности. Так, философ Николай Бердяев в изданной в Париже в 1946 г. книге «Русский путь. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» объясняет: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей... Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [7, 5].

Похожие идеи высказывает в период эмиграции и другой видный русский мыслитель Иван Ильин. Но в то же время он отмечает, что для формирования идентичности заметную роль играет религиозный фактор: «Так складывались предопределение и судьба восточных славян: быть срединным народом между Европой и Азией, сдерживать натиск азиатских кочевников, переносить крайности, их господство, не утрачивая при этом себя и не изменяя своей идее, вытравливать чужеродное и впитывать его, чтобы спасти таким образом себя и европейскую культуру от новых гуннов, чтобы воспрянуть, наконец, ото сна и приняться за ткань новой своей, скорее византийской, чем с римским налетом, культуры и тем самым создать вдохновенную по-древнегречески волнующую христианскую, восточно-славянскую культуру»

[8, 476]. Именно благодаря своей православной сущности Россия может поделиться с другими народами, согласно Ильину, «началом духовной очевидности, сердечного видения, зрячей любви, которой им недостает, и которая составляет как бы самый воздух, или самую ткань, или самую животворящую энергию России, русского духа и русской культуры» [9, 477].

На самом деле, православная вера выступала одним из ключевых факторов русской национальной идентичности. За рубежом храмы, построенные на средства российских эмигрантов первой волны, являлись центрами притяжения и отчасти отражения национальной идентичности их прихожан. Однако этот фактор не стал решающим в ситуации политического выбора эмигрантов в период Второй мировой войны, когда большая русскоязычная общность свою национальную идентичность стала ощущать и демонстрировать по-разному, окончательно разделившись на два противоборствующих лагеря. Одни с большим воодушевлением приняли планы Адольфа Гитлера по отношению к СССР, поскольку надеялись вернуться на родину после падения большевистского режима, другие, будучи не менее непримиримы к большевикам, решительно выступили против оккупации.

В рамках данного исследования нас интересует отражение национального самосознания и национальной идентичности той части российской эмиграции, которая выступила на стороне фашистской Германии [2]. Причем речь идет о ясной и бескомпромиссной позиции (даже в случаях, когда она направлялась невидимой рукой опытных пропагандистов или была трагическим заблуждением), а не попытках со стороны российских эмигрантов получить определенные сиюминутные блага от господствующего режима (в данном случае речь о свободе личного выбора, а не факторах идентичности).

Несмотря на ограниченность источниковой базы, а именно русскоязычных зарубежных СМИ периода Второй мировой войны, общая картина в рамках исследуемой темы весьма очевидна. Задолго до нападения Германии на Советский Союз и затем в период войны в среде военных организаций, сплотивших бывших представителей Белой армии (Русский общевойсковой союз (РОВС) генерала П. Н. Врангеля, Национальная организация русских разведчиков (НОРР) полковника П. Н. Богдановича, Союз национальных террористов генерала А. П. Кутепова, Русская освободительная армия (РОА) генерала А. А. Власова, Объединения русских воинских союзов (ОРВС) генерал-майора Алексея фон Лампе, Русский национальный союз участников войны генерала А. В. Туркула и др.) звучали призывы к сплочению русских военных эмигрантов в борьбе против большевистского режима. Их деятельность нашла поддержку у бывших соотечественников, однако было очевидно, что успешным характер данной операции мог быть только при под-

держке военных сил иностранных государств. Поэтому неслучайно в определенных кругах русской военной эмиграции (и эмиграции в целом) вторжение Гитлера на территорию СССР было воспринято с энтузиазмом (позиция различных групп и отдельных представителей эмиграции, приветствовавших это нападение, отличалась лишь в деталях). Для многих из них это знаменовало начало нового жизненного этапа и возможности возвращения на родину после свержения советского режима, способствовавшего их изгнанию. И эти настроения нашли отражение в газетах русского зарубежья периода Великой Отечественной войны, — в тех из них, которые не были запрещены и были подконтрольны Вермахту (в Европе многие эмигрантские газеты и журналы перестали издаваться, поскольку были закрыты организации их выпускающие).

Официально издавались только лояльные нацистскому режиму газеты. Среди них — издания Русской освободительной армии, возглавляемой генералом А. А. Власовым — «Заря», «Доброволец», «Боевой путь». Их основной тезис — возможность реставрации в России монархического режима под покровительством Германии. Главный редактор изданий Милетий Зыков, будучи пропагандистом и журналистом (в СССР работал в ТАСС, в газете «Социалистическое земледелие»), играл на патриотизме русских эмигрантов, взывая к их национальному самосознанию. Для этой цели он привлекал к изданию газет идейных сотрудников, которые разделяли прогерманские настроения и были готовы всячески способствовать победе Гитлера в войне с СССР. Например, в газете «Боевой путь» в передовой статье «Все на борьбу против большевизма, за свободную Родину!» находим такое воззвание к соотечественникам: «Обращение Русского Комитета, подписанное генерал-лейтенантом Власовым, со всей ясностью открыло перед нами путь, на который должен встать каждый русский человек. Четверть века над Русским народом черная туча большевистского гнета, большевистского насилия. Русский народ боролся против этого гнета и терпел поражение в кровавой борьбе. Миллионы людей погибли в застенках ЧК и НКВД... Миллионы людей и сейчас томятся в тюрьмах и лагерях²» [10, 1].

В наиболее влиятельном и широко распространяемом (тираж — более 7000 экз.) коллаборационистском печатном издании «Новое слово» (Берлин) уже 23 июня 1941 г. в экстренном выпуске под «шапкой» «Крестовый поход против большевизма» была опубликована речь Гитлера о начале военных действий на территории СССР. А в статье «Борьба с Дьяволом» редактор издания Владимир Деспотули пылко приветствовал начало войны: «Наконец,

тем ханжам и кликушам, которые станут говорить о том, что объявленный Германией поход является походом против русского народа, походом на нашу родину, мы отвечаем, что для нас это прежде всего поход против кремлевской шайки поработителей нашего народа... Наше сердце может обливаться кровью перед теми испытаниями, которые выпали на долю многострадальных народов нашей родины, но мы твердо должны знать, что победа Германии означает уничтожение коммунистической безбожной власти» [11, 2].

«Новое слово» отличалось от других газет уровнем литературного мастерства. Ее авторами, начиная с 1933 г. и по 1944 г. были Илья Сургучёв, Иван Шмелев, Владимир Ильин, Владимир Кадашев, Борис Солоневич, Георгий Немирович-Данченко, Валентин Горянский, Всеволод Блюменталь-Тамарин и др. Поэтому и сила убеждающего воздействия публицистического творчества была велика. Тема национального самоопределения и национальной идентичности являлась в газете одной из самых заметных. В статье «О Родине и большевизме» поэта и прозаика Бориса Филлистинского она представлена особенно выразительно: «Душа нации, душа народа — в национальном сознании. В сознании своего национального единства, национального призвания, национального предназначения. А эта вера в национальное призвание и национальное единство не может опираться на учение о борьбе классов, на человеконенавистнические установки советской системы с ее натравливанием одной группы населения на другую». Автор обращает внимание на необходимость объединения всех русских людей ради освобождения родины, несмотря на отдельные разногласия: «Не кончатся тяжелые часы нашего сегодня до той поры, пока мы не осознаем... своего национального духовного единства и национального духовного предназначения... Духовная бодрость, душевное спокойствие — и мы снова обретем наше утраченное национальное единство и нашу родину» [12, 2].

Литератор Дмитрий Рудин пишет в статье «Лжецы»: «Русские люди помнят, с какой изуверской систематичностью разрушали большевики произведения старого русского зодчества в Москве и других городах. Русские люди помнят, как уничтожили большевики... памятники великим русским патриотам... В разгроме большевиками старой национальной культуры, в осквернении ими русских национальных святынь лежала злая воля, стремившаяся искоренить в массах их национальное право гордиться славными традициями прошлого» [13, 1].

Не менее страстно поддержали нападение Германии на Советский Союз многие эмигрантские казачьи объединения. 22 июня 1941 г. в Праге было создано Казачье национально-освободительное движение (КНОД), руководитель которого В. Г. Глазков в тот же день направил Гитлеру, Герингу, Риббентропу и Ней-

² Пунктуация и орфография авторов в цитируемых публикациях сохранены.

рату телеграмму следующего содержания: «Мы, казаки, отдаем себя и все наши силы в распоряжение фюрера для борьбы против нашего общего врага. Мы верим, что победоносная германская армия обеспечит нам восстановление казачьей государственности, которая будет верным сочленом держав Пакта Трех». Текст телеграммы был опубликован в печатном органе КНОД — газете «Казачий вестник» [14, 1].

Для казаков под руководством немецкого командования издавались и другие СМИ — газеты «Казачий клич», «Казачий клинок», журнал «На казачьем посту». Их идеологом был бывший царский генерал, бывший атаман Всевеликого войска Донского Петр Краснов, который никогда не скрывал своей прогерманской позиции и еще будучи в России, в мае 1918 г. просил кайзера Вильгельма II оказать давление на советскую власть и признать отделение части территории Всевеликого войска Донского от России.

Неудивительно, что в казачьих периодических изданиях вопросы национальной идентичности и особого исторического пути казаков проходили красной нитью. «Казачество издавна было самым здоровым элементом России. На протяжении многих столетий оно гордилось своей историей, традициями, укладом и обычаями. Основой для развития казачьей жизни были положены: строгая военная и общественная дисциплина, казачье самосознание, солидарность и социальная справедливость... Все эти особенности жизни казачества были неприемлемы для большевизма и его идеологии. Казачество было объявлено опасным и вредным элементом для СССР», — пишет «Казачий клинок» [15, 3].

В пражском «Морском журнале» в июле 1941 г. читаем: «Борьба немецкого народа с коммунистическим Интернационалом, начатая 22 июня, продолжается. На русских полях льется кровь немецких офицеров и солдат за освобождение русского народа от ига большевизма... Волей Божией и распоряжением Вождя и Канцлера Адольфа Гитлера нам, русским эмигрантам, 20 лет жившим за рубежом своей Родины мыслью об освобождении России от красной нечисти своими руками, этого счастья пока не дано» [16, 4].

Не менее красноречиво, но уже с взывая к исторической памяти и национальной идентичности обращался к своей аудитории «Парижский вестник». В статье одного из постоянных авторов издания Николая Давиденкова (бывшего узника НКВД) советский режим противопоставляется русскому национальному духу: «Кто говорит о русских, как о большевиках, нужно неустанно втолковывать, что не было более страшного врага у большевиков в России, чем все русское... И грандиозное разрушение московских исторических ценностей есть та же самая борьба против России... Национальное правительство не стало бы прежде всего уничтожать национальных святынь... И только когда сами русские сбросят с кремлевских башен позорные звезды наших врагов, сможем

мы сказать: «Москва снова наша, умрем же под Москвой, как наши братья умирали». И эту родную Москву будем защищать от всех врагов до последнего вздоха» [17, 2]. В другом номере этой газеты находим прямой призыв соотечественников к борьбе против большевистской власти: «Всякий, в ком осталась крупница национальных чувств, — всякий, кому дороги и жалки те ничтожные остатки, которые остались от России после “работы” большевиков, всякий, кто хочет спасти эти остатки, должен бороться против большевиков, и вместе с теми, которые стремятся их уничтожить, какой ценой ни обошлось бы России уничтожение этого гнусного режима — цена никогда не будет слишком высока» [18, 5].

В газете «Воля народа» (Берлин) также подчеркивается необходимость противопоставления интернационального и национального: «Русский народ, как и другие народы России, и при большевизме остался способным, творческим народом, и при большевизме он создавал и строил; дорогой для себя ценной, но создавал ценности. Все это должно быть сохранено. Все же те государственные мероприятия большевизма, которые тот проводил во имя укрепления своей интернациональной власти, во имя закабаления народов России, во имя уничтожения их национальной самобытности и культуры, во имя мировой пролетарской революции — должны быть уничтожены» [19, 2–3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на широкомасштабную коллаборационистскую деятельность, многим представителям эмиграции, безоговорочно поддержавших фашистский режим Гитлера и оккупацию СССР Германией, вскоре стало ясно, что их антибольшевистские и рваншистские настроения нацистские пропагандистские структуры умело использовали в своих целях. Об этом остались многочисленные свидетельства в воспоминаниях русских эмигрантов первой волны. Так, к примеру, Антон Яремчук, белогвардеец, участник Первой мировой и Гражданской войн в России в своих воспоминаниях писал: «Можно было ожидать, что война примет форму крестового похода против мирового врага — коммунизма. В то время трудно было предвидеть, что Гитлер окажется настолько тупоумным и, согласно своей книге “Майн Кампф”, пойдет завоевывать Россию, чтобы превратить многострадальный русский народ в рабов “высшей расы”!» [20, 8].

Похожее свидетельство находим и другого участника Белого движения Юрия Фон Мейера: «Многие из русских были обмануты одной фразой в речи Гитлера... Он назвал начавшуюся войну крестовым походом против коммунизма с целью освобождения народов. Многие эмигранты серьезно поверили в то, что Германия идет против большевиков без своекорыстных целей, с желанием лишь восстановить им-

манентную справедливость» [21; 93].

Выбор эмигрантов-коллаборационистов, основанный на следовании своим национальным идеалам и национальной идентичности, предопределил их дальнейшую, нередко трагическую судьбу. Они не стали своими в странах, бывших для них порой лишь временным пристанищем. И остались чужими для своей исторической родины, которую многим из них так и не суждено было увидеть вновь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславская В. В. Формирование идентичности в полиэтничном образовательном пространстве: вызовы мультикультурализма и историческое сознание / В. В. Богуславская, Р. И. Хандожко // Вестник Донского государственного технического университета. — 2011. — Т. 11. — № 6 (57). — С. 901–910.
2. Богуславская В. В. Русскоязычный публичный дискурс за рубежом как инструмент национальной идентичности в глобальном мире / В. В. Богуславская, Р. И. Хандожко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2017. — № 14 (263). — С. 84–92.
3. Философия науки: словарь основных терминов. — Москва, 2004.
4. Туаева К. Г. Философские основы национальной идентичности / К. Г. Туаева // Вестник университета. — 2014. — № 8. — С. 287–292.
5. Новое Слово. — 1941. — № 41.
6. Полян П. М. Эмиграция: кто и когда в XX веке покинул Россию / П. М. Полян // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. — Москва, 2005.
7. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев. — Париж, 1971.
8. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. А. Ильин // Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М., 1996.
9. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 7. / И. А. Ильин. — Москва, 1997.
10. Боевой путь. — 1943. — № 47.
11. Новое слово. — 1941. — № 26.
12. Новое Слово. — 1943. — № 87.
13. Новое Слово. — 1944. — № 16.
14. Казачий вестник. — 1941. — № 1.
15. Казачий клинок. — 1943. — № 17.
16. Морской журнал. — 1941. — № 145.
17. Парижский вестник. — 1943. — № 67.
18. Парижский вестник. — 1942. — № 42.
19. Воля народа. — 1945. № 7.
20. Яремчук А. П. Моя последняя — четвертая — война / А. П. Яремчук // Мемуары власовцев / Сост. А. В. Окопников. — Москва, 2011.
21. Александров К. М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного русского корпуса / К. М. Александров // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 93.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ханова А. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики

E-mail: khanova@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Khanova A. G., Candidate of Philology, Associate Professor of the Public Relations and Media Policy

E-mail: khanova@yandex.ru

ЯЗЫК ЙЕМЕНСКИХ СЕТЕВЫХ СМИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

Абдулрахман Хасан Абдул Рахман Ба Харон

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 сентября 2020 г.

Аннотация: данная статья затрагивает некоторые проблемы изучения языка онлайн-версий ведущих СМИ Йемена, специфики медийных текстов в Сети. Рассмотрены изменения в языке интернет-коммуникаций и некоторые лингвокультурологические особенности медийного дискурса в йеменском секторе интернета. Сделаны выводы о причинах отставания национальных СМИ в эпоху «дигитального разрыва», вызванного глобализацией, экономическим кризисом и гражданской войной.

Ключевые слова: интернет, медийный текст, Йемен, арабский язык, заимствования, термины, метафоры, либерализация языка блогеров.

Abstract: the article deals with some aspects of studying the network language in Yemen online mass media. The changes in the network language and cultural peculiarities of media discourse in Arab Internet are scrutinized. The conclusions are drawn about factors of national media lagging behind in “digital gap” situation aggravated by economic crisis and civil war.

Keywords: internet, media text, Yemen, Arab language, mass media, borrowings, terms, metaphors, bloggers’ language liberalization.

Язык массовых коммуникаций (МК) в наше время становится эталоном для каждодневного общения, языком национального и международного обмена информацией. Изучением языка СМИ, как известно, занимается сравнительно новая наука — медиалингвистика (МЛ), которой близки идеи медиакоммуникативистики, теории массмедиа и теории журналистики. Йеменские массовые коммуникации все больше опираются на язык интернета, на сетевые ресурсы. При анализе лингвокультурологических аспектов деятельности работников СМИ и при изучении взаимодействия журналистов с интернет-коммуникациями важно знать традиции национально-региональной медиакультуры и тенденции культурного развития отдельного реципиента и аудитории в целом.

Отставание Йемена в развитии новейших технологий — один из примеров «дигитального разрыва», наблюдаемого в мире. Страны «Севера» планеты опережают «Юг» в работе с цифровыми технологиями, что ведет, в частности, к продолжению языковой экспансии Запада. Наши ученые постоянно подчеркивают связь МК и языковой ситуации с традиционным укладом и способом коммуникации, соотносении культуры с экономикой и политикой, а также связь сетевой публицистики с историческим развитием социокультурного пространства наций и регионов.

Литературный арабский язык тесно связан с многовековой арабо-мусульманской культурной традицией. Сегодня языковая ситуация в арабском мире

характеризуется функционированием двух основных форм языка: а) эталон арабского литературного языка, восходящего к классическому канону; б) эталон арабских диалектов (или арабских диалектных языков, региональных модификаций), которые специфичны для разных стран или некоторых регионов и представляют собой основное средство устного общения, используемое в быту, в устных формах искусства, в то время как официальный эталон «обязателен в передачах радио, телевидения и в художественных произведениях» [1; 2]. О специфике йеменской лингвокультурологической эволюции писал теоретик СМИ Абдалла Аз-Зейн в книге «Йемен и его средства информации в эпоху транзита». По его словам, главная особенность йеменских СМИ — их «ориентация на арабские ценности, многие йеменские журналисты стали лидерами культурной революции» [3, 65]. Российские авторы также подчеркивали связь арабской публицистики с литературой, с многовековой арабо-мусульманской культурной традицией [4, 140]. Конечно, иностранные языки, изучаемые в школах и вузах страны, особенно английский и французский, не запрещены в СМИ, в Сети есть иностранные версии газет «Йемен таймс», «Йемен обсервер», «Шабаб Йемени» и др.

Интересно охарактеризовать специфику йеменской сетевой коммуникации, журналистского интернет-дискурса на материале интернет-версий газет и журналов, которые имеют онлайн-версии: «Аль Тахир», «Ас-Саура», «14 октября», «Аль-Айям», «Аль-Йеман аль-Джадид», «Йемен таймс», «Аль Хавиа» и др., отличающиеся использованием арабского ли-

тературного языка.

Сегодня в Йемене количество новостных сайтов в 2018 г. превысило число 350, появилось огромное количество журналов, телепередач на арабском языке [5, 99]. В сетевой МК баланс языкового многообразия соблюдается без всякого вмешательства властей. Политическая цензура сохраняется, лингвокультурологическая — нет. В период цифровой революции в Сети и материалах блогеров остаются наиболее приоритетными такие формы коммуникации, как электронная почта, контакт в Фейсбуке (ФБ), обмен мнениями в Твиттере, электронная доска, чаты, форумы и т.д.

Наиболее популярны в отношении точности фактов такие порталы, как *Al-Tajeer Net*, *Ma'rib Press*, *Al-Masdar Online*, *BaraqishNet*. Активен в Сети сайт *Al-Jazeera Net*, работающий на корпорацию и телеканал «Аль-Джазира». Национальные сайты Йемена в наши дни нередко стараются быть вне политики, так как борьба партий и сил влияния не закончилась и неясно, какую политическую ориентацию выбрать. Как правило, такой страх за свое будущее выдается за объективность.

Особенно популярен у грамотных слоев населения и молодежи *BaraqishNet*, йеменский новостной веб-сайт, созданный 20 мая 2009 г. в дни празднования очередной годовщины создания единой Республики Йемен. Его базовой целью является передача информации службы новостей, ориентированной на рядовых граждан, на «улицу» маленького города. Такие гиперлокальные СМИ стали важнейшей частью массмедиа Йемена совсем недавно, они отражают действительность со всеми ее различными сторонами, что положительно воспринимается самыми разными группами потребителей, так как соответствуют интересам массового гражданского общества. Сайт *BaraqishNet* редко отслеживает события, происходящие на международной арене и в крупных городах Йемена, но реакция на международные новости в Сети всегда есть. Работа этого сайта, проводимая в рамках строгой достоверности и языковой цензуры, может быть символом качественной журналистики в Сети. Главный редактор сайта Мустафа Абдулла подвергался репрессиям со стороны хуситов, которые требовали сделать сайт их рупором. При этом лидер хуситов Ахмед Хамед требовал допустить политическую цензуру [6].

Чем характеризуется эволюция языковой ситуации в электронных СМИ Йемена в последнее десятилетие? Что принесла медийная глобализация в сетевые СМИ? Во-первых, в стране фактически все граждане, находясь в школе и на производстве, говорят на литературном арабском языке, хотя в устной речи, в быту разговорный стиль, просторечия и диалектные особенности речи сохраняются. Основной чертой арабского интернета считается появление множества новых слов и выражений, связанных

с НТР и сетевой революцией. Обилие неологизмов дает о себе знать особенно ярко в периодической печати, не осталась в стороне и сетевая коммуникация. Молодежь поддерживает моду на новые слова, реклама охотно идет навстречу запросам рынка, но традиция не одобряет западные влияния. Толерантность по отношению к просторечиям, которая сближает йеменский интернет-сектор с другими странами Ближнего Востока, с культурой Сирии, Ливана и Иордании, не означает упрощения классического варианта арабского языка.

Журналисты особенно часто используют новые термины, связанные с технологиями: *Wi-Fi*, *хостинг*, *Security vulnerabilities*, провайдер и др. Часто в арабских газетах используют слова, получившие широкое распространение в эпоху транснациональной торговли: *шоп-тур*, *маркетинг*, *брокер*, *органайзер*, *бизнесмен*, *ритейл* и т.п. Английские слова типа *busy*, *businessman* легко понимаются грамотными людьми. Огромное воздействие на язык сетевых СМИ оказывает мода на ключевые слова коммуникативных процессов (*фейк*, *геймер*), аббревиатуры (*CVE-2003-1582*, *CVE-2009-2521*, *CVE-2008-1446* и т.п.). В блогах журналистов Йемена, в языке дипломатии, делового общения, в языке медицины немало заимствований из европейских языков.

Одним из признаков наличия жесткой этической нормы в арабоязычной Сети является меньшая, по сравнению с Западом и Россией, распространенность в чатах нецензурной брани, наличие жестких религиозных запретов в отношении порнографии, клеветы. Моральная и политическая цензура нередко прибегает к прямым запретам того, что на Западе не запрещено. Более того, официальные органы порой прибегают к преследованию инакомыслящих, к репрессиям, что не вызывает одобрения в обществе. Журналисты Йемена в годы нового конфликта Севера и Юга страны, который обострился после «арабской весны» 2011–2013 гг., выступали и сегодня выступают за отмену цензуры, за демократизацию сферы массовых коммуникаций, что в условиях нестабильности нелегко реализовать. *В условиях ожесточенных конфликтов стала привычной сдержанность официальных сетевых СМИ*. Нельзя не упомянуть влияние ислама и языка Корана на СМИ: сетевые МК сохраняют стиль декоративного письма и образность, метафоры мусульманской религии, повторы ритуальных приветствий, иносказательность нарратива и т.п.

Показателем активности блогеров в йеменском секторе Сети может служить факт активного обсуждения военного столкновения правительственных войск с боевиками из племени хуситов. Когда в 2014 г. хуситы захватили Сану, они взяли под свой контроль деятельность корпорации *ISP YemenNet*, причем лидер хуситов Ахмед Хамед требовал наказания нелояльных журналистов. В годы войны интернет-комму-

никации почти не развивались. Например, йеменский журналист Абдул Хамид Шарван объяснил причину прерывания обслуживания потребителей Сети слабой инфраструктурой интернет-сектора в Йемене в течение десятилетий, а также пренебрежением властей, со времен бывшего президента Али Абдуллы Салеха. Йеменская международная телекоммуникационная компания *TeleYemen*, как писал Абдул Хамид Шарван, в 2013 г. заявила, что «более 80 процентов международной емкости для интернет-услуг было отключено в результате обрыва международного подводного кабеля «Сокол» в Красном море. Скорость интернета в Йемене недавно достигла около 8 МБ в некоторых крупных городах, в то время как в соседних странах, включая Сомали, Судан и Джибути, услуга улучшилась до 20 МБ» [7, 82], что говорит о большом отставании страны в сфере интернет-услуг даже по сравнению со странами Африки. Это обстоятельство тем не менее не говорит о бедности языка онлайн-изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трабелси Хайфа. Лингвокоммуникативный анализ

*Воронежский государственный университет
Абдулрахман Хасан Абдул Рахман Ба Харон, аспирант
факультета журналистики
E-mail: khorolbox@mail.ru*

дипломатического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Трабелси Хайфа. — Москва, 2013.

2. Шарбатова А. Литературный язык и диалекты в арабской художественной литературе / А. Шарбатова // Народы Азии и Африки. — 1982. — № 2.

3. Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. В. Смирнов. — Москва, 2001.

4. Хорольский В. В. Язык сетевых медиакommunikаций: культурный шок и нотка оптимизма / В. В. Хорольский // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. — Краснодар, 2015. — С. 140–146.

5. Абу Талеб Х. Х. А. Развитие СМИ Йемена в условиях диалога культур Севера и Юга планеты / Х. Х. А. Абу Талеб // Коммуникация в современном мире. — Воронеж: ВГУ, 2013. — С. 98–104.

6. Хасан бин Али ан-Наджи. Цензура возвращается. — URL: <http://www.lahaonline.com/articleshtm.1138> (дата обращения 10.10.2020).

7. Al-Hidr Husein Muhammad. Dirasat fil-Arabia watarihiha / Al-Hidr Husein Muhammad. Beirut, 2017.

*Voronezh state University
Abdurahman Hasan Abdul Rahman BA Haron, Postgraduate
Student of Faculty of Journalism
E-mail: khorolbox@mail.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.